

СОДЕРЖАНИЕ

I Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Гуманитарные проблемы военного дела» (Новосибирск, 14 ноября 2014 г.)	9
<i>Секция «Военная политика, экономика и право»</i>	
<i>Бикбаев В.М.</i> Современные военно-политические концепции США	12
<i>Дубынина Т.В.</i> Гражданско-правовая составляющая военного права	14
<i>Дудкин Т.А.</i> Мятежевойна: трансформация войны.....	18
<i>Жумабек Ы.Ж.</i> Проблемы восприятия и оценки роли миротворческих сил в мировом сообществе	19
<i>Ичитовкин С.С.</i> Особенности правового нигилизма военнослужащих внутренних войск МВД России и деструктивные факторы, влияющие на их правовое сознание	22
<i>Каргапольцева Е.А.</i> Проблемы российско-китайского сотрудничества в современном мире	26
<i>Комов Р.Г.</i> Проблемы развития аутсорсинга в Вооруженных Силах России и пути их решения	29
<i>Ксенофонтов В.А.</i> Военная политика и гражданское общество: аспекты взаимодействия.....	32
<i>Леонович А.Н.</i> Международные военно-экономические отношения: сущность и содержание	35
<i>Микрюков В.Ю.</i> Величайший и основной военный закон	38
<i>Мишарина Т.А., Проценко О.Н.</i> К вопросу о стратегии национальной безопасности Франции.....	41
<i>Пальцев А.И.</i> Гуманитарные аспекты войны в контексте событий на Украине	43
<i>Пепеляев А.В.</i> Защита жертв немеждународных вооруженных конфликтов.....	46
<i>Померлян. А.Н.</i> Режим особого положения как разновидность специального правового режима в правовом регулировании вооруженных конфликтов.....	51
<i>Степанов С.А.</i> Актуальные проблемы совершенствования процессуального законодательства в сфере проведения неотложных следственных действий органами дознания воинских частей внутренних войск	54
<i>Тихонович Н.С., Леонович А.Н.</i> Экспорт вооружения и военной техники: современные тенденции конфликтов.....	56
<i>Франк Д.А.</i> Военно-политическое сотрудничество Казахстана и России: новые реалии	61
<i>Цирулис К.Н.</i> Актуальные проблемы реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации	63
<i>Секция «Философские проблемы военного дела»</i>	
<i>Балабушевич В.Ю.</i> Ситуация выбора в профессиональной деятельности офицера (философский аспект).....	66
<i>Бойко В.А.</i> Война как концепт и как метафора в творчестве Фридриха Ницше	70
<i>Гурский А.И., Лихоманов И.В.</i> Экзистенциальная дилемма военного сознания	76
<i>Друганова М.С.</i> Морально-этические проблемы восприятия россиянами трагических событий на Украине	80
<i>Друганова М.С., Свиначук С.В.</i> Управление сознанием человека: влияние выпусков новостей на формирование мнения (на примере событий в Новороссии).....	81
<i>Карпиленя Н.В.</i> Мировоззренческие аспекты цивилизационной и геополитической безопасности союзного государства	82
<i>Клименко М.Р.</i> Феномен смерти и военное дело.....	86
<i>Лопуха Т.Л.</i> Воинская деятельность и проблема формирования смысла жизни у курсантов военных вузов.....	88
<i>Пепеляев А.В. И.А. Ильин и В.С. Соловьев о войне и армии</i>	93
<i>Чмыхун И.Н.</i> Проблемное поле исследования нетрадиционной войны.....	96
<i>Секция «Военная история и культура»</i>	
<i>Авдеев В.В., Бояренко В.Г., Глемба Л.В.</i> Военная разведка нацистской Германии в боевых действиях против Советского Союза в первые годы Великой Отечественной войны	99
<i>Ананьина Е.В.</i> Отражение морально-этических ценностей традиционной военной культуры в китайской фразеологии.....	105
<i>Бочаров В.А., Свиридов С.О.</i> К вопросу о значении Куликовской битвы для развития военного дела.....	107
<i>Бринюк Н.Ю.</i> К вопросу о социокультурном облике кадрового офицера императорской армии (начало XX в.).....	110

<i>Грошева Л.И., Асси С.А.</i> Проблемы формирования культурных взаимосвязей в условиях военного положения (на примере Палестины)	111
<i>Исупов В.А.</i> Мобилизация людских ресурсов Западной Сибири на защиту Родины в годы Великой Отечественной войны: конфликт интересов.....	114
<i>Каменецкий И.П.</i> «Разбор» служилых людей в Кузнецке в 1681 г.: к характеристике Сибирского войска в XVII в.	118
<i>Козодой В.И.</i> Гучков Александр Иванович – от рядового до военного министра	121
<i>Косыгина С.В.</i> Беженство в Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914-1920 гг.)	125
<i>Купцов А.В.</i> К вопросу о применении артиллерией вооруженных сил Украины зажигательных боеприпасов	128
<i>Литовченко В.А.</i> Организация военной разведки в годы русско-японской войны (1904-1905).....	131
<i>Пиков Г.Г.</i> Ордо-гвардия «живота и сердца». Из истории военного дела Киданьской империи Ляо (907-1125).....	134
<i>Стрельников В.А.</i> Духовно-нравственное воспитание как главное направление гуманитарного образования в военно-учебных заведениях России во второй половине XIX – начале XX в.	138
<i>Туманик Е.Н.</i> Домашнее военное образование в русской дворянской семье в начале XIX века (на примере семейства Н.Н. Муравьева).....	141
<i>Улизко П.В.</i> Образ врага в советском плакате в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	144
<i>Шиловский М.В.</i> Офицеры военного времени в запасных частях сибирских военных округов во время первой мировой войны 1914-1918 гг.	147
<i>Юрчик А.Л.</i> Системные факторы подготовки молодежи к военной службе	151
<i>Секция «Военная социология, педагогика и психология»</i>	
<i>Анисимова М.Н.</i> Гуманистическая стратегия в военном образовании.....	154
<i>Балабушевич В.Ю., Гурский А.И.</i> К вопросу о религиозно-педагогической подготовке офицера.....	155
<i>Вороженко В.И.</i> Организация правового обучения и воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации	159
<i>Герш Б.Г.</i> Социально-психологические аспекты аддиктивного поведения	161
<i>Грошева Л.И.</i> Сопrotивляемость инновационным преобразованиям в военной образовательной системе	165
<i>Дорошенко Е.В.</i> Гуманитарный аспект военно-профессиональной подготовки курсантов в процессе обучения в военном институте внутренних войск МВД России	168
<i>Изонов В.В.</i> К вопросу о военно-исторических знаниях, как средстве гуманизации военного образования в современных условиях	171
<i>Иньшин Ю.Ю., А.П. Перистый А.П.</i> Инновационно-образовательная деятельность в военном вузе: методологический аспект	173
<i>Кокоулин В.Г., Михалин В.А.</i> Отечественная история и воспитание патриотизма.....	175
<i>Колесников В.Ю.</i> Роль психофизической подготовки в формировании состояния готовности военнослужащих к действиям в экстремальных условиях	178
<i>Конопацкий А.К.</i> Между идеалом и реальностью	181
<i>Копылов А.А.</i> Гуманизация и гуманитаризация образовательного процесса в военно-учебных заведениях МВД РФ.....	184
<i>Котов А.М., Климов В.Г.</i> Совершенствование правового воспитания курсантов в образовательном процессе вузов Внутренних войск МВД России.....	186
<i>Лагошина В.В., Шпехт М.В.</i> Проблема девиантного поведения в военной педагогике	189
<i>Лопуха А.Д., Холодных А.А.</i> Воспитание в современной России: состояние, проблемы и перспективы.....	192
<i>Мардахаев Л.В.</i> Формирование основ гуманитарной культуры будущего офицера	197
<i>Марков А.М.</i> Характеристика процесса управления эмоционально-волевым обеспечением военнослужащих внутренних войск МВД России.....	201
<i>Норин Н.Е.</i> Физиологические и биохимические аспекты физической подготовки военнослужащих	203
<i>Разгонов В.Л.</i> Педагогический аспект формирования оборонного сознания.....	205
<i>Роппель Л.М.</i> Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранному языку в военном вузе	208
<i>Самарец А.В.</i> Структура коллектива курсантов как фактор военно-профессионального самоопределения	211

<i>Сливкин А.Н.</i> Патриотическое воспитание курсантов как фактор укрепления национальной безопасности	215
<i>Смирнов Н.П.</i> Роль учебной дисциплины «Медицинское обеспечение» в формировании компетенций в области международного гуманитарного права	217
<i>Снигирёв А.Л., Хомяков И.Д.</i> Психолого-педагогические аспекты профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск.....	220
<i>Собольников В.В.</i> Деструктивные процессы (концепт, сущность) и механизмы трансформации сознания в информационно-психологическом противоборстве	223
<i>Сорокин М.Н.</i> Роль библиотек в образовательной среде военного вуза	226
<i>Султанбеков Т.И., Беловолов В.А.</i> Моделирование процесса формирования межэтнической толерантности курсантов	228
<i>Суховецкая Е.Ю.</i> Учебное моделирование как фактор мотивации курсантов к военно-профессиональной деятельности	231
<i>Тирон Л.И.</i> Гуманитарное образование и военное дело	233
<i>Шабанов А.Г., Шорохова Т.И.</i> Современные технологии в патриотическом воспитании молодежи.....	234
<i>Шадрин В.А.</i> Готовность будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих как психолого-педагогическое явление	237
<i>Шитик В.Ф., Ильиных С.Н.</i> Физическая подготовка как средство воспитания морально-волевых качеств военнослужащих внутренних войск МВД России	240
Сведения об авторах.....	244
От редакционной коллегии.....	248

CONTENTS

I Russian scientific and practical conference (with the international participation) «Humanitarian problems of military science» (Novosibirsk, November 14, 2014).....	9
<i>Section «Military policy, economy and right»</i>	
<i>Bikbayev V.M.</i> Modern military-political concepts of the USA	12
<i>Dubynina T.V.</i> Civil component of a military law.....	14
<i>Dudkin T.A.</i> Rebellionwar: transformation of war	18
<i>Zhumabek Y.Zh.</i> Problems of perception and assessment of a role peacekeeping forces in the world community ..	19
<i>Ichitovkin S.S.</i> Features of legal nihilism of military personnel of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the destructive factors influencing on their legal consciousness.....	22
<i>Kargapolitseva E.A.</i> Problems of Russian-Chinese cooperation in the modern world	26
<i>Komov R.G.</i> Problems of development of outsourcing in Armed Forces of Russia and ways of their decision.....	29
<i>Ksenofontov V.A.</i> Military policy and civil society: aspects of interaction	32
<i>Leonovich A.N.</i> International military-economic relations: essence and contents.....	35
<i>Mikryukov V.Yu.</i> The greatest and main military law	38
<i>Misharina T.A., Protsenko O.N.</i> To a question of strategy of national security of France.....	41
<i>Paltsev A.I.</i> Humanitarian aspects of war in a context events in Ukraine	43
<i>Pepelyaev A.V.</i> Protection of the victims of not international armed conflicts	46
<i>Pomerlyan. A.N.</i> The regime of extraordinary situation as a kind of a special legal regime in legal regulation of armed conflicts.....	51
<i>Stepanov S.A.</i> Actual problems of improvement of the procedural legislation in the sphere of carrying out the urgent investigative actions of inquiry by military units of internal troops	54
<i>Tikhonovich N.S., Leonovich A.N.</i> Export of arms and military technicians: current trends of the conflicts.....	56
<i>Franc D.A.</i> Military-political cooperation of Kazakhstan and Russia: new realities	61
<i>Tsirulis K.N.</i> Actual problems of reforming of Armed Forces of the Russian Federation	63
<i>Section «Philosophical problems of military science»</i>	
<i>Balabushevich V.Yu.</i> The situation of a choice in the professional activity of the officer (philosophical aspect)	66
<i>Boiko V.A.</i> War as a concept and as a metaphor in works by Friedrich Nietzsche.....	70
<i>Gursky A.I., Likhomanov I.V.</i> Existential dilemma of military consciousness.....	76
<i>Druganova M.S.</i> Moral and ethical problems of perception by Russians of tragic events in Ukraine	80
<i>Druganova M.S., Svinarchuk S.V.</i> Management of consciousness of the person: influence of a news on formation of opinion (on the example of events in Novorossiya).....	81
<i>Karpilenya N.V.</i> World outlook aspects of civilization and geopolitical safety of union state	82
<i>Klimenko M.R.</i> Fenomen of death and military science	86
<i>Lopukha T.L.</i> Military activity and problem of formation for meaning of life by cadets of military higher education institutions.....	88
<i>Pepelyaev A.V. I.A. Ilyin and V.S. Solovyov</i> about war and army	93
<i>Chmykhun I.N.</i> <i>Problem field of research of nonconventional war</i>	96
<i>Section «Military history and culture»</i>	
<i>Avdeev V.V., Boyarenko V.G., Glemba L.V.</i> Military investigation of Nazi Germany in military operations against Soviet Union in the first years of the Great Patriotic War	99
<i>Ananyina E.V.</i> Reflection of moral and ethical values traditional military culture in the Chinese phraseology	105
<i>Bocharov V.A., Sviridov S.O.</i> To the question of value of Kulikovskaya's fights for development of military science	107
<i>Brinyuk N.Yu.</i> To a question of sociocultural shape of the personnel officer of imperial army (beginning of the XX century)	110
<i>Grosheva L.I., Assi S.A.</i> Formation of problems for cultural interrelations in the conditions of the martial law (on the example of Palestine)	111
<i>Isupov V.A.</i> Mobilization of human resources of Western Siberia to protection f the Homeland in days of the Great Patriotic War: conflict of interests.....	114

<i>Kamenetsky I.P.</i> «Razbor» of the serving people in Kuznetsk in 1681: to the characteristic of the Siberian army in the XVII century	118
<i>Kozodoj V.I.</i> Guchkov Alexander Ivanovich – from the private of army to the Minister of War	121
<i>Kosygina S.V.</i> Fleeing in Western Siberia in days of the First World and Civil wars (1914-1920)	125
<i>Kuptsov A.V.</i> To the question of application of incendiary ammunition by artillery forces of Ukraine	128
<i>Litovchenko V.A.</i> Organization of military investigation in years of Russian-Japanese war (1904-1905)	131
<i>Pikov G.G.</i> Ordo-gvardiya for «stomach and heart». From the history of the military affairs of the Kidan empire of Liao (907-1125)	134
<i>Strelnikov V.A.</i> Spiritual and moral education as the main direction of arts education in military schools of Russia in the second half of XIX – the beginning of the XX century	138
<i>Tumanik E.N.</i> Home military education in the Russian noble family at the beginning of the XIX century (on the example of N.N. Muravyev's family)	141
<i>Ulizko P.V.</i> Image of the enemy in the Soviet poster in years of Great Patriotic War (1941-1945)	144
<i>Shilovsky M.V.</i> Officers of a wartime in spare parts of the Siberian military districts during the First world war (1914-1918)	147
<i>Yurchik A.L.</i> System factors of preparation of youth for the military service	151
<i>Section «Military sociology, pedagogics and psychology»</i>	
<i>Anisimova M.N.</i> Humanistic strategy in military education	154
<i>Balabushevich V.Yu., Gursky A.I.</i> To the question of the theological training of the officer	155
<i>Voroshchenko V.I.</i> Organization of legal training and education staff of Armed Forces of the Russian Federation	159
<i>Gersh B.G.</i> Social and psychological aspects of addiktiv behavior	161
<i>Grosheva L.I.</i> Resistance to innovative transformations in military educational system	165
<i>Doroshenko E.V.</i> Humanitarian aspect of military vocational training of cadets in process of training at military institute of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia	168
<i>Izonov V.V.</i> To the question of military and historical knowledge, as means of a humanization of military education in modern conditions	171
<i>Inshin Yu.Yu., Peristy A.P.</i> Innovativ-educational activity in military higher education institution: methodological aspect	173
<i>Kokoulin V.G., Mikhailin V.A.</i> National history and training of patriotism	175
<i>Kolesnikov V.Yu.</i> Role of psychophysical training in formation of the ready to actions of the military personnel in extreme conditions	178
<i>Konopatsky A.K.</i> Between an ideal and reality	181
<i>Kopylov A.A.</i> Humanization and humanitarization of the educational process in military schools of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	184
<i>Kotov A.M., Klimov V.G.</i> Improvement of the legal education of cadets in educational process of higher education institutions in Internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia	186
<i>Lagoshina V.V., Shpekht M.V.</i> Problem of deviant behavior in military pedagogics	189
<i>Lopukha A.D., Kholodny A.A.</i> Education in modern Russia: state, problems and prospects	192
<i>Mardakhayev L.V.</i> Formation of bases of humanitarian culture of future officer	197
<i>Markov A.M.</i> Characteristic of management process of emotional and strong-willed providing of military personnel of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia	201
<i>Norin N.E.</i> Physiological and biochemical aspects of physical training of the military personnel	203
<i>Razgonov V.L.</i> Pedagogical aspect of formation of defensive consciences	205
<i>Roppel L.M.</i> The professional focused approach in training of foreign language in military higher education institution	208
<i>Samarets A.V.</i> Structure of group of cadets as a factor of military and professional self-determination	211
<i>Slivkin A.N.</i> Patriotic education of cadets as a factor of strengthening of national security	215
<i>Smirnov N.P.</i> Role of a subject matter «Medical providing» in formation of competences of area for international humanitarian law	217
<i>Snigiryov A.L., Khomyakov I.D.</i> Psychology and pedagogical aspects of vocational training of future officers internal troops	220
<i>Sobolnikov V.V.</i> Destructive processes (concept, essence) and mechanisms of transformation of consciousness in information and psychological antagonism	223
<i>Sorokin M.N.</i> Role of libraries in the educational circle of the military of higher education institution	226

<i>Sultanbekov T.I., Belovolov V.A. Modeling of process of formation for the interethnic tolerances of cadets</i>	228
<i>Sukhovetskaya E.Yu. Educational modeling as motivation factor of cadets to military professional activity.....</i>	231
<i>Tyron L.I. Arts education and military science.....</i>	233
<i>Shabanov A.G., Shorokhova T.I. Modern technologies in patriotic education of youth.....</i>	234
<i>Shadrin V.A. Ready of future officer to patriotic education of the military personnel as psychology and pedagogical phenomenon</i>	237
<i>Shitik V.F., Ilinykh S.N. Physical culture as educational tool of moral and strong-willed qualities for military personnel of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia</i>	240
Author's index.....	244
From edition	248

**I ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
«ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА»
(НОВОСИБИРСК, 14 НОЯБРЯ 2014 г.)**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт);
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет;
Новосибирское региональное отделение Академии военных наук Российской Федерации.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Разгонов В.Л. – начальник Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник, председатель оргкомитета.

Свилин С.Ю. – начальник отдела (организации научной работы) Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), подполковник, заместитель председателя оргкомитета.

Гурский А.И. – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), заместитель председателя оргкомитета.

Диев В.С. – доктор философских наук, профессор, декан Философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, заместитель председателя оргкомитета.

Балабушевич В.Ю. – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (военного института).

Кокоулин В.Г. – доктор исторических наук, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Лопуха Т.Л. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (военного института).

Лихоманов И.В. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (военного института).

ПРЕЗИДИУМ КОНФЕРЕНЦИИ

Рогожкин Н.Е. – полномочный представитель Президента Российской Федерации по Сибирскому федеральному округу.

Колович А.А. – руководитель Сибирского территориального управления Федерального агентства научных организаций (ФАНО).

Разгонов В.Л. – начальник Новосибирского высшего военного командного училища (военного института), полковник.

Федорук М.П. – доктор физико-математических наук, профессор, ректор Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

Целищев В.В. – доктор философских наук, профессор, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Тихон (Емельянов Л.Г.) – митрополит Новосибирский и Бердский.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ

Оргкомитет конференции благодарит всех, откликнувшихся на приглашение принять участие в конференции в очной или заочной форме.

В сборнике материалов конференции опубликовано 77 докладов и статей 89 авторов.

Участники конференции представляют четыре страны (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Палестинская автономия); 5 городов Российской Федерации (Москва,

Санкт-Петербург, Новосибирск, Тюмень, Южно-Сахалинск), а также Минск (Республика Беларусь) и Павлодар (Республика Казахстан).

Среди участников конференции, любезно представивших свои материалы для публикации:

докторов наук – 13;

кандидатов наук – 29;

профессоров – 8;

доцентов – 27;

старших научных сотрудников – 3;

младших научных сотрудников – 1;

аспирантов, адъюнктов, соискателей, магистрантов – 12;

курсантов – 5

Активное участие в подготовке публикаций приняли российские и зарубежные вузы:

– Белорусский государственный университет, Республика Беларусь, г. Минск;

– Военная академия Республики Беларусь, Республика Беларусь – г. Минск;

– Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва;

– Инновационный Евразийский университет, Республика Казахстан, г. Павлодар;

– Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск;

– Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск;

– Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск;

– Новосибирский филиал Современной гуманитарной академии, г. Новосибирск;

– Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт), г. Новосибирск;

– Сибирская академия управления и массовых коммуникаций (институт), г. Новосибирск;

– Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС), г. Новосибирск;

– Сибирский институт международных отношений и регионоведения, г. Новосибирск;

– Сибирский независимый институт, г. Новосибирск;

– Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт) имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень.

Ряд публикаций принадлежит авторам, представляющим государственные научные и научно-исследовательские учреждения, общественные объединения:

– Академия военных наук Российской Федерации;

– Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск;

– Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск;

– Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва;

– Научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-западного региона Российской Федерации) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Санкт-Петербург;

– Российская академия естественных наук.

ОБРАЩЕНИЕ

**начальника Новосибирского высшего военного командного училища (военного института)
полковника В.Л. Разгонова к участникам конференции**

Уважаемые товарищи!

Для меня большая честь приветствовать всех участников данной конференции и открыть ее. Прежде всего потому, что небывало высок уровень соучредителей этой конференции и состав её участников.

В работе конференции принимают участие ученые, профессорско-преподавательский состав ведущих вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Тюмени, Республики Беларусь, Республики Казахстан, военнослужащие, представители Вооруженных Сил и других силовых структур Российской Федерации.

Тема конференции «Гуманитарные проблемы военного дела» весьма актуальна на сегодняшний день. По мнению ряда исследователей, военно-политическая обстановка в ближайшем обозримом будущем

будет складываться под воздействием набирающего силу сложного и противоречивого процесса глобализации международных политических и экономических отношений и характеризоваться высокой динамичностью, повышенной нестабильностью, ростом напряженности в целом ряде регионов, обострением существующих и возникновением новых кризисных ситуаций.

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера. Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект.

В XXI веке на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна остаться суверенной и влиятельной страной, уверенно развиваться, сохранить свою национальную и духовную идентичность.

Характеризуя современную ситуацию в мире, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Мы вновь скатываемся к тем временам, когда не баланс интересов и взаимных гарантий, а страх, баланс взаимоуничтожения удерживает страны от прямого столкновения. За неимением правовых и политических инструментов оружие возвращается в центр глобальной повестки, оно применяется где угодно и как угодно, без всяких санкций Совбеза ООН».

В связи с этим, по словам министра обороны Российской Федерации генерала армии С.К. Шойгу, в современных условиях важно иметь боеспособные Вооружённые Силы, формировать эффективные механизмы обеспечения международной безопасности.

Уверен, что наша конференция будет способствовать достижению этих целей, увеличению вклада учёных, профессорско-преподавательского состава военных и гражданских вузов в разработку путей реализации тех задач, которые поставлены перед Вооружёнными Силами Российской Федерации.

Желаю всем участникам конференции успешной работы, ярких выступлений, творческих дискуссий, плодотворного научного общения с коллегами!

УДК 327

В.М. Бикбаев

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

vadim bikbaev@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ США

Статья посвящена анализу основных положений военно-политических концепций США. Дается краткая характеристика политики США по «нераспространению» ядерного оружия и основных приоритетов руководства страны по вопросам обеспечения безопасности.

Ключевые слова: безопасность, концепция, приоритет, терроризм.

В условиях обострения межцивилизационных противоречий, формирования нового мирового порядка и возникающих на основе этого новых тенденций мирового развития особую актуальность приобретает рассмотрение ряда аспектов военно-политических концепций США.

В связи с этим особое внимание следует уделить анализу основных подходов США по вопросам обеспечения безопасности после известных событий 11 сентября 2001 года, когда администрация США объявила войну терроризму.

После серии террористических актов 11 сентября 2001 года в США высшее военно-политическое руководство разработало концепцию «транснациональной войны» (transnational war), согласно которой противодействие терроризму приобрело приоритетное значение. Наиболее вероятным сценарием использования вооруженных сил стал разгром вооруженных отрядов террористов.

В дальнейшем данная концепция претерпела некоторые изменения. В частности, под предлогом борьбы с вооруженными отрядами террористов, ликвидации сети террористических организаций «Аль-Каиды» в Афганистане и недопущения развития афганского сценария в других странах 13 ноября 2004 г. министерство обороны США провозгласило доктрину «боевых разведывательных операций» (fighting for intelligence). Доктриной предусматривалось уничтожение отрядов, тренировочных лагерей и предприятий по производству ОМП, средств связи, инструментов осуществления финансовых операций, коммуникационных систем, средств пропаганды и лидеров террористов.

Параллельно в США были переосмыслены концепции «неудавшихся государств» и «государствостроительства». Американские эксперты опасались, что «неудавшиеся государства» могут стать базой для деятельности террористических сетей. Возникли сценарии проведения интервенций в эти страны с целью помочь им создать «нормальную» (с точки зрения Америки) государственность.

Особое место стала занимать доктрина «смены режимов» (regime change). В частности, в послании Конгрессу 29 января 2002 г. президент США Дж. Буш заявил о наличии «оси зла» – стран, которые совершенствуют ракетные технологии, а 1 июня 2002 года, выступая в военной академии в Вест-Пойнте, он отметил, что Пентагон может наносить превентивные удары по этим странам в случае, если речь идет об опасности попадания ОМП и ракетных технологий в руки террористов.

«Стратегия национальной безопасности» 2002 г. разделила понятия «preemptive strike» [1] (упреждающие удары по изготовившемуся к агрессии противнику) и «preventive strike» [2] (превентивные удары по противнику, представляющему потенциальную угрозу).

В стратегических концепциях администрации США сменились и географические приоритеты. После Второй мировой войны в центре всех американских концепций безопасности находились Европа и Восточная Азия. С 2001 г. на приоритетные позиции выдвинулись Ближний Восток и Центральная Евразия – регионы, где, по мнению администрации Дж. Буша, базировались транснациональные террористические сети, производилась основная масса наркотиков, находились непризнанные ядерные державы и крупные запасы углеводородов. Европейским союзникам по НАТО стала отводиться роль «тылового обеспечения» американской стратегии в Евразии. В моду вошли публикации о «маргинализации Европы» в мировой политике и о нарастающем расхождении стратегических культур стран ЕС и США. Американские

эксперты заговорили о необходимости превращения НАТО в группировку, способную проецировать силу на всем пространстве от Турции до западных границ Индии и Китая.

После распада «глобальной антитеррористической коалиции» из-за войны в Ираке администрация Дж. Буша-мл. попыталась возродить ее единство с помощью проблематики борьбы с терроризмом и распространением ядерного оружия.

В начале 2004 г. США попытались модифицировать клинтоновскую стратегию контрраспространения в набор международных инициатив по разоружению «опасных» нарушителей и предотвращению попадания ОМП в руки террористических сетей. Американские исследовательские центры разработали проект международного кодекса поведения в области атомной энергетики.

Проект нового документа предполагал:

- переход с высокообогащенного урана на низкообогащенный;
- замену тяжеловодных реакторов на легководные;
- запрет на развитие технологий обогащения урана и выделения плутония «государствам-нарушителям» ДНЯО;
- введение международного моратория на поставки технологий ядерного топливного цикла странам, не овладевшим им до 1 января 2004 года;
- усиление полномочий Всемирной ядерной организации в сфере мониторинга за деятельностью ведущих поставщиков обогащенного урана.

Некоторые из этих положений были озвучены в программном выступлении Дж. Буша по проблемам контрраспространения 11 февраля 2004 г. и на VII Обзорной конференции по ДНЯО (май 2005). Однако другие державы не приняли американских предложений. Поэтому с середины 2005 г. Вашингтон взял курс на самостоятельную политику в сфере контрраспространения. Документы 2006 г. предусматривали пять вариантов проведения политики контрраспространения: «выкуп» ядерной программы у потенциально опасного государства, установление контроля над атомными объектами стран, вызывающих опасение [3], частичное признание ядерного статуса нарушителя в обмен на соблюдение им некоторых соглашений [4], силовые угрозы и принудительное разоружение «нарушителей» ДНЯО и воздействие на уранодобывающие компании и страны-поставщики уранового сырья [5].

В рамках новой политики контрраспространения США попытались усилить давление на Иран и КНДР. Американская дипломатия требовала свернуть под международным контролем иранскую программу обогащения урана и программу КНДР по выделению плутония из ядерного топлива. Большую озабоченность в Америке вызывал Пакистан, где с весны 2004 г. активизировались проникшие из Афганистана отряды талибов. В каждом из этих случаев американцы предпочитали действовать самостоятельно, допуская при необходимости использование военной силы. Поэтому новый подход не возродил глобальную антитеррористическую коалицию, а, напротив, усилил трения Вашингтона с другими ядерными державами.

Новый этап в развитии военно-политических концепций США начался во второй половине 2000-х годов. К этому времени в американском стратегическом планировании возродились концепции достижения победы в региональных конфликтах высокой степени интенсивности.

Одним из этапов возрождения концепции является дискуссия о переоценке роли «революции в военном деле» (revolution in military affairs), принятой в начале 1990-х годов [6, 7]. Непосредственным же поводом для ее дальнейшей разработки явились события в Южной Осетии в 2008 году. Эксперты размышляли над тем, почему оснащенная новейшим американским оружием грузинская армия потерпела поражение. Первоначально преобладала точка зрения, что российской армии «просто повезло». Однако в начале 2009 г. министр обороны США Роберт Гейтс отметил, что Россия применила «варварскую, но эффективную» стратегию подавления высокотехнологичных систем мощностью обычных вооружений. Его размышления оказались созвучными публикациям ряда американских экспертов о нарастающей зависимости вооруженных сил от телекоммуникационных систем. Возник запрос на разработку операций по защите центров управления и связи вооруженных сил.

Таким образом, мы видим, что военно-политические концепции США претерпели эволюцию.

Если в 1990-х годах США придерживались стратегии и доктрины упреждающих ударов, то с середины 2000-х годов и до настоящего времени оправданием политики США, направленной на расширение своего военного присутствия в различных регионах мира и применение силы, главным образом являются борьба с международным терроризмом, развитие ядерных и ракетных технологий (Иран, КНДР), а также возникновение локальных конфликтов.

Политика США направлена на осуществление геополитической экспансии и создание однополярного мира с главной целью – доступ к мировым ресурсам и осуществление контроля за их использованием.

В качестве универсального инструмента для реализации своих целей США и их союзники избрали противодействие с терроризмом и борьбу за права человека. В большей степени это проявилось после событий 11 сентября 2001 года. Ярким тому свидетельством является «антитеррористическая» политика США в Афганистане, события в Ливии, Сирии, Ираке, а в 2014 году и на Украине.

Библиографический список:

1. The Threat of Terrorism: U.S. Policy after September 11 // International Security. Vol. 26. No 3. (Winter 2001 / 02). P. 5-78.
2. National Strategy for Combating Terrorism. September 2006 (<http://www.fas.org/>).
3. Stephan D. Krasner, Carlos Pascual. Addressing State Failure // Foreign Affairs. Vol. 84. No 4. (July / August 2005). P. 153-163.
4. Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. Vol. 1. No 5. P. 61-73.
5. The National Security Strategy of the United States of America. September 2002 (<http://www.whitehouse.gov>).
6. Кейган Р. О рае и силе. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
7. Anatol Lieven. America Right or Wrong: An Anatomy of American Nationalism. Oxford: Oxford University Press, 2005.

УДК 35.073.5

Т.В. Дубынина

*Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
г. Москва*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЕННОГО ПРАВА

На основе анализа различных подходов к месту и роли военного права в правовой системе России, а также рассмотрения особенностей участия военных организаций и военнослужащих в гражданском обороте определена возможность межотраслевого (военно-правового и гражданско-правового) регулирования отношений в области обеспечения военной безопасности России. Автором выработаны направления решения проблемы межотраслевого (военно-правового и гражданско-правового) регулирования отношений в сфере обеспечения военной безопасности государства.

Ключевые слова: военная безопасность, система права, военное право, комплексная отрасль права, межотраслевой правовой институт, особенности гражданско-правового регулирования в области обеспечения военной безопасности государства.

В настоящее время на основе грамотно построенной правовой политики, при умелом использовании юридических средств, возможно осуществить наиболее цивилизованное и результативное формирование правового государства, построение гражданского общества, обеспечение национальных интересов, в том числе военной безопасности России. В 2009 и 2010 гг. Президентом России был утвержден ряд важных документов, регламентирующих обеспечение национальной безопасности, организацию обороны страны. В их числе Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1] и Военная доктрина Российской Федерации [2]. При этом впервые на доктринальном уровне установлено, что основными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность.

Так, в целях повышения качественного состояния Вооруженных Сил проводится работа по оснащению войск современным вооружением и техникой, строительству инфраструктуры для их эксплуатации, подготовки специалистов, создания необходимой учебно-материальной базы и фонда служебного жилья. В 2013 году Министерством обороны принята новая имущественная политика. Пересмотрены подходы к аутсорсингу [3]. В 2013 году на встрече с президентом России глава военного ведомства заявил, что наша страна должна иметь весь арсенал средств и возможностей, которые позволят стране ответить на любые вызовы. Для этого, по словам С.К. Шойгу, нужны эффективные Вооруженные силы, методы управления ими, современное вооружение, новая военная техника и качественно обученные кадры.

Правовое регулирование в области обеспечения военной безопасности осуществляется в основном военным правом, которое упорядочивает отношения военной деятельности государства, а также военно-служебные отношения. Однако деятельность военной организации государства по осуществлению возложенных на нее задач включает в себя широкий спектр отношений, урегулирование которых силами и средствами только военного права видится проблематичным.

Следовательно, на отрасль военного права возложена серьезная задача по урегулированию широкого круга правоотношений, упорядочение которых невозможно без привлечения средств других отраслей права, в частности, гражданского права. К таким правоотношениям, например, относятся как организация деятельности военной организации государства в условиях рыночных отношений, обеспечение и защита прав и свобод военнослужащих в мирное время, так и правовое сопровождение деятельности воинских формирований в военное время.

Для определения возможности применения гражданско-правовых норм к отношениям, складывающимся в области обеспечения военной безопасности России, рассмотрим различные научные подходы к понятию, месту и роли военного права в правовой системе РФ.

Военное право представляет собой систему установленных государством общеобязательных правовых норм, закрепляющих формы устройства и принципы функционирования военной организации государства и обеспечения его военной безопасности, регулирующих отношения в области строительства и комплектования Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их материально-технического обеспечения, жизни, быта, деятельности и определяющих порядок прохождения военной службы, а также статус (права, обязанности, ответственность) военнослужащих и других участников военных правоотношений.

Единого мнения среди теоретиков права о роли и месте военного права в правовой системе России нет. Многие авторы [4] сходятся во мнении о том, что отрасль военного права является комплексной, в которую наряду с нормами военного законодательства, регулирующими вопросы военной деятельности государства и военно-служебные отношения, входят нормы, относящиеся к другим (традиционным) отраслям законодательства: административному, гражданскому, финансовому, жилищному, земельному, уголовному праву и др.

Противники обозначенной позиции полагают, что данные высказывания основаны на смешении системы права с системой законодательства в целом либо с системой отдельных законодательных актов. Система права не складывается, не образуется из системы законодательных актов. Система права – социальная реальность, в которой юридически отражается структура регулируемых правом общественных отношений. Что же касается комплексных отраслей, то они суть не отрасли права, а произвольные (субъективно сформированные группы норм права, принадлежащие к отдельным отраслям системы права в целом либо к отдельным правовым институтам правовой системы) [5].

В отношении военного права существует и третья позиция, которая базируется на положении о том, что военное право можно разделить на две большие части. Существует некая часть собственно военного права, которая регулирует отношения в военной организации государства. Одновременно существует и другая его часть, которую составляют нормы и институты других отраслей права, имеющие так называемую «двойную прописку». В военном праве в силу специфики его предмета доля правовых норм, которые имеют как бы два адреса «прописки», весьма значительна [6].

Действительно, как относительно самостоятельная правовая отрасль, военное право обладает «уникальностью», которая выражается как в предмете правового регулирования, основу которого составляют воинские правоотношения, так и во властно-обязывающем характере метода данной отрасли. Участниками воинских правоотношений являются военнослужащие, т. е. лица, исполняющие обязанности, связанные с прохождением военной службы и военные организации, правовое положение которых определено Федеральным законом «Об обороне» [7], но при этом особенности их деятельности определены Гражданским кодексом России и рядом других федеральных нормативных правовых актов.

Метод правового регулирования военного права преимущественно императивный и направлен на обеспечение стабильности в военной организации государства и предсказуемости происходящих в ней процессов.

В пользу комплексности военного права свидетельствует наличие так называемых «приграничных зон», то есть регулирование одних и тех же вопросов различными отраслями права. Так, например, правовое регулирование жилищных отношений военнослужащих осуществляется как Федеральным законом «О статусе военнослужащих» [8], так и Жилищным кодексом [9]. Военное право тесно взаимодействует с уголовным и уголовно-исполнительным правом в вопросах уголовной ответственности

военнослужащих и исполнения в отношении их уголовных наказаний. Воинские отношения регулируются также рядом других отраслей, составляющих публичное право.

Таким образом, часто можно наблюдать отсутствие четкого разграничения военного права, предусматривающего ясный и исчерпывающий «раздел» территории, от других отраслей права. Такое положение объясняется тем, что регулирование широкого круга отношений в области обеспечения военной безопасности силами и средствами одной отрасли права в настоящее время практически невозможно в силу их разнородного характера.

Поставим вопрос: как же быть с правовым (юридическим) оформлением механизма правового регулирования отношений, фактически складывающихся в области обеспечения военной безопасности государства нормами не военного, а иных отраслей права.

Решение есть. Правовой институт рассматривается как группа норм, объективно сложившаяся внутри отрасли права. Правовые институты присутствуют в любой отрасли права, в военном праве такими институтами являются: институт военного положения, комплектования Вооруженных сил РФ, порядка прохождения военной службы.

Наряду с институтами, действующими в пределах отрасли права (внутриотраслевые), существуют также институты, включающие в себя нормы нескольких отраслей права (межотраслевые). В научной и учебной литературе их называют также смешанными институтами, или комплексными институтами. В качестве примера можно назвать институт государственного оборонного заказа.

Межотраслевые «пограничные» институты возникают как следствие тесного взаимодействия на определенном участке предметов регулирования смежных однородных отраслей права. В результате на границе указанных отраслей образуются зоны, регламентирующие единое, по существу, общественное отношение, обладающее, однако, определенными оттенками, модификациями, обусловленными спецификой той или иной отрасли.

В пользу существования межотраслевого правового регулирования отношений в области обеспечения военной безопасности свидетельствует наличие норм российского законодательства, которые тем или иным образом имеют отношение к гражданско-правовой деятельности субъектов военного права. К ним относится, в частности, Закон «Об обороне», который в ст. 1 устанавливает, что «имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на правах хозяйственного ведения или оперативного управления». Данный закон содержит и положение, согласно которому управления объединений, управления соединений и воинские части Вооруженных Сил РФ действуют в качестве юридических лиц в форме федерального казенного учреждения. При этом решение о создании в качестве юридического лица указанных организаций принимается министром обороны РФ. При этом Управления объединений, управления соединений и воинские части Вооруженных Сил РФ в качестве юридических лиц действуют на основании общих положений, утверждаемых министром обороны РФ.

Вызывает интерес рассмотрение таких аспектов межотраслевого (военно-правового и гражданско-правового) регулирования, как вопросы организации и порядка перевозок, поставки продукции, вооружения и военной техники для нужд обороны, договорной работы в военных организациях, правового режима имущества военных организаций, ответственности военных организаций и военнослужащих по гражданско-правовым обязательствам, защиты прав, чести, достоинства и деловой репутации военнослужащих, деятельности субъектов различных направлений военного сотрудничества, применения гражданского законодательства в сфере военного управления и др.

На сегодняшний день военные организации могут существовать в основном в следующих организационно-правовых формах: учреждение и предприятие. Федеральный закон № 83-ФЗ [10] конкретизировал типы учреждений. Так, учреждения могут быть трех типов: казенными, бюджетными и автономными. Бюджетным кодексом РФ определены виды деятельности военных организаций. Таковыми являются выполнение работ, оказания услуг (для казенных и автономных учреждений), а также исполнение государственных функций (данный вид деятельности осуществляют казенные учреждения наряду с выполнением работ и оказанием услуг) в целях обеспечения реализации предусмотренных законодательством РФ полномочий органов государственной власти в сфере обороны и обеспечения безопасности государства.

Военная организация может в соответствии с законодательством РФ выступать государственным заказчиком при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд. Согласно ч. 2 п. 3 ст. 50 Гражданского кодекса [11] РФ любое учреждение (в том числе военное) как некоммерческая организация имеет право осуществлять предпринимательскую деятельность, поскольку это служит достижению целей, ради которых оно создано. В соответствии с ч. 2

ст. 298 Гражданского кодекса РФ учреждение имеет возможность осуществлять приносящую доходы деятельность, если такое право предоставлено ему учредительными документами. Военнослужащий же, являясь членом общества, на котором лежит первоочередная обязанность по вооруженной защите Отечества, представляет собой особый субъект правоотношений. Однако в силу своего специального статуса осуществление и защита ряда гражданских прав военнослужащего подлежит специальному правовому регулированию. Так, Федеральный закон от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [12] содержит положения о правах военнослужащих в области жилищных отношений, охраны здоровья, образования, свободы передвижения и выбора места жительства.

Определяя контуры обозначенной проблемы, необходимо выработать направления ее решения, которые могут вытекать из нижеприведенных тезисов:

1. На сегодняшний день в правовой науке не существует единого мнения о месте военного права в правовой системе России, и, следовательно, необходимо выработать общие принципы построения и функционирования военного права как самостоятельного элемента в отечественной системе права.

2. Однако в существующей системе российского права действует фрагментарный и бессистемный механизм правового регулирования особенностей участия военных организаций и военнослужащих в гражданских правоотношениях, что в немалой степени обусловлено отсутствием в современной правовой науке комплексных и непротиворечивых исследований и концептуальных разработок по проблеме гражданско-правового регулирования перечисленных субъектов в имущественном обороте.

3. Тридцатилетняя история существования научной специальности 20.02.03. «Военное право. Военные проблемы международного права» свидетельствует о ее востребованности для юридической, военной науки и практики, для целей законодательной, нормотворческой и учебно-методической деятельности в России. Вместе с тем за последние годы наметилась объективная тенденция к расширению сферы предмета исследований в области военного права. В этой связи представляется назревшим вопрос расширения научной специальности 20.02.03 за счет расширения и конкретизации раздела «Военные аспекты гражданского права». Такой шаг открыл бы новые актуальные направления научных исследований в области межотраслевого регулирования норм военного права и гражданского права в соответствии с современными угрозами и вызовами безопасности, с которыми приходится сталкиваться военной организации государства, а также уровнем развития общественных и экономических отношений на современном этапе.

Библиографический список:

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 18.05.2009, № 20, ст. 2444.
2. Указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 7. Ст. 724.
3. Официальный сайт Президента России : Стенограмма расширенного заседания коллегии Минобороны. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19816> (дата обращения: 21.01.2014).
4. См., например: Ахметшин Х.М. Военно-уголовное законодательство в системе военного права // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 1. С. 86-87; Ахметшин Х.М. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации // Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Н.А. Петухова. – М., 2004. – С. 8-23; Орлов Г.В. О структуре советского военного законодательства // 40 лет военно-юридическому образованию в СССР. Сборник статей. – М., 1977. – С. 191-201; Орлов Г.В. Предмет регулирования комплексной отрасли советского законодательства // Сборник статей Военного Краснознаменного института. – М., 1985. – № 21. – С. 194-200; Военное право: Краткий учебный курс / Под ред. А.Я. Петрученкова. – М., 2006; Военное право: Учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина. – М., 2004; Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Военное право. – М., 2005. и др.
5. См.: Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). Учен. труды Свердловского юрид. ин-та, т.6. – Свердловск, 1961. – С. 250, 251, 258 – 263.
6. Корякин В.М. Введение в теорию военного права (монография) / Военное право: сборник документов: Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». «За права военнослужащих», 2007. URL: <http://voenprav.ru/doc-3922-1.htm> (дата обращения: 22.01.2014).
7. Федеральный Закон Российской Федерации от 9 апреля 2009 г. N 57-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» Собрание законодательства Российской Федерации № 15 от 13 апреля 2009 г.
8. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 22, 01.06.1998, ст. 2331.
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. N 188-ФЗ. // Собр. законодательства РФ. 2005 г. № 1 (часть I), ст. 14

10. См.: ст. 31.Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.05.2010, № 19, ст. 2291.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

12. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 22, 01.06.1998, ст. 2331.

УДК 32.001

Т.А. Дудкин

*Военная академия Республики Беларусь
Республики Беларусь, г. Минск*

timur1301@mail.ru

МЯТЕЖЕВОЙНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЙНЫ

Автором рассматривается теория мятежевойны Е.Э. Месснера и ее возможные трансформации на современном этапе. Автором делаются выводы о возрастающей роли психологического фактора в вооруженных конфликтах и увеличении сокрытия целей противоборства.

Ключевые слова: мятежевойна, трансформация войны, мягкая сила, цветная революция, управляемый хаос, конфликты низкой интенсивности, вооруженный конфликт, Е.Э. Месснер.

Противостояние супердержав удерживало человеческую цивилизацию от глобальной войны. С окончанием «холодной войны», развалом Советского Союза остался один «центр силы», уверовавший в свою исключительную роль «мирового полицейского» и, казалось бы, ничего не останавливало от его прямой агрессии. Однако, существование «оружия возмездия» – ядерного оружия, непредсказуемость действий государств и народов, которые могут оказаться в результате прямой агрессии в условиях выживания нации, а потому могут иррационально отреагировать, равно как и желание сохранить статус справедливой «истинной демократии» обусловило появление новых технологий достижения политических целей без военного вмешательства.

Действия по реализации концепций «мягкой силы» [1], «экспорта демократии», теорий «цветных революций», «управляемого хаоса» [2], управления конфликтами низкой интенсивности [3] являются технологиями решения военно-политических проблем.

Исходя из указанных выше технологий и в ходе анализа можно выявить следующие основные признаки современных военно-политических конфликтов:

их цель – сугубо политическая: смена государственной власти или принуждение действующей власти к принятию политических условий государства-субъекта (т. е. принуждение к повиновению);

достижение цели осуществляется способом скрытого давления на власть с помощью демократического волеизъявления народа в ходе антиправительственных выступлений;

организованность народных выступлений рассматривается в качестве основного фактора успешности выполнения указанной политической цели, с одной стороны, и признаком внешнего управления данными процессами, с другой;

в геополитическом плане совокупность очагов дестабилизации выступает как отражение политики «удушения» и так называемого «экспорта демократии» как механизма «цветной революции».

Указанные выше технологии и признаки военно-политического давления спровоцировали и асимметричные ответы, которые в совокупности отражают теорию мятежевойны Е.Э. Месснера, сравнивавшего современные войны и вооруженные конфликты с мятежами и революциями по всему миру (всемирной мятежевойной) [4].

Е.Э. Месснер называл такое иррегулярным воеванием, или ассиметричной войной, или «мятежевоеванием»⁵. «Присматриваясь к иррегулярным военным действиям, стал замечать, что такое воевание сопрягается, перемешивается с ударами из подполья (например, терроризмом) тайных организаций, либо террористических, саботажных групп, либо разрозненных индивидуумов, причем нелегко бывает классифицировать их основные побуждения: месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т. д.», – пишет Е.Э. Месснер [5].

Мятежевойна, по Е.Э. Месснеру, – политическое явление со скрытыми истинными целями, когда народные волнения перерастают в государственный переворот, не имеющее четких границ между противниками, когда любой может стать как другом, так и врагом, информационно-психологическое, когда общественное сознание превращается в основной объект поражения – отражает динамику протекания военно-политических конфликтов современности.

Библиографический список:

1. Nye J., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – N.Y.: Public Affairs Group, 2004.
2. Манн, С. Теория хаоса и стратегическое мышление / С. Манн // Сайт Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml>. – Дата доступа: 01.10.2014.
3. Полевой устав FM 7-98 Армии США / Военная история и футурология [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.milresource.ru/FM_7-98.html. – Дата доступа: 01.10.2014.
4. Месснер, Е.Э. Всемирная мятежевойна. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. – 512 с.
5. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – 696 с.

УДК 327.7

Ы.Ж. Жумабек

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

malivia@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ РОЛИ МИРОТВОРЧЕСКИХ СИЛ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

В современном мире позитивное восприятие роли военного контингента в международных военных операциях находится в кризисном состоянии. Результаты авторского анализа показывают, что освещение миротворческих операций в средствах массовой информации имеет общий характер, который не способствует развитию патриотических настроений у граждан тех стран, чьи представители участвуют в данных мероприятиях. Таким образом, автор статьи предлагает ряд мер, которые позволят сделать первые шаги в изменении сложившейся ситуации.

Ключевые слова: миротворчество, военные операции, эффективность миротворчества, освещение миссий, ценность миротворчества.

Анализируя практику информирования о миротворческих операциях в международном масштабе, следует отметить, что она имеет определённые позитивные тенденции. К примеру, ассоциация аккредитованных при Организации Объединённых Наций (ООН) журналистов проводит ежегодный конкурс для печатных, телевизионных, радиовещательных и интернет-СМИ на лучшее освещение деятельности ООН, её агентств и деятельности на местах [1]. Среди прочих тематических разделов возможно выделить ряд работ, посвящённых миротворческим операциям, которые в среднем за 19-летнюю историю конкурса составляют от 30-60 % от всех представленных работ. Их содержание представляет собой значительную ценность в отношении патриотического воспитания не только в среде курсантов, но и среди гражданского населения. Однако, зачастую, данные работы не покидают пределов конкурсной площадки и доступ к ним широкой общественности остается затруднительным. То есть практическая направленность по воздействию на широкую аудиторию и по созданию позитивного образа миротворца характеризуется низкой эффективностью.

На настоящий момент существует портал «Операции ООН по поддержанию мира», который имеет глубокое погружение в структуру миротворческих миссий [2]. Однако более подробный анализ данного портала показывает, что личностям миротворцев и конкретным героическим подвигам уделяется в среднем около 37 % сводок. Остальные посвящены сугубо организационному безличному и интернациональному характеру, не позволяющему гражданам определённой страны вычленив своих героев из потока стандартизированной информации.

В последние десятилетия мультикультурный состав миротворческих сил в особенности возрос, поэтому уважение в отношении чужой культуры должно быть как к коллегам по миротворческим кампаниям, так и в отношении тех стран, где проходит миссия [3]. Миротворчество есть вид общественной деятельности, направленной на уничтожение угрозы войны или же на её прекращение. Лицо, занимающееся миротворческой деятельностью, зовётся миротворцем [4]. В традиционном смысле миротворчество означает направление многонациональных контингентов под командованием ООН для разъединения воюющих сторон [5].

Однако специфика миротворческой деятельности определяется тем, что о проведённых действиях предоставляется незначительное количество информации. Проблема гласности миротворческих операций в средствах массовой информации (СМИ) осложнена следующими факторами:

1. Официальный гриф секретности, установленный на определённый срок, который обычно включает время непосредственного проведения операции и некоторый период после её окончания.

2. Техника безопасности миротворческих миссий. Отсутствие освещения миротворческих миссий также может быть обусловлено соображениями безопасности. В мировой практике известны случаи, когда придание огласке места дислокации подразделений приводило к большим потерям среди миротворческого контингента.

3. Запреты правительства государства, в котором проходили миротворческие мероприятия. В особых случаях предоставление объективной информации о миротворческих операциях противоречит политическим установкам правительства: стран участников, либо страны, на территории которой они проводятся.

Автором был проведён анализ средств массовой информации сети Интернет по вопросам освещения миротворческих миссий. Анализ заключался в изучении информационных сводок порталов СМИ (Красная звезда и др.) по различным разделам. Были выбраны основные рубрики, которые гипотетически могли содержать информацию о миротворческих миссиях. Были исследованы статьи по общим вопросам, политическим акциям, мероприятиям в сфере культуры и межкультурного взаимодействия разных стран и военным вопросам. По каждому разделу было просмотрено по 50 сводок за период 2011-2013 гг. (см. рис. 1).

Рис. 1. Доля сообщений о миротворческих операциях по категориям новостных сводок в сети интернет, %.

Полученные результаты демонстрируют достаточно невысокие показатели частоты упоминания о миротворческих силах. О прошедших операциях (вне зависимости от срока давности события) данных предоставляется крайне мало, при этом чаще всего они описаны общими словами-штампами и лишены каких-либо подробностей, имеющих потенциальную значимость для воспитания патриотизма и безопасности. Само слово «безопасность» употребляется лишь в половине информационных сводок. Военные порталы, освещая подобные операции, предпочитают ориентироваться на военную промышленность, политические решения, противостояние конкретных политиков/военных руководителей и горячие точки.

В целом лишь 10% от всего СМИ уделяют внимание миротворчеству, при этом содержательная часть информации характеризуется ориентацией на жертвы, в особенности мирного населения (до 45% от

Гуманитарные проблемы военного дела

всех сообщений данной категории), и организационные аспекты операции в количественном выражении (объём поставок, количество подразделений, численность контингента) (см. рис. 2).

Рис. 2. Тематические направления публикуемых статей в сети Интернет по вопросам миротворчества, %.

При этом под личностью миротворцев автором подразумевались не только публицистические рассказы о конкретных людях, сколько об их воспитании, нравственных идеалах, совместной работе, межкультурном взаимодействии. Как показывает проведённый анализ, информирование о данных аспектах не считается востребованным, либо не производится по объективной причине – отсутствие первичных данных как таковых. Если анализировать сущность информационных сообщений в целом, то в большинстве случаев внимание уделено технической стороне процесса.

В век информационных технологий и манипулирования массовым сознанием возникла проблема неадекватного отражения некоторых событий ввиду политических, экономических, религиозных, культурных противоречий. В этом случае осуществляющиеся на территории конкретной страны миротворческие действия позиционируются в СМИ как захват, оккупация, вооружённое вторжение (6 % от исследованной совокупности).

Подобная неоднозначность в позиции СМИ относительно миротворческого контингента может оказывать деморализующее влияние на солдат и курсантов – будущих командиров подразделений. С целью проверки данной гипотезы автор в мае 2014 года провёл небольшое исследование относительно степени мотивации курсантов к участию в миротворческих миссиях. Опрос охватил 100 курсантов иностранных государств как будущих и бывших представителей мультикультурных миротворческих действий. Все респонденты на текущий момент проходят обучение в Тюменском высшем военно-инженерном командном училище.

Один из наиболее важных вопросов, которые задавались курсантам, был сформулирован следующим образом: «Хотели ли бы вы служить в миротворческих войсках?» (см. рис. 3).

Рис. 3. Предпочтения курсантов относительно службы в миротворческих войсках, %.

Результаты отражают достаточно высокую готовность к участию в подобных мероприятиях. 80 % готовы принимать участие в качестве миротворца и считают это за честь. 3 % предпочли бы иной вариант

службы, но в целом морально готовы к роли миротворца. 17 % опрошенных не пожелали быть участниками миротворческих миссий. Среди причин были названы: принципиальные позиции по поводу культурных особенностей некоторых народов, невозможность объективного разделения миротворчества и военных действий, сомнительность престижа участия в подобных мероприятиях. Возможно, на ряд курсантов повлияли многочисленные политически окрашенные информационные сообщения, а также отсутствие объективной информации о большинстве миротворческих миссий.

В качестве стимулирования решения проблемы необходимо принять следующие меры.

1. После окончания любой операции формировать брошюры/буклеты/сборники с конкретным указанием роли каждой страны в ходе выполнения операции, перечислять военнослужащих (если это возможно), фиксировать особые героические качества, проявленные в ходе выполнения операции, а также поступки, заслуживающие уважения к миротворческому контингенту.

2. По мере снятия грифа секретности – размещать данные издания в открытом доступе, формировать книги, энциклопедии и сборники, посвященные отдельным операциям, либо определённому периоду деятельности миротворческих сил.

3. Разрешить специализированным журналистам брать интервью у участников операции. Осуществить настолько широкий охват опрашиваемой аудитории, насколько это возможно и необходимо.

4. Более интенсивно привлекать к освещению событий СМИ той страны, в которой проходят/проходили эти операции, чтобы население могло сформировать объективное видение ситуации.

Одним из ключевых элементов миротворчества является помощь в целях развития. В сотрудничестве с другими организациями системы, странами-донорами, правительствами принимающих стран и неправительственными организациями обеспечивается безопасность населения. Массовое освещение прошедших операций необходимо для формирования позитивного облика миротворца и миротворческого населения, нацеленного на защиту интересов людей.

Библиографический список:

1. Объявлен конкурс на лучшее освещение деятельности ООН, ее агентств и деятельности на местах. Портал «Newsroom». URL: <http://newsroom.un.org/?p=22969>.

2. Успех миротворческих операций. Портал «Операции ООН по поддержанию мира». URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping/operations/success.shtml>.

3. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

4. Миротворческая деятельность ООН на современном этапе. Lambert Academic Publishing. URL: <https://www.lap-publishing.com/catalog/details/store/gb/book/>.

5. Миротворчество в современном мире. Информационное агентство Оружие России. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/mirotvorchestvo-v-sovremennom-mire22-02-2012-12-40-00/>.

УДК 340.1

С.С. Ичитовкин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

ichitovkinss@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИХ ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ

Автор статьи рассматривает феномен правового нигилизма, специфику его проявления во внутренних войсках, выявляет факторы деструктивного характера, воздействующие на правовое сознание личного состава внутренних войск МВД РФ.

Ключевые слова: воинская дисциплина, правовое воспитание, правовое сознание, правовой нигилизм, правонарушение, преступление, уровни правового сознания.

Крепкая воинская дисциплина, порядок в войсках обеспечивается в результате строжайшего сознательного соблюдения и исполнения всеми военнослужащими законов, воинских уставов, приказов и распоряжений командиров (начальников) [1].

Жизнь, быт внутренних войск МВД России строго регламентирован в воинских уставах, наставлениях, инструкциях и других государственных документах. Поскольку в наше время все более возрастает значение исполнительности, четкости действий, порядка и организованности, основанных на строжайшем соблюдении законов уставов, норм права, постольку возрастает и важность воспитания правосознания военнослужащих внутренних войск МВД России, выполняющих правоохранительные задачи в сложных и разнообразных условиях, зачастую с риском для жизни.

Вместе с тем анализ состояния преступлений, правонарушений и воинской дисциплины в войсках свидетельствует о том, что несмотря на это высок уровень правового нигилизма и инфантилизма военнослужащих внутренних войск МВД России, включая офицеров, которые как правило имеют и профессиональное юридическое образование.

Правовой нигилизм – это активная противоправная позиция (направленность) личности, которая проявляется в нигилистическом отношении к праву в целом, в убеждении, что его требования и запреты носят лишь формальный характер, а руководствоваться следует своими желаниями и интересами. Закон сравнивается с преградой, которую надо обойти или преодолеть. Правовой инфантилизм в свою очередь выражается в незрелости и примитивности правосознания, равнодушии к праву. Он является показателем недостаточной правовой социализации индивида, т. е. неполного усвоения им правовых норм, ценностей и образцов поведения в правовой сфере [2].

Состояние преступлений, правонарушений и воинской дисциплины во внутренних войсках МВД России, а также эффективное и своевременное выполнение поставленных внутренним войскам задач неразрывно связано с уровнем правовой культуры и правового воспитания личного состава.

По нашему мнению, основными причинами высокого уровня правонарушений во внутренних войсках являются:

- несвоевременное выявление военнослужащих, имеющих лично-семейные проблемы, склонных к конфликтному поведению и слабо адаптирующихся к военной службе;
- непринятие своевременных мер по профилактике преступлений коррупционной и корыстной направленности, неэффективный ведомственный контроль, способствующий совершению фактов мошенничества, непринципиальная работа комиссий по соблюдению требований к служебному поведению;
- недостаточная личная примерность офицерского состава в выполнении должностных обязанностей;
- низкий уровень правовой культуры и обученности военнослужащих внутренних войск;
- недостатки в правовом воспитании военнослужащих, слабое руководство процессом правового воспитания со стороны командиров всех степеней;
- правовой нигилизм и инфантилизм военнослужащих внутренних войск.

Но, одной из главной причин, по нашему мнению, является низкий уровень правовой культуры и обученности военнослужащих внутренних войск, недостатки в правовом воспитании военнослужащих, а также порой прямое проявление правового нигилизма и инфантилизма военнослужащих внутренних войск.

Правовой нигилизм представляет собой одну из форм общественного сознания, имеющую свою структуру, носителей, уровни, характеризующуюся совокупностью чувств, представлений, настроений, переживаний, эмоций по поводу отрицания правовых форм регуляции и выдвигающую альтернативные праву идеи и способы организации общественных отношений. Субъектами правового нигилизма могут быть различные социальные группы.

Особенно опасными становятся проявления правового нигилизма, когда его субъектами выступают представители правоохранительных органов.

Одной из форм общественного сознания является правовое сознание. В нем общество, социальная группа, личность формируют общие и индивидуальные представления о правовой организации общества и формах регулирования общественных отношений.

Систему правосознания составляют правовые взгляды, представления, идеи, убеждения настроения и чувства, принятые обществом, социальной группой по проблемам общеобязательного нормативного регулирования общественных отношений законами и предписаниями власти. Эти взгляды понимаются либо отвергаются личностью (правовой нигилизм).

Говоря о правосознании военнослужащих ВВ МВД РФ можно, на наш взгляд, выделить научное правосознание военнослужащих-юристов и преподавателей права, отличающееся глубиной и содержанием правовых знаний, развитостью логики юридического мышления. Фактически для всех военнослужащих ВВ МВД РФ более характерно профессиональное правосознание, которое характеризуется

специализированным правовым знанием и практической подготовкой в области правоприменения по служебно-должностному предназначению.

Обыденное правосознание ограничено решением повседневной жизни военнослужащих. Оно формируется в ходе осознания правопорядка и законности в обществе, своих прав и обязанностей. То есть это опривычение бытового опыта в правовой сфере, который представляет эмпирические правовые знания, выработанные исторически в трудовой, семейной, общественной практике.

В обыденном правовом сознании, наиболее неустойчивом компоненте правовой психологии, зачастую формируются ошибочные представления, предрассудки и заблуждения. Обычно это объясняют правовой некомпетентностью, недостаточным уровнем правовых знаний людей. Представляется это не совсем верно. Мы представили сведения о состоянии правопорядка во внутренних войсках – «войсках правопорядка». Здесь правовые знания имеют все, а большинство офицеров имеют правовые знания на научном и теоретическом уровне, имеют профессиональные правовые (в том числе правоохранительные) знания.

Существует ряд более основательных факторов, которые влияют на уровень правосознания военнослужащих.

Основные из них носят общий для всего российского общества характер. Так П.П. Баранов выделяет:

- социально-экономические факторы, к которым относятся реальный уровень жизни различных слоев населения и противоречия в системе распределения материальных благ, реальная покупательная способность, характер производственных отношений и другие;
- социально-политические факторы, к которым можно отнести способ осуществления власти и воздействия на общественные отношения (политический режим); гласность или закрытость политической информации, «прозрачность» работы соответствующих органов, политических институтов и организаций; наличие или отсутствие у граждан реальных политических прав и свобод, их гарантии и другие;
- социально-психологические факторы, такие как отчуждение гражданина от государства, особенности национальной психологии, конфликтный или, напротив, бесконфликтный характер подавляющего большинства производственных ситуаций и другие;
- культурно-этнические факторы, среди которых следует отметить уровень общекультурного развития и образования граждан, моральную зрелость, нравственность или аморальность установок и ориентаций и другие [3, с. 21-23].

Е.А. Белканов указывает ряд негативных факторов, влияющих на правовое сознание россиян [4, с. 69]. В.И. Гойман считает, что на правосознание негативно влияют правовой нигилизм, некомпетентная критика права и юридический фетишизм [5, с. 3].

По мнению ряда авторов, нигилизм может проявляться в открытой либо скрытой формах [6, с. 14-15; 7, с. 410]. Открытое отрицание права присуще преимущественно контркультурным и асоциальным группам и личностям, проявляется наиболее широко в период революционных перемен. Образно говоря, здесь праву отказывают в общественной значимости и радикально отрицают его реалии. В такой форме правовой нигилизм у военнослужащих внутренних войск фактически не проявляется. Сказываются реалии социально-профессионального отбора и логика профессиональной деятельности.

У военнослужащих ВВ МВД РФ как и других сотрудников МВД правовой нигилизм как правило проявляется в скрытой форме. Его субъекты (военнослужащие или их группы) в открытой форме не отрицают правовые реалии. В данном случае правовой нигилизм военнослужащих ВВ МВД РФ является системой взглядов, идей, настроений, чувств, в которой право, законы открыто не отрицаются, но их значимость по отношению к другим социальным регуляторам снижается. На первое место выходят ценности дружбы, групповые интересы, соображения личной выгоды и т. п.

В данном случае нигилизм формируется искаженной социальной действительностью, в которой некие преимущества для индивида или группы военнослужащих обеспечиваются неправовыми методами (например, неуставные отношения, коррупция, злоупотребление служебным положением и т. д.). В таком случае идеологическим конструктам правового нигилизма предшествует формирование нигилистических психологических компонентов. Исходя из сказанного мы понимаем психологию «правового нигилизма» как комплекс представлений, отражающих отрицание существующего правопорядка, не соответствующего индивидуальным и социально-групповым потребностям некоторых социальных групп и личностей, проявляющих положительные оценки к применению иных социальных регуляторов (например, решение проблем за взятку, повышение материального благополучия путем продажи вверенного имущества, присвоения государственных средств).

Психология правового нигилизма является следствием недовольства отношениями: государства к решению проблем военнослужащих; порядком и формами общения в воинских коллективах; реализации прав в сфере труда и отдыха и т. п.

Неисполнение законов и уставов, приказов командования или пренебрежение их требованиями, осуществляемое осознанно, на почве нигилистических убеждений, указывает на то, что правовой нигилизм военнослужащих опасен уже тем, что присваивает регулятивные и управленческие функции права и его институтов.

Рассматривавшие проблемы деформации правового сознания сотрудников МВД РФ П.П. Баранов [3], Н.Л. Гранат [8], С.Е. Борисова [9] относят правовой нигилизм к осознанному игнорированию требований закона, исключая преступный умысел. В таком смысле правовой нигилизм – это пренебрежение к законам, их вольное толкование, имитация служебной активности. В полиции это может быть передача служебной информации за плату, необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела и т.п. Анализ состояния дисциплины и правопорядка во внутренних войсках МВД РФ свидетельствует о том, что формы проявления правового нигилизма в войсках иные. Они связаны с коррупционными проявлениями, превышением служебных полномочий, распространением наркотиков, самовольным оставлением части.

В качестве конкретных форм правового нигилизма военнослужащих могут выступать неправовые установки и стереотипы действий военнослужащих при выполнении правоохранительных задач либо при использовании служебных полномочий. Стереотипы активно влияют на формирование установок, которые ведут к стереотипности восприятия, мышления и поведения [10, с. 420]. Такие стереотипы проявляются в социально-значимых профессиональных установках и убеждениях военнослужащего, либо формируют негативные, не соответствующие статусу военнослужащего ВВ МВД РФ установки.

Нигилистически правовая направленность личности военнослужащих может быть сформирована до службы в ВВ МВД РФ. Ее выявление – обязанность командиров, военных комиссариатов, территориальных органов полиции, органов воспитательной работы и профессионально-психологического отбора.

Негативная направленность и стереотипы антиправового поведения могут быть сформированы и в процессе служебно-боевой деятельности. Это может быть завышенная самооценка, отказ от признания собственных ошибок командиром, сокрытие нарушений, совершенных сослуживцами, грубость и хамство, негативное отношение к правовым требованиям, неуважение собственной профессии.

В силу сказанного, в формировании профессионального правового сознания, профилактики и преодоления правового нигилизма военнослужащих, на наш взгляд, необходимо использовать превентивную педагогическую деятельность, перевоспитание, элементы технологий социальной мобилизации, строгое нормирование правовоспитательной деятельности, а также использовать организации армейской общественности.

Библиографический список:

1. Ляхов А.В. Роль и место правовой подготовки личного состава внутренних войск: проблемы и пути их решения // Материалы межвузовской научно-теоретической конференции «Социальный характер и предназначение внутренних войск МВД России: прошлое, настоящее, будущее. – Новосибирск: НВИ ВВ МВД России, 2001. – С. 20-23.
2. Словарь Министерства обороны Российской Федерации.
3. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел: теоретические и социологические аспекты: автореф. Дисс... докт.юр.наук. – М., 1991.
4. Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: дисс... канд.юр.наук. – Екатеринбург, 1996.
5. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. – 1990.
6. Туманов В.А. Учение о праве // Общая теория права. Курс лекций. – Н. Новгород, 1993.
7. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. Академический курс. – М., 1998.
8. Гранат Н.Л. Деформация профессионального сознания личности работников правоохранительных органов и возможности ее профилактики // Проблемы действия права в новых исторических условиях. – М., 1993.
9. Борисова С.Е. Профессиональная деформация сотрудников милиции и ее личностные детерминанты: дисс... канд.псих.наук. – М., 1998.
10. Психология. Словарь / Под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990.

Е.А. Каргапольцева

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

helina@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Автор рассматривает развитие российско-китайских отношений, претерпевающих заметные изменения в условиях обострения политической борьбы на международной арене, указывает на необходимость всестороннего анализа политической линии, проводимой руководством Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: КНР, Азиатско-Тихоокеанский регион, вооруженные силы Китая, российско-китайское сотрудничество.

Современный мир находится в состоянии возникновения нового глобального перераспределения равновесия сил. Возвышение и рост влияния Китая на международной арене, превращение его в новую сверхдержаву совпадает с процессом перемещения центра в мировой системе отношений в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сегодня эта страна является второй экономикой мира с объемом ВВП более 11 триллионов долларов США [1]. Китай называют «фабрикой мира», объемы его экспорта превышают экспорт любой отдельно взятой страны, здесь сосредоточено более 50 % мировых запасов валюты. Являясь постоянным членом Совбеза ООН, Китай стремится к усилению своего влияния на международной арене. В политическом лексиконе «пятого поколения» китайских руководителей все чаще встречается призыв «великого возрождения китайской нации». Если раньше основным приоритетным направлением была экономика, сегодня политическая линия меняется.

Понимая происходящие в мире изменения, КНР уделяет все больше внимание вооруженным силам. Армия Китая является наиболее крупной в мире, на ее вооружении есть ядерное оружие, активно развивается национальная космическая программа. Вооруженные силы КНР состоят из активных войск и резервных войск китайской Народно-освободительной армии, Китайской Народной вооруженной полиции и милиции, военно-морского флота и военно-воздушных сил. Военный бюджет Китая неуклонно растет: так, в 2000 году около 10 миллиардов долларов США [2], в 2010 году – порядка 78 млрд. долларов США [3].

В 2012 году Пекин объявил о существенном увеличении расходов на армию в ближайшие годы, уточнив, что средства будут использованы для «улучшения жизни войск и их подготовки, для повышения уровня их современных информационных технологий, для повышения их высокотехнологичного оружия и оборудования, для улучшения навыков в качестве современной армии» [4].

Начальник штаба сухопутных войск Чэнь Чжоу заявил, что Китай должен был быть подготовлен к возможным военным угрозам, ссылаясь на то, что для США и их союзников, таких как Япония, «Азиатско-Тихоокеанский регион стал глобальным геополитическим и экономическим центром, где некоторые крупные державы стремятся стратегически переориентировать и укрепить свои военные союзы» [5]. Бывший премьер-министр Вэнь Цзябао объяснил значительный рост оборонного бюджета в прошлом году необходимостью «сильной армии ... для защиты своего суверенитета, безопасности и территориальной целостности» [6].

Спикер ВСНП Фу Ин сказала об увеличении военного бюджета КНР: «Мир может быть получен лишь благодаря силе» [7]. «Синьхуа» сообщает, что планируется увеличить расходы на оборону на 12,2 процента в 2014 году, таким образом, на оборонный бюджет будет выделено 808,2 миллиарда юаней или около 132 миллиардов долларов [8].

Всестороннее усиление Китая привело к заметным успехам на международной арене. Китайская внешняя политика сумела одержать убедительную победу, объединив материковый Китай с Гонконгом, пусть для этого и пришлось изобрести невиданную прежде формулу «одна страна – две системы». Сегодня Китай воспринимается равноправным, хотя часто и нежелательным, партнером по существенным международным вопросам.

В то же время современный Китай вынужден решать многочисленные внутренние и внешние проблемы. Находясь в разгаре процессов урбанизации и демографического перехода, китайское общество страдает от сильнейшего экономического и социального неравенства, разрыва в образовании и культурном

уровне граждан; в условиях стремительного промышленного роста усугубляется экологическая ситуация. Все острее становятся нерешенные проблемы Синьцзяна, Тибета и вновь присоединенных территорий Гонконга и Макао. В условиях внутрипартийной идеологической борьбы и правового кризиса в обществе правящая Коммунистическая партия Китая вынуждена в своей пропаганде все в большей степени делать ставку на национализм и великодержавие. В этих условиях сильный и динамично развивающийся Китай стремится проводить взвешенную политику по отношению к ближайшим соседям. У Пекина существуют территориальные споры с такими странами, как Вьетнам, Япония, Филиппины и Россия. В то же время по многим глобальным вопросам последние десятилетия все чаще наблюдается совпадение позиций России и КНР.

Внешняя политика России, в начале XXI века утратившей свое прежнее влияние и экономические позиции, стала вынужденно осторожной. Сегодня в условиях продолжения накала международной обстановки в противовес блоку НАТО Россия ищет новые союзы. Начиная с Нерчинского договора 1689 года, между Россией и Китаем существует долгая история отношений, и если первые 10 лет после холодной войны отношения развивались в условиях драматических изменений, то начало нулевых стало поворотным этапом во внешней политике. Между государствами действует подписанный в 2001 году «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве», декларирующий намерения сторон осуществлять долговременное стратегическое партнёрство. В современных условиях Китай уже не на словах, а на деле рассматривается в качестве стратегического партнера.

Для регионального Азиатско-Тихоокеанского развития укрепление российско-китайского экономического сотрудничества приобретает особое значение. Экономический потенциал России, природные богатства, выгодное географическое положение крайне привлекательны для Китая. Укрепляются гуманитарные контакты, связи между общественными организациями, сотрудничество в сфере образования, науки и техники. Россия и Китай стремятся выступать единым фронтом по большинству международных вопросов; Москва стала первой иностранной столицей, которую Си Цзиньпин посетил в качестве главы государства; в ходе встреч неоднократно подчеркивался особый характер двусторонних отношений. В сфере политических отношений стороны все более вовлекают друг друга в разнообразные форматы политического взаимодействия. Китай стремится по возможности снять российскую обеспокоенность относительно возможности соперничества на постсоветском пространстве. Развивается сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), участие в БРИКС, а также взаимодействие при обсуждении международных вопросов на уровне ООН, проведение регулярных консультаций, согласование позиций и т. д. Хотя в политическом отношении Россия и Китай еще не готовы заявить о военном союзе, но в военной и технической сферах для такого союза демонстративно создаются базовые условия посредством проведения все более сложных и масштабных совместных учений, расширения контактов между военными двух стран. Создание ШОС позволило наладить взаимодействие в сфере безопасности, действий по пресечению террористических актов, а также сепаратизма и экстремизма. Неоднократно подчеркивалось, что организация не является военным альянсом, вместе с тем с момента основания организации странами-участницами было проведено несколько совместных антитеррористических учений (с 24 по 29 августа в Китае прошел основной этап учений ШОС «Мирная миссия-2014», в котором приняли участие около 7 000 военнослужащих из России, КНР, Казахстана, Таджикистана и Киргизии). В ходе саммита ШОС в июне 2004 года состоялась церемония открытия исполкома Региональной антитеррористической структуры (РАТС), которая базируется в Ташкенте. Среди основных функций РАТС: разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; сбор и анализ информации; содействие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений; содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий; содействие в подготовке специалистов и инструкторов для антитеррористических подразделений и др. Военное сотрудничество между Китаем и РФ развивается по многим направлениям, регулярно проводятся консультации по вопросам стратегической безопасности, военнослужащие из Китая обучаются в российских вузах, в учебных центрах проходят подготовку экипажи подводных лодок и надводных кораблей, а также летчики и расчеты противовоздушной обороны. Подписаны контракты между «Рособоронэкспортом» и представителями Китая о передаче военных технологий, закупке истребителей, подводных лодок и другой спецтехники [9]. На региональном уровне КНР приветствует стремление России сотрудничать в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия поддерживает наблюдательный статус Китая в Арктическом совете, стимулирует развитие кооперации в разведке полезных ископаемых на континентальном шельфе Северного Ледовитого океана, призывает к участию

КНР в решении сложных политических вопросов на Ближнем Востоке, было достигнуто взаимопонимание в Совете Безопасности ООН по отношению к Сирии.

Перемещение центра мировой политической и экономической активности в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона несет новые возможности и многочисленные трудности в отношениях двух стран. Пекин всегда следовал принципу «от простого к сложному», выбирая в качестве партнеров государства, с которыми больше совпадающих точек зрения и меньше проблем. Благодаря тому, что первоочередное внимание Китай уделит России, удалось начать процесс построения новой системы связей между странами, укрепиться в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тем не менее, уже сегодня Китаю трудно рассматривать Россию как равноправного партнера. По мере того, как Китай всё настойчивее претендует на роль мирового экономического и технологического центра, Пекин активизирует свои экономические интересы в Африке, Латинской Америке и других уголках мира. В настоящее время Китай ведет мощную пропаганду против Таможенного союза стран СНГ, предлагая строительство экономического пояса «Шелковый путь». Так, например, с Туркменией заключены соглашения, по которым уже в ближайшие годы эта страна утроит поставки газа в Поднебесную, к 2020 году достигнув 65 миллиардов кубометров («Газпром» экспортирует в страны дальнего зарубежья примерно 150 миллиардов, Китаю планируется поставлять 38 миллиардов). Местным властям Киргизии предоставляются кредиты на сумму около 3 млрд. долларов, половина пойдёт на строительство трубопровода в Китай. Во время визита Си Цзиньпина в Ташкент были заключены контракты на 15 млрд. долларов, а в Астане итоговая сумма заключенных контрактов в два раза больше. Возможно, в скором времени страны региона будут вести себя по отношению к России более независимо, внимательнее прислушиваясь к пожеланиям Китая. В ходе визита в КНР президента РФ Медведева в 2010 году Китай, по сути, пошел на признание постсоветского пространства зоной российских особых интересов, однако многие эксперты приходят к выводу, что Пекин включил всю «зону Шёлкового пути» в сферу своего влияния.

Для укрепления собственного могущества, учил Макиавелли, в противовес сильному конкуренту необходимо опираться на «более слабых властителей, которые станут ширмой» [10]. Официальный Пекин отказался присоединиться к недавно введенным западным санкциям в отношении нашей страны. Вместе с тем ЕС и Япония для КНР – крупнейшие торговые партнеры, основной рынок китайский товаров – США. По итогам 2012 года доля КНР во внешнеторговом обороте России составляет порядка 10%, доля России в китайском внешнеторговом обороте едва превышает 2% [11]. Сегодня, когда Евросоюз взял курс на создание системы энергетической независимости от России, сложилась крайне неблагоприятная для Москвы ситуация. Этим не преминули воспользоваться «наши китайские друзья» при заключении газового контракта. По мере того как Китай всё настойчивее претендует на роль мирового экономического и технологического центра все сложнее будет дружить с Китаем. Делая постоянные уступки и передавая технологии, мы принимаем позицию «младшего брата», что потенциально очень опасно для судьбы России как тихоокеанской державы. Китай развивает долговременную программу военной модернизации, направленную на повышение возможностей «вести и одерживать победу в непродолжительных региональных конфликтах». Необходимо понимать, что расширение экономических интересов Китая может привести к трениям с некоторыми соседями в регионе. Народно-освободительная армия Китая уже сейчас способна за неделю перебросить и под прикрытием авиации развернуть на самом дальнем центрально-азиатском направлении сто тысячную группировку сухопутных войск с тяжелой техникой и танками. По некоторым оценкам к 2016 году Китай потратит на военные нужды более 159,6 миллиардов долларов [12].

В российско-китайских отношениях открывается новый этап. Надежды на долгосрочную прочность и эффективность отношений должны строиться на понимании неизбежной геополитической конкуренции в регионе. Ближайшие десятилетия станут определяющими в глобальном управлении и расширят влияние в мире.

Библиографический список:

1. http://russian.news.cn/economic/2014-09/29/c_133680402.htm
2. http://otherreferats.allbest.ru/international/00005894_0.html
3. <http://inukr.net/foreign/24979-oboronnyj-byudzhet-kitaya-v-2010-godu-sostavit-78.html>
4. <http://www.cntv.ru/2014/02/12/ARTI1392192134143148.shtml>
5. <http://www.welt.de/politik/ausland/article125457251/China-steckt-Milliarden-in-Hightech-Waffen.html>
6. <http://www.welt.de/politik/ausland/article125457251/China-steckt-Milliarden-in-Hightech-Waffen.html>
7. <http://www.welt.de/politik/ausland/article125457251/China-steckt-Milliarden-in-Hightech-Waffen.html>
8. http://russian.news.cn/china/2014-03/06/c_133165727.htm

9. <http://ria.ru/spravka/20140520/1008416110.html>
10. <http://wordweb.ru/sto/79.htm>
11. <http://www.wood.ru/ru/lonewsid-56596.html>
12. <http://www.gazeta.ru/business/2014/02/04/5881565.shtml>

УДК 355.6:338.23

Р.Г. Комов

*Сибирский институт международных отношений и регионоведения
г. Новосибирск*

novosibkom@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АУТСОРСИНГА В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Автор анализирует последствия введения «аутсорсинга» в Вооруженных Силах России, оценивая как положительные моменты, так и проблемы, негативно повлиявшие на боевую готовность воинских частей и подразделений.

Ключевые слова: аутсорсинг, Вооруженные силы России, проблемы аутсорсинга в Вооруженных Силах России, зарубежный опыт, практика.

За последние годы Российская армия претерпела множество реформ и изменений, к которым прежде всего необходимо отнести существенное увеличение денежного довольствия военнослужащих, сокращение численности военнослужащих, возобновившиеся планомерные поступления в войска новой военной техники, а также передачу неосновных видов деятельности сторонним организациям – так называемый «аутсорсинг».

В этих целях руководством страны запланировано выделение беспрецедентных средств, достигающих 23 триллионов рублей [4] и повышение уровня контроля над их расходованием (в качестве мер по повышению уровня контроля над расходованием бюджетных денежных средств автором рассматриваются: введение в действие нового закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», принятие Президентом России личного руководства Военно-промышленной комиссией и др.).

Что из себя представляет «аутсорсинг» и как он появился в ВС России?

Сам термин «Outsourcing» заимствован из английского языка (outer source using) и в буквальном переводе означает – использование чужих ресурсов.

Существует довольно большое количество трактовок данного понятия:

– оказание услуг или выполнение работ потребителю на контрактной основе организациями, не состоящими в штате или структуре заказчика [9];

– передача выполнения части функций по управлению организацией или по поставке решений и услуг, а также других каких-либо определенных работ внешней организации, сторонним исполнителям-специалистам [3];

– передача части функций по обслуживанию деятельности фирмы другой организации, заключающаяся в оставлении лишь тех профильных функций, которые фирма делает лучше других, а передача исполнителю таких, которые он делает лучше других [4];

– решение, принимаемое непосредственно руководителем предприятия и непосредственно связанное с организационными вопросами, о передаче каких-либо бизнес-функций или частей бизнес-процесса предприятия стороннему подрядчику на продолжительный срок [7] и т. д.

Проведя анализ различных определений аутсорсинга и обобщив их, к его основным отличительным признакам можно отнести временное, но долгосрочное выполнение работ конкретному потребителю, контрактную основу оказания услуг организациями, не состоящими в штате или структуре заказчика, т. е. вне пределов организации, со стороны, и, наконец, соответствующую профилизацию организации-исполнителя.

В Вооруженных Силах России работа по привлечению гражданских организаций для оказания услуг и выполнения работ на платной основе началась в 2005 году. С 2010 года МО Российской Федерации массово и, как всегда, в кратчайшие сроки передало некоторые тыловые функции на аутсорсинг ОАО

«Оборонсервис», созданному для этих целей. Единственным акционером ОАО явилась Российская Федерация в лице Министерства обороны России.

«Оборонсервис» управляет рядом структур, объединенных по основным направлениям деятельности ОАО («Славянка», «Военторг», «Оборонстрой» и т. д.), определенных, как и «Оборонсервис», единственными исполнителями услуг или поставщиками с передачей им движимого и недвижимого имущества МО России в безвозмездное пользование на длительные сроки [5].

Исходя из анализа материалов практики (здесь и далее приводятся результаты авторского анализа сведений, полученных из открытых источников информации в отношении Восточного и Центрального военных округов), наиболее распространенными формами реализации аутсорсинга в Вооруженных Силах Российской Федерации как правило являются:

- организация и проведение технического обслуживания и ремонта вооружения и военной техники (ВиВТ);
- организация питания личного состава;
- выполнение внутригарнизонных перевозок воинских грузов и военнослужащих;
- обеспечение и заправка военной техники горюче-смазочными материалами;
- эксплуатация зданий и сооружений;
- содержание и уборка территории и служебных помещений и т. д.

В то же время в Вооруженных силах стран НАТО аутсорсинг включает и такие виды деятельности как подготовка военных специалистов, планирование и организация боевой подготовки войск, разработка военных доктрин и концепций, планов отдельных операций, непосредственное участие в ведении боевых действий. При этом доля коммерческих организаций в сфере организации и обеспечения мероприятий оперативной и боевой подготовки войск стран НАТО составляет до 70%, что по сравнению с Российской армией больше чем в 3 раза [1].

В качестве основных (теоретически предполагаемых) преимуществ аутсорсинга в армии, исходя из опыта применения данных компаний за рубежом [8], являются:

1. Освобождение личного состава военной организации от решения не свойственных для них задач, выполнения работ.
2. Использование конкуренции на рынке исполнителей, в качестве инструмента снижения затрат государства на предоставляемые услуги, повышения их качества.
3. Использование исполнителем специализированного оборудования, специальных знаний и технологий, которые у воинской части отсутствуют.
4. Разделение и частичная передача другой организации, с которой заключен контракт, рисков хозяйственной деятельности.

Вместе с тем, как показала практика, использование аутсорсинга в ВС России создало условия для возникновения ряда проблем, негативно повлиявших на их деятельность:

- 1) отсутствие возможности у командования воинских частей повлиять на ход и результаты выполнения работ в интересах повышения боевой готовности своих подразделений;
- 2) фактическое отсутствие контроля со стороны командования воинских частей над качеством работы организаций, поставляющих услуги;
- 3) несоответствие качества отдельных видов выполняемых работ (предоставления услуг) предъявляемым требованиям;
- 4) излишние затраты бюджетных денежных средств ввиду привлечения к исполнению госконтрактов фирм, не располагающих соответствующими возможностями и осуществляющих передачу их выполнения субподрядчикам (т.н. «фирмы-прокладки»);
- 5) отказ непосредственных исполнителей от производства работ (оказания услуг) по госконтрактам ввиду несоблюдения условий договоров субподряда т.н. «фирмами-прокладками»;
- 6) снижение квалификации военных специалистов ввиду отсутствия практики выполнения работ на ВВТ, способное в конечном итоге привести к срыву выполнения задач в боевых условиях;
- 7) создание предпосылок к утрате материальных ценностей, разглашению сведений ограниченного распространения ввиду привлечения к работе в аутсорсинговых организациях низкоквалифицированных кадров, имеющих криминальные наклонности, а также иностранцев;
- 8) коррупция, мошенничество при оказании услуг ВС России, охватившие все этапы заключения и исполнения госконтрактов, основными видами проявления которых, с практической точки зрения [6], являются:
 - неправомерное использование в своих интересах субхолдингами ОАО «Оборонсервис» полученной прибыли, подлежащей обращению в доход государства;

- создание дебиторских задолженностей, приводящих к срыву выполнения госконтрактов;
- использование бюджетных денежных средств не по назначению;
- нанесение прямого экономического ущерба государству деятельностью отдельных должностных лиц «аутсорсинговых компаний».

Однако следует отметить, что сложившаяся ситуация, по мнению автора, не критична и, учитывая содержание и природу вышеописанных негативных аспектов реализации аутсорсинга в Вооруженных силах, возможно выработать меры по его совершенствованию.

Прежде всего необходимо вновь создать внутренний финансовый контроль МО России над деятельностью аутсорсинговых организаций, либо задействовать для проведения аудита независимые организации.

Целесообразно находить и применять эффективные экономические рычаги воздействия на недобросовестных аутсорсеров, такие как т.н. «инсорсинг» (возможность возвращения функций от аутсорсеров к собственным подразделениям Вооруженных сил), с обязательным возмещением причиненного ущерба, возврата оплаты за невыполненные работы.

Внесение изменений в действующие нормативно-правовые акты МО России, вводящие ограничения по срокам исполнения заявок командиров воинских частей на оказание тех или иных услуг, наряду с возможностью наложения штрафных санкций на эти организации в связи с несоблюдением установленных сроков их исполнения, способно также эффективно стимулировать коммерческие организации к повышению качества предоставляемых услуг.

Необходимы и изменения в действующих нормативных правовых актах МО России, в части, касающейся возможности внесения корректировок со стороны командования (например, в исключительных случаях в целях поддержания боевой готовности воинской части) в действия организации-аутсорсера, а также возможности привлечения военнослужащих наряду с работниками аутсорсинговых компаний к выполнению отдельных видов работ в целях получения опыта по осуществлению мелкого ремонта боевой техники, что позволит значительно уменьшить риск снижения боевой готовности воинских подразделений, особенно в боевой обстановке.

Кроме того, внесение изменений в российское законодательство в части противодействия коррупционным проявлениям в ВС России, позволяющих исключить как необоснованное заключение государственных контрактов с коммерческими организациями, не обладающими соответствующими материально-техническими возможностями по их выполнению, так и дальнейшую передачу для выполнения госконтрактов третьим фирмам (по договорам субподряда), даст возможность заключать договора с непосредственными исполнителями, что не только снизит бюджетные расходы, но, в отдельных случаях, повысит качество предоставляемых услуг.

С учетом вышесказанного и перспектив развития ВС России, по мнению автора, можно обоснованно утверждать об актуальности аутсорсинга для армии, но в другой интерпретации. Здесь автор солидарен с мнением Министра обороны России генерала армии С. Шойгу о необходимости скорейшей реструктуризации ОАО «Оборонсервис» и его субхолдингов, что должно способствовать не только повышению уровня предоставления аутсорсинговых услуг, но и снизить государственные затраты [10].

Библиографический список:

1. Башкиров Н., Туляков О. Аутсорсинг в странах НАТО // «Зарубежное военное обозрение». – 2013. – № 6 (795). – С. 37-44.
2. Герасимова Г.Е. Определение и виды аутсорсинга // эл. ресурс <http://www.outsourcing-perm.ru> (дата обращения 04.03.2014).
3. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. // эл. ресурс <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения 10.08.2014).
4. Обращение Президента России с ежегодным Посланием Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // эл. ресурс <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825> (дата обращения 04.03.2014).
5. Официальный сайт ОАО «Оборонсервис» // эл. ресурс <http://www.oboronsevice.ru> (дата обращения 12.08.2014).
6. Официальный сайт Счетной палаты РФ // эл. ресурс <http://www.ach.gov.ru> (дата обращения 07.03.2014).
7. Рытик С., Ефимова С., Пешкова Т., Коник Н. Аутсорсинг // эл. ресурс <http://www.fictionbook.ru> (дата обращения 02.09.2014).
8. Современная российская армия: аналит. обзор, ноябрь 2013г. АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов» // эл. ресурс http://www.csef.ru/studies/defance/projects/russian_army/articles/2555 (дата обращения 04.03.2014).
9. Сурков А.Н. Правовые особенности «аутсорсинга» в ВС России // эл. ресурс <http://www.voenpravo.ru> (дата обращения 04.03.2014).

10. Шамуков Р. Шойгу: аутсорсинг в армии высвободил более 65 тыс. человек. // эл. ресурс <http://www.itar-tass.com> (дата обращения 03.09.2014).

УДК 355. 02 (476)

В.А. Ксенофонов

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

nksena@rambler.ru

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В докладе рассматриваются аспекты военной политики в условиях формирования гражданского общества. Определено место военной политики в системе национальной безопасности государства, показана взаимосвязь гражданского общества и военной организации государства, а также роль системы гражданского контроля в обеспечении военной безопасности страны.

Ключевые слова: военная политика, военная безопасность, военная доктрина, военная организация государства, гражданское общество, гражданский контроль, гражданско-военные отношения, национальная безопасность, национальные интересы.

В современных условиях налицо необходимость углубленного целостного социально-философского анализа военной политики Беларуси, ее качественно нового социального статуса в условиях трансформации насилия [1], изменившейся военно-политической обстановки в мире и геополитического расклада сил, а также в свете конституционных положений, провозглашающих построение демократического, социального, правового государства. Уточнение концепции военной политики и ее совершенствование в условиях формирования гражданского общества (ГО) является актуальной научной проблемой [2].

Возникает объективная необходимость совершенствования гражданского контроля (ГК) над военно-политической сферой и, в частности, над военной политикой, что служит проявлением ее существенных связей с ГО, гарантируя оптимальный подход к нуждам обороны страны.

Раскрытию сущности военной политики служит в первую очередь обоснование ее развития и структуры с подробным рассмотрением элементов статической составляющей (субъект, объект, цель, средство, результат) и их взаимосвязи через механизм функционирования военной политики. Оптимальное раскрытие структуры военной политики предполагает: совокупность идей и принципов; военно-политические решения и планы; практическую реализацию военно-политических решений и планов.

Так как главная цель военной политики – обеспечение военной безопасности, то ее содержание определяется следующим образом: *составная часть общегосударственной политики, непосредственно направленная на создание военной организации государства (ВОГ), подготовку и применение средств вооруженного насилия для достижения военной безопасности личности, общества, государства, защиты их сбалансированных национальных интересов.*

Военная политика выполняет две основные функции: научно-аналитическую (прогностическую); организационно-практическую (управленческую). К двум вышеназванным стоит добавить еще и стабилизирующую функцию [3].

Ныне военная политика интегрируется с национальной безопасностью через военную подсистему; складываются новые теоретические направления: военная безопасность Республики Беларусь, а в контексте интеграции с Россией и проблемы военной безопасности Союзного государства.

Главный путь установления в обществе стабильной в своей основе системы общественных отношений – достижение необходимого уровня не только военной, но и всеобщей, т.е. национальной безопасности. Поэтому 9 ноября 2010 года была принята новая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [4].

Военная политика, направленная на достижение военной безопасности личности, общества, государства, является в определенной степени «ядром» системы национальной безопасности Беларуси. Приоритетную роль в проведении военной политики играют государственно-идеологические факторы национально-патриотической направленности, нашедшие отражение в принятой Концепции национальной

безопасности. Военная политика, лишённая идеологии национально-патриотической направленности, не может быть понята и принята ни военной средой, ни ГО. Стержень государственной идеологии – идея построения сильной и процветающей Беларуси – является философским основанием воспитания Гражданина.

Военная доктрина – составная часть военной политики и её научно-теоретическое основание. Военную доктрину современного государства можно определить как *систему принятых на данный период основополагающих взглядов на предотвращение войны и использование военной силы в интересах обеспечения национальной и международной безопасности, на военное строительство, а также на способы подготовки и ведения вооружённой борьбы.*

В условиях формирования ГО политические партии, общественные организации и движения, научные сообщества могут представлять собственные варианты концепций военной политики и разработанные военные доктрины. Белорусская специфика заключена в том, что государство выступает в качестве координатора и ведущего аналитика предлагаемых вариантов, учитывает в определенной степени интересы всех институтов ГО, но руководствуется критериями общенациональной безопасности и национальными интересами Беларуси.

При разработке действующей Военной доктрины основополагающим был избран принцип оборонной достаточности. Подчеркивая сугубо оборонительный характер военной политики, свою безопасность Республика Беларусь обеспечивает всеми имеющимися в распоряжении силами, средствами и ресурсами (невоенными и военными). Являясь идейным стержнем военной политики Республики Беларусь, Военная доктрина координирует меры политического, экономического, правового и военного характера, предпринимаемые органами государственной власти и управления в области военного строительства и применения военной силы в целях надежного обеспечения безопасности личности, ГО и государства в целом.

Сегодня особенно актуальна проблема взаимосвязи и взаимообусловленности функционирования ВОГ и ГО.

На основе генезиса понятия «гражданское общество» и современных подходов исследователей, акцентирующих внимание на характеристике развитого состояния социума в целом и на определенной сфере общества, сфере негосударственных институтов и отношений, предлагается под ГО понимать *социум, включающий государство и сложную систему саморегулирующихся групп, сообществ, институтов, относительно независимых от государства и его институтов; а также создающий необходимые условия жизнедеятельности индивида, социальной общности, реализации их разнообразных интересов.* ГО взаимодействует с государством и его властными структурами, вырабатывает и осуществляет меры контроля за их деятельностью.

Развитие ГО в стране будет корректировать характер и механизм реализации военной политики, формировать собственную модель взаимосвязи ГО и ВОГ. Проблема взаимосвязи ГО и ВОГ имеет два основных аспекта: 1) ВОГ, являясь определенной организационной структурой государства, обладает относительной самостоятельностью, но тесно связана с обществом и зависима от него; 2) признание в практической деятельности определенной системы взаимоотношений между гражданской и военной частью общества на всех уровнях управления государством.

Специфика взаимосвязи ГО и ВОГ выражается в общей организации Вооруженных сил, в отношении к военной службе, характере профессиональной деятельности военнослужащих, возможности альтернативной гражданской службы. Новый тип гражданско-военных отношений уже формируется. Особая роль принадлежит офицерскому корпусу. На наш взгляд, дальнейшая интеграция ВОГ в ГО предполагает такие пути: повышение социально-культурных факторов; активное влияние ценностей белорусского менталитета; смешанный принцип комплектования войск; развитие и совершенствование системы территориальной обороны; территориальный характер расположения воинских частей; государственно-патриотический характер идеологии воинской службы.

К элементам системы воздействия ГО на ВОГ относятся: национальные интересы Беларуси; ценности гражданско-правовой культуры; нормативные правовые акты и процедуры; институционально-организационные; массовые общественные организации граждан и самих военнослужащих; СМИ.

Наиболее убедительным выражением зрелости ГО является наличие действенной системы ГК над ВОГ, идея которого служит специфическим преломлением общеполитической проблемы свободы и ответственности. В Беларуси вопросы, связанные с осуществлением ГК, введены в правовое поле, но практическая сторона ГК находится в стадии развития. Исходя из имеющихся подходов ученых, уточним определение: *ГК – это комплексная деятельность граждан, регулирующая гражданско-военные отношения в демократическом правовом государстве, снимающая противоречия в системе «ВОГ – ГО»,*

при которой обеспечивается доминирование принципов и ценностей ГО в военной сфере.

Основные субъекты ГК. 1. Невоенные государственные органы и должностные лица, которые являются внешними по отношению к силовым ведомствам. 2. Институты ГО. 3. Отдельные граждане как частные лица (находящиеся в военном строю и не связанные с силовыми структурами).

В нашей стране осуществляется совершенствование форм государственного и парламентского контроля по всем направлениям, а также контроля массовых общественных организаций и партий. Законодательство Беларуси предусматривает право на функционирование таких организаций и движений. Наиболее массовой является государственно-общественное «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь», при котором действует Центр общественных организаций, объединяющий и координирующий деятельность по изучению состояния дел внутри ВОГ, активно занимающийся патриотическим воспитанием молодежи внутри ВОГ и в ГО. Особо выделяется работа организаций: Белорусский союз офицеров, Военно-научное общество, Военно-шефская комиссия, Минская городская организация ветеранов войны в Афганистане «Память», Республиканская ассоциация семей военнослужащих, погибших в Афганистане «Память и долг», Белорусский Суворовско-Нахимовский союз, Белорусская общественная организация солдатских матерей и мн. др.

Главный объект ГК в Беларуси включает: состояние Вооруженных Сил, их способность выполнить свое конституционное предназначение; предупреждение самостоятельного вмешательства армии в политику; недопущение безосновательного ущемления интересов Вооруженных Сил, превращения их в дискриминируемую часть общества; исключение возможности произвольного манипулирования Вооруженными Силами со стороны официальных властей; организацию военного производства, характер и количество оружия, специальных средств, их состояние и т.д.; утверждение демократических начал в служебных отношениях, социальную и правовую защищенность военнослужащих; постановку и состояние системы идеологической работы в Вооруженных Силах.

Наиболее популярные формы ГК: наделение парламента контролирующими функциями в отношении состояния и функционирования ВОГ; открытость армии перед обществом; ответственность военачальников всех степеней перед обществом за состояние вверенных им соединений, частей и подразделений, их боевую готовность и соблюдение установленных государством норм жизнедеятельности военнослужащих; участие гражданской власти в политическом руководстве ВОГ. Следовательно, важнейшим условием функционирования системы национальной безопасности Республики Беларусь в целом и ее военной сферы как элемента системы является совершенствование ГК в области военной политики.

В связи с тем, что военная политика интегрирует возможности каждой подсистемы системы национальной безопасности Республики Беларусь, в которых реализуются сбалансированные интересы личности, общества, государства, можно утверждать, что она является одним из системообразующих факторов всей системы национальной безопасности.

Военно-политическая стабильность как основной элемент национальной безопасности на современном этапе выступает в качестве приоритета. Это требует пристального внимания государственно-политического руководства к обеспечению и поддержанию Вооруженных Сил на уровне, позволяющем отвечать на существующие и потенциальные угрозы, совершенствовать военно-политическую, военно-стратегическую, военно-экономическую и военно-техническую интеграцию в создаваемом Союзе России и Беларуси.

Динамика общественно-политической жизни, международных отношений и незавершенность процессов социально-исторической трансформации общества требуют пристального внимания к проблемам национальной безопасности и в этом контексте к развитию военной политики в совокупности всех ее уровней и компонентов, включая философский.

Библиографический список:

1. Владимиров, А.И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть I: Основы теории войны / А.И. Владимиров. – М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2013. – 832 с.
2. Ксенофонтов, В. А. Основы военной политики в условиях формирования гражданского общества / В.А. Ксенофонтов // Научные труды РИВШ. Философско-гуманитарные науки: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч.1. Вып. 12 / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск: РИВШ, 2013. – С. 209 – 218.
3. Ксенофонтов, В. А. Методологические проблемы формирования идеологии обеспечения военной безопасности государства / В. А. Ксенофонтов // Идеологические аспекты военной безопасности – 2009. – № 2. – С. 3–9.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Белорусский Дом печати, 2011. – 48 с.

А.Н. Леонович

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

leonowitsch@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

В статье уточнено понятие «международные военно-экономические отношения», определено его содержание, место в системе международных экономических отношений, показано, в чем состоит его отличие от понятия «военно-техническое сотрудничество».

Ключевые слова: военно(оборонно)-промышленный комплекс, международные военно-экономические отношения, военно-техническое сотрудничество.

В течение XX века в развитых государствах, претендующих на мировое лидерство, сформировались постоянно действующие военно-промышленные комплексы (ВПК), которые стали занимать ключевую, системообразующую роль в национальной экономике.

Это обусловлено тем, что, во-первых, именно на предприятиях ВПК сконцентрированы высокие технологии; во-вторых, от состояния и уровня развития ВПК зависит эффективность функционирования таких отраслей, как машиностроение, транспорт, телекоммуникации и связь, медицинская промышленность и здравоохранение, реализуются предпосылки инновационного развития экономики; в третьих, от развития ВПК в определенной мере зависит место стран в международной экономике, в том числе их позиции на мировом рынке вооружения и военной техники (ВВТ).

Интересы ВПК стран на мировых рынках ВВТ реализуются через систему международных военно-экономических отношений (МВЭО).

Это предопределяет научный и практический интерес к исследованию сущности и содержания международных военно-экономических отношений.

В Российской Федерации и Республике Беларусь в научной и учебной литературе используют терминологию, которая сформировалась в СССР и носила идеологический оттенок. Определение категорий, применявшееся при изучении дисциплины «Военная экономика», базировалось на подходах, используемых в марксистской политической экономии. В связи с этим военная экономика была производной, как принято в настоящее время утверждать, модулем марксистской политической экономии.

После распада Советского Союза, отказа социалистических стран от командно-административной модели развития и перехода к построению рыночной экономики произошли изменения, которые по содержанию не вписывались в рамки используемого категориального аппарата. Это предопределило потребность в уточнении формулировки понятия «международные военно-экономические отношения».

Необходимо отметить, что в советской литературе категория МВЭО использовалась, как правило, при исследовании капиталистических стран. Так, Баланчук М.А. отмечал, что *международные военно-экономические связи* империализма, как и всякое явление, имеют свою сущность и содержание. Сущность – главное в явлении. Содержание охватывает явление всесторонне. По своей сущности внешние военно-экономические связи империалистических стран есть международные экономические отношения (МЭО) капитализма, используемые для экономической подготовки и ведения войн, подавления революционных выступлений трудящихся [1]. Данное определение носит политизированный и идеологизированный характер. Однако здесь выделяется, что МВЭО – это международные экономические отношения по производству ВВТ, для подготовки и ведения войн, а также указываются цели МВЭО.

В конце 80-х гг. в книге под научной редакцией Благоволина С.Е., посвященной военно-экономическим связям НАТО, дается следующее определение военно-экономическим связям. К *военно-экономическим связям* авторы указанного издания в первую очередь относят такие виды межстрановой военно-экономической деятельности, которые непосредственно выражаются в получении вооружения и военной техники, в организации их совместных разработок и (или) производства с помощью иностранного

оборудования и технологий, в развитии инфраструктуры и подготовке кадров, необходимых для эксплуатации этого вооружения и техники [2].

В данном определении в составе МВЭО учитываются только продажа ВВТ и совместное производство, но не берутся во внимание другие составляющие; указывается на подготовку кадров для эксплуатации ВВТ, а не для их создания, производства, модернизации и утилизации. ВВТ, как правило, эксплуатируются в вооруженных силах.

Чернышев А.Н. в своих трудах рассматривает *международные военно-экономические связи* как форму проявления тенденции к интернационализации военной экономики. МВЭС реализуются на мировом рынке посредством обмена продукцией и услугами военного назначения в целях достижения отдельными странами и группировками определенных политических, военно-стратегических и экономических интересов [3]. Рассматриваемое определение не отражает всю совокупность отношений в области торговли ВВТ и кооперации по их созданию, но указывает, что сближение производства ВВТ осуществляется в целях реализации определенных интересов.

В своих изданиях Пожаров А.И. и Кузык Б.Н. определяют МВЭО как одну из ключевых категорий военной экономики, где международные военно-экономические связи рассматриваются как совокупность связей между государствами, их хозяйствующими субъектами по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг военного назначения, создания международных военно-хозяйственных структур, обеспечивающих реализацию их глобальных или регионально-блоковых интересов [4; 5]. В данном определении обращается внимание, что это одна из категорий военной экономики, устанавливаются субъекты и связи, возникающие между государствами при производстве и потреблении ВВТ, но не показывается, какие связи формируются в рамках МВЭО. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в современных экономических изданиях практически не рассматриваются взаимосвязи таких категорий, как «производство», «распределение», «обмен» и «потребление». В данной постановке они использовались в марксистской теории при изучении курса политической экономии и в дальнейшем в военной экономике. В современной экономической науке обычно используются категории «разработка», «создание», «производство», «реализация», «модернизация» и «утилизация», т. е. произошло изменение парадигмальных оснований основополагающих категорий, идей и представлений в экономической теории и военной экономике.

В своих исследованиях Воробьев В.В., Ермаков С.М., Пожаров А.И. отмечали, что МВЭО являются важной составной частью военно-экономических отношений. Это внешняя торговля оружием и другими предметами военного назначения, разнообразные формы сотрудничества и противоборства между государствами по поводу владения военно-экономическими ресурсами, разработки и производства вооружения, оперативного оборудования ТВД, создания военно-экономической структуры и др. В условиях быстрого развития интеграционных процессов расширяется сфера, усложняются формы, возрастает роль этих отношений [6]. Данное определение более развернутое, в него включены элементы противоборства и борьбы за ресурсы, построение военно-экономической инфраструктуры, однако, как и в предыдущем определении, не указаны некоторые формы сотрудничества, а также субъекты данного сотрудничества.

Еще одно определение приводит Горностаев Г.А., согласно которому *международные военно-экономические отношения* – это международная экономическая деятельность в таких областях, как научные исследования, разработка, производство, продажа, эксплуатация и утилизация обычного вооружения, которое включено странами – участниками международных экономических связей в списки продукции и услуг военного назначения, разрешенных к передаче иностранным государствам, а также по специальному разрешению высшего руководства той или иной страны в дополнительных областях, не включенных в указанные списки продукции и услуг военного назначения, разрешенных к передаче иностранным государствам [7]. Следует отметить, что только в данном определении обращается внимание на экономическую деятельность. Однако в определении много места отводится разрешительным полномочиям государств по отношению к экспортерам и импортерам ВВТ, здесь можно было бы указать на государственное регулирование данной деятельности.

Необходимо отметить, что наряду с понятием МВЭО для оценки международных военно-экономических отношений в некоторых странах и изданиях используется категория «военно-техническое сотрудничество» (ВТС).

В российском словаре предлагают следующее определение. *Сотрудничество военно-техническое* – область международных отношений, связанных с разработкой, производством, экспортом/импортом продукции, работ и услуг военного назначения [8]. По мнению ученых Академии Генерального штаба Российской Федерации, *военно-техническое сотрудничество* представляет собой область

межгосударственных отношений, связанных с разработкой, производством, поставкой (закупкой) продукции военного назначения, оказанием (получением) услуг, осуществлением инвестиций в этой сфере деятельности [9].

В монографии под общей редакцией Степашина С.В., *военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами* определяется как деятельность Российской Федерации в области международных отношений, связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой продукции военного назначения, а также с разработкой, производством, модернизацией и утилизацией продукции военного назначения [10].

В определениях как ВТС, так и МВЭО рассматриваются одни и те же аспекты, которые связаны с международным экономическим сотрудничеством в области разработки, производства, продажи ВВТ на мировых рынках.

Понятие «международные военно-экономические отношения» по многим параметрам пересекается с понятием «военно-техническое сотрудничество», и в некоторых аспектах они просто неразделимы, поскольку деятельность в этих сферах охватывает полный жизненный цикл образцов вооружения и военной техники. В то же время, например, когда речь идет о кооперации оборонных предприятий, взаимодействии в сфере производства военного вооружения и военной техники, экспорте и импорте ВВТ, данные отношения следует рассматривать только как международные военно-экономические отношения.

Необходимо отметить, что МВЭО являются составной частью международных экономических отношений. Для более полной характеристики МВЭО следует обозначить, какую часть они занимают в МЭО (таблица 1).

Исходя из того, что вышеприведенные определения МВЭО и ВТС не раскрывают всей сложности данных отношений в современной мировой экономике, автор предлагает уточнить определение МВЭО и отразить в нем важнейшие характеристики, подчеркивающие особенности функционирования на современном этапе.

Таблица 1

Место международных военно-экономических отношений
в международных экономических отношениях

Международные экономические отношения	Международные военно-экономические отношения
Международная торговля	Международная торговля ВВТ
Международное движение капиталов и инвестиций	Международное движение капиталов и инвестиций в рамках создания ВВТ, через международное кооперирование
Международная миграция населения	Международная миграция населения в рамках: международного кооперирования военно-промышленных компаний.
Международное научно-техническое сотрудничество	Международное научно-техническое сотрудничество в рамках создания ВВТ
Международное валютно-финансовое сотрудничество	Международное валютно-финансовое сотрудничество в рамках производства ВВТ

Представляется, что *международные военно-экономические отношения* – это подсистема международных экономических отношений, основными формами которой являются международная торговля вооружением и военной техникой, изделиями двойного назначения, комплектующими, технологиями; международная производственная кооперация и научно-техническое сотрудничество военно-промышленных компаний; международная миграция военных специалистов; миграция капиталов и инвестиций военно-промышленных ТНК; международные валютно-финансовые отношения в рамках создания, производства, реализации и утилизации ВВТ.

Библиографический список:

1. Баланчук, М. А. Милитаризация внешнеэкономических отношений современного империализма / М. А. Баланчук. – Монино, 1976. – С. 11.
2. Военно-экономические связи стран НАТО: цели, масштабы, формы реализации / С. Е. Благоволин [и др.]; науч. ред. С. Е. Благоволин. – М.: ИМЭМО, 1988. – С. 8.

3. Чернышев, А.Н. Военно-экономические связи Китая (конец 70-х – 80-е годы): автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.15 / А.Н. Чернышев. – М., 1989. – С. 7.
4. Военная экономика. Теория и актуальные проблемы: учеб. / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.И. Пожарова. – М.: Воениздат, 1999. – С.171.
5. Кузык, Б.Н. Оборонно-промышленный комплекс России: прорыв в XXI в. / Б.Н. Кузык. – М.: Рус. биогр. ин-т, 1999. – С. 98.
6. Воробьев, В.В. Военная экономика: учеб. / В.В. Воробьев, А.И. Пожаров, С.М. Ермаков. – М.: Воениздат, 2003. – С. 18.
7. Горностаев, Г.А. Внешние военно-экономические связи России: проблемы развития и пути их решения: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.14 / Г.А. Горностаев. – М., 2002. – С. 21-22.
8. Война и мир в терминах и определениях: словарь / под общ. ред. Д. Рагозина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voina-i-mir.ru/>.7.02.2012 г.
9. Военная экономика: учеб. / под ред. С.А. Бартенева и С.В. Трухачева. – М.: Акад. ГШ ВС РФ, 2003. – С. 203–204.
10. Военно-техническое сотрудничество России на рубеже веков / под общ. ред. С.В. Степашина – М.: Фин. контроль, 2002. – С. 59.

УДК 355.014

В.Ю. Микрюков

*Академия военных наук Российской Федерации
г. Москва*

mvu21@mail.ru

ВЕЛИЧАЙШИЙ И ОСНОВНОЙ ВОЕННЫЙ ЗАКОН

На основе исторического анализа автором обосновывается необходимость и целесообразность развития военного искусства и строительства вооружённых сил исходя из национальных особенностей и национальных интересов России.

Ключевые слова: народ, армия, национальные особенности, война, военное искусство.

Каждый народ, каждая армия во все времена вели свои войны по-своему, исходя из своих целей и способов их достижения, самобытности и менталитета. «Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора – и просто за прекрасную Францию, – писал русский военный историк А.А. Керсновский. – Англичанин погибал на краю света «за всё большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя» [1]. Русские воины воевали во славу Божию и ради защиты своего Отечества, не ища собственной славы. И Россия побеждала своей верой и любовью к Родине.

«Русская армия искони была школой патриотической верности, русской чести и стойкости, – отмечал русский военный историк генерал-лейтенант А.И. Баиов. – Самоё воинское звание и дело заставляет человека выпрямить хребёт своей души, собрать распущенную особу, овладеть собою и сосредоточить свою выносливость и мужественность. На нашей национальной почве возросли такие военные гении, как Пётр Великий, Румянцев и Суворов, такие выдающиеся полководцы, как Кутузов и Скобелев, такие талантливые генералы, как Меншиков, Вейсман, Репнин, Багратион, Гурко, Радецкий, Кондратенко и многие другие, и такие военные мыслители, как Леер и Драгомиров. Эта блестящая плеяда русских деятелей оставила нам громадное богатство в области военного искусства, и их деяния представляют неисчерпаемый источник для уразумения истины и приобретения познаний в военном искусстве. Не нужно только этот чистый и могучий источник засорять чуждыми нам насаждениями, способными лишь вопреки природе русского человека, водворять у нас господство формы и шаблона» [2].

Стратегия России была успешной только тогда, когда она основывалась на национальной государственной идее, верно отражавшей национальные интересы и предназначение России.

В этом плане показательна деятельность российского императора Петра I. «Преобразования Петра Великого особенно плодотворны для русской армии потому, что принимая что-то извне, он заботился о строгом согласовании вновь вводимого с русскою жизнью, старался придать нововведению форму,

понятную для русских людей, подготовленных царём для деятельности на всех ступенях военной иерархии» [3], – отмечал русский военный историк и теоретик генерал Н.П. Михневич.

Однако в послепетровский период многие государственные деятели России в качестве примера для подражания избирали западные образцы строительства вооружённых сил, что негативно сказывалось на их развитии. «Трагически заканчивались попытки «онемечить» русскую армию Петром III и Павлом I, – писал Керсновский. – Русские вооружённые силы во времена царствований Петра III и Павла I преобразовывались по прусскому образцу. Из русской армии изгонялись передовые представители русской военной школы Петра I, Румянцева, Суворова. Духовные начала уступили место рационалистическим. Национальная традиция и национальная доктрина – преклонению перед иностранщиной...» [4].

Игнорирование национальных особенностей, подражание иностранным армиям, их структуре, традициям, формам и способам военных действий приводило государство российское к самым тяжёлым последствиям – поражениям в русско-японской и Первой мировой войне, крушению империи.

«Наш народ – землепашец, в то же время и народ-воин, – писал Керсновский. – Никакой иной народ так и не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашца с обязательным для всех воинским долгом. Военный гений русского народа велик и могуч – тому свидетели все покорённые столицы Европы и те шедшие на Русь завоеватели, что стали затем верноподданными Белого Царя... Нам придётся преодолеть великие трудности, но это для того, чтоб совершать затем великие дела! А когда эти трудности покажутся неодолимыми, рвы Измаила – глубокими, Чёртовы мосты – непроходимыми, когда вот-вот опустятся руки и упадут сердца, тогда оглянемся назад и спросим совета у Петра, Румянцева, Суворова. И они дадут совет – тот самый, какой надо. И вновь содрогнётся Вселенная от дел русского оружия. Но горе нам и горе вам, что придёте, если вместо русских великанов станете спрашивать совета у чужих ницхтбештимзагеров, если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут нашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден – Мазурскими озёрами» [5].

Об этом же в начале XX века предупреждал русский военный историк Н.А. Морозов: «Следует помнить, что военное искусство не может и не должно у всех народов выливаться в одни и те же формы, быть всегда и везде одинаковым, вне зависимости от духа и особенностей народа. Спасение наше и возрождение может заключаться только в отрешении от иноземных устоев и возвращении к заветам славных вождей Российской армии» [6].

К сожалению, в современной России государственные деятели не вняли предупреждениям многих военных мыслителей, когда с 1992 г. стали формировать Российскую армию по американскому образу и подобию, вводя американский фасон военной формы одежды, подгоняя под её стандарты структуру вооружённых сил, беря на вооружение американские формы и способы военных действий. Всё это закончилось массовым увольнением из рядов вооружённых сил многих способных офицеров и прапорщиков и довольно чувствительным поражением российской армии в 1-й чеченской войне.

Но до сих пор не прекращаются попытки «втиснуть» российские воинские традиции, русское военное искусство в прокрустово ложе иностранных, прежде всего натовских войск.

«В российской печати, к сожалению, иногда и в «Красной Звезде» во всю превозносят сомнительные достоинства то американской, то израильской, то британской армий, незаслуженно принижая в ряде случаев свою российскую армию, – пишет Президент Академии военных наук Российской Федерации генерал армии М.А. Гареев. – Так, ставится нам в пример германская армия, где принято в строю ходить не в ногу. В «Красной Звезде» в рассказе о голландской армии предлагается перенимать у неё такие, с позволения сказать, новшества, когда военнослужащие не отдают друг другу честь, солдаты не встают, когда мимо проходит генерал и некоторые другие нелепости. В западной печати поговаривают, что если солдат на занятии вырыл себе окоп, ему нужно отдельно заплатить. Кое-где введены запреты на инспектирование и появление старших командиров в частях в выходные дни, не учитывая того, что вместо этих командиров противник может учинить «инспекцию» в самое неподходящее время. Нашим журналистам невдомёк, что мы всё это уже пережили. Ещё в уставах 30-х годов указывалось, что красноармеец приветствует командира только в том случае, если он его уважает. Но жизнь нас уже в финскую войну жестоко наказала за все эти вольности, и у нас вовремя одумались. Дело в том, что все эти армии, которые сейчас расхваливают, никаких испытаний ещё не прошли и ни в одной серьёзной войне не участвовали. Та же голландская армия при первом столкновении с германской армией вместе с другими западными армиями летом 1940 г. не смогла оказать противодействие противнику и быстренько разбежалась» [7].

Нам нужен иной подход к изучению иностранных армий. Необходимо критически оценивать их опыт, извлекать из него всё полезное и нужное, но не подгонять под их стандарты.

Например, введённая прежним руководством Департамента образования Минобороны РФ во главе с Е.Г. Приезжевой западная трёхуровневая болонская система обучения в военных вузах (бакалавриат, специалитет и магистратура) повлекла резкое снижение качества подготовки офицеров (новый министр обороны Шойгу её уже отменил). По поводу введённой ею системы образования Приезжева заслушивалась на заседании Общественной палаты и по свидетельству присутствующих военных специалистов внятно обосновать суть и цели реформы военного образования так и не смогла.

Следует также отметить, что нашими противниками сознательно вводится дезинформация с целью направить развитие российских вооружённых сил по ошибочному пути.

Так, в настоящее время американским военным руководством активно вводится положение о том, что будущие войны будут, скорее всего, сетевыми и бесконтактными с использованием в основном высокоточного оружия. И если такой взгляд на войны будущего у нас возобладает, то мы будем готовиться к войне, в которой у нас на краткосрочную и среднесрочную перспективу просто нет шансов на победу (так называемое запрограммированное поражение).

Но если мы зададимся вопросом: «А, собственно, почему война в будущем должна быть именно такой?» и в качестве «асимметричного ответа» Западу будем готовить контактную войну с применением всего арсенала средств направленного воздействия, которым мы можем обладать, то и характер такой будущей войны будет уже другой и её финал непредсказуем! [8].

Следует иметь в виду, что «задачи вооружённых сил США и нашей армии радикально не совпадают. США и их союзники по НАТО на протяжении десятилетий ведут, как правило, наступательные военные действия за пределами своей территории, всегда обладают инициативой в развязывании войны, воюют со слабым противником. Поэтому их опыт нетипичен для нас. Нам, прежде всего, надо обеспечить защиту своей территории и поэтому в начале войны придется вести оборонительные действия против более сильного, принципиально разного на каждом ТВД противника» [9].

Исходя из этого, с целью появления возможностей конкурировать с США в военной сфере, необходимо разрабатывать и продвигать собственные теории, формы и способы применения группировок войск (сил), в частности, теорию взаимодействия войск, разрабатываемую автором с 90-х годов прошлого века [10].

Таким образом, необходимо созидать, а не бездумно ломать, без анализа последствий, уже созданное предшественниками, необходимо творчески использовать отечественный опыт, а не слепо копировать ту или иную зарубежную военную систему без учёта национальных особенностей. Нельзя забывать величайший и основной военный закон – *военное искусство национально*.

Библиографический список:

1. Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – С. 11-12.
2. Байов А.И. Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. – СПб., 1913. – С. 30, 31.
3. Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. – СПб., 1898. – С. 25–26.
4. Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – С. 181.
5. Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Голос, 1994. – Т. 4. – С. 331.
6. Морозов Н.А. Воспитание генерала и офицера, как основа побед и поражений. (Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плацпарада). – Вильна, 1909. – С. 47.
7. Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. – М.: Инсан, 2004. – С. 353.
8. Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А. «Сетевая» война как новая парадигма вооружённой борьбы // Информационные войны. – 2013. – № 2 (26). – С. 8.
9. Рукшин А.С. Некоторые итоги реформы Вооружённых Сил // Военно-промышленный курьер, 2012. – № 45 (462).
10. Микрюков В.Ю. Теория взаимодействия войск. – М.: Вузовская книга, 2006.

Т.А. Мишарина, О.Н. Проценко

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

*tamisharina@list.ru
olga_n@ngs.ru*

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФРАНЦИИ

Статья посвящена вопросам обороны и национальной безопасности Франции, раскрывает основные тенденции доктрин 1972, 1994, 2008 и 2013 гг., затрагивает направления военной реформы до 2025 г.

Ключевые слова: доктрина, оборона, национальная безопасность, стратегическая функция, реформа.

«Белая книга» – наименование доктрины по вопросам обороны и национальной безопасности Франции. В ней прописывается стратегическая концепция, распределение бюджета, взаимоотношения с различными странами.

«Белая книга» при Шарле де Голле 1972 г. была посвящена стратегической независимости Франции, а также оценивала реальные возможности ее военной мощи.

После окончания холодной войны военно-политическое руководство Франции решило, что угрозы крупномасштабной агрессии отныне нет, зато возникли проблемы иного рода. В конечном итоге к 1994 г. был подготовлен документ (он именуется сегодня «*Белая книга по обороне и национальной безопасности*»), в котором излагались новые направления стратегии национальной безопасности и кардинальные изменения, которые следовало произвести в вооруженных силах страны. С 1996 г. французская армия перешла на контрактный принцип комплектования, Париж решил отказаться от сухопутной компоненты стратегического ядерного оружия и, наоборот, нарастить аэромобильные возможности ВС – с целью обеспечения быстрой переброски подразделений быстрого реагирования в удаленные регионы планеты.

Однако с тех пор международная военно-политическая обстановка претерпела достаточно существенные изменения. Возникли новые, нетрадиционные, угрозы, которые потребовали от Парижа пересмотра роли своих вооруженных сил в будущем. Теперь они обязаны включиться в борьбу с международной террористической сетью как внутри самой Франции и в странах французской Африки, так и за рубежом – в составе многонациональных коалиционных группировок, а также оказывать всемерную помощь гражданским ведомствам.

Следующая доктрина Франции, принятая в 2008 г., исходит из констатации того факта, что обстановка в мире за последние годы серьезно изменилась, став одновременно менее стабильной и менее предсказуемой.

В «Белой книге» обращено внимание на такие опасности, как кибератаки, эпидемии, климатические катастрофы. В ней обозначены зоны, которые со стратегической точки зрения являются чувствительными для Франции. Это «кризисные районы» от Атлантики до Индийского океана, западное побережье Африки, регион Антильских островов – Гвианы.

Если стержнем Белой книги 1972 г. было «сдерживание», в 1994 г. – «проецирование силы», то в «Белой книге по обороне и национальной безопасности» 2008 г. – это «знание и прогнозирование».

Последняя «Белая книга» была опубликована 29 апреля 2013 г. В новой версии «Белой книги» основные тенденции предыдущей книги остаются.

В документе сформулированы пять «базовых стратегических функций (направлений деятельности)», которые должны быть готовы выполнять и национальные вооруженные силы, и соответствующие государственные ведомства.

1. *Обладание необходимой информацией и способность предупреждать события (connaissance et anticipation)*. Под этим подразумевается способность военного ведомства и агентств безопасности собирать всю необходимую информацию о потенциальном противнике, новых угрозах и вызовах, что, по расчетам авторов документа, гарантирует Франции сохранение автономии в вопросе принятия решения и обладание стратегической инициативой. Естественно, что основополагающая роль здесь отводится всем видам разведки.

2. *Предупреждение или действие на опережение (prévention)*. Главная цель – недопущение возникновения серьезных угроз или вызовов национальной безопасности Франции. Здесь планируется использовать весь спектр средств: дипломатические, экономические, военные, юридические, культурные, а также их комбинацию, координируемую на национальном или международном уровне. Среди первоочередных военных мер указана необходимость содержать две военные базы в Африке (по одной на побережье Атлантического и Индийского океанов) и усилить французское военное присутствие в регионе Персидского залива (базовым пунктом выбран г. Абу-Даби в ОАЭ).

3. *Сдерживание (dissuasion nucléaire)*, под которым фактически понимается ядерное сдерживание, остающееся одним из приоритетных средств обеспечения национальной безопасности республики. По мнению ее военно-политического руководства и авторов «Белой книги по обороне», ядерное сдерживание – это верный гарант безопасности и независимости Франции. Единственная его цель – недопущение агрессии со стороны любого иностранного государства и нанесения вреда национальным интересам страны, в каком бы виде и с какой стороны подобные угрозы ни последовали бы.

С другой стороны, в «Белой книге по обороне» особо подчеркивается, что, несмотря на то, что Париж намерен полагаться на ядерное оружие до тех пор, пока считает его действенным для предотвращения агрессии, Франция выступает и будет дальше выступать за ядерное разоружение, против распространения ядерного, химического и биологического оружия и средств его доставки.

4. *Защита (protection)*, под которой понимается как непосредственное обеспечение военными и полицейскими методами безопасности населения и целостности территории самой Франции, так и «способность общества в целом восстанавливаться после сильного кризиса и продолжать жизнедеятельность в прежнем режиме». Важная роль здесь отводится созданию и эксплуатации эффективных систем наблюдения, связи и коммуникаций, использующих средства наземного, морского, авиационного и космического базирования. Решение данной задачи (функции) возлагается одновременно на военное ведомство, а также службы внутренней безопасности государства и систему гражданской обороны. Среди прочего, например, предусмотрено создание к 2020 г. системы предупреждения о ракетном нападении – на базе загоризонтных РЛС и космических систем, а также выделение 10 тыс. военнослужащих в резерв для помощи гражданским службам в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций или стихийных бедствий.

5. *Вмешательство (intervention)*, которое признается одним из основных методов использования французских вооруженных сил для защиты интересов национальной безопасности. Причем предупреждение и вмешательство – задачи неразделимые, которые необходимо решать только вместе. Военно-политическое руководство Франции и авторы «Белой книги по обороне» считают, что республике стоит сосредоточить свое внимание на обеспечении национальных интересов в таких важных районах, как Атлантика и Средиземноморье, Персидский залив и Аравийское море, а также Индийский океан. Именно здесь в среднесрочной перспективе будут сосредоточены интересы Франции и других европейских государств, и именно отсюда будут исходить главные угрозы их национальной безопасности.

Кроме того, принимая во внимание постоянно возрастающую роль Азии в мировой политической и экономической жизни, «Белая книга по обороне» содержит требование уделять этому региону больше внимания, проецируя силу из акватории Индийского океана. По-прежнему Париж не будет упускать из виду восточное и западное побережья Африки, а также район Сахары, в том числе с целью предотвращения наркотрафика и борьбы с международным терроризмом. В этой связи французское правительство намерено пересмотреть имеющиеся соглашения в области обороны и безопасности с африканскими государствами и упрочить сотрудничество с ними в этой сфере. Вооруженные силы также сохранят крупные оперативные группы войск в зоне Вест-Индия – Французская Гайана, основными задачами которых являются защита космического центра в Куру и борьба с наркотрафиком. Планируется к тому же увеличить численность контингентов жандармерии и сил безопасности в заморских департаментах Франции.

Согласно «Белой книге», уже к 2025 г. у Франции появятся возможности как для обеспечения помощи, так и для проведения самостоятельных военных операций. Предполагается усиление потенциала разведки и сил спецназначения, которые играют ключевую роль в последних военных операциях.

«Боевой состав сухопутных войск будет насчитывать 66 тысяч человек в составе 7 смешанных бригад, две из которых будут иметь возможность вести активные действия против противника, оснащенного тяжелым вооружением. Эти силы будут располагать 200 основными боевыми танками, 250 средними танками, 2700 многоцелевыми боевыми бронированными машинами, 140 разведывательными и ударными и 115 многоцелевыми вертолетами, а также 30 тактическими БПЛА. ВМС будут насчитывать 4 подводных ракетносца с баллистическими ракетами, 6 многоцелевых подлодок, 1 авианосец, 15 фрегатов первого ранга, 6 сторожевых кораблей, 15 кораблей ОВР, 3 корабля управления и проецирования силы

(УДК). В составе ВМС также останется морская патрульная авиация и минно-тральные силы, обеспечивающие защиту коммуникаций и проведение операций за рубежом. ВВС будут насчитывать 225 боевых самолетов (Rafale), включая сюда и палубные, около 50 тактических транспортных самолетов (A400M и CN-235), 7 самолетов ДРЛО (E-3F), 12 заправщиков (A330MRTT), 12 БПЛА-разведчиков на ТВД (MALE), легкие разведывательные самолеты и 8 батарей зенитно-ракетных систем ПВО (SAMP/T)».

В «Белой книге» отдельной главой описываются отношения с НАТО и ЕС и дальнейшие планы в рамках этих союзов, а точнее: сохранение суверенитета Франции и независимости ее решений, сохранение приверженности Североатлантическому альянсу и продолжение интеграции в рамках Европейского Союза.

В нашей статье мы постарались коротко охарактеризовать как основные различия военных доктрин 1972, 1994, 2008 и 2013 гг., так и положения, их объединяющие. Во всех документах прописывается современная геополитическая ситуация, отношения с различными странами, только с военной точки зрения, разработан комплексный подход к основным вопросам внутренней безопасности, который признает преемственность между внутренней и внешней безопасностью и выражает солидарность между государствами-членами Евросоюза.

Библиографический список:

1. Le livre blanc. Défense et sécurité nationale 2013 // Электронный ресурс: [<http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale.pdf>]

УДК 327.8

А.И. Пальцев

*Сибирский институт международных отношений и регионоведения
г. Новосибирск*

palzev@mail.ru

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ

Автор рассматривает ситуацию на Украине с позиций нравственного прогресса человечества и определяющей роли воздействия на поведение людей контекста системы, к которой они принадлежат.

Ключевые слова: нравственный прогресс человечества; православие, католичество, цивилизационное перекодирование, нацизм.

В каком направлении необходимо двигаться человечеству для того чтобы решать возникающие проблемы посредством переговоров, а не войны?

Понятие прогресса считалось ориентиром позитивного вектора движения. Давая определение понятию «прогресс» А. Дж. Тойнби исходил из того, что «Прогресс... – это последовательное совершенствование нашего культурного наследия, непрерывное и кумулятивное, от поколения к поколению». В то же время в отношении человеческой природы А. Дж. Тойнби признавал, что «нет никаких оснований предполагать, что в рамках «исторического времени» наблюдается какой-либо прогресс в эволюции самой человеческой природы как физической, так и духовной» [1].

Первая и Вторая мировые войны пошатнули представления человечества о нравственном прогрессе. Как заметил Р. Осборн, «...рост цивилизации едва ли способен уберечь людей от массовой бойни» [2].

Исходя из того, что дуальность начинается с того, что есть Бог и есть его антагонист Сатана, а поведение человека, по Фрейдю, определяется базовыми инстинктами либидо (инстинкт жизни) и мортидо (инстинкт смерти), корректно ли ставить вопрос о нравственном прогрессе или следует признать, что все попытки человечества достичь нравственного совершенства, в конечном итоге, своим знаменателем имеют библейскую истину о том, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Определенный оптимизм внушает стремление значительной части человечества следовать божьим заповедям. Созданный по образу и подобию Бога человек в высших своих проявлениях приближается к качествам, которые явили миру пророки. В нацистских лагерях были случаи, когда люди, поставленные в нечеловеческие условия, являли собой пример того, что значит быть созданным по образу и подобию Бога. В. Франкл описывает эпизод, случившийся в концлагере. Когда лагерное начальство поставило перед

узниками дилемму: или они выдают узника, который от голода украл из кладовой несколько фунтов картофеля, или же весь лагерь в этот день не получит пищи, то 2500 человек предпочли голодать [3].

Нам представляется, что прав был писатель Д. Балашов, утверждавший, что дьявол – это активная пустота. Она наступает на нас всякий раз, как только мы перестаем с ней бороться. Следовательно, нравственность – величина не постоянная, а актуальный срез нашей борьбы с активной пустотой в каждый данный момент.

Система приоритетов, регулирующих человеческие отношения, распределяется следующим образом: 1) социальные нормы, определяемые внутренним авторитетом (религиозные и моральные); 2) право и прочие формальные институциональные нормы, определяемые внешним авторитетом; 3) экономика; 4) политика. Попытки нарушить приоритетность или абсолютизировать нормы, не являющиеся сакральными, всегда чреваты разбалансировкой человеческих отношений.

Подтверждение закона незаменяемости социальных норм было получено в естественном эксперименте, «участниками» которого были узники концентрационных лагерей периода Второй мировой войны. Психолог с мировым именем, бывший узник концлагеря Б. Беттельхейм [4], заметил, что первыми в концлагере ломались «чиновники», категория узников, для которых смыслом жизни было продвижение по социальной лестнице, получение знаков отличия их в социуме. Более стойкими были истинно верующие узники. Те, для кого истинной была сакральная система ценностей. Они, помогая другим, по-существу, оказывали помощь самим себе. И третья категория узников – «аристократы духа», задававшие критерий человечности в самых нечеловеческих условиях существования. Это были люди, для которых понятия «честь», «совесть» были не конъюнктурными категориями, а регуляторами их поведения в любой обстановке.

Человек – существо социальное и выжить он может лишь в сообществе с себе подобными. Поэтому система различия «свой – чужой» заложена у нас в качестве базовой для выживания. Она актуализируется всякий раз, когда возникает ситуация столкновения с людьми иной системы ценностных ориентаций. Ограниченность действия ценностных установок локальных культур К.Г. Юнг определял следующим образом: «Моральные законы имеют силу лишь внутри группы живущих совместно людей. За ее пределами их действие прекращается. Вместо них там действует старая истина: «человек человеку – волк». С развитием культуры удается подчинить все большее количество людей власти одной и той же морали, хотя до сих пор не удалось добиться господства морального закона также и за пределами границ сообществ, то есть в свободном пространстве сообществ, независимых друг от друга. Там с древних времен господствуют бесправие, распушенность и вопиющая безнравственность, о чем вслух говорят лишь враги» [5].

Данная точка зрения объясняет существующее и поныне деление на внешнюю и внутреннюю мораль. «Внешняя мораль», – отмечал М. Вебер, – позволяла за пределами коллектива то, что строго порицалось в отношениях между «братьями» [6].

Исследования поведения военнослужащих в войнах 20-го столетия, лишенные политической ангажированности, позволили директору Восточно-европейского Института Психиатрии М.М. Решетникову в докладе на Всероссийской конференции «Актуальные вопросы военной и экологической психиатрии» сделать вывод о том, что «...наряду с реальным героизмом, взаимовыручкой, боевым братством и другой относительно позитивной атрибутикой войны, грабежи, убийства (как исход «разборки» среди своих), средневековые пытки и жестокость к пленным, самое извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий, как только она вступает на территорию (особенно в случае иноязычного) противника» [7].

Основным фактором, определяющим поведение людей, как это было показано в эксперименте, проведенном учеными Стэнфордского университета в 1971 г., является система, в которую они включены. «Плохие системы» создают «плохие ситуации», создающие «плохих людей»: они провоцируют даже самых хороших из нас вести себя плохо» [8]. Эксперимент показал, что «глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и может подавить его сопротивление» [9]. Индивидуальные различия, утверждает Ф. Зимбардо, уходят на второй план и сглаживаются перед лицом мощных ситуационных сил. Хотя он признает, что даже самый лучший психолог не способен предсказать, как поведет себя в той или иной ситуации каждый отдельный человек [10].

Анализируя ситуацию на Украине, мы тоже приходим к выводу о том, что поведение людей там определяется системами, определяющими контекст ситуации (по Зимбардо, система состоит из агентов и

агентств, идеология, ценности и власть которых создают ситуацию и диктуют роли и ожидания по отношению к поведению людей, находящихся в сфере ее влияния; ситуация – это поведенческий контекст, который с помощью вознаграждения и нормативных функций наделяет тем или иным смыслом роли и статус людей). Следует признать, что народы Украины, как впрочем, и все народы, входящие в СССР, были в течение продолжительного времени мотивированы образом лучшего будущего – коммунизмом. Поражение в «холодной» войне и последующий распад Советского Союза предопределили поиски своего будущего каждым вновь образовавшимся субъектом исходя из новой, достаточно противоречивой, ситуации. Учитывая поляризацию между теми, кто разменял власть на собственность и остальными гражданами, образ будущего у этих социальных страт не совпадал. В создавшихся условиях значительная часть населения включилась в борьбу за то, чтобы попасть в число привилегированных членов пищевой цепочки. Большая же часть населения, осознав бесперспективность своего индивидуального поиска лучшей доли, начала поиск виновных в своих несчастьях.

Разуверившись в возможности изменения политической системы, сформированной на обломках УССР на принципах справедливости, значительная часть граждан Украины решила, что только членство в ЕС сможет помочь им побороть коррупцию, жить в правовом государстве и обрести достойное существование. Первоначальным импульсом, таким образом, стала борьба против олигархов и за место в среде европейских народов.

Но побеждает, как правило, тот, кто лучше организован. Лучше организованными оказались олигархи. Им удалось включить антирусские архетипы галичан, которые формировались, начиная с момента вхождения в состав Польши в 1340 г., а затем с 1772 г. в составе Австрии. Результатом проведенного цивилизационного перекодирования стала замена ментального кода, обусловившего смену цивилизационной идентичности галичан, переход их в западное христианство и включение в западно-европейский суперэтнос. Радикальная часть неопитов восприняла нацистскую идеологию, которая проявилась в годы Второй мировой войны потоком добровольцев в дивизию СС «Галичина» (на 1 июня 1943 их насчитывалось более 80 тысяч).

И нацизм, и фашизм есть продукт западной цивилизации. Известный исследователь западной цивилизации Р. Осборн отмечал: «Национализм, ксенофобия и вера в превосходство белой расы, которые поразили европейское общественное сознание в конце XIX века и легли в основание фашистской догмы, прямо противопоставлялись таким принципам коммунизма, как интернационализм и всеобщее равенство. ...Нацизм вырос в эпоху, в которую все белые нации считали себя превосходящими любые другие» [11]. «Даже Рузвельту, – замечает Р. Осборн, – было не по силам преодолеть глубоко укорененные привычки своих соотечественников – сегрегация по расовому признаку оставалась законодательно разрешенной в Соединенных Штатах до 1950-х годов» [12]. Именно поэтому ключевую роль в проведении нацистского переворота на Украине, разрушившего ее государственность, сыграли министры иностранных дел Великобритании, Германии и Польши, за спиной которых стояли американские и глобальные стратеги, являющиеся непосредственными организаторами и планировщиками украинской катастрофы [13].

Сетования на то, что при проведении на юго-востоке страны так называемой «антитеррористической операции» вооруженные формирования, осуществляющие карательную операцию, ведут себя не по-европейски не соответствуют действительности. И Р. Осборн это поясняет: «Чтобы извинить возможные и реальные зверства, цивилизованные европейцы убеждали себя в неполноценности, опасности и нецивилизованности врагов. Уничтожение таких людей было долгом перед человечеством» [14]. В соответствии с европейским подходом народы, чья территория должна быть зачищена, именуется «колорадами», «ватниками» и тому подобными эпитетами.

Повторение исторического контекста активизировало разные архетипы из структур коллективного бессознательного. Для бойцов Новороссии это православно-советские архетипы. Они проявлены в знамени Новороссии – Андреевский крест на красном знамени Победы, в приказе Командующего ополчением Донецкой Народной Республики о борьбе с мародерством, изданном на основании Указа Президиума ВС СССР от 1941 года, в приказе о запрете матерной брани в армии Новороссии, апеллирующем к православным основам армии.

Для правого сектора это архетипы дивизии СС «Галичина», которые делают возможным расстрел своих сослуживцев – за отказ убивать мирных жителей Новороссии (село Новодружеска) [15].

Нацизм вновь используется западным миром против России. Объединенная Европа стремится взять реванш за свое поражение во Второй мировой войне. Нравственную планку человечности в экстремальных ситуациях могут держать очень не многие. Россия одна из них.

Библиографический список:

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.]. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – С. 244.
2. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира: [пер. с англ.]. – М. Колопотина. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – С. 644.
3. Франкл В. Доктор и душа: [пер. с англ.]. – СПб.: Ювента: 1997. – С.229.
4. Беттельхейм Б. Люди в концлагере / <http://romanbook.ru/book/download/9461365/>.
5. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – С.56-57.
6. Вебер М. Избранные произведения: [пер. с нем.] – М.: Прогресс, 1990. – С.79.
7. Решетников М.М. Психопатология героического прошлого и будущие поколения: Докл. на Всеросс. конф. // Психологическая газета. 1997. № 2. – С. 6.
8. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев: [пер. с англ.]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – С. 631
9. Решетников М.М. Психопатология героического прошлого и будущие поколения. – С. 12.
10. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. – С. 634.
11. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира – С. 640, 671.
12. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира – С. 684.
13. Черных Е. Украина – вязанка соломы для поджога России. / Комсомольская правда 12.07.2014 <http://delyagin.ru/articles/80490-ukraina-vyazanka-solomy-dlya-podzhoga-rossii.html>
14. Осборн Р. Цивилизация. Новая история западного мира – С. 675.
15. Бойцы нацгвардии Украины расстреляли в Луганской области 30 сослуживцев, оказавшихся убивать мирных жителей, заявляют в ополчении. /<http://www.ntv.ru/novosti/983296/>

УДК 341.321.4

А. В. Пепеляев

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

avp1910@yandex.ru

ЗАЩИТА ЖЕРТВ НЕМЕЖДУНАРОДНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Автором рассматриваются правовые основы защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов, изложенные в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года и Дополнительных протоколах к ним.

Ключевые слова: международное гуманитарное право (право войны, право вооруженных конфликтов), жертвы вооруженных конфликтов, немеждународный вооруженный конфликт, нарушение норм права.

Международное гуманитарное право, также называемое правом войны или правом вооруженных конфликтов, применяется с началом вооруженного конфликта ко всем противоборствующим сторонам в равной степени. Его главная цель – облегчить, насколько возможно, бедствия и лишения, приносимые боевыми действиями. Право войны устанавливает и использует комплекс международно-правовых норм: для защиты тех лиц, которые не участвуют или прекратили участие в вооруженной борьбе, а также тех объектов и имущества, которые не используются в военных целях; для ограничения воюющих сторон в выборе способов и средств ведения военных действий.

В настоящее время международное гуманитарное право насчитывает несколько десятков международных договоров, наиболее известными из которых являются Гаагские конвенции от 18 октября 1907 года, Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 года и два Дополнительных протокола к ним от 8 июня 1977 года, Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия от 10 октября 1980 года, Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 года. Эти документы дополняются положениями, которые относятся преимущественно к другим областям, таким как запрещение бактериологического (биологического) и химического оружия или средств воздействия на природную среду.

В данной статье нет необходимости (да и возможности) подробно раскрывать содержание международного гуманитарного права, достаточно выразить его суть. Следуя схеме, разработанной группой экспертов Международного Комитета Красного Креста, право войны можно свести к семи

правилам.

1. Лица, сложившие оружие, и те, кто не принимает непосредственного участия в боевых действиях, особенно гражданское население, имеют право на уважение их жизни, на моральную и физическую неприкосновенность. При всех обстоятельствах они имеют право на защиту и гуманное обращение без какого-либо различия. Репрессалии запрещены.

2. Запрещается убивать или наносить увечья противнику, который сдается в плен или прекратил принимать участие в военных действиях.

3. Раненых и больных как из числа военнослужащих, так и гражданских лиц необходимо подобрать и обеспечить им необходимый уход. Защите также подлежат медицинский персонал, учреждения, транспортные средства и оборудование. Эмблемы красного креста или красного полумесяца обозначают право на такую защиту и должны уважаться.

4. Захваченные в плен комбатанты (воюющие) и гражданские лица, находящиеся во власти противника, включая жителей оккупированных территорий, имеют право на сохранение жизни, уважение их достоинства, личных прав и убеждений. Им должны быть обеспечены защита от любых актов насилия и гуманное обращение при любых обстоятельствах. Они должны иметь право на переписку со своей семьей и на получение помощи.

5. Каждый имеет право на основные судебные гарантии. Никто не несет ответственности за действия, которых не совершал. Никто не должен подвергаться физическим или моральным пыткам, телесным наказаниям, а также жестокому и унижающему достоинство обращению.

6. Стороны в конфликте и лица из состава их вооруженных сил ограничены в своем праве выбора методов и средств ведения войны. Запрещается использовать такое оружие и такие методы ведения военных действий, которые по своему характеру способны причинить излишние повреждения и чрезмерные страдания.

7. Стороны в конфликте обязаны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов. Ни гражданское население в целом, ни отдельные гражданские лица не должны становиться объектом нападения. Нападению могут подвергаться только военные объекты [1].

Международное гуманитарное право проводит различие между вооруженными конфликтами международного и немеждународного характера, то есть внутренними конфликтами или гражданскими войнами. Если право, относящееся к первым, разработано достаточно подробно, то в отношении внутреннего вооруженного конфликта существует ограниченное число международных обязательств, которые должны выполняться в этом случае. Они кодифицированы статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 года и для Протокола II. Эти гуманитарные правила обязательны как для правительственных вооруженных сил, так и для противостоящих им групп, вовлеченных во внутренний вооруженный конфликт. Поскольку в своей основе гуманитарные проблемы, возникающие в обоих типах вооруженных конфликтов, одни и те же, растет количество тех, кто считает, что вооруженные силы должны соблюдать один и тот же свод правил независимо от того, является данный конфликт международным или внутренним [2].

Деятельность командиров (начальников), а также других военнослужащих в любом вооруженном конфликте должна осуществляться с учетом основных принципов международного гуманитарного права: законности, различия, соразмерности, гуманности и военной необходимости [3]. Право вооруженных конфликтов не требует от командиров следования невыполнимым правилам, но оно требует, чтобы при осуществлении возложенных на них задач они учитывали как военные, так и гуманитарные факторы.

Однако при всей кажущейся простоте требований выполнение норм права войны на практике сталкивается с массой проблем. Особенно это характерно для вооруженных конфликтов немеждународного характера. Так, ход вооруженного конфликта на территории Украины свидетельствует о том, что боевые действия противостоящих сторон сопровождаются массой нарушений со стороны, в основном, правительственных войск. Наиболее характерными являются:

- систематическое нанесение ударов неизбирательного характера, жертвами которых становится невоюющее население;
- огневое поражение невоенных объектов, в том числе с использованием зажигательных боеприпасов, ведение огня по гражданским лицам и транспортным средствам;
- уничтожение объектов, необходимых для выживания населения (больниц, школ, газораспределительных станций, электросетей и электроподстанций, водопровода и др.);
- недопущение подвоза продуктов и гуманитарной помощи в блокированные населенные пункты;

- разрушение объектов, имеющих религиозное или культурное значение;
- незаконные задержания, похищения и убийства гражданских лиц, пытки людей, насилие, грабежи и мародерство, негуманное обращение с задержанными гражданами, убийство парламентариев.

По предварительным данным Правительства самопровозглашенной Донецкой народной Республики только на территории Донецкой области за четыре месяца вооруженного конфликта разрушено 57 школ, 500 жилых домов и домовладений, погибло более 4 тыс. человек. От огня украинских войск погибли пять иностранных журналистов, один представитель Международного Комитета Красного Креста, уничтожен офис этой организации в Донецке. Над территорией Украины сбит гражданский самолет с пассажирами на борту. Сотни тысяч мирных жителей покинули места постоянного проживания и бежали от ужасов войны.

При этом следует указать на тот факт, что бойцы территориальных батальонов национальной гвардии Украины («Айдар», «Сич», «Донбасс», «Днепр-1», «Днепр-2», «Прикарпатье» и др.), сформированных из представителей радикальных националистических организаций и движений, фактически освободили себя от соблюдения норм права вооруженных конфликтов. Бойцы этих формирований проявляют крайнюю жестокость к гражданскому населению и попавшим в плен ополченцам, не ограничивают себя в способах и средствах ведения боевых действий. Это вынуждены были признать и представители Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Часть нарушений норм международного гуманитарного права украинскими военнослужащими можно объяснить низким уровнем боевой подготовки войск и плохой слаженностью подразделений. Однако большая часть нарушений связана с явным нежеланием воюющих соблюдать нормы международного гуманитарного права. Имеется масса неопровержимых фактов того, что украинские военнослужащие умышленно выходили за рамки допустимого насилия из чувства ненависти к представителям противостоящей стороны. Неуправляемые эмоции, слепой национализм и атмосфера ненависти и презрения разрушают всякое уважение к человеку. Такое отношение неминуемо ведет к бессмысленному и излишнему насилию, пыткам и убийствам.

Следует указать, что ситуация на востоке Украины в полной мере попадает под действие международного гуманитарного права, в частности, под действие Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Этот Протокол принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года. Он устанавливает, что основные положения, касающиеся немеждународных вооруженных конфликтов, применяются в следующих ситуациях:

а) в пределах территории одного государства начинаются явные и четко определяемые военные столкновения между его вооруженными силами и другими организованными вооруженными группировками;

б) антиправительственные вооруженные силы организованы под руководством ответственного командования и осуществляют такой контроль над частью территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия.

Ко всем вооруженным конфликтам немеждународного характера, возникающим на территории одной из держав, подписавших Женевские конвенции от 12 августа 1949 года, применима статья 3, общая для четырех Конвенций. Кроме того, Дополнительный протокол II, развивающий и дополняющий названную статью, не изменяя существующих условий ее применения, в ст. 4 устанавливает следующие гарантии:

1. Все лица, не принимающие непосредственного участия или прекратившие принимать участие в военных действиях, независимо от того, ограничена их свобода или нет, имеют право на уважение своей личности, своей чести, своих убеждений и своих религиозных обрядов. При всех обстоятельствах с ними обращаются гуманно и без какого-либо неблагоприятного различия. Запрещается отдавать приказ не оставлять никого в живых.

2. Без ущерба общим положениям, указанным выше, запрещаются и будут оставаться запрещенными в любое время и в любом месте следующие действия в отношении лиц, упомянутых в пункте 1:

а) посягательство на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности, убийства, а также такое жестокое обращение, как пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний;

б) коллективные наказания;

с) взятие заложников;

- d) акты терроризма;
- e) надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме;
- f) рабство и работорговля во всех формах;
- g) грабеж;
- h) угрозы совершить любое из вышеуказанных действий.

Особые гарантии предусматриваются в отношении детей. Дети должны обеспечиваться необходимой заботой и помощью, в частности, в отношении получения образования, включая религиозное и нравственное воспитание. Необходимо принимать все возможные меры к тому, чтобы дети могли вернуться в свои семьи, если они временно были разлучены с ними. Дети, не достигшие 15-летнего возраста, не подлежат вербовке в вооруженные силы, и им не разрешается принимать участие в военных действиях.

В случае необходимости и с согласия родителей или лиц, которые несут ответственность за попечительство над детьми, принимаются меры для эвакуации детей из района военных действий [4].

Следует указать, что главная цель Протокола II заключается в том, чтобы распространить на немеждународные конфликты основные нормы Протокола I, относящиеся к защите гражданского населения от последствий военных действий [5].

Протокол II провозглашает, что ни гражданское население в целом, ни отдельные гражданские лица не могут быть объектом нападения; более того, запрещены действия, имеющие основной целью терроризировать гражданское население. Гражданские лица пользуются такой защитой до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях. Запрещается использовать голод среди гражданского населения в качестве метода ведения военных действий (ст. ст 13, 14 Протокола II).

Согласно ст. 17 Протокола II приказ о перемещении гражданских лиц может быть отдан только в случае, если оно необходимо для обеспечения безопасности или в силу настоятельных причин военного характера, а также после того, как будут приняты все возможные меры для приема гражданского населения в удовлетворительных условиях.

Среди общей массы гражданских объектов, нуждающихся в правовой защите во время вооруженных конфликтов, есть объекты, которые пользуются особой защитой международного гуманитарного права. Это касается объектов, необходимых для выживания гражданского населения, а также культурных ценностей и мест отправления культа, которые составляют культурное и духовное наследие народов и которые не должны становиться объектами нападения или использоваться для поддержки военных усилий.

Так, в ст. 15 Протокола II определено, что такие сооружения, как плотины, дамбы и атомные электростанции, то есть сооружения, содержащие опасные силы, высвобождение которых может повлечь за собой тяжелые потери среди гражданского населения, не должны подвергаться нападению, даже если они являются военными объектами.

Протокол устанавливает специальные гарантии для лиц, свобода которых была ограничена. В статье 5 Протокола устанавливается, что в дополнение к основным гарантиям и правам, предоставляемым лицам, не принимающим непосредственного участия или прекратившим принимать участие в военных действиях, лица задержанные и интернированные по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, имеют право на гарантии относительно медицинского обслуживания, питания, гигиены, безопасности, получения помощи, отправления своих религиозных обрядов и условий труда.

Протокол предусматривает, что мужчин и женщин надлежит размещать отдельно, за исключением тех случаев, когда они являются членами одной семьи; что им разрешается посылать и получать письма; что места содержания интернированных и задержанных лиц не должны находиться вблизи зоны боевых действий и что физическому и психическому состоянию здоровья и неприкосновенности этих лиц не должен наноситься ущерб каким-либо неоправданным действием или упущением.

Международным гуманитарным правом специально оговариваются вопросы уголовного преследования лиц. Так, к судебному преследованию и наказанию за уголовные правонарушения, связанные с вооруженным конфликтом, применяются правовые нормы, изложенные в ст. 6 Протокола II. Приговоры могут выноситься только судом, обеспечивающим основные гарантии независимости и беспристрастности: обвиняемый должен быть без промедления информирован о деталях правонарушения, вменяемого ему в вину; недопустима коллективная ответственность и осуждение за совершение какого-либо действия или упущения, которое не является уголовным правонарушением во время его совершения; каждый, кому предъявляется обвинение в правонарушении, считается невиновным до тех пор, пока вина не будет доказана по закону; судебное разбирательство должно проводиться в присутствии обвиняемого;

недопустимо принуждение к признанию себя виновным; осужденному должно быть сообщено о его праве на обжалование. Смертный приговор не должен выноситься лицам, которые в момент совершения правонарушения не достигли 18-летнего возраста, а также беременным женщинам и матерям, имеющим малолетних детей.

Все эти гарантии предполагают недопустимость дискриминации, должны обеспечиваться без какого бы то ни было неблагоприятного различия, основанного на любых причинах. Они продолжают действовать до окончания лишения или ограничения свободы.

Те правонарушения, которые допускают украинские военнослужащие, относятся к серьезным нарушениям международного права. К таковым ст. 130 Третьей Женевской конвенции 1949 года относит нарушения, связанные с тем или иным из указанных ниже действий, в тех случаях, когда эти действия направлены против лиц или имущества, на которые распространяется покровительство Конвенций: преднамеренное убийство, пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, принуждение военнопленного служить в вооруженных силах неприятельской Державы или лишение его права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, предусмотренное данной Конвенцией [6].

В вооруженных силах обеспечение соблюдения права войны является обязанностью командира. Каждый военачальник отвечает за обучение личного состава своего подразделения и за его поведение в бою. Непринятие мер командирами, в результате чего подчиненными совершаются нарушения, не освобождает их от уголовной ответственности. Основное условие эффективной борьбы с правонарушениями одно: неотвратимость ответственности виновных лиц за совершенные военные преступления, которую должно обеспечить мировое сообщество.

В заключение следует подчеркнуть следующее:

гуманитарные принципы, изложенные в статье 3, общей для Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, а также в Протоколе II от 8 июня 1977 года лежат в основе уважения человеческой личности в случае вооруженного конфликта, не носящего международный характер;

международные документы, касающиеся прав человека, предоставляют основную защиту человеческой личности;

государствам и мировому сообществу необходимо принимать все возможные меры для обеспечения лучшей защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера;

в случаях, не предусмотренных действующими правовыми нормами, человеческая личность должна оставаться под защитой принципов гуманности и требований общественного сознания.

Библиографический список:

1. См.: Гассер Г.-П. Международные правовые нормы, применяемые во время военных действий, и некоторые уроки, извлеченные из недавних конфликтов // Празднование 125-й годовщины подписания Санкт-Петербургской декларации 1868 года. Международный симпозиум по праву войны. – Женева: Международный Комитет Красного Креста, 1994. – С. 73–79.

2. См.: там же. – С. 72.

3. См.: Пикте Ж. Развитие и принципы международного гуманитарного права. – 2-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2001. – 112 с.

4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2003. – С. 321 – 322.

5. Основные положения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2003. – С. 84.

6. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2003. – С. 124.

А.Н. Померлян

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

poterlyan_nvi@mail.ru

РЕЖИМ ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье раскрываются основные положения специальных правовых режимов, применяемых в правовом регулировании вооруженных конфликтов. Дано понятие вооруженного конфликта, выявляется основная цель применения чрезвычайных режимов в правовом регулировании вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: режим особого положения, специальный правовой режим, вооруженный конфликт.

На современном этапе социально-экономические, культурные, демографические и геополитические изменения не могли не сказаться на правовой системе Российской Федерации, что в свою очередь повлекло изменения юридической формы одного из наиболее сложных и востребованных элементов, которыми являются специальные правовые режимы. Изменения практически во всех сферах государственного управления наглядно продемонстрировали, что без регулятивных свойств данных правовых режимов система государственного управления не в состоянии выполнять возложенные на нее задачи и функции. Особенно отчетливо это проявляется при осуществлении государственного управления в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, вызванных вооруженными конфликтами. В этой связи исследование категориального статуса специального правового режима представляется актуальным.

Следует сказать, что исследование отдельных специальных правовых режимов в истории нашей страны осуществлялось в работах Д.Н. Артамонова, Г.В. Атаманчука, Д.Н. Бахраха, К.С. Вельского, В.М. Гессена, А.В. Грязнова, В.В. Гущина, И.В. Гончарова, А.Н. Домрина, Б.П. Кондрашова, А.П. Коренева, С.С. Маиляна, И.С. Розанова, А.И. Соловьева, С.В. Пчелинцева, Н.Ф. Поповой, А.С. Щербакова, С.Д. Хазанова, Н.Г. Янгола и некоторых других ученых и специалистов-практиков.

Впервые попытку анализа чрезвычайного законодательства Российской империи предпринял В.М. Гессен в работе «Исключительное положение». Проблеме соотношения текущего и чрезвычайного законодательства был посвящен ряд работ юристов: А.С. Алексеева «Происхождение чрезвычайного права и его политическое значение», С.А. Котляревского «Юридические предпосылки русских основных законов», Я.М. Магазинера «Чрезвычайно-указное право в России», Н.И. Лазаревского «Лекции по русскому государству и праву», Б.Э. Нольде «Очерки русского конституционного права» и др. [1]

Одной из первых попыток специального теоретико-правового исследования вопросов чрезвычайного законодательства и его применения может рассматриваться диссертационная работа и монография А.А. Фомина «Чрезвычайное законодательство в российском государстве». Юристы-правоведы неоднозначно подходили к определению специального правового режима. Так, по мнению А.Ю. Долбиева, под специальным правовым режимом следует понимать вводимый в соответствии с федеральным законодательством временный правовой режим функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, а также жизнедеятельности населения на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях, где возникли особые (чрезвычайные) ситуации или обстоятельства, создающие реальную угрозу основам общества и государства [2].

Однако многие аспекты реализации специальных правовых режимов пока остаются за рамками научного анализа, целостной теоретической концепции, связанной с реализацией правовых средств специального правового режима, в настоящее время не разработано. Указанные обстоятельства дают основание рассматривать исследование специальных правовых режимов как крупную проблему, имеющую важное значение как с точки зрения развития теории права, так и в плане совершенствования правоприменительной практики, направленной на реализацию специальных правовых режимов.

В настоящее время Россия переживает сложный период, когда остро возникают проблемы, связанные с укреплением государственности, федеративного устройства, модернизацией экономической и правовой компоненты, урегулированием национальных отношений, становлением гражданского общества, правового государства, защитой прав человека. Просчеты и ошибки реформирования российского общества, снижение производственной дисциплины и ослабление работы контролирующих и надзорных органов во многом определяли причины роста количества разного рода социальных вызовов и волнений, в том числе и вооруженных конфликтов.

Все эти проблемы приводят к необходимости изучения специальных правовых режимов и разработки государственно-правовых механизмов, направленных на обеспечение, с помощью данных режимов, национальной безопасности и основ конституционного строя.

Российским государством накоплен богатый опыт в деле восстановления конституционного порядка на своей территории, разрешения внутренних вооруженных конфликтов. Однако исторические события не раз подтверждали, что государство одинаково успешно может как предпринимать шаги для подавления деструктивных социальных проявлений, так и принимать меры, которые делают указанный институт эффективным средством защиты свободы и безопасности граждан.

Проблемы, связанные с применением специальных правовых режимов, рассматривались в работах различных авторов разных исторических эпох.

Вместе с тем реанимация режима чрезвычайного положения в Российской Федерации вызвала интерес к правовым проблемам института специальных правовых режимов и чрезвычайного законодательства.

Типология специальных правовых режимов, выявление их сущности, природы, особенностей имеет важнейшее значение для юридической науки и практики регулирования вооруженных конфликтов. При этом общей тенденцией развития этого института является процесс унификации и специализации имеющихся видов специальных правовых режимов, а также возникновение новых видов подобных правовых режимов.

Поэтому принципиальным аспектом рассматриваемой проблемы становится легитимация новых (или модифицированных) видов специальных правовых режимов для регулирования вооруженных конфликтов. В жизнедеятельности любого государства возникают ситуации непредвиденного, произвольного изменения состояния общественных отношений, устранение которых является функциональной обязанностью органов государственной власти и местного самоуправления. Подобного рода изменения могут быть глобальными по значимости, существенными и малозначимыми, в определенной степени прогнозируемыми или абсолютно неожиданными для населения и органов государственной власти.

Одним из видов специальных правовых режимов является режим особого положения. Как отмечает Д.Н. Бахрах, «особое положение» – это собирательное понятие, включающее в себя различные режимы, опосредующие экстремальную ситуацию «регионального бедствия», диктующую необходимость принятия особых мер, по жесткости и объему правоограничений уступающих тем мерам, которые используются при режиме чрезвычайного положения [3]. В.В. Гущин говорит о том, что особое положение отличается от иных специальных режимов: порядком установления, степенью жесткости и объемом правоограничений, характером изменения организационно-управленческого механизма [4].

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что особое положение – это специальный правовой режим, включающий необходимость применения особых условий (мер), которые по жесткости и объему правоограничений значительно уступают мерам, используемым при режимах чрезвычайного и военного положения.

Иными словами, об особом положении можно говорить тогда, когда присутствуют определенные ограничения и запреты, но чрезвычайное или военное положение не объявляется. Режим особого положения, как полагает Д.Н. Бахрах, устанавливается федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

Словосочетание «особые условия» означает общее отличие, необычность обстановки, в которой что-нибудь происходит или произошло [5]. В юридической литературе высказаны различные взгляды о понятии особых условий. Одни авторы связывают особые условия с чрезвычайными мерами охраны, другие считают, что это повышенные по степени опасности условия общественной жизни, угрожающие здоровью людей, материальным и культурным ценностям. К особым условиям относят также и обстоятельства, нарушающие нормальный ритм жизни общества, вызванный социальными и природными явлениями [6].

Различие точек зрения по данному вопросу обусловлено целым рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного порядка. При этом под содержанием особых условий следует понимать чрезвычайную обстановку, возникающую на той или иной территории в результате эпидемии, эпизоотии, стихийных бедствий, а под их формой – специальный правовой режим жизнедеятельности.

В результате особых условий создается чрезвычайная, особо опасная обстановка. Она заключается в следующем.

Во-первых, нарушается нормальный ритм жизни городов, иных населенных пунктов, а также режим функционирования государственных органов.

Во-вторых, причиняется значительный ущерб экономике, материальным и культурным ценностям, а также личным и имущественным интересам физических и юридических лиц.

В-третьих, возникает угроза здоровью, жизни многих людей.

В-четвертых, создается потенциальная угроза нарушения общественного порядка и общественной безопасности.

Все вышеперечисленное воплощает вооруженный конфликт. По мнению автора, вооруженный конфликт – вооруженное противостояние между государствами или социальными общностями внутри отдельных государств, имеющее целью разрешение экономических, политических, национально-этнических и иных противоречий через ограниченное применение военной силы.

Вооруженный конфликт отличается от войны:

ограниченностью политических целей противостоящих сторон;

выдвижением на первый план в качестве причинных факторов не коренных, а более частных противоречий между сторонами;

количественным и качественным ограничением пределов применения военной силы;

сравнительно небольшими территориальными масштабами противостояния;

сравнительно меньшей продолжительностью или пульсирующим характером противостояния.

Таким образом, обеспечение безопасности, локализация и прекращение вооруженных конфликтов, всегда являлись важнейшей функцией государства. Не подлежит сомнению, что в современном российском обществе эта задача может быть успешно решена государством лишь при использовании всех имеющихся в распоряжении общества средств и методов – экономических, политических, военных и правовых.

Эффективное правовое регулирование в условиях вооруженного конфликта как правило невозможно осуществлять при помощи системы методов, которая эффективна в нормальных условиях функционирования государства и общества. В таких условиях должен действовать правовой режим, учитывающий специфику изменившейся ситуации, т.е. специальный режим правового регулирования, носящий чрезвычайный характер.

В качестве особенностей этих режимов можно выделить то, что в условиях функционирования этих режимов осуществляется:

расширение полномочий государственных органов;

законное ограничение прав граждан;

наложение на граждан дополнительных обязанностей;

установление повышенной ответственности за правонарушения.

Основной целью чрезвычайных режимов правового регулирования в условиях вооруженного конфликта является поддержание законности и правопорядка, соблюдение конституционных прав и законных интересов граждан.

Библиографический список:

1. Соколова О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации в системе специальных административно-правовых режимов. // Современное право. – 2005. – № 8. – С. 40-45.
2. Долбиев А.Ю. Административно-правовые режимы, обеспечиваемые органами внутренних дел. // Правоведение. Вып. 5. – Ростов-на-Дону : Южно-Российский гуманитарный институт, 2003. – С. 80.
3. Долбиев А.Ю. Указ. соч. – С. 80-86.
4. Бахрах Д.Н. Административное право. – М., 1996. – С. 208.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1988.
6. Назаренко И.А. Организация деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 16.

С.А. Степанов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

ekaterina-sergej@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования производства неотложных следственных действий органами дознания воинских частей внутренних войск МВД России. Автором рассмотрены вопросы несоответствия ведомственного и федерального законодательства в рамках института неотложных следственных действий.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, орган дознания, дознаватель, внутренние войска.

Совершенствование деятельности внутренних войск МВД России в области борьбы с преступностью актуализирует проблему законодательного регулирования процессуального статуса дознавателя воинских частей подразделений внутренних войск, а также порядка их уголовно-процессуальной деятельности. Для более точного и глубокого раскрытия сущности и содержания уголовно-процессуальной деятельности дознавателя воинской части необходимо обратиться к уголовно-процессуальному законодательству и исследовать вопросы производства неотложных следственных действий.

Говоря об общих проблемах производства неотложных следственных действий в условиях военной службы следует обратить внимание на большое количество противоречий ведомственного и федерального законодательства в данной области, фактическое отсутствие у органов военного управления полномочий по проведению предварительного расследования в форме дознания.

С момента принятия уголовного процессуального законодательства до настоящего времени реализация на практике норм института неотложных следственных действий вызывает много спорных вопросов у учёных, занимающихся проблемами в области уголовного процесса и криминалистики, что в свою очередь приводит на практике к конфликтным следственным ситуациям.

Сказанное в полной мере относится и к производству дознания во внутренних войсках МВД России Российской Федерации.

Внутренние войска МВД России, как и все иные государственные институты, также подвергаются реформированию: реализуются программы поэтапного реформирования внутренних войск, пакет военного законодательства, изменения в организационной и штатной структуре войск и т. д. Но организация дознания, в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ, не претерпела каких-либо изменений. Новое издание Инструкции органам дознания в Вооруженных Силах и иных воинских формированиях Российской Федерации текстуально повторяет предыдущую, и не учитывает ни духа сегодняшнего времени, ни сложившихся во внутренних войсках МВД России уголовно-процессуальных реалий [1].

Особенностью проведения расследования преступлений во внутренних войсках МВД России является то, что правовое регулирование расследования преступлений осуществляется на основе УПК РФ и приказа, утвержденного заместителем Генерального прокурора Российской Федерации – Главным военным прокурором от 18.01.2008 № 20 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба».

Вышеназванные нормативные правовые акты, на наш взгляд, имеют ряд противоречий в сфере разграничения полномочий по производству неотложных следственных действий органами дознания и дознавателями во внутренних войсках МВД России. Так, часть 1 статьи 157 УПК РФ регламентирует при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, органу дознания в порядке, установленном статьёй 146 УПК РФ, возбудить уголовное дело и произвести

неотложные следственные действия [2]. К органам дознания согласно ч. 1 ст. 40 УПК РФ отнесены: командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений или гарнизонов. Пункт 4 части 2 статьи 157 УПК РФ предписывает проведение неотложных следственных действий командирам воинских частей и соединений, начальникам военных учреждений и гарнизонов – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей. Однако пункт 7 статьи 3 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, определяет полномочия органу дознания и дознавателям по производству неотложных следственных действий после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно (производство предварительного следствия обязательно по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел о преступлениях, указанных в ч. 3 статьи 150 УПК РФ) в целях обнаружения и фиксации следов преступления, доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования (в том числе для установления лица, совершившего преступное деяние (ст. 157 УПК РФ). Данное положение инструкции напрямую противоречит пункту 4 части 2 статьи 157 УПК РФ, который предписывает проведение неотложных следственных действий только командирам воинских частей и соединений по уголовным делам, по которым проведение предварительного следствия обязательно.

Анализ приведенных положений вышеуказанных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что в связи с выполнением неотложных следственных действий по уголовным делам в реальности может возникнуть ряд проблем. На практике в воинских частях внутренних войск МВД России орган дознания – командир воинской части в соответствии с п. 7 ст. 5 УПК РФ своим письменным приказом (п. 28 Приложения № 9 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации) [3] уполномочивает наиболее подготовленных и дисциплинированных подчиненных ему офицеров осуществлять процессуальные полномочия органа дознания, назначая их дознавателями, которые, являясь должностными лицами органа дознания, обладают процессуальными полномочиями, предусмотренными ч. 3 ст. 41 УПК РФ.

По нашему мнению, данная формулировка статьи 5 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, не корректна в связи с тем, что в ней прямо не указывается наличие юридического образования у офицера, назначенного осуществлять процессуальные полномочия органа дознания.

Поэтому мы пришли к выводу, что специфика должностного положения, порядок отбора и юридической подготовки военных дознавателей внутренних войск не создают условий для их эффективной деятельности по раскрытию преступлений и участию в расследовании уголовных дел.

Отсюда возникает вопрос: кому в этой ситуации и в каком порядке производить расследование, а именно производство неотложных следственных действий по уголовному делу о преступлении, по которому предварительное следствие обязательно? Более того, получается, что по данной категории дел в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 157 УПК РФ дознаватели воинских частей даже не вправе произвести неотложные следственные действия. Это своего рода нонсенс, который, по нашему мнению, нельзя оставлять без соответствующей реакции.

Изложенная ситуация вовсе не безобидна, как может показаться на первый взгляд, ибо здесь речь идет о получении доказательств не уполномоченными на то должностными лицами. Полученные ими доказательства в последующем могут быть признаны недопустимыми. После введения в действие УПК РФ это обстоятельство особенно тщательно исследуется стороной защиты, и нередко именно на него ссылаются адвокаты в обоснование ходатайств об исключении доказательств из судебного разбирательства.

В соответствии с основным концептуальным требованием российского уголовного процесса уголовное преследование вправе осуществлять лишь уполномоченные на то органы и должностные лица. К ним по делам публичного и частно-публичного обвинения отнесены суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель. Именно на эти субъекты, согласно ч. 1 ст. 7 УПК, возлагается обязанность применять при производстве по уголовному делу действующий уголовно-процессуальный закон и запрещается применение других федеральных законов и иных нормативных правовых актов, ему противоречащих. Если же они допустят в ходе уголовного судопроизводства нарушения УПК, то это повлечет признание полученных таким путем доказательств недопустимыми.

Вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: возлагать полномочия органов дознания по производству неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым проведение предварительного следствия обязательно, на дознавателей воинских частей нельзя.

Поэтому, чтобы искусственно не подводить органы дознания к нарушениям уголовно-процессуального закона, мы считаем, что данную проблему возможно разрешить путём внесения следующих изменений и дополнений в УПК РФ и Инструкцию о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба.

Во-первых, пункт 19 ст. 5 УПК РФ изменить, изложив его примерно в следующей редакции: «Неотложные следственные действия – это следственные действия, осуществляемые следователем, органом дознания и дознавателем по возбужденному уголовному делу в целях установления лиц, причастных к совершению преступления, обнаружения и фиксации следов преступления, а также получения доказательств, собрание, закрепление и проверка которых не терпит отлагательства».

Во-вторых, в целях устранения противоречий по разграничению полномочий между органом дознания и дознавателями в рамках проведения неотложных следственных действий по уголовным делам, производство предварительного следствия по которым обязательно, необходимо придать правовой статус дознавателям воинских частей Вооруженных сил и других воинских формирований, в которых законом предусмотрена военная служба, предоставив им полномочия, вытекающие из особенностей их деятельности. С этой целью следует дополнить ч. 2 ст. 157 УПК РФ пунктом 5.1, изложив его в следующей редакции «дознаватели воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба».

В-третьих, дополнить статью 5 Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба, после слов «наиболее подготовленных и дисциплинированных подчинённых ему офицеров» словами «прошедших курсы повышения квалификации в образовательных учреждениях системы МВД России».

Таким образом, поскольку дознаватели воинских частей внутренних войск МВД России в соответствии с УПК РФ не наделены полномочиями на производство неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, необходимо на законодательном уровне решить вопрос правового регулирования осуществления неотложных следственных действий по возбужденному уголовному делу.

Библиографический список:

1. Приказ Главной военной Прокуратуры РФ от 18 января 2008 г. № 20 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба» / Информационная правовая система «Гарант».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2014.
3. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. – Москва: Военное издательство, 2008.

УДК 338.245 + 339

Н.С. Тихонович, А.Н. Леонович

*Белорусский государственный университет
Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

leonowitsch@mail.ru

ЭКСПОРТ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

В статье рассмотрены основные тенденции развития экспорта вооружения и военной техники и влияние на него военных расходов. Отмечены страны-лидеры в экспорте вооружений и военной техники и в военных расходах, а также рассмотрены причины роста военных расходов.

Гуманитарные проблемы военного дела

Ключевые слова: военно-промышленный комплекс, международные военно-экономические отношения, экспорт вооружения и военной техники и военные расходы.

Обеспечение национальной безопасности и обороноспособности в условиях обострения конкурентной борьбы и межгосударственного соперничества на мировой арене требует от любого члена мирового сообщества уделять серьезное внимание оснащению своих Вооруженных сил современным вооружением и военной техникой (ВВТ). Военно-промышленные комплексы (ВПК) большинства стран мира не в состоянии удовлетворить все потребности национальных армий в ВВТ, и спрос на них покрывается с помощью импорта. Кроме того, созданное во многих странах на предыдущих этапах развития военное производство и низкая емкость внутреннего рынка делают необходимым экспорт части производимого вооружения и военной техники. Реализация интересов экспортеров и импортеров вооружения и военной техники реализуется на мировом рынке ВВТ. Выход на мировые рынки ВВТ осуществляется через систему международных военно-экономических отношений (МВЭО).

Основными формами международных военно-экономических отношений являются: помощь иностранным государствам; торговля вооружением и военной техникой; лицензионное производство ВВТ; совместная разработка вооружения и военной техники; совместное предприятие по производству ВВТ; международный стратегический альянс производителей ВВТ; слияния и поглощения, в том числе и транснациональные [1, с. 6].

Однако основное место в МВЭО занимает торговля вооружением и военной техникой. Пик торговли оружием пришелся на 1987 г. и составил 40,6 млрд долл. Но уже с 1988 г. начался практически непрерывный спад мировых поставок ВВТ. В 1994 г. в мире было реализовано продукции военного назначения всего на 19,7 млрд долл., т. е. почти в 2,1 раза меньше, чем в 1987 г. [2, с. 37]. Это было обусловлено резким уменьшением мировых военных расходов после окончания холодной войны.

В начале XXI века продажи ВВТ постепенно стали возрастать. По данным центра мировой торговли оружием (ЦАМТО) в 2005-2012 гг. ежегодный объем мирового экспорта вооружений и военной техники стабильно возрастал до 2008 года включительно. Однако из-за начавшегося осенью 2008 года мирового экономического кризиса рост мирового экспорта в 2008 году по сравнению с 2007 годом практически прекратился. Самое существенное влияние мировой экономической кризис оказал на мировую торговлю оружием в 2009 году, когда мировой объем военного экспорта снизился до 45,148 млрд долл. Однако уже в 2010 году мировой военный экспорт существенно возрос, а в 2012 году был зафиксирован максимум за 8-летний период – 62,264 млрд долл. В целом за 8-летний период (2005-2012 гг.) объем мирового экспорта ВВТ оценивается в сумму 384,352 млрд долл (см. табл. 1) [3, с. 89-90].

Первое место (по результатам ЦАМТО) из 68 стран, осуществлявших экспорт ВВТ, по фактическому экспорту ВВТ занимают США, которые в период с 2005 по 2012 гг. продали вооружения и военной техники на сумму 146,675 млрд дол, что составляет 38,16% от всего мирового экспорта ВВТ. Второе место заняла Россия – 57,252 млрд долл. (14,9%), третья Франция – 32,248 млрд долл. (8,4%), четвертое Германия – 25,585 млрд долл.; пятое Великобритания – 20,036 млрд долл.

Таблица 1

Экспорт вооружения и военной техники в 2005-2012 гг.

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005-2012
Экспорт ВВТ, млн дол	30082,9	36552,4	46631,3	47236,6	45148,0	54365,6	62070,8	62264,4	384352,1
Рост к предыдущему году, %		+21,5	+27,57	+1,3	-4,42	+20,42	+14,17	+0,31	

Источник: Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 3, с.89-90 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01. 2014г.

На пять крупнейших поставщиков ВВТ (США, Россия, Германия, Франция, Великобритания) в данные годы приходилось 73,3 % всех поставок ВВТ на сумму 281,796 млрд долл., на десять поставщиков ВВТ – 88,5% (340,31 млрд долл). (см.табл. 2) [3, с. 95-97].

Рейтинг стран-экспортеров по фактическому экспорту ВВТ
в 2005-2012 гг. (в млн долл).

Рейтинг	Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005-2012
1.	США	11593,6	13892,9	18095,9	17487,2	15241,4	19850,2	25915,1	24598,8	146675,1
2.	Россия	4251,4	4965,0	6734,5	6480,1	5868,5	6370,3	10178,5	12403,4	57251,7
3.	Франция	3305,8	2934,2	5131,5	5623,0	3291,6	3226,6	4265,4	4470,4	32248,3
4.	Германия	1987,1	2981,2	3722,0	3602,1	2381,1	4320,6	3123,5	3468,0	25585,6
5.	Велико-британия	1106,7	1923,0	2520,0	2775,7	3842,2	3910,8	2231,1	1727,0	20036,3
6.	Израиль	1037,7	1467,3	1584,8	1977,2	2652,3	2976,8	2545,5	2504,4	16745,9
7.	Италия	535,6	848,4	1214,7	1429,0	1798,8	2133,0	1907,8	2087,2	11954,3
8.	Швеция	1141,0	931,0	1176,2	1130,7	2159,8	2058,7	1731,2	1478,1	11806,6
9.	Китай	451,2	816,8	762,0	560,0	1509,6	1805,1	1695,5	1665,4	9265,6
10.	Испания	154,5	765,6	961,7	883,8	1184,6	1276,3	2069,2	1396,9	8692,4
	Миро-вой экспорт ВВТ	30082,9	36552,4	46631,3	47236,6	45148,0	54365,6	62070,8	62264,4	384352,1

Источник: Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 3, с.95-97 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01. 2014г.

Высокий спрос на военную продукцию США обусловлен следующими причинами: во-первых, высоким техническим уровнем предлагаемой военной продукции; во-вторых, комплексностью условий сделок и надежностью послепродажного обслуживания ВВТ; в-третьих, постоянно усиливающейся государственной поддержкой; в-четвертых, перестройкой деятельности военно-промышленных компаний с ориентацией на внешние рынки.

Мировой импорт ВВТ [3, с. 472, 476] по результатам рейтинга ЦАМТО представлен 159 странами. Пять ведущих импортеров (Индия, США, ОАЭ, Австралия, Южная Корея) приобрели вооружения и военной техники на сумму 111730,9 млн долл., что составляет 29,1% всех приобретений, десять стран – на сумму 173253 млн долл или 45,1% (см. табл. 3) (Расчитано авторами на основе данных: Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013, Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 4, с. 476 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01.2014 г.).

Таблица 3

Рейтинг стран-импортеров по фактическому объему
импорта ВВТ в 2005-2012 гг. (млн долл. в текущих ценах)

Рейтинг	СТРАНА	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005-2012
1.	Индия	1493,0	1855,2	2711,3	2709,7	3381,2	3673,0	5196,0	6007,1	27026,4
2.	США	2041,6	4072,5	3824,3	4422,0	3503,9	4032,3	1868,9	2578,5	26344,0
3.	ОАЭ	3619,4	2824,0	2140,6	2023,1	694,8	2635,1	5202,6	3791,6	22931,0
4.	Австралия	759,8	1198,1	1597,9	1734,4	946,2	4167,7	5674,7	3202,5	19281,1
5.	Южная Корея	906,5	2076,3	2179,1	2747,0	878,1	1354,8	3674,7	2331,9	16148,4
6.	Саудовская Аравия	2410,4	883,4	903,9	1680,5	2526,2	2920,1	2322,8	2199,7	15846,9
7.	Пакистан	673,3	710,1	588,8	1178,6	1518,9	3178,7	1957,3	2180,4	11986,0
8.	Греция	673,9	854,2	3175,5	591,0	2592,0	1740,9	815,6	1466,0	11909,1
9.	Великобритания	273,2	795,2	2588,0	2280,6	1230,5	1139,2	91319,5	1837,2	11463,3
10.	Китай	2750,5	1548,2	1366,3	1360,5	909,2	10765,2	492,4	1124,4	10316,8
	Мировой импорт ВВТ	30082,9	36552,4	46631,3	47236,6	45148,0	54365,6	62070,8	62264,2	384351,8

Гуманитарные проблемы военного дела

Источник: Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 4, с.472,476 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01. 2014г.

Развитие мирового экспорта вооружения и военной техники предопределено размерами военных расходов. История свидетельствует, что значительный рост военных ассигнований происходит в период подготовки и ведения войн. На финансирование Первой мировой войны все ее участники затратили 208,1 млрд долл. [4, с. 90]. В годы Второй мировой войны военные расходы достигли 1 трлн 117 млрд долл. [4, с. 96]. Наибольших размеров мировые военные расходы достигли в период «холодной войны», только за период с 1960 по 1986 г. они возросли с 345 млрд до 825 млрд долл. (в ценах 1984 г.) [4, с. 110].

В 90-х годах XX века наблюдалась тенденция уменьшения военных расходов во многих государствах. Это было обусловлено окончанием «холодной войны» и ядерного противостояния США и СССР; распадом СССР. В результате общемировые расходы на военные нужды в рассматриваемый период сократились на 26 %, в том числе военные расходы США снизились на 29 %, Великобритании – на 23%, Франции – на 13%, Германии – на 26 %. Российские военные расходы сократились в пятнадцать раз – с 203 млрд долл. в 1989 г. до 13,6 млрд долл. в 1998 г. [5, с.173-174].

В начале XXI века военные расходы начали возрастать. По данным ЦАМТО, они увеличились с 888345 млн долл в 2003 году [6, с. 3], до 1554284 млн долл в 2012 году (см.табл. 4) [3, с. 16].

Таблица 4

Мировые военные расходы в 2005-2012 гг. (млн долл.)

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2005-2012
Мировые военные расходы	1078575	1181324	1292605	1512392	1529692	1598091	1617912	1554284	11364875
Рост к предыдущему году, %		+9,53	+9,42	+17,00	+1,14	+4,47	+1,24	-3,93	

Источник: Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 1, с.16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01. 2014г.

В последние четыре года наметилась тенденция сокращения темпа роста мировых военных расходов. Темп роста мировых военных расходов после кризиса 2008-2009 гг. существенно снизился, хотя в абсолютных величинах военные расходы в 2010 и 2011 гг. достигли максимальных значений за последний 8-летний период, соответственно 1598,091 млрд долл. и 1617,912 млрд долл. (в текущих ценах).

Основными факторами, обусловившими рост военных расходов, являются следующие: увеличение военных расходов в США, связанное с действиями по борьбе с терроризмом после атак террористов 11 сентября 2001 г.; повышение военных расходов в других экономически развитых странах (Великобритании, Японии); увеличение военных расходов в тех странах, которые претендуют на роль «региональных» лидеров (Китай, Индия, Индонезия, Австралия, Бразилия, Саудовская Аравия, Иран, Алжир); повышение военных расходов в странах, стремящихся обеспечить военный паритет с соседними государствами (например, в Южной Корее, Азербайджане, Армении); рост военных расходов в странах, представляющих нестабильные с военно-политической точки зрения регионы (Ближний Восток и Северная Африка).

Однако в 2012 году впервые мировые военные расходы снизились на 3,93% по сравнению с предыдущим годом и составили 1554,284 млрд дол. Причем наиболее существенный вклад в снижение общемировых военных расходов внесло сокращение военного бюджета США.

Вместе с тем анализ военных расходов в рассматриваемый период позволяет выделить две противоположные тенденции, которые наметились в мировых военных расходах в период мирового экономического кризиса. Первая тенденция состоит в том, что ряд стран однозначно заявили о планируемых сокращениях военных бюджетов. Вторая противоположная тенденция – в увеличении военных расходов.

Рост военных расходов связан в первую очередь с тем, что для любой страны поддержка национального военно-промышленного комплекса очень важна. Во многих развитых странах продукция военно-промышленного комплекса является серьезной статьёй экспорта, причем любая военная продукция – это высокотехнологичные товары, характеристики которых определяются соответствующим уровнем

СЕКЦИЯ «ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО»

технологий и в гражданских отраслях промышленности. Это значит, что политика стран в кризисный период заключается в том, чтобы в максимальной степени сохранить военную промышленность, как самый высокотехнологичный сектор национальной экономики. Есть два пути решения этой задачи – увеличение внутреннего заказа для национального ВПК и продвижение продукции на мировой рынок.

США являются лидером по военным расходам. С 2003г. по 2012 г. они увеличили свои военные расходы с 415,223 млн долл [6, с.7] до 656,207млн долл.[3, с. 19] и заняли первое место по военным расходам в мире, израсходовав на эти цели с 2005 г. по 2012 г. 5306,336 млрд долл (см. табл. 5) [3, с. 19]. За период с 2005 – 2012 гг., как свидетельствуют данные, после США последующие места занимают Китай, Великобритания, Япония, Германия, Россия, Саудовская Аравия, Италия и Индия.

Таблица 5

Военные расходы ведущих стран (млрд долл США)*

№ п/п	Страна (место в рейтинге)	2003	2010	2011****	2012	2005-2012
1.	США	415,223	700,18	731,879	656,207	5306,336
2.	Китай	23,0	78,48	93,250	103,070	522,268
3.	Великобритания	43,143	60,438	63,567	60,953	495,063
4.	Франция	45,918	52,017	53,444	51,271	447,969
5.	Япония	42,495	53,345	58,4	58,219	391,495
6.	Германия	35,055	45,116	48,140	44,401	353,042
7.	Россия***	14,416	38,266	48,840	54,776	316,847
8.	Саудовская Аравия	18,75	32,0	46	35,887	250,478
9.	Италия	30,242	28,196	30,223	27,188	245,290
10.	Индия	16,9	31,93	35,229	31,945	218,088
	Доля США в общемировых военных расходах	46,7**	49,17%	44,63%	42,2%	46,7**
	Расходы 10 ведущих стран **	685,586	1119,968	1210,972	1123,917	8546,876
	Мировые военные расходы	888,345	1507,497	1617,912	1554,284	11364,875
	Расходы 10 ведущих стран к мировым военным расходам***	77,2	74,3	74,8	72,3	75,2

Источник:* Таблица составлена авторами по материалам Ежегодника Центра анализа мировой торговли оружием – 2011. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 1, с. 7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 7.02.2012г. и Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 1, с.19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01.2014г.

**Рассчитано авторами на основании данных таблицы

***Россия в 2003году занимала 11 место по военным расходам после Южной Кореи, в связи с чем в общие военные расходы 10 ведущих стран учитывались расходы Южной Кореи, которые составили 14, 86 млрд долл.

**** По материалам Ежегодника Центра анализа мировой торговли оружием – 2012. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 1, с. 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 20.12.2012 г.

Показатели военных расходов свидетельствуют о реальном уровне масштабов военного строительства в той или иной стране и позволяют оценить уровень внимания той или иной страны к военному строительству. К примеру, Китай с 2003 г. по военным расходам поднялся с 7 на 2 место, Россия за тот же период в рейтинге поднялась с 11 на 5 место. Индия, несмотря на очень крупные оборонные программы практически не изменила свою позицию в рейтинге.

Подводя итог вышесказанному, можно выделить основные тенденции, связанные с экспортом ВВТ и мировыми военными расходами: после снижения в конце XX века мировых военных расходов в результате окончания «холодной войны» в начале XXI века произошел их интенсивный рост; благодаря росту мировых военных расходов увеличилась реализация вооружения и военной техники на мировых рынках ВВТ в начале XXI века после резкого снижения в конце XX века; несмотря на мировой экономический кризис, охвативший все страны мирового сообщества, повышение мировых военных расходов в целом продолжилось.

Библиографический список:

1. Леонович А.Н. Международные военно-экономические отношения. – Минск: ВА РБ, 2010. – 87 с.

2. Зименков Р.И., Соколова Е.Н. США на мировом рынке вооружений // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 6.
3. Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2013. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 3, с. 89-90 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 26.01.2014 г.
4. Фармазян Р.А. Трансформация военной экономики: XX – начало XXI века. – М.: Наука, 2006.
5. Попович Л.Г. Современные технологические и организационно-экономические факторы создания военной техники // Вестник Академии военных наук. – 2009. – № 2 (27). – С. 173–177.
6. Ежегодник Центра анализа мировой торговли оружием – 2011. Статистика и анализ мировой торговли оружием, глава 1, с. 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstrade.org/>. 7.02.2012 г.

УДК 78.17.05

Д.А. Франк

*Инновационный Евразийский университет
Республика Казахстан, г. Павлодар*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАЗАХСТАНА И РОССИИ: НОВЫЕ РЕАЛИИ

Статья посвящена вопросу военно-политического сотрудничества Казахстана и России на современном этапе. Освещены моменты, связанные с дальнейшими перспективами сотрудничества, в том числе в рамках договоренностей ОДКБ и ЕАЭС по Каспийскому морю. Затронуты проблемы по взаимодействию с другими внешнеполитическими партнерами: США и Украиной.

Ключевые слова: военная доктрина, ОДКБ, военно-политическое сотрудничество.

Так уж исторически сложилось, что геополитическое положение, при котором сотни километров государственных границ являются общими у Республики Казахстан и Российской Федерации, а также исторические связи диктуют такой формат, при котором в любой сфере взаимодействия, в том числе и в военно-политическом аспекте приоритетом были равноправные партнерские отношения. Есть и историческая основа «когда Центральная Азия вошла в состав Российской империи... Это способствовало выходу Центральной Азии из экономико-географической изоляции и существенной интенсификации социально-экономического развития региона» [1].

Еще на этапе формирования государственных суверенитетов в конце XX века складывались тесные интегративные связи, а 2000-е годы – это новый этап и усиление интенсивности взаимоотношений в данном секторе политики.

Как отмечают эксперты, особенностью казахстанско-российской границы на большей её протяженности является отсутствие значимых природных разграничений на местности, что само по себе предопределяет взаимное стремление иметь стабильное взаимодействие и укрепление добрососедских отношений, что зафиксировано как в различных двухсторонних соглашениях, так и в военных доктринах каждого государства.

Дополнительным стабилизирующим фактором является участие как России, так и Казахстана в организациях, имеющих экономическую и военно-политическую составляющие сотрудничества, например, в Организации Договора о коллективной безопасности, которая уже имеет более чем двадцатилетнюю историю, и в Евразийском экономическом союзе – новом международном интеграционном экономическом объединении, деятельность которого начинается с 1 января 2015 года.

Что касается ОДКБ, то, претерпев изменения в составе (выход Грузии и Узбекистана), повысив свой статус как полноценной международной организации с признанием ООН в качестве наблюдателя в Генеральной Ассамблее, она имеет вполне ясные перспективы своего будущего развития и это диктуют новые вызовы современного мира: проблемы связанные с наркобизнесом, международным терроризмом, преступностью транснационального характера, массовой нелегальной миграцией. Очень острой является проблема наркотрафика. Мы знаем, что в период существования СССР контроль афганской территории был мощным сдерживающим фактором в борьбе с распространением наркотиков в советском государстве. Сегодня мы имеем мощный поток наркотических веществ по так называемому «Северному маршруту», проходящему из Афганистана в Казахстан, Россию и другие страны-члены ОДКБ. Причем наряду с этим идет процесс «осваивания» рынков Центральной Азии и России западными наркоторговцами. В этом

случае оперативно-профилактические мероприятия под эгидой ОДКБ имеют реальную противодействующую направленность.

Евразийский экономический союз, конечно, имеет иные задачи, в частности, укрепление экономик его стран-участниц, но ведь при полноценной его работе мы получаем ситуацию такого порядка, когда наши внутренние границы станут достаточно прозрачными в плане миграционных трудовых потоков и товарооборота. В этом случае актуализируется вопрос, связанный с укреплением внешних границ, а для Казахстана это крайне важно, и военно-технический потенциал России, его поддержка крайне необходима.

Конечно, нужно объективно воспринимать ситуацию, что Казахстан, как и Россия имеет собственные стратегические интересы с теми государствами, с которыми у другой стороны отношения носят конкурирующий, напряженный характер. Примером могут являться отношения Россия – США, Казахстан – США.

В последнее время Россия заявляет о себе как о мощном политическом игроке, который меняет монополярный политический мир, образовавшийся с распадом Советского союза, в биполярный и даже многополярный, если говорить о всё усиливающемся китайско-юго-восточно-азиатском конгломерате. При этом на фоне конкурентных политических акций Российской Федерации и США прослеживается достаточно прагматическая политика Республики Казахстан в плане поддержания стабильного сотрудничества с Америкой. Збигнев Бжезинский подчеркивал интерес США в отношении Казахстана как «обширной стране, располагающей огромными запасами природных ресурсов, но с населением почти в 20 млн человек» [2]. Естественно, что в данной ситуации, Казахстану важно сохранить баланс партнерских отношений как с Россией, так и с США. Имея пакет ратифицированных соглашений военно-политического и экономического характера с Российской Федерацией, Казахстан четко определил – кто является генеральным стратегическим партнером.

Конечно, нельзя забывать о нынешней ситуации, связанной с событиями на Юго-Востоке Украины, которая вносит определенный диссонанс в отношениях между Казахстаном и Россией. В данном случае, Казахстан не во всем поддерживает политику России в отношении нового политического руководства Украинского государства, в частности, в вопросе о вводе миротворческих войск ОДКБ в Украину. Кроме того, Казахстан продолжает поддерживать экономическое сотрудничество с Украиной, хоть и не на таком уровне как до смены политического режима в Киеве. Казахстан, как и Россия – суверенное государство и, имея собственное видение ситуации в Украине, определяет свою траекторию взаимоотношений в новых политических реалиях.

В то же время наряду с дискуссионными моментами во внешнеполитической деятельности наших государств интеграционные процессы между Россией и Казахстаном получают дальнейшее продвижение в связи с так называемым «прикаспийским прорывом», когда в сентябре этого года лидеры России, Казахстана, Азербайджана, Туркмении и Ирана согласовали политическое заявление, где впервые зафиксировали будущие договоренности по статусу Каспия, при этом важным моментом была и договоренность, связанная с военной деятельностью, которая должна осуществляться на принципах «разумной достаточности» и обеспечения равных условий безопасности для всех прикаспийских государств. В таком случае при дальнейшей реализации принципа «неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих сторонам» Россия и Казахстан наряду с другими участниками соглашения имеют все основания для поддержания порядка и мирного сосуществования в прикаспийском регионе.

В рамках одной статьи невозможно всесторонне осветить проблематику взаимодействия на современном этапе между Россией и Казахстаном, в том числе и в военно-политическом аспекте, но несомненно одно – наши государства имеют достаточно высокий уровень доверия при наличии прочной основы для развития равноправных партнерских, дружеских отношений.

Библиографический список:

1. Парамонов В., Строков А., Столповский О. Внешняя политика России в Центральной Азии: взгляд из Узбекистана. // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 3. – С. 123.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). Пер. с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 54.

К.Н. Цирулис

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

tskndes@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В докладе рассматривается один из военно-экономических инструментариев определения оптимальных подходов к реформированию системы комплектования Вооруженных Сил РФ на современном этапе их развития.

Ключевые слова: военно-экономический анализ, военно-экономическая модель, Вооруженные Силы, оптимальная численность, процесс комплектования, реформирование, система комплектования.

Реформа, начатая в 2008 году, стала самой крупной в российской армии за всю постсоветскую историю. Существенно изменилась система военного управления, большие изменения произошли в системе комплектования: сократилась общая численность армии, при этом доля военнослужащих по призыву снизилась, а число контрактников увеличилось. Преобразование системы комплектования Вооруженных Сил России (ВС РФ) – одна из составных частей в перечне проблем военного строительства, важнейшей задачей которого является приведение их состава и численности к оптимальным параметрам, соответствующим степени угроз и опасностей, а также экономическим возможностям государства.

Сейчас в армии по контракту служит 220 тысяч офицеров и 186 тысяч солдат и сержантов. Планируется, что в течение ближайших 5 лет ежегодно будет набираться еще по 50 тысяч контрактников, которые станут назначаться на должности младшего командного состава, а также специалистов, работающих с боевой техникой. К 2017 г. – при общей штатной численности ВС РФ в один миллион человек – 700 тысяч будут составлять военнослужащие, проходящие службу по контракту (в том числе офицеры, курсанты военных вузов, сержанты и солдаты). И всего 300 тысяч военнослужащих срочной службы. [6] А к 2020 году – число служащих по призыву сократится до 145 тысяч. [2]

Насколько оптимальны определенные руководителями государства параметры Вооруженных Сил, как они должны меняться, чем будут обуславливаться такие изменения и какое они будут оказывать влияние на качественное состояние ВС РФ – это вопросы, ответы на которые должны дать ученые, проводящие научные исследования в области военного строительства. Актуальность рассмотрения и решения настоящей проблемы обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, неотложностью в разрешении ряда противоречий, сложившихся в настоящих условиях, между ограниченными призывными людскими ресурсами РФ и потребностями ВС и других войск РФ по комплектованию их личным составом.

Во-вторых, объективной необходимостью исследования современных проблем экономического обеспечения ВС РФ и разрешения противоречия между финансово-экономическими потребностями ВС, в частности, текущими расходами, и возможностями РФ по их обеспечению.

Третье обстоятельство логично вытекает из первых двух: объективная необходимость разработки комплекса взаимосвязанных направлений военно-экономического анализа вариантов комплектования ВС РФ с помощью специального научно-методического инструментария.

В-четвертых, практической значимостью исследований, связанных с экономической оценкой вариантов комплектования ВС РФ и экономическим обоснованием оптимального соотношения между их составом и расходами на содержание и оснащение.

Анализ научных работ позволяет прийти к выводу, что проблемам преобразования системы комплектования ВС РФ уделено большое внимание. Имеется ряд многочисленных исследований, где предметом анализа является экономическая сторона обоснования их оптимального состава. В научных работах авторов заложены теоретические основы и методологические принципы анализа процесса комплектования Вооруженных Сил, указаны ориентиры для решения проблемы преобразования системы комплектования личным составом [3, 5, 8, 9].

Вместе с тем в настоящее время отсутствует единый подход к экономической оценке последствий изменения состава Вооруженных Сил и их экономического обеспечения. Это дает основание полагать, что

степень изменений в составе ВС РФ и их численности оказывает существенное влияние на качество содержания и оснащения Вооруженных Сил.

Таким образом, научная задача решения данной проблемы состоит в военно-экономическом анализе процесса комплектования Вооруженных Сил и определении направлений его оптимизации. Цель научного исследования может быть сформулирована следующим образом – разработать военно-экономическую модель процесса комплектования ВС РФ в определенных (заданных) условиях, способную экономически обосновывать его оптимизированные варианты и определить оптимальную численность ВС РФ в условиях ограниченности людских и финансовых ресурсов.

Для решения поставленной задачи используется широкий набор научного инструментария: методология военно-экономического анализа, основанная на принципах системного подхода, теория эффективности и оптимизации, методы сравнительного экономического анализа, экономико-статистические и экономико-математические методы.

Процесс комплектования Вооруженных Сил – это совокупность последовательных мероприятий, осуществляемых государством в целях обеспечения потребности Вооруженных Сил в личном составе, вооружении, военной технике и других материальных средствах [4]. Как сложное явление, он обладает определенной структурой, элементы, составные части которой своими специфическими свойствами, построениями и связями формируют представление о ходе процесса. Существенная роль в анализе процесса комплектования Вооруженных Сил должна быть отведена теоретико-методологическому обоснованию структурных и причинно-следственных связей, которые необходимы для построения военно-экономической модели, описывающей процесс комплектования ВС РФ в различных условиях [9].

Оценка людских ресурсов России в настоящее время показывает, что в среднесрочной перспективе РФ окажется в глубокой «демографической яме», что существенно повлияет на ее возможности по комплектованию военной организации государства личным составом. Анализ показывает, что в 2025 г. дефицит в комплектовании рядовым и сержантским составом по призыву только для ВС РФ составит не менее 300-350 тыс. человек [1]. В среднем численность населения ежегодно снижается на 700 тысяч человек. Это происходит из-за естественной убыли населения несмотря на то, что в январе-августе 2007 г. впервые за прошедшие десятилетия было зафиксировано ее сокращение по сравнению с соответствующим периодом 2006 г. на 136,7 тыс. человек [7].

Всё это значительно деформирует мобилизационные ресурсы страны, её призывную генерацию и указывает на необходимость пересмотра системы комплектования Вооруженных Сил. Оптимизация процесса комплектования ВС РФ предполагает проведение военно-экономического анализа различных вариантов их комплектования и оценку этих вариантов с целью определения оптимального. Инструментом анализа является *военно-экономическая модель*, способная измерять степень влияния изменений численности военнослужащих, проходящих военную службу по призыву и по контракту на экономическое обеспечение содержания и оснащения Вооруженных Сил РФ.

Для военно-экономического анализа вариантов комплектования ВС РФ требуется перечень показателей, с помощью которых формируется исходная информационная база, дается оценка экономическому обеспечению ВС РФ [8]. Учитывая эти требования, система показателей для решения задач исследования может состоять из следующих компонентов: совокупности входных показателей, определяющих условия экономического обеспечения ВС РФ; внутренних показателей, отражающих решения по предполагаемым изменениям в составе ВС РФ; выходных показателей, характеризующих состояние ВС РФ (рис. 1).

Далее, создавая гипотетические ситуации варьированием общей численностью и долями в ней военнослужащих-контрактников и военнослужащих срочной службы, с помощью выходных показателей, получается возможность оценки качества содержания и оснащения ВС РФ.

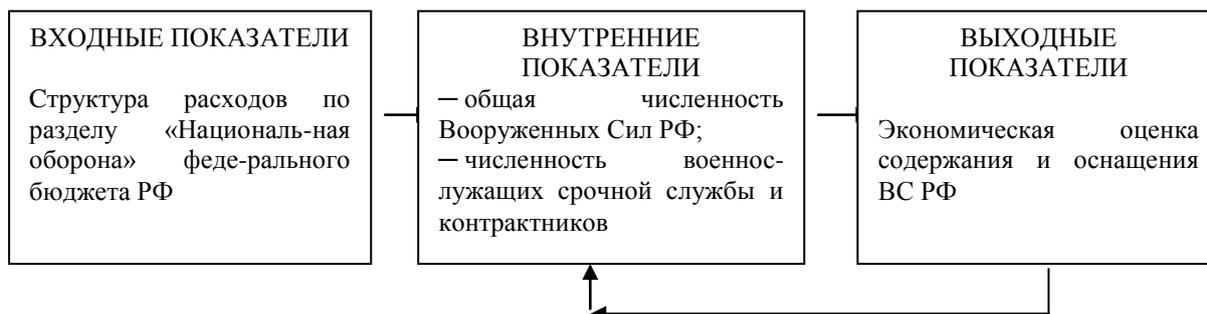

Рис. 1. Система показателей в военно-экономическом анализе вариантов комплектования ВС РФ.

При множестве исследованных вариантных подходов к оптимизации системы комплектования ВС РФ, описанных в научной литературе, и учитывая вышеизложенные исходные установки, автором предлагается военно-экономическая модель, реализация которой позволит определить ряд оптимизированных вариантов состава ВС РФ с их экономической оценкой.

Военно-экономическая модель состоит из четырех блоков:

1) блок анализа направленности национальных интересов и целей в обеспечении военной безопасности государства;

2) блок анализа источников военно-экономических потребностей государства для комплектования ВС РФ;

3) блок конструирования информации для расчёта и расчёт интегральных показателей, оценивающих статьи или группы статей военных расходов федерального бюджета РФ;

4) блок определения оптимизированных вариантов комплектования ВС РФ, характеризующихся интегральными показателями и построенных для различных условий, параметров и критериев оптимальности.

Результаты выполненных действий модели могут составить информационную базу для принятия решения и разработки плана (программы) по развитию ВС РФ органами государственного и военного управления.

Для проведения оптимизационных расчетов в военно-экономической модели выбрана оптимизационная линейно-программная модель в вариантной постановке с дискретными переменными. Данная модель формализует следующую экономическую задачу: определить из всего сформированного множества такой вариант комплектования ВС РФ, для которого удовлетворяются все заданные ограничения по бюджетным ассигнованиям, а выбранный критерий оптимальности достигает экстремального значения.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предлагаемая военно-экономическая модель позволяет оперативно осуществлять расчеты по определению оптимизированных вариантов комплектования ВС РФ с их экономической оценкой, является удобным инструментом военно-экономического анализа. Использование военно-экономической модели способствует принятию научно-обоснованных решений при разработке планов (программ) развития ВС РФ.

Библиографический список:

1. Проблемы комплектования и накопления военно-обученных мобилизационных людских ресурсов и пути их решения // Вестник Академии военных наук. – 2014. [www. avnrf.ru](http://www.avnrf.ru).
2. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. – 2012. – 20 февраля.
3. Викулов С.Ф., Лавринов Г.А. Методологические вопросы экономического обеспечения военного строительства // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Вопросы военного строительства в РФ. – 2007. – №18 (335).
4. Военный энциклопедический словарь. – М.: Издательский дом «Оникс XXI век», 2002.
5. Малеев В.М. О проблеме экономического обоснования облика Вооруженных Сил РФ // Военная мысль. – 2005. – №1.
6. С кем пойти на контракт? // Аргументы и факты. – 2011. – №41.
7. Статистические данные // www.gks.ru.
8. Пожаров А.И. Показатели и критерии военно-экономической безопасности // Военная мысль. – 2000. – № 6.
9. Шкурко Ю.М. Методический аппарат военно-экономического анализа мероприятий строительства Вооружённых Сил // Военная наука и оборонная политика. – 2004. – № 2.

УДК 355.01

В.Ю. Балабушевич

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

vbalab@yandex.ru

СИТУАЦИЯ ВЫБОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОФИЦЕРА (ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Автором с философских позиций рассматривается проблема выбора и ее роль в профессиональной деятельности офицера, выявляются пути формирования у офицерских кадров способности осознавать ситуацию выбора и умения выбирать.

Ключевые слова: классификация ситуаций выбора, механизм осуществления выбора, ситуация выбора, сущностные характеристики выбора.

В аттестационных материалах часто указывается на недостаточно высокий уровень развития у офицеров таких необходимых в боевой обстановке качеств, как самостоятельность и инициативность. Воспитание этих качеств предполагает *формирование у офицера способности осознавать ситуацию выбора и умения выбирать*.

Вопрос о «праве человека на выбор» был и остается дискуссионным. Некоторые мыслители полагали, что поведение человека предельно жестко обусловлено внешними по отношению к нему обстоятельствами. Другие настаивали на том, что человек не подчинен внешним обстоятельствам и свободен в выборе линии своего поведения. Но обе точки зрения упрощают реальную ситуацию, которая на самом деле характеризуется гораздо более сложной диалектикой субъективного и объективного, случайного и необходимого, возможного и действительного. Конечно, *человек должен и может и выбирать, но при этом ему приходится считаться с объективными обстоятельствами*.

Выбор – это всегда проявление активности субъекта, однако эта активность далеко не всегда принимает форму выбора.

Каковы же характерные признаки выбора?

Во-первых, выбор предполагает наличие объективной ситуации выбора (должны существовать несколько альтернатив, несколько возможностей, между которыми и следует выбирать).

Во-вторых, выбор требует субъективного осознания ситуации выбора, в противном случае выбор невозможен.

В-третьих, выбор возможен лишь при условии, если субъект выбора обладает способностью осуществлять выбор со «знанием дела», что предполагает, как минимум, три момента: а) знание объективных условий своей деятельности; б) знание своих субъективных возможностей; в) четкое осознание целей собственной деятельности.

В-четвертых, выбор предполагает наличие устойчивой внутренней мотивации выбора и ориентации на самостоятельность выбора. Для выбора недостаточно, чтобы человек мог и умел выбирать, важно ещё, чтобы он *хотел* выбирать.

В-пятых, выбор связан с готовностью субъекта взять на себя ответственность за совершаемый выбор. Совершая свой выбор, человек несет за него ответственность – в этом и состоит его свобода.

Таким образом, *выбор – это целенаправленный, рационально обоснованный и внутренне мотивированный акт, осуществляемый в условиях субъективно осознанного объективного существования нескольких (более чем одной) возможностей, направленный на выделение и реализацию одной (или нескольких) из этих возможностей и предполагающий личную ответственность субъекта за возникающие при этом последствия*.

На первый взгляд может показаться, что у человека бесконечное количество точек выбора, и в каждой подобной точке он вполне сознательно реализует свое право на выбор, предопределяя тем самым свое будущее. На самом деле мы выбираем гораздо реже, чем может показаться «со стороны»: 1) некоторые точки возможного выбора не представляются для нас существенными, мы их даже не замечаем, полагаясь на волю обстоятельств; 2) в других случаях «мы очень часто действуем в силу

неосознанных, неотрефлексированных традиций, что полностью исключает выбор как целенаправленный акт» [1], ориентируемся на некие уже существующие социальные образцы.

Следующий вопрос, который мы должны поставить перед собой касается *механизма осуществления выбора*.

Может показаться, что выбор осуществляется методом перебора и сравнения всех возможных вариантов действий, в результате чего и происходит выделение оптимального, с точки зрения субъекта, варианта. Однако реальная процедура выбора происходит несколько иначе: в ситуации выбора имеет место *«сужение пространства выбора»*.

Во-первых, далеко не все возможные варианты действий осознаются субъектом, часть из них, существуя объективно, для субъекта остаются неосознанными и даже не фиксируются его сознанием – это своего рода *гносеологический фильтр*, сокращающий количество возможных выборов.

Во-вторых, некоторая часть осознанных возможностей отбрасывается как не соответствующая ценностным установкам индивида – в этом случае мы можем говорить об *этическом фильтре*.

В-третьих, другая часть возможных вариантов действий признается неадекватной целям деятельности, т. е. в дело вступает *методологический фильтр*.

В-четвертых, возможные варианты действий мы оцениваем и с точки зрения их эффективности. Универсальная формула эффективности может быть представлена дробью, в числителе которой – достигнутый результат, а в знаменателе – затраченные ресурсы. Поэтому данный фильтр условно может быть назван *ресурсным фильтром*.

Возможно выделение и иных (политических, идеологических, мировоззренческих и т. д.) фильтров.

В результате функционирования всех этих фильтров некоторые возможности «отсекаются» как неприемлемые для субъекта и, как следствие, пространство выбора «сужается», облегчая принятие субъектом выбора конкретного решения. Впрочем, те или иные фильтры могут намеренно «отключаться» субъектом.

Наряду с ситуацией «сужения пространства выбора», рассмотренной нами выше, теоретически возможна и иная ситуация, связанная уже с *«расширением пространства выбора»*. Подобное расширение пространства выбора может быть обусловлено:

во-первых, *изменением внешних обстоятельств* (так в боевых условиях командир, пресекая панику и добиваясь выполнения своего приказа, может обратиться к таким методам, которые в иных обстоятельствах он исключает из своего арсенала);

во-вторых, *изменением внутреннего состояния субъекта деятельности* (снятие каких-то внутренних ограничений; принятие новых обязательств перед собой и другими людьми и пр.);

в-третьих, *одновременным изменением, как внешних условий деятельности субъекта, так и его внутреннего состояния* (например, начавшиеся боевые действия и перестройка сознания военнослужащего, его «перевод» в состояние адекватное выполняемым боевым задачам).

И если «сужение пространства выбора» связано с действием своего рода *«фильтров»*, то механизм «расширения пространства выбора» может быть представлен в качестве системы *«рассеивающих линз»*.

Выделенные нами тенденции («сужение» и «расширение» пространства выбора) действуют «параллельно», «накладываются» друг на друга: *«пространство выбора» не остается неизменным, оно как бы «пульсирует»*.

Далее обратим внимание на некоторые моменты методологического характера.

Прежде всего отметим, что *выбор предполагает активность субъекта*, именно в ситуации выбора он манифестирует свою жизненную позицию, «предъявляет» себя социуму, социальной группе, социальным партнерам и оппонентам.

Принципиальное значение имеет тот факт, что, *осуществляя выбор, человек не только изменяет условия своего существования и деятельности, но и изменяется сам*. Эти изменения касаются ценностных ориентаций личности, целей ее деятельности, знаний, навыков и умений, мотивационной сферы и психологического состояния.

Следует учитывать и другое немаловажное обстоятельство: *выбор – это сложное взаимодействие субъективного и объективного*. Выбор – это всегда лично окрашенный акт. Человек выбирает, сообразуясь с объективными обстоятельствами, но интерпретация этих обстоятельств во многом субъективна и всегда несет на себе отпечаток личности субъекта выбора. Выбор интерпретации во многом обусловлен мировоззрением личности. Именно через выбор объективируются субъективные личностные установки, «опредмечивается» внутренний мир человека.

Деятельность может носить не только *субъектно-объектный (S – O)*, но и *субъектно-субъектный (S – S)* характер. Во втором случае речь идет о взаимодействии двух и более субъектов, обладающих

свободной волей и преследующих свои собственные цели. Включенность субъекта в двустороннюю (многостороннюю) систему деятельности в значительной степени усложняет ситуацию выбора: субъект не осуществляет однозначный выбор в пользу конкретного акта деятельности, а рассматривает целый диапазон возможных действий. При этом окончательный выбор ставится в зависимость от действий противоположной стороны (именно так действуют противники на поле боя).

«Индивидуальный человек», выступая как часть социального целого, элемент естественно-исторического процесса неизбежно сталкивается с границами своей свободы и рациональности своей деятельности. «Если он дерзает быть свободным, то рано или поздно обнаруживает, что у него нет критериев выбора, что процесс рационального обоснования его поведения должен где-то кончиться, и там, где это происходит, человек вынужден передать право первого хода объективным обстоятельствам», – образно замечает по этому поводу М.А. Розов [2].

Исследование проблемы выбора предполагает необходимость классификации встречающихся нам ситуаций выбора. Акты выбора могут быть классифицированы по разным основаниям. Особый интерес представляют такие основания классификации как *степень рациональности выбора и степень его креативности*.

Если оттолкнуться от идеи М. Вебера о четырех типах социальных действий, то можно предложить следующую классификацию актов выбора по степени их рациональности: *целерациональный выбор* – выбор, осуществляемый субъектом, четко понимающим свою цель и средства ее достижения; *ценностно-рациональный выбор* – основан на убежденности субъекта в безусловной ценности предполагаемого действия, независимо от его возможных результатов; *аффективный выбор*, основанный на определенном эмоциональном состоянии действующего субъекта; *традиционный выбор*, обусловленный склонностью (привычкой) к определенным действиям, носит почти автоматический характер.

С точки зрения наличия в акте выбора элементов творчества выбор может носить воспроизводящий или творческий характер. *Воспроизводяще-приспособительный выбор* связан с реализацией собственного, группового и общественного опыта, ориентацией на уже существующие социальные образцы. *Творческий выбор* предполагает выход за рамки заданных в опыте вариантов поведения и конструирование целей, средств и способов деятельности, не имеющих аналогов в прошлом опыте или нестандартное комбинирование старых, использованных ранее методов и приемов.

Деятельность офицера сложна и многогранна. Но прежде всего он предстает перед нами в двух ипостасях: как военный управленец (руководитель боя) и как педагог (руководитель и организатор процесса обучения и воспитания подчиненных). Вполне можно согласиться с замечанием великого немецкого философа Иммануила Канта: «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными, а именно: искусство управлять и искусство воспитывать...» [3]. В обеих этих сферах имеет место как воспроизводящий, так и творческий выбор. От их соотношения зависит, будут ли в деятельности офицера доминировать шаблон и схематизм, или он окажется способен к инициативе и творчеству на поле боя, в процессе подготовки личного состава.

Осуществление выбора может быть весьма сложным и даже болезненным для человека актом. Ведь субъективная сторона выбора неразрывно связана с ценностными предпочтениями личности, целями ее деятельности, компетенциями индивида, психологическими состояниями и особенностями функционирования сознания субъекта деятельности, бессознательным в человеческой психике.

Рассмотрим некоторые типичные ситуации, возникающие в условиях осуществления субъектом своего выбора.

1) *Ситуация «искушения»*. Искушение – это «соблазн, желание чего-нибудь запретного» [4]. Искушение любой ценой «сделать карьеру» может подтолкнуть офицера к нарушению нравственных норм в отношениях с сослуживцами и даже к преступлению. Преодоление искушения – неотъемлемая сторона процедуры выбора.

2) *Синдром «буриданова осла»*. «Буриданов осел» – так говорится о человеке, находящемся в состоянии неопределенности, крайней нерешительности, колеблющемся в выборе между двумя равноценными, с его точки зрения, возможностями, решениями, предметами и т. п. (это выражение приписывают французскому философу-схоласту XIV в. Жану Буридану). Подобного рода нерешительность в боевых условиях неминуемо приводит к поражению.

3) *Призрак «упущенной выгоды»*. Некоторые люди, опасаясь упустить потенциальную выгоду, до бесконечности перебирают возможные варианты действий, но так и не решаются осуществить выбор и начать действовать. Военный руководитель любого ранга с подобного рода психологией не способен добиться четкой организации учебно-боевой деятельности подчиненных в мирное время и, тем более, достижения победы в военное время.

4) *Феномен «маленького человека»*. Парализующий страх перед ответственностью за совершенный выбор делает невозможным для людей определенного психологического склада осуществление самого выбора. Человек переключает свою активность на поиск путей уклонения от принятия решения. В основе такой позиции индивида лежит заниженная оценка им своих сил и возможностей. Психология «маленького человека», к сожалению, может проявляться у лиц, занимающих высокие должности и посты. Рецидивы данной психологии в сфере военной деятельности чрезвычайно опасны.

5) *Ситуация полного подчинения внешнему авторитету*. Отказ от собственного выбора в пользу внешнего авторитета довольно широко распространен. Разновидностью данного феномена является *сакрализация формального или неформального лидера*, наделение его «сверхкачествами». Человек творит себе кумира и подчиняет свою волю этому кумиру. Заметим, что в военной сфере деятельности грань между уважением к своему командиру, старшему начальнику, доверием к его человеческим и профессиональным качествам и его иррациональным «обожеванием» весьма тонка. Для индивида, перешедшего эту грань весьма болезненной является ситуация «низвержения авторитета», связанная с осознанием несовпадения надежд, возлагаемых на кумира, и конкретных результатов его деятельности.

6) *Проблема «дурака с инициативой»*. Подобного рода «типаж» хорошо известен из жизни и литературы. Для человека подобного склада характерна развитая волевая сфера, невысокий уровень развития интеллекта, почти полное отсутствие способности к рефлексии и предельно завышенные самооценки. В силу указанных особенностей он с легкостью принимает решения (как правило неадекватные, т. к. выбор осуществляется им «без знания дела») и весьма настойчиво претворяет их в жизнь. Командир, у которого «волевое» начало безусловно доминирует над началом «умовым» (термины М.И. Драгомирова), представляет серьезную угрозу для порученного ему дела.

7) *Дилемма Груши*. Судьба битвы под Ватерлоо во многом зависела от действий маршала Груши. В условиях резко изменившейся обстановки он не решился нарушить приказ Наполеона. Выполняя букву приказа императора, Груши со своим корпусом не прибыл на место решающего сражения, что способствовало поражению французов [5]. Описанная ситуация («конфликт императивов») хорошо знакома многим военным профессионалам. Выбор между строгим и точным выполнением приказа старшего начальника (это «альфа и омега» воинского воспитания) и действиями, частично или полностью противоречащими полученному приказу (допустим в силу вновь появившихся обстоятельств), весьма мучителен для любого командира и военачальника.

8) *Ситуация «вседозволенности»* связана со снятием каких-либо ограничений морального плана. Причем оправдание этой вседозволенности может выглядеть самым разным образом: а) ссылка на «высокую» цель, которая, якобы оправдывает применение любых средств для ее достижения; б) ссылка на объективные обстоятельства, «печальную, но неизбежную необходимость»; в) ссылка на наличие побочных, нежелательных, но объективно неустраняемых эффектов («лес рубят, щепки летят»); г) перекладывание ответственности на тех, кто отдает приказы (совесть – прерогатива людей, принимающих решения, а простой исполнитель этих решений находится вне зоны моральной ответственности).

Как подготовить офицера к действиям в ситуации выбора? Как сформировать у него желание выбирать, умение и волю осуществлять выбор в самых сложнейших ситуациях боевой действительности, ответственность за осуществляемый выбор?

Обозначим несколько путей решения этой проблемы.

Первый путь – для того, чтобы сформировать у военного человека инициативу, привить ему «вкус» к самостоятельному выбору и приучить его принимать на себя ответственность за этот выбор следует целенаправленно и систематически в условиях повседневной жизни и учебно-боевой действительности *ставить военнослужащего в ситуацию выбора и побуждать этот выбор осуществлять*.

Второй путь – четкое определение круга должностных обязанностей офицера, четкое определение его полномочий, в рамках которых он обязан самостоятельно принимать решения, не перекладывая его на подчиненных или на вышестоящих начальников. Если офицер не способен самостоятельно принимать решения в пределах своей компетенции или сознательно уклоняется от этого, следует, не колеблясь, ставить вопрос о его соответствии занимаемой должности.

Третий путь – это всестороннее развитие личности офицера, его общей культуры. Движение в этом направлении требует решительного преодоления заблуждения, которое было в свое время охарактеризовано К. Марксом как «профессиональный кретинизм». Только продвижение в направлении реализации идеала всестороннего гармоничного развития личности обеспечивает формирование высококлассного военного специалиста.

Четвертый путь – совершенствование военно-профессиональной подготовки. Военная деятельность требует высокой степени компетентности офицерского корпуса. Ни один человек, какими бы врожденными способностями, свойствами характера и качествами руководителя он ни обладал, не может осуществлять эту деятельность эффективно без значительной подготовки и опыта. Компетентность офицера приобретает только путем продолжительного образования и накопления соответствующего опыта.

Пятый путь – формирование методологической культуры, методологического мышления офицера. Недостаточный уровень развития методологической культуры личности приводит к тому, что на первый план выдвигается, как единственно возможный, метод «проб и ошибок», который «по определению» не предполагает достижения высокой эффективности деятельности, а в некоторых случаях «перебор вариантов» просто невозможен. Выбор верных методологических ориентиров во многом обеспечивает успех дела, а допущенные методологические просчеты обрекают его, как показывает практика, на неудачу.

Шестой путь – развитие рефлексивного мышления (рефлексия есть «мыслящее себя мышление»). Овладение методологией рефлексивного мышления имеет исключительное значение для военного специалиста. Способность к глубокому самоанализу, адекватным самооценкам – одно из профессиональных качеств офицера.

Седьмой путь – формирование соответствующих ценностных ориентаций и установок. Ценностные предпочтения индивида окрашивают его деятельность в определенные цвета, существенно трансформируя ее качество и эффективность. Выполняя одинаковую «работу», индивиды могут существовать в абсолютно разных измерениях, в различных «мирах». Так, по содержанию деятельность субъектов вооруженной борьбы во многом является однотипной, а ее «ценностное измерение» в значительной степени индивидуализировано.

В заключение отметим, что современный этап развития Вооруженных Сил требует совершенно иных подходов и критериев в подготовке военных кадров. Сегодня неизмеримо возрастает цена ошибок и мера ответственности на всех уровнях военного управления, будущее за офицерами, способными в рамках своих должностных обязанностей видеть ситуацию выбора, осуществлять этот выбор со знанием дела и готовыми взять на себя ответственность за последствия этого выбора.

Библиографический список:

1. Розов, М.А. Философия и проблема свободы человека / Розов М.А. // Философия: Материалы для выполнения учебных заданий по курсу «Философия». – Новосибирск : НГУ, 2003. – С. 101.
2. Розов, М.А. Философия и проблема свободы человека. – С. 107.
3. Кант, И. О педагогике / И. Кант // Трактаты и письма. – М., 1980. – С. 450.
4. Ожегов, С.Н. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и образование», 2007. – С. 250.
5. Манфред, А.З. Наполеон Бонапарт / А.З. Манфред. – 4-е изд. – М. : Мысль, 1986. – С. 684-685.

УДК 141.2

В.А. Бойко

*Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук
(г. Новосибирск)*

vboyko@gmail.ru

ВОЙНА КАК КОНЦЕПТ И КАК МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ФРИДРИХА НИЦШЕ

Доклад посвящен рассмотрению проблемы войны в творчестве Фридриха Ницше в концептуальном и метафорическом планах.

Ключевые слова: война, концепт войны, метафора войны, философия, философская рефлексия, Фридрих Ницше.

О войне философы рассуждают много и с хорошим знанием дела. Рождение философии в Древней Греции, стремительное освобождение логоса из объятий мифологии сопровождается рефлексией над

господствовавшими в античном сознании мифологемами, к числу которых принадлежала и идея «космической распри», «божественной войны». Гераклит – мыслитель, живший между VI и V вв. до н.э., – в войне, распри, борьбе видел основу всего существующего: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду...» (3; с. 201). Война, по Гераклиту, есть противоположность, приводящая к возникновению космоса, она – условие существования космоса как упорядоченного целого, «все вещи вечно управляются через вражду», «Война и Зевс тождественны». С одной стороны, для раннего греческого философа война выступает в качестве метафоры непрекращающейся борьбы противоположностей, но, с другой, во фрагментах основоположника диалектики мы имеем дело с концептуализацией войны. Война здесь выступает в качестве предельного понятия: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» (3; с. 202). Другой греческий мыслитель, Эмпедокл (V в. до н.э.), также утверждал Войну (Вражду, Распри, Ненависть), наряду с Любовью, в качестве двух основных онтологических принципов организации изначальных элементов мироздания. Но, в отличие от Гераклита, Эмпедокл видел во Вражде негативную силу, которая разделяет разнородные «корни всех вещей» и соединяет однородные.

Таким образом, уже на заре становления философской рефлексии мы сталкиваемся с двойственным характером философского словоупотребления. «У нас есть только два способа выражения: понятие и образ. Система развивается в понятиях; но когда её перемещают к интуиции, давшей ей начало, она сжимается в образ: если же мы хотим превзойти образ и подняться над ним, то неизбежно вновь скатываемся к понятиям, и к тому же к понятиям еще более смутным, более общим, нежели те, от которых мы отправились на поиски образа и интуиции» (1; с. 211-212), – характеризует специфику философского познания А. Бергсон. Творческий характер философской деятельности предполагает свободу выбора способов выражений, связанных в единую систему понятий и образов, концептов и метафор.

В лексиконе Фридриха Ницше «война» занимает особое место. «Ученик философа Диониса», великий «имморалист дела» не устает подчеркивать свою воинственность и решительность, благодаря которой он ведет наступление на схемы и шаблоны, ведущие человечество к деградации и разрушению, философствует молотом. «Я по-своему воинственен. Нападение – один из моих инстинктов. Уметь быть врагом и быть им – это предполагает, пожалуй, сильную натуру...» (2; 6; с. 201). Однако когда Ницше объявляет войну морали, христианству, состраданию, пессимистической усталости и унынию; когда он сообщает читателям, что его «маленькое сочинение» «Сумерки идолов» есть «великое объявление войны» (2; 6; с. 12); когда он постоянно ведет войну с собой, суть которой – умение перехитрить и обуздать себя, отождествляет себя с войной, и во всех прочих случаях, когда наш философ переносит понятие войны в «дела духа», мы вынуждены констатировать лишь готовность Ницше подчинить свой стиль власти банальной метафоры.

Гораздо интереснее обстоит дело с появлением и развитием концепта войны в его творчестве. В ранних произведениях Ницше тематизация войны оформляется в контексте его учения о роли аполлоновского и дионисовского начал в истории древнегреческой культуры и государства: «воинский стан аполлоновского начала... лишь в непрерывном противодействии титанически-варварской сущности дионисовского начала» позволил долго продержаться «упорно-неподатливому, со всех сторон огражденному и укрепленному» дорическому искусству, «жесткой и беспощадной» дорической государственности (2; 1/1; с. 38). Образы «великолепных тел античных статуй» вызывают у философа «постоянную мысль о войне» (2; 9; с. 307). Войну он признает «нормальным состоянием» общества, а мир – временным (2; 7; с. 400). Согласно Ницше, в рождении античной цивилизации война играла ключевую роль, и «мы содрогнулись бы, если б хоть раз поняли... “по-гречески”» причину упоения древних греков изображением войны в поэмах Гомера (2; 1/1; с. 292). «Осмелимся же произнести вслух, что война есть для государства такая же необходимость, как рабы для общества: и кому удастся спрятаться от этого знания, если он честно поставит вопрос о причинах недостижимого художественного совершенства греков?» (2; 7; с. 180), – риторически вопрошает поклонник античности.

Упоению «греческого мира» войной Ницше уже в своих ранних работах противопоставляет «страх войны», характерный для его современников. Этот страх он связывает с отсутствием «инстинкта государственности» у ловких «международных безродных финансовых отшельников», которые злоупотребляют политикой, государством и обществом в целях собственного обогащения. «Единственным противоядием против этого опасного отклонения государственной тенденции к денежной является война и только война... государство не основано на страхе перед демоном войны, как убежище для эгоистичных одиночек, но в любви к родине и государям рождает этический порыв, указующий на его гораздо более высокое назначение. – Захваченный идеей целительной силы войны Ницше пытается остановиться, и даже

просит читателей простить ему «при случае» прославление войны, но славить войну продолжает. – Страшно звенит ее серебряный лук: и хотя она и шествует подобно ночи, все же она – Аполлон, настоящий бог освящения и очищения государства» (2; 1/1; с. 283-284). В войне и военном сословии Ницше усматривает *прообраз государства*, рождение *военного гения* – первоначального основателя государства – служит наглядным проявлением внутреннего процесса кристаллизации самой идеи государства. В свете этой идеи «каждый человек, со всей его деятельностью, имеет лишь постольку достоинства, поскольку он сознательно или бессознательно является орудием гения, из чего можно вывести этическое последствие, что “человек сам по себе”, абсолютный человек, не обладает ни достоинством, ни правами, ни обязанностями: лишь как полностью детерминированное, служащее бессознательным целям существо человек может оправдать свое существование» (2; 1/1; с. 285). Впрочем, не только общественная жизнь игнорирует «частного человека», «Природа ведет себя так же как война – безразлично к ценности одиночек» (2; 8; с. 32).

Пиетет перед «варварским правом войны» (2; 7; с. 134) не мешает Ницше критически относиться к последствиям современных ему войн, в частности, франко-прусской войны 1870-1871 гг., «дурных и опасных последствиях» войны, где немцы победили. Общественное мнение в Германии восхваляет эту войну, указывает «на величественные феномены ее влияния на нравственность, культуру и искусство». Философ же предупреждает, что «великая победа – это великая опасность», когда она не связана с торжеством культуры победившей нации, слабость немецкой культуры «способна превратить нашу победу в безоговорочное поражение... и даже искоренение немецкого духа во благо “германского рейха”». Ницше подчеркивает, что «в нашем случае о победе немецкой культуры не может быть и речи в силу простейших причин, – ведь французская культура существует, как и прежде, и мы, как и прежде, от нее зависим. Наша культура даже не содействовала военным успехам. Строгая воинская дисциплина, природная храбрость и выдержка, превосходство вождей, единство и послушание среди ведомых, словом, элементы, не имеющие к культуре никакого отношения, важнейшие из которых у противника отсутствовали, – вот что способствовало нашей победе над ним. Можно лишь удивляться тому, что нечто, называемое в сегодняшней Германии «культурой», практически не препятствовало достижению этих военных успехов...» (2; 1/2; с. 9, 10). В силу того, что «современный человек страдает ослаблением личности», война не может оказать на него своего целительного воздействия; «он превратился в наслаждающегося и бродячего зрителя и переживает такое состояние, из которого даже великие войны и революции могут вывести его разве только на одно мгновение. Война еще не кончилась, а ее уже успели сто тысяч раз переработать в печатную бумагу, она уже предлагается как новейшее средство для возбуждения испорченного аппетита тем, кто падок на историю» (2; 1/2; с. 118-119). «Великие войны современности – результаты изучения истории» (2; 3; с. 145).

Как временный итог, парадоксальный вывод Ницше о несоответствии войны «современности»: «Не в пользу войны можно утверждать: победителя она оглушает, побежденного – озлобляет. В пользу войны: обоими только что названными следствиями она варваризирует, а тем самым сообщает большую естественность; для культуры она – состояние сна или зимней спячки, человек выходит из нее более сильным и для хороших дел, и для плохих» (2; 2; с. 264-265). Немецкий мыслитель подчеркивает и высоко ценит «поучительный жизненный опыт» войны, который выражается в ее опосредованном влиянии на культуру, война насаждает варварство и приближает таким образом к природе» (2; 8; с. 32). Рассматривая «современного человека» сквозь призму «героических эпох», Ницше не может избавиться от чувства глубочайшего презрения: «Кто, общаясь с людьми, не отливает при случае всеми цветами злополучия, зеленыя и серые от отвращения, пресыщения, сочувствия, сумрачности, уединенности, тот наверняка не человек с высшими вкусами». (2; 5; с. 39).

Современную культуру он ощущает как деградацию, разложение человека; как торжество жуткой «последней воли» человека, его воли к Ничто, нигилизм: «У кого, чтобы нюхать, есть не только нос, но и глаза и уши, тот чует повсюду, куда он только нынче ни ступит, нечто вроде атмосферы сумасшедшего дома, больницы – я говорю... о зонах культуры человека, о всякого рода «Европе», где бы она еще ни встречалась на земле. *Болезненные* люди суть великая опасность человека: *не злые, не «хищники»*. Заведомо увечные, поверженные, надломленные – *слабейшие* суть те, кто по большей части минируют жизнь под человеком, кто опаснее всего отравляют и ставят под вопрос наше доверие к жизни, к человеку, к самим себе. Куда увернешься от него, этого пасмурного взгляда, глубокая скорбь которого въедается в тебя навсегда, от этого попятного взгляда исконного недоноска, с головой выдающего его манеру обращаться к самому себе, – этого взгляда-вздоха!» (2; 5; с. 341).

Ницше стремится вырваться из гнетущей его атмосферы цивилизации и уповает на память, благодаря которой «во взрывах страстей, в продуктах фантазии сновидений и безумия человек все вновь

открывает предысторию свою и всего человечества: свою *звериную природу* с ее дикими гримасами» (2; 3; с. 208). Забвение этих первобытных состояний, ослабление этих воспоминаний характерно для современного человека, прозябающего в иллюзорном мире моральных предрассудков: «На людей, ныне проявляющих жестокость, нам следует смотреть как на сохранившиеся до сих пор ступени *прежних культур*: геологическая система человечества вдруг раскрывает в них глубинные пласты, которые иначе остались бы невидимыми. <...> Они показывают нам, чем мы все *были*, и заставляют нас ужаснуться: но сами они так же мало отвечают за себя, как кусок гранита – за то, что он гранит» (2; 2; с. 59).

Вторую природу современного человека составляет мораль, губительно воздействующая на изначальную природу индивида, на его инстинкты: «При нашем нынешнем воспитании мы сперва получаем *вторую природу*... Лишь немногие из нас в достаточной мере змеи, чтобы сбрасывать с себя эту кожу будней: такое возможно, если у них под внешней оболочкой вызрела первая природа. У большинства от этого сохнет костный мозг» (2; 3; с. 253). Зерно первородства высыхает у человека застывшего в своем развитии, у человека-раба. «*Рабство*, – констатирует, скрепя сердце, Ницше, – *принадлежит к сущности культуры*» (2; 1/1; с. 278), и призывает помнить о том, что в основе каждой культуры лежит жестокость. Есть лишь одна реальность – реальность *становления*, где «каждое мгновение пожирает предшествовавшее; каждое рождение является смертью бесчисленных существ; начинать, жить и убивать – одно» (2; 1/1; с. 279). Ницше всеми доступными ему средствами демонстрирует, что «сама жизнь *в существенном*, именно в основных своих функциях, действует оскорбительно, насильственно, грабительски, разрушительно и была бы просто невысказима без этого характера» (2; 5; с. 292). Культура делает человека слабым, так как в ее пределах «слишком высоко ценится и чересчур легко достигается удовлетворение фантазий власти – вследствие чего истинная власть ослабевает (власть над самим собой и т.д.)» (2; 9; с. 153).

Заря человеческой истории, согласно Ницше, освещает нам картину жизни оснащенных «надежными инстинктами-регуляторами» полузверей, «счастливо приспособленных к зарослям, войне, бродяжничеству, авантюре» (2; 5; с. 300). Их высшим наслаждением была жестокость: «Жестокость относится к числу самых древних человеческих праздников души. Следовательно, люди думают, будто и *боги* будут наслаждаться и ликовать, если предложить им зрелище жестокости...» (2; 3; с. 28-29). Ничтожным людям современности и их жалким убеждениям Ницше противопоставляет древних благородных варваров, «их равнодушие и презрение к безопасности, телу, жизни, удобствам; их ужасающую неомраченность и глубину удовольствия, испытываемого от всяческого разрушения, всяческого сладострастия победы и жестокости» (2; 5; с. 258). «В основе всех этих благородных рас нельзя не признать хищного зверя, роскошную, похотливо рыщущую в поисках добычи и победы *белокурую бестию*; этой скрытой основе время от времени требуется разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли» (2; 5; с. 257), – это не рассуждения кабинетного ученого, это восторг ученика Диониса! И наилучший способ возврата к прошлому – война. «Столь легки войны, – восклицает Ницше, – в них человек возвращается в свое прежнее состояние» (2; 9; с. 453). «Новая форма общности: утверждаться посредством войны. Иначе дух становится вялым» (2; 10; с. 435).

Так, в качестве противоположности идеи культуры как рабства, рождается идея «высшей культуры». «Почти все, что мы называем “высшей культурой”, покоится на одухотворении и углублении *жестокости*, – заявляет Ницше, – “дикий зверь”, о котором шла речь, вовсе не умерщвлен, он живет, он процветает, он только обожествился» (2; 5; с. 155). Жизнь есть непрерывный поток, становление. И этот прекрасный водопад жизни стремятся отравить, превратить в болото дурно пахнущие представители толпы, верящие в себя «как в свершившиеся, полностью *выросшие факты*» (2; 3; с. 301), – воплощение физиологического регресса, *décadence*'а. Воле к жизни обыватель наивно противопоставляет возвращенные посредством него предрассудки, совокупность которых составляет мораль. Только при условии, что мы, следуя Гераклиту, видим в человеке арену борьбы, знаем, что «с ним нечто возвещается, нечто приуготовляется, словно человек не цель, но лишь путь, инцидент, мост, великое обещание...» (2; 5; с. 302; ср.: 2; 4; с. 203), только тогда нам открывается перспектива человека как *воли к жизни*. Ради этой перспективы необходимо отринуть господствующие сегодня христианские ценности, отказаться от «всеобщей морали»; «убийства, войны и т. д., открытое насилие, зло власти следует объявить добром – тогда как зло слабости отныне следует называть *злом*» (2; 9; с. 423). «Сегодня необходимы жестокость, скрытность, неуютность, неравенство в правах, война, разного рода потрясения, короче, то, что противостоит всем стадным идеалам» (2; 11; с. 433). Лучшие люди – это личности, отличающиеся храбростью и воинственностью (2; 9; с. 580). Ницше отстаивает тезис, что война воспитывает свободного человека: «Ибо что такое свобода, как не воля к ответственности за самого себя; как не сохранение дистанции, которая нас разделяет; как не равнодушие к тяготам, суровым лишениям, даже к жизни; как не

готовность жертвовать за свое дело людьми, не исключая и самого себя? Свобода означает, что мужественные, воинственные и победоносные инстинкты господствуют над другими инстинктами, например, над инстинктом «счастья». *Освободившийся* человек, тем более *освободившийся ум*, попирает ногами все то презренное благоденствие, о котором мечтают мелочные лавочники, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы. Свободный человек – *воин*» (2; 6; с. 86).

Дабы воскресить исчезающую силу жить современные европейцы инстинктивно ищут приключений, опасностей и иных суррогатов войны. «Война, символически понимаемая, придает мужество» (2; 8; с. 314). «Неизбежно утомленное человечество..., – утверждает Ницше, – нуждается не просто в войнах, а в войнах величайших и ужаснейших, то есть во временных рецидивах варварства, чтобы, совершенствуя инструменты культуры, не лишиться своей культуры и самого своего существования» (2; 2; с. 286). Войны должны научить нас «1) сближать смерть с интересами, за которые идет борьба, – вот что делает нас достойными уважения; 2) нужно научиться приносить в жертву *многих* и относиться к своему делу достаточно серьезно, чтобы не жалеть людей; 3) строгой дисциплине, а в войне – праву на насилие и хитрость» (2; 11; с. 41). Война – это лекарство, рекомендованное «народам, которым грозит истощение и убогая жизнь... если они вообще хотят еще существовать – ведь для чахоточных народов есть и зверские методы излечения»; народу, представители которого живут «насыщенной и дельной жизнью» и готовы отдать эту жизнь «за одно-единственное ценное переживание», такому народу войны не нужны (2; 2; с. 585). Однако сегодня следует признать неизбежность войн. Жизнь не умеет отрывать “Да” от “Нет”, «что толку от всей души считать войну злом, стремиться не причинять вреда, не противиться! Войны все равно ведутся! Да иначе люди и вообще не могут!» (2; 13; с. 428). У человечества, полагает Ницше, нет будущего, «если оно разучится вести войны. Покамест мы не знаем никакого другого способа, которым можно так же сильно и уверенно, как делает всякая большая война, сообщить утомленным народам такую грубую энергию бивака, такую глубокую безличную ненависть, такое хладнокровие убийцы с чистой совестью, такой коллективный, организующий пыл в уничтожении врага, такое гордое безразличие к великим утратам, к собственной жизни и к жизням приятелей, такое глубинное, подобное подземным толчкам, потрясение души: пробивающиеся отсюда ручьи и реки, правда, катящие с собою камни и всякого рода нечистоты и уничтожающие луга нежных культур, потом, при благоприятных обстоятельствах, будут с новой силой вращать приводные колеса в мастерских духа. Культура никак не может обходиться без страстей, пороков и зла» (2; 2; с. 285-286).

И нет никакой надобности искать повода для развязывания новой войны: «Монарх, изыскивающий какой-нибудь *casus belli* для уже заранее принятого решения начать с соседом войну, подобен отцу, приводящему к своему ребенку мачеху, которая отныне должна считаться его матерью» (2; 2; с. 314). Что касается народа, вступающего в войну, то от него требуется, во-первых, умение подражать машине, множество людей должно стать *одной* машиной, а каждый индивид – орудием для достижения *одной* цели (2; 2; с. 602), а, во-вторых, вера в победу правого дела. «Искусство современного государственного деятеля состоит в том, чтобы, когда развязывается война, народ вступал в нее с чистой совестью – верой в победу правого дела» (8, с. 598). На великие войны и сильные военные машины указывает прежде всего Ницше, перечисляя «*антракты*, временные *избавления* от пессимизма»; далее следуют национализм, конкуренция в промышленности, наука, увеселения (2; 12; с. 373). Важный шаг на пути к возрождению нации – всеобщая воинская обязанность. Пройдет два-три поколения и несколько лет армейской службы станут «автоматической привычкой и условием, на которое человек с юных лет ориентирует свои жизненные планы», а государство сможет выгодно «переплести друг с другом школу и армию, способности, честолюбие и силу, то есть, предоставляя более благоприятные условия, приманивать в армию более способных и образованных и внушать им воинский дух восторженного послушания, чтобы они, возможно, так и остались на военной службе и заслужили своим дарованием новую, еще более светлую славу». «Тогда, – заканчивает свое рассуждение Ницше, – для больших войн будет не хватать только одного – повода... Ведь у “нации”, если она – нация солдат, во время войны всегда чистая совесть, ее даже не надо ей заранее внушать» (2; 2; с. 472). «Всеобщая *воинская повинность* и всамделишные, нешуточные войны» открывают составленный Ницше реестр «*наилучших тормозов и способов избавления от “современных веяний”*». Далее следуют *национальная тупость*; улучшение *питания* (мясо), *санитарных* и гигиенических условий в жилых помещениях; преобладание *физиологии* в области знаний; воинская строгость требований и постоянное осознание своих “обязанностей” (2; 12; с. 393).

Однако не всякую войну приветствует Ницше. Он отвергает войну – и как метафору, и как концепт – «множества против немногих, обыкновенных против исключительных, слабых против сильных» (2; 12, с. 138). Он предупреждает, что в современных условиях война может быть разыграна в качестве одной из составляющих «великой комедии бессилия», которая призвана внушить тем, у кого «нет *власти над*

собой», ложное чувство власти (2; 9; с. 141). «И, в разгар всего этого декаданса, – войны за “отечество”, за этот смехотворный послед патриотизма, каковой по экономическим причинам превратится в комедию уже лет эдак через сто... Это сведение на корню лучших мужчин в войнах» (2; 13; с. 392). Современный человек бессознательно стремится разрушить себя и ради этого готов идти воевать: «Стоит лишь теперь разразиться какой-нибудь войне, как тотчас же в сердцах благороднейших представителей народа прорывается, конечно, затаившаяся радость: они с ликованием бросаются навстречу новой смертельной опасности, ибо в самопожертвовании за отечество рассчитывают получить наконец это долгожданное позволение – позволение *ускользнуть от своей цели*: война для них сть окольный путь к самоубийству, но окольный путь с чистой совестью» (2; 3; с. 521). И, наконец, неудачная война используется «слабыми, униженными, угнетенными» для пробуждения в себе *чувства власти*: они приносят в жертву зачинщика войны (2; 3; с. 119-120). Ведь «не “государство” ведет войны, а князь или министр, не надо позволять обманывать себя словами. Смыслом государства не может быть государство, еще меньше общество: но отдельные люди» (2; 8; с. 32).

У Ницше даже можно встретить рассуждение, противоречащее его апологии войны, – «*Средство для достижения подлинного мира*», где речь идет о *бесчеловечности* предпосылки, из которой исходят современные государственные мужи: образ мыслей соседа плох, а мой – хорош. Эта предпосылка «приписывает соседу безнравственность..., провоцирует враждебное к нему умонастроение и враждебность на деле», поэтому «она так же плоха, как война, и даже еще хуже: мало того, в своей основе она – уже призыв к войне и ее причина». Ницше предлагает отказаться от доктрины армии как средства самообороны, равно как и от «завоевательских поползновений». «И, возможно, придет когда-нибудь великий день, когда народ, отличившийся в войнах и победах, в самой эффективной постановке военного дела и военной науки и привыкший приносить всему этому самые тяжелые жертвы, по собственной воле воскликнет: «*Мы ломаем свой меч!*» – и вся его военная организация рухнет до последних оснований. *Добровольно лишиться обороны, быв самой обороноспособной нацией*, и сделать это совершенно сознательно – вот средство для достижения подлинного мира, который неизменно должен зиждиться на мирном образе мыслей: в то время как так называемый вооруженный мир, который теперь популярен во всех странах, есть образ мыслей раздора, не доверяющий ни себе, ни соседям и не кладущий оружия и из ненависти, и из страха. Лучше погибнуть, чем ненавидеть и бояться, *и вдвойне лучше погибнуть, чем заставлять ненавидеть и бояться себя*, – когда-нибудь это должно стать даже самым категоричным правилом для каждого общества, обладающего государством!» (2; 2; с. 626). Что это? Исключение из привычного для Ницше круга суждений о войне, позволившее ему лишиться раз высмеять «народных избранников», пекущихся о “постепенном снижении бремени вооружений”? Шутка гения? Ведь в черновых записях этого периода Ницше восклицает: «*Сокращение вооруженных сил – это нелепость! Сломать меч!? Как меч справедливости, так и войны! Драгоценнейшее, победоносное оружие!*»; «*Армии вынужденной обороны?* – Но вынужденная оборона ради самосохранения. Сколько наступательных *войн* велось ради самосохранения! (Чтобы предупредить нападение, чтобы отвлечь народ и т. д.) Завоеватель тоже ищет в конечном счете только своего *самосохранения*... <...> Ни одно государство сейчас не признается, что содержит армию из завоевательных намерений. Это значит: обвинять соседей в завоевательных намерениях и в лицемерии. Это *враждебное* настроение» (2; 8; с. 641). Враждебное настроение Ницше, как правило, приветствует. Вражду и войну относит к числу жизнеутверждающих эффектов. Но когда речь идет о вырождающемся современном мире и безжизненной современной политике, все переворачивается вверх ногами. «Каждая философия, ставящая мир выше войны, – ставит диагноз немецкий мыслитель, – ...позволяет спросить, не болезнь ли была *тем*, что вдохновляло философа» (2; 3; с. 317).

Вдохновленный здоровьем философ воспекает войну. Заратустра – alter ego Ницше – называет войну необходимым злом (2; 4; с. 37) и посвящает одну из своих речей войне и воинам: «Я призываю вас не к работе, но к борьбе. Я призываю вас не к миру, но к победе. Пусть будет труд ваш борьбой и ваш мир победою!»; «Война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему. Не ваша жалость, а ваша храбрость спасала доселе несчастных»; «Итак, живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни! Какой воин хочет, чтобы щадили его! Я не щажу вас, я люблю вас до глубины души, мои собратья по войне!» (2; 4; с. 48, 49). Заратустра знает, что война есть эпицентр жизни: «Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина для отдохновения воина; всё остальное – глупость» (2; 4; с. 68). «На войне вы святые, даже когда убиваете и сжигаете» (2; 10, с. 94); «Лишь на войне вы святые, даже если вы разбойники и жестоки» (2; 10, с. 168), – читаем в черновых заметках к книге «Так говорил Заратустра».

В «Книге для всех и ни для кого» сложно отделить метафору от концепта. Здесь Ницше достигает ослепительных вершин философского познания. Но там, где он оперирует метафорой войны, этот образ несет позитивный, утверждающий *жизнь* смысл: «*Война есть мать всех хороших вещей*, война есть также мать хорошей прозы!» (2; 3; с. 411); «Я хочу *войн*, в которых те, у кого есть смелость жить, изгонят остальных; этот вопрос должен снять все оковы и *изгнать* уставших от жизни: вы должны вытолкнуть их, осыпать презрением или заключить в сумасшедшие дома, подтолкнуть их к отчаянию и т.д.» (2; 11; с. 86); «Прежде всего *война*. Война всегда была великой находкой всех сокровенных, ставших слишком глубокими умов; даже в полученных ранениях заключена целебная сила» (2; 6; с. 11); «мы, вольные умы, – мы *воплощенное* объявление войны всем прежним понятиям “истинного” и “ложного”; в нас самих – “переоценка всех ценностей”. (2; 6; с. 118).

Итак, «любите мир как средство к новым войнам», ибо «добрая война освящает всякую цель» (2; 4; с. 48), – говорит Ницше-Заратустра. «Отказываясь от войны, отказываешься от *великой* жизни...» (2; 6; с. 37), – добавляет Ницше-философ. Но здесь следует умолкнуть, «тем более что в некоторых случаях, как дает понять пословица, можно *остаться* философом лишь одним способом – замолчав» (2; 2; с. 20).

Библиографический список:

1. Бергсон А. Философская интуиция // Путь в философию: Антология. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 203-219.
2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Культурная революция, 2005-2014.
3. Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подготовил А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. Ч.1. – 576 с.

УДК 355.01

А.И. Гурский, И.В. Лихоманов

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

*angur@ngs.ru
lihman04@ngs.ru*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДИЛЕММА ВОЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье осуществлен философский анализ базового конфликта военного сознания, возникающего в ситуациях особого типа, между дисциплинарным императивом и требованием проявлять разумную инициативу. Не существует правил решения данного конфликта, однако понимание его сути повышает морально-психологическую устойчивость военнослужащего и готовность выполнять воинский долг в наиболее сложных с точки зрения принятия управленческих решений боевых ситуациях.

Ключевые слова: воинский долг, воинская дисциплина, разумная инициатива, категорический императив, условный императив, экзистенциальный выбор.

Беспрекословное повиновение командирам и исполнение отданных ими приказов, а также проявление разумной инициативы при исполнении этих приказов – два фундаментальных нормативно-правовых, а также императивных требования воинской службы. На первый взгляд, эти два требования не противоречат друг другу. Подчиненный получает приказ и выполняет его, проявляя при этом разумную инициативу *в рамках поставленной перед ним задачи*. И, тем не менее, для любого военного человека ясно, что бывают случаи, когда тотальный, не признающий никаких исключений, дисциплинарный императив приходит в противоречие с требованием проявлять разумную инициативу. Внутренний конфликт, возникающий вследствие этого, носит по целому ряду признаков *экзистенциальный характер*.

К сожалению, ни в специальной военной литературе, ни в философских исследованиях, посвященных экзистенциальной проблематике, нет попыток рассмотреть указанный конфликт с привлечением философского категориального и методологического аппарата. Между тем, история военного дела убедительно демонстрирует растущую роль такого психологического фактора как способность военнослужащих проявлять разумную инициативу. Армии позднефеодальной эпохи, которые строились и воевали в каре или в колоннах, по необходимости абсолютизировали дисциплинарный императив, культивируя типаж солдат-кукол, начисто лишенных собственной воли. В современных же

армиях, где каждый военнослужащий увешан броней, электроникой, оружием и представляет собой «подвижную крепость», готовую решать самостоятельные задачи, императив, требующий проявления разумной инициативы, приобретает особую актуальность. Но изучить условия необходимости и допустимости проявления разумной инициативы без привлечения средств, в том числе и философского анализа, не представляется возможным, так как здесь есть множество аспектов, не только военно-правовых, но также и военно-педагогических, психологических, этических, и, наконец, экзистенциальных, которые и явились главным предметом данного исследования.

В каких же случаях эти два фундаментальных военных императива приходят в противоречие друг с другом? Если брать в самом общем виде, то указанное противоречие возникает тогда, когда разумная инициатива как раз в том и состоит, чтобы *не выполнить приказ*, либо нарушить какое-либо уставное требование, что неизбежно повлечет за собой жесткое дисциплинарное воздействие вплоть до привлечения военнослужащего, нарушившего приказ, к уголовной ответственности. А если дело происходит в боевой обстановке, то даже и к такой крайней мере, как расстрел на месте.

Есть несколько типовых ситуаций, когда дисциплинарный императив приходит в противоречие с императивом проявления разумной инициативы. Но, прежде чем о них говорить, сделаем одно важное исключение: вынесем за скобки случай, когда неисполнение приказа обусловлено личной трусостью командира перед лицом смертельной опасности (какими бы «разумными» доводами он свое решение потом не оправдывал). Решение, обусловленное трусостью, безусловно, есть экзистенциальное по своему характеру. Однако, этот случай находится вне области нашего рассмотрения, так как трусость не имеет никакого отношения к разумной инициативе. Нас же интересуют лишь те случаи, когда два фундаментальных императива военного сознания вступают в прямое противоречие друг с другом и тем самым создают *ситуацию экзистенциального выбора*.

Такие ситуации могут быть обусловлены получением так называемого «преступного приказа» или же приказа, отданного в состоянии помраченного сознания. Они также возникают в связи с изменением оперативной обстановки, когда приказ отдается на основе одной информации, а уже в ходе его исполнения оперативная обстановка резко меняется и делает невозможным или неразумным выполнение отданного приказа. И командир подразделения вынужден на свой страх и риск принимать другое решение. Впрочем, такие ситуации характеризуются невысоким уровнем экзистенциальной напряженности. «Война является областью неопределенности» – писал К. фон Клаузевиц [1]. Военачальник принимает решения в обстановке принципиальной неполноты данных и, кроме того, в обстановке непрерывно и быстро меняющейся. Столкнувшись, в ходе выполнения приказа, с новыми или ранее неизвестными обстоятельствами, которые либо воздвигают непреодолимые препятствия для выполнения приказа, либо делают его (в силу тех или иных причин) бессмысленным, подчиненный попадает в ситуацию экзистенциального выбора, когда выполнить приказ невозможно, а не выполнить его – недопустимо. Но хотя, в конечном счете, вся тяжесть решения ложится на него, выбор подчиненного значительно облегчается тем фактом, что имеются *объективные обстоятельства*, на которые всегда можно сослаться, и притом обстоятельства, обладающие *принудительной силой воздействия*.

Еще один типовой случай, вызывающий экзистенциальный конфликт, складывается в ситуациях, когда подчиненный, исходя из личной оценки боевой обстановки, считает возможным (или необходимым) выйти за рамки поставленной задачи. Видеть открывшуюся возможность и не использовать ее – значит нарушить базовый военный императив, требующий от командира проявлять разумную инициативу. Однако, использовать эту возможность, – значит нарушить другой императив, требующий неукоснительного выполнения приказа в условиях, когда общий замысел боевой операции командиру, выполняющему приказ, может быть не известен. А это значит, что инициатива, *кажущаяся* ему в данный момент разумной, в действительности может противоречить общему замыслу и даже полностью разрушить его. К этим соображениям добавляется *риск неудачи*, ответственность за которую целиком падет на голову командира, проявившего инициативу.

Впрочем, и здесь имеются объективные факторы, снижающие экзистенциальную напряженность конфликта. Во-первых, сама открывшаяся возможность обладает свойством *очевидности*. Даже если впоследствии командир не сможет доказать, что он правильно оценил степень риска, очевидность открывшейся возможности послужит ему оправданием принятого решения. То же самое относится и к незнанию общего замысла операции.

Наивысшей же степенью экзистенциальной напряженности характеризуется внутренний конфликт, возникающий в том случае, когда подчиненный получает приказ, который, по его мнению, приведет к обратному результату *относительно поставленной боевой задачи* (его можно условно обозначить, как «слабо мотивированный» или «неразумный»). *Неисполнение такого приказа является преступлением*

против военной службы независимо от того, правильную или неправильную оценку дал ему подчиненный. И даже в том случае, когда, нарушив приказ, подчиненный добивается успеха, этот успех не служит ему оправданием нарушения приказа. Нарушитель обязан понести наказание независимо от успеха или неудачи его замысла. Здесь уже вступает в права дисциплинарный императив, не знающий исключений. Тем не менее, всегда находились, находятся и будут находиться военнослужащие, которые, исходя из требований воинского долга, принимают такие решения.

Во всех, рассмотренных нами выше, типовых ситуациях внутренний конфликт порождается противоречием двух императивов военного сознания, когда воинский долг требует *одновременно* выполнить приказ и нарушить его.

Очевидно, что в данном конфликте воинский долг выступает как безусловный (категорический) императив по отношению к двум условным (гипотетическим) императивам. Его феноменология коренится в наиболее древних, магико-мифологических, слоях коллективного сознания и культурных традиций. Воинский долг исполняется «ни ради чего», а только ради самого себя; он есть цель сама по себе для военнослужащего, присягнувшего на верность военной службе. Категорический императив воинского долга не зависит от привходящих обстоятельств и потому носит безусловный характер. В *любой* ситуации военнослужащий обязан исполнять воинский долг и обязанности по службе.

Но именно в силу тотальной безусловности категорического императива воинского долга он оказывается «размыт» в чисто содержательном плане. Да, военнослужащий *в любой ситуации* обязан выполнять воинский долг. Но, *что конкретно* он должен делать в *данной* ситуации, следуя воинскому долгу? Категорический императив есть выражение чистого и безусловного долженствования, без какой-либо его конкретизации. Он не дает ответа на такой вопрос. Для этого имеются условные (гипотетические) императивы: дисциплинарный, требующий беспрекословного и точного выполнения приказа, и другой – требующий проявлять разумную инициативу.

Условный императив есть требование, реализация которого ведет к достижению некоей цели, не содержащейся в самом этом требовании. Проще говоря, дисциплина нужна не ради дисциплины, да и проявление разумной инициативы необходимо не ради самой инициативы. И то, и другое необходимы ради чего-то третьего. В боевой обстановке дисциплина и инициатива нужны (в самом общем виде) ради достижения победы, *а не ради самих себя*. Таким образом, условный императив есть *средство* достижения цели, а не сама цель, в отличие от безусловного императива, который есть одновременно *и средство, и цель*.

Но, будучи средством достижения цели, условный императив зависит от привходящих обстоятельств – от *условий* данной конкретной ситуации. Одно и то же средство может в одной ситуации работать на достижение цели, а в другой ситуации – наоборот. Другими словами, в одной ситуации необходимо и целесообразно следовать дисциплинарному императиву, а в другой ситуации необходимо и целесообразно следовать императиву, требующему проявления разумной инициативы. И в том, и в другом случае над этими условными императивами довлеет категорический императив воинского долга. Они находятся в иерархическом соподчинении ему. Категорический императив как бы «управляет» условными императивами. Иная мотивация (например, трусость) нами здесь не рассматривается.

Почему же, в описанных выше ситуациях, возникает экзистенциальный конфликт? Потому что абстрактное долженствование категорического императива воинского долга не дает ответа на вопрос – какому из двух условных императивов должен отдать предпочтение военнослужащий *в данной конкретной ситуации*. А поскольку эти условные императивы не находятся в иерархическом соподчинении друг другу и обладают *равной силой* долженствования, образуется пространство экзистенциального выбора. Следуя воинскому долгу, военнослужащий испытывает побуждение действовать, причем действовать так, чтобы его поступки *соответствовали* требованию воинского долга. Соответствовать же они могут лишь в том случае, если служат проявлением одного из двух долженствований, выражаемых условными императивами. Но *в данной конкретной ситуации* оба эти долженствования, обладая равной силой, приходят в прямое противоречие друг с другом. Таким образом, военнослужащий оказывается перед выбором, не имея никаких легальных процедур или алгоритмов, с помощью которых он мог бы его сделать или авторитетов, на которые он мог бы сослаться при вынесении решения. Выбор целиком и полностью ложится на него, как и ответственность за последствия этого выбора.

Равенство двух условных императивов по силе воздействия на сознание военнослужащего возникает не в любой ситуации, а только в той, где степень риска становится предельной, где на кону – жизнь. В мирное время (даже в условиях масштабных учений) подобные ситуации, как правило, не влекут за собой экзистенциальный конфликт просто потому, что выбор здесь очевиден и сводится к *минимизации риска* для военнослужащего, когда дисциплинарный императив побеждает императив, требующий проявления разумной инициативы. Только в военное время, в боевой обстановке, нередко, перед лицом

смерти, когда предельно актуализируются волевые и нравственные качества военнослужащего, он испытывает внутренний конфликт, обусловленный прямым столкновением двух противоположных императивов. И это как раз тот случай, который только и может быть предметом анализа экзистенциальной философии, не принимающей в рассмотрение ситуации, где играет ставка *меньше, чем жизнь*. Впрочем, жизнь, понимаемая в широком смысле, – не только как вопрос физического выживания самого военнослужащего, но и других людей, ему подчиненных. А также жизнь в смысле *судьбы*. Ведь, принимая экзистенциальное решение, военнослужащий ставит на карту не только свое физическое существование, но также и свою честь, свою военную карьеру, иначе говоря, ставит на карту *смысл своего существования* как личности, что в системе ценностей военнослужащего, да и вообще любого человека, занимает приоритетную позицию по сравнению с физическим выживанием. Но как раз предельная степень риска и освобождает путь для экзистенциального (то есть подлинно *свободного*) выбора, ибо «единственной освобождающей ум человека мыслью, является та, что оставляет его наедине с самим собой, со знанием собственной конечности и близкого конца» [2].

И вот, когда предельно высокая степень риска ситуативно уравнивает оба условных императива, когда сознание военнослужащего *действительно* освобождается от привходящих факторов, препятствующих свободной экзистенции, а категорический императив воинского долга *принуждает* его к выбору, этот выбор осуществляется в волевом акте, который отнюдь не укоренен в рациональных мотивах. Даже когда у военнослужащего есть время для оценки ситуации, когда решение вызревает в ходе рационального рассуждения, взвешивания всех «за» и «против», решающий волевой акт (который и есть главный итог экзистирования) возникает словно бы ниоткуда. Тут мы сталкиваемся с классическим противопоставлением *проявления* воли – воле самой-в-себе, воле как таковой. «Закону основания – говорит в своем главном труде А. Шопенгауэр, – подчинено только *проявление* воли, а не сама воля, которую в этом отношении следует назвать *безосновной*» [3].

Мысль Шопенгауэра заключается в том, что волевой импульс, взятый сам по себе, индифферентен к мотивам, ко всем «за» и «против». Рациональный учет и «взвешивание» всех известных факторов, при любом их балансе, не влечет за собой *автоматически* принятия того или иного решения. Для этого требуется еще и волевой импульс, который рождается не из рационального мотива (в данном случае, оценки степени вероятности успеха). Наоборот, есть основания говорить об обратном отношении мотива к волевому импульсу. «Так называемый мотив – писал Мерло-Понти, – никак не давит на мое решение, напротив, мое решение наделяет его силой» [4]. Это особенно очевидно при балансе фифти-фифти аргументов «за» и «против», когда только волевой импульс и твердая решимость военнослужащего придает силу одной из альтернатив, не говоря уже о том, что военная история полна случаев, когда воля и решимость военачальника одерживали победу при самом отрицательном балансе аргументов «за» и «против» принятого им решения.

И, однако же, при всем том, что волевой акт не укоренен в рациональных мотивах, экзистенциальный выбор – все-таки не игра в «орла или решку». Экзистенциальная философия рассматривает волевой акт как форму и способ реализации свободы человека-в-становлении, а человеческое бытие как бытие *становящееся*, незавершенное, открытое в возможности. Таким образом, экзистенциальный выбор, осуществляемый волевым актом, есть проявление *свободы-в-становлении* человека или, еще точнее, он есть *момент* становления человека. «Экзистировать – значит пребывать в становлении» – писал Сёрен Кьеркегор. [5]. Становление же все сплошь состоит из «моментов», каковыми являются волевые акты, не укорененные во внешнем, но проистекающие из самого процесса экзистирования. А каждый момент становления есть момент обретения человеком *смысла его существования*. Не смысла «вообще», а смысла вот здесь и сейчас, в данный миг его жизни, который может стать для этого человека последним.

Момент становления есть также момент *преодоления*. Преодолевая себя человек *становится самим собой*, он *обретает себя*. Что должен преодолеть в себе военнослужащий в условиях экзистенциального конфликта? Видеть возможность и ее не использовать, быть уверенным в своей правоте и не решиться на поступок – вот суть экзистенциального выбора. Какое бы решение военнослужащий не принял, он принимает его, преодолевая внутреннее сопротивление. В одном случае он преодолевает сомнения в своей правоте, страх поражения, страх ответственности за принятое решение (не только перед командованием, но и перед самим собой), в другом случае он преодолевает искушение профессионального честолюбия и уверенности в своей правоте. И в том, и в другом случае военнослужащему требуется то мужество «второго типа», о котором писал К. фон Клаузевиц: «моральное, нравственное мужество, то есть мужество перед лицом ответственности перед внешней властью, или внутренней – совестью». [Клаузевиц, 2012. С.14]

Экзистенциальный выбор потому и называется экзистенциальным, что его результат не предрешен и что человек, вставший перед таким выбором, никогда заранее не знает, какое решение он примет. Это момент абсолютной свободы человека, оставшегося один на один с самим собой, когда ему не к кому обратиться и нет никаких «правил», следуя которым он мог бы найти верное решение. Предпринятый нами философский анализ достаточно убедительно показал *принципиальную невозможность* выработки таких «правил». Но он же позволил выявить *структуру экзистенциального конфликта*, характерного для военного сознания, что дает военнослужащему возможность *понять* суть данного конфликта, а, следовательно, повышает его морально-психологическую устойчивость и готовность выполнять воинский долг в наиболее сложных, с точки зрения принятия управленческих решений, боевых ситуациях.

Библиографический список:

- 1 Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – С. 15.
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – С. 88.
3. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в пяти томах / Пер. с нем. Ю.И. Айхенвальда. – Т. 1., – М.: Московский клуб, 1992. – С. 137.
4. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – С. 549.
5. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» / Пер. с дат. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Академический Проект, 2012. – С. 193.

УДК 94: 342.55 (571.12)

М.С. Друганова

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

Kucu@inbox.ru

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЯНАМИ ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ

Тезисы содержат формулировку нескольких морально-этических проблем, которые, по мнению автора, возникли в последнее время в российском обществе в связи с вооружённым конфликтом на Украине.

Ключевые слова: Украина, россияне, добровольцы, вооружённый конфликт, беженцы, экономические санкции.

Украина – близкий сосед России, страна, одна пятая часть населения которой причисляет себя к русской нации, и по логике вещей это государство должно быть нашим ближайшим политическим союзником. События, происходящие на Украине, не могут восприниматься россиянами индифферентно. Однако за последние полгода в нашем обществе можно наблюдать ряд этических проблем, возникших в связи с гражданской войной в соседнем государстве. Тезисно обозначим эти проблемы:

1. Реакция большинства россиян на войну на Украине оказалась близкой к безразличию. Под этим мы понимаем, что подавляющая часть населения, как представляется возможным судить, переживала по поводу войны только во время выпусков новостей и обсуждения их со своими знакомыми, коллегами. Безусловно, некоторые люди, у которых на Украине проживают родственники, друзья, отнеслись к трагическим событиям равнодушно. В качестве гуманитарной и материальной помощи на многих российских предприятиях были собраны денежные средства, вещи. После эскалации конфликта, когда в эфире стали появляться ужасающие кадры убийства мирных жителей, детей, многие военнослужащие и гражданские лица мужского пола вызвались добровольно защищать детей и женщин в осаждённых областях. Некоторые из них, к сожалению, лишились при этом жизни. Однако в большинстве своём россияне, которых трагедия не затронула лично, не принимали эти события близко к сердцу.

2. Отношение к беженцам россиян не всегда было доброжелательным. Безусловно, жители приграничных к Украине областей радушно встретили беженцев, организовали для них пункты временного

обитания и приёма пищи. По мере возрастания количества беженцев появилась необходимость их расселения, вследствие чего они были отправлены в Зауралье, обеспечены пособием и работой. Это вызвало определённую негативную реакцию со стороны коренного населения, так как зачастую их пособия были выше, чем пенсии россиян, а сами беженцы не соглашались на зарплату ниже определённого уровня, в то время как денежное довольствие рядовых сотрудников предприятия, на работу в котором претендовали беженцы, было и остаётся невысоким.

3. Негативная реакция общества на новостные передачи, которые до 90% времени уделяли событиям на Украине. Это не могло не вызвать раздражение, ведь порой замалчивались важные новости, происходившие в жизни нашего государства. Представляется, что многие проблемы в сферах экономики, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства было «удобно» скрыть за трагическими новостями на Украине.

4. Экономические санкции со стороны Запада повлекли за собой спекулятивное повышение цен на продовольственные продукты, что, однако, осталось «незамеченным» правительством России.

Таким образом, трагические события на Украине показали наличие определённых морально-этических проблем в российском обществе. Безусловно, территориальный и духовный разрыв стран, входивших в состав Советского Союза, не мог не повлиять на разобщение народов. Но налицо всё же некоторая степень морально-нравственной деградации общества, которую можно связать с общей потерей духовности в последние десятилетия. Конечно, часть общества консолидировалась в помощи Украине и беженцам, однако всё же можно констатировать факт угасания союзнических отношений между двумя нациями.

УДК 94: 342.55 (571.12)

М.С. Друганова, С.В. Свиначук

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

Kuci@inbox.ru

УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ ЧЕЛОВЕКА: ВЛИЯНИЕ ВЫПУСКОВ НОВОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ МНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ В НОВОРОССИИ)

В предлагаемых тезисах предпринята попытка анализа степени влияния телевидения на сознание человека во время вооружённого конфликта на Украине, а также поставлен вопрос о морально-этических последствиях этого влияния.

Ключевые слова: Украина, вооружённый конфликт, средства массовой информации, новостные выпуски, управление сознанием, формирование мнения.

Последние трагические события на Украине заставляют задуматься не только о нивелировании духовных ценностей и обнищании нравов в современном мировом сообществе, но и о достаточно актуальной проблеме влияния средств массовой информации на сознание человека, которая появилась с момента развития информационных технологий и не разрешена до сегодняшнего дня. Перед человечеством остро стоит вопрос: почему средства массовой информации являются настолько мощным способом пропаганды и формирования общественного мнения, что становится возможным управлять сознанием масс, населением целых стран и даже континентов?

Некоторые люди сознательно отказываются от просмотра телевизора, чтобы оградить себя от бессмысленных переживаний и не попасть под влияние самого действенного способа по формированию общественного мнения – новостных выпусков. Действительно, если, читая газетную статью о каком-либо событии или, например, напечатанный текст послания главы государства Федеральному Собранию Российской Федерации, человек может критически осмыслить фразу, перечитать предложение, позволить себе не согласиться с текстом, то при просмотре новостей этот «фильтр», как правило, не действует. Ведь телевидение обладает мощным орудием влияния на сознание человека: аудиовизуальными средствами подачи информации. В зависимости от цели новостного выпуска используются различные приёмы воздействия на психику человека. Сюжет об одном и том же событии может быть представлен как восхваление действий каких-либо политических структур и как критика этих действий. Новость можно

рассказать под трагическую или торжественную мелодию, сопровождая фотографиями и видеозаписями с места события. При этом внимание человека рассеивается, и он в нужный момент то испытывает чувство гордости, то скорбь. Но самое главное остаётся неостребованным: достоверная информация и анализ слушающим причин (и/или последствий) события.

В современных средствах массовой информации события могут трактоваться совершенно противоположным образом, при этом восприятие их человеком будет одинаковым в плане веры в действительность происходящего. Это показал, в частности, сравнительный анализ новостных выпусков об основных событиях в ходе украинского конфликта, показанных в России, на Украине, а также в Европе и Соединённых Штатах Америки. Общее представление о ситуации после просмотра новостей в российском и европейско-американском сознании складывалось кардинально противоположное. Причём новости сопровождалась доказательствами, а именно картами/схемами, эмоциональными интервью рядовых участников событий, заявлениями официальных лиц, сделанных от первого лица либо опосредованно. Следовательно, после просмотра этих новостных выпусков у человека складывалось вполне определённое мнение, что всё показанное – правда. И если российское общество могло подкрепить полученную информацию из других источников, например, родственников, проживающих в осаждённых областях, от добровольцев, ушедших воевать, то остальное мировое сообщество полагалось только на новостные сообщения, в некоторых случаях впоследствии оказавшиеся откровенной дезинформацией (как, например, карта, «доказывающая» ввод российских войск на Украину, на самом деле скопированная из компьютерной игры).

Безусловно, мы предполагаем, что не все новости, показанные россиянам, содержат полную информацию о действительности происходящего. Возможно, нам не показали все кадры с места событий, рассказали не о всех происшествиях. Однако факт проживания на территории России тысячи беженцев-очевидцев трагедии, гибель российских корреспондентов и добровольцев не оставляют никаких сомнений в том, какая сторона конфликта является истинным террористом. Тем более кощунственными кажутся аплодисменты, раздающиеся в честь нынешнего лидера Украины и финансовые отчисления этой стране со стороны Европы. Понятна причина такого отношения ко всем событиям: это всё кому-то выгодно. Однако непонятно другое. До какого еще уровня способна опуститься человеческая мораль, чтобы сознательно идти на одобрение подобных действий? К сожалению, этот вопрос остаётся риторическим, пока общество способно мириться с происходящим и позволять себя обманывать.

УДК 316.752.4

Н.В. Карпиленя

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

Karpilenyanv@open.by

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

В статье вскрываются противоречия развития современных человеческих цивилизаций под воздействием неснимаемого геополитического дуализма (Суша против Моря) для обеспечения безопасности Союзного государства. Сформулирован личный взгляд автора на мировоззренческие аспекты и направления развития России и Беларуси для сохранения народов Великой России, народов Союзного государства и Евразийского союза.

Ключевые слова: национальные интересы, безопасность, цивилизация, геополитика, идеология, духовность.

Европа (Запад) во все времена со стальной последовательностью стремилась и будет стремиться, с использованием различных средств, к достижению цели – подчинить себе славяно-греческий православный мир [10], какую бы то ни было ценою. В качестве объекта подчинения в настоящее время на постсоветском пространстве избрана Украина, а в недалеком будущем будет избрана и Беларусь [6]. Конечная цель Запада – мировое господство, после расчленения России.

Национальные интересы формируются на основе национальных ценностей. Конституционное закрепление белорусским народом в Конституции Республики Беларусь белорусского и русского языков в качестве государственных – стало фундаментом, на котором строится как Республика Беларусь, так и Союзное с Российской Федерацией государство.

Чтобы строить сильное и процветающее государство (союз государств) необходимо постоянно стремиться к поиску баланса интересов личности, общества и государства, ввиду существования в каждой цивилизации сугубо свойственных лишь ей мировоззренческих ценностей.

Необходимой составляющей духовной безопасности народов Союзного государства, как подсистемы национальной безопасности на современном этапе развития, должно явиться гармоничное соотношение интересов государства, общества и личности, взаимная ответственность личности перед государством и государства перед личностью. Ведь именно в результате разбалансированности в духовной сфере в современном, прежде всего российском, украинском обществах, наблюдается рост взаимного отчуждения государства и личности, общества и личности, государства и негосударственных общественных структур; распространяются различные формы злоупотребления представителями власти и чиновниками различных уровней своими полномочиями и ресурсами государства; растет недоверие граждан к власти и государственным началам как таковым. Сегодня министерствам здравоохранения, культуры, образования не только Союзного, но и других евразийских государств (под единым управлением) необходимо разработать целостную систему формирования гармоничной личности, обладающей высокой общей, политической, правовой культурой, в создании оптимальных социальных условий для развития ее способностей, полноценной самореализации, обеспечения соблюдения и защиты индивидуальных прав и свобод от всех видов насилия – нравственного, физического, политического, экономического и религиозного.

С. Хаттингтон в своей знаменитой работе утверждает: «В исламской, конфуцианской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против «империализма прав человека» и способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры» [9]. И далее С. Хаттингтон пишет: «Если русские, перестав быть марксистами, не примут либеральную демократию, и начнут себя вести как россияне, а не западные люди, отношения между Россией и Западом опять могут стать отдаленными и враждебными». Фактически американский ученый признает этим несомненный факт глубинных различий цивилизаций, которые считает бесспорными: западной, православной (евразийской), исламской, индуистской, китайской (конфуцианской), японской, а также рассматривает в качестве потенциальных: латиноамериканской, буддийской, африканской [9].

Россия, Беларусь, безусловно, относятся к православной (евразийской) культуре, так как порядка 80 процентов проживающих на этих территориях граждан относят себя к православной вере [6, 7]. Кстати, Украину также по этому показателю можно отнести к православной культуре.

На сегодня и в будущем особо актуальной становится следующая геополитическая аксиома [1]: Кто контролирует Беларусь, Украину, тот управляет западной частью «сердечной земли» (Heartland); кто управляет западной частью «сердечной земли» (Heartland), тот управляет главной западной частью «мирового острова»; *если Запад будет управлять Республикой Беларусь и единой Украиной (с Крымом), он сможет править миром*, так как цивилизация Суши может перестать существовать из-за распада самой России. То есть в ближайшие годы судьба цивилизации Суши будет решаться Москвой в Минске и Киеве, а также Астане, Париже, Берлине, Лондоне, Вашингтоне, Стамбуле, Каире и Пекине. В связи с непрекращающимися для Беларуси новыми вызовами, нацеленными на переориентацию общества и государства на Запад, белорусской нации следует осознать, что без духовного единства с Россией, русским миром в целом, существование всего белорусского этноса (83 процента граждан Беларуси считают себя белорусами) окажется под угрозой. В то же время (по глубокому убеждению автора – Н.К.), сегодня и в будущем только еще более тесная интеграция народов России и Беларуси и может служить фундаментом мира на всем евразийском континенте, а значит служить процветанию и развитию всех народов не только западной и православной (евразийской) цивилизации, но и других.

Чтобы начать переход к следующему этапу сближения народов России и Беларуси, следует без промедления установить, последовательно, настойчиво и целеустремленно развивать наши консервативные, *исторически присущие нашим народам*, мировоззренческие базовые ценности. Дело в том, что всем незападным народам сегодня, как показано в начале, «вдалбливаются» сугубо западные, англосаксонские ценности, безусловно, важные для развития личности, но разрушающие как общества, так и государства, не относящиеся к западной цивилизации, что является новой, крайне изощренной формой неокOLONиализма. Вот почему необходимо разработать и осуществлять *государственную идеологию Союзного государства*. Нужен идеологический, мировоззренческий прорыв на фундаменте неоевразийства

в совершенно новое качество сознания и самосознания. Образование и воспитание – вот основные элементы, с помощью которых человек меняет свое сознание, свое мировоззрение [5].

Национальной идеей при построении Союзного государства следует считать стратегический курс (вместе с другими государствами Евразийского союза) на всемерное повышение Духовности Нации – как непреложный стратегический курс сохранения народов через повседневное формирование качеств патриотизма, коллективизма, справедливости в личности и обществе [3, 4], которые эволюционно приведут к появлению державной политической элиты Духа Нации, а не личного обогащения индивида, которая в конкурентной политической борьбе лидеров государственного толка и масштаба мышления будет выдвигать из своих рядов самых достойных, чем ускорит осознание необходимости и единственности проведения общенародного курса суверенной, истинно народной демократии, который будет душой принят народами [2].

Сегодня и в будущем триада графа С.С. Уварова: православие, самодержавие, народность [9] (по глубокому личному убеждению автора – Н.К.) может иметь смысл только как: *духовность, державный авторитаризм, суверенная народная демократия* [2]. Только когда большинство элиты власти будет ассоциировать свое служение как служение народу и отечеству, что возможно, если она будет высокоморальна и нравственна, только тогда народ будет ощущать свою личную причастность и ответственность за судьбу государства, а значит и будет готов защищать суверенитет страны и ее целостность. Только при таком условии может существовать настоящая демократия, быть сильным и процветающим государством, гармонично развиваться и свободно ощущать себя личность. Именно духовное возрождение государства-нации может привести к суверенной народной демократии, возглавляемой национальным лидером, исполняющим свой конституционный долг не ради личной наживы и блага своего окружения, а ради блага каждой личности, всего общества, государства в целом, что приведет к тому, что две силы – и правительственная с законодательной, и народная – не будут сторониться одна другой в чувствах взаимного недоверия и недопонимания, когда все они сегодня терпят роковое недоразумение, в том числе и из-за малого процента участия на выборах всех уровней. Когда элита во власть будет выдвигаться из народа, что возможно и достижимо лишь на фундаменте общей духовности, можно будет постепенно сглаживать противоречия между властью и народом и строить желаемое будущее.

Другими первоочередными мировоззренческими шагами в построении союзного государства могут быть меры, предложенные в работах [1–7].

Мы находимся в тупике – геополитическом, экономическом, внутривластном, идеологическом, историческом, метафизическом. И рано или поздно наличие этого тупика признают все. Надо ускорить момент, когда все – элита, власть, оппозиция, широкие слои общества, контрэлита, радикальные элементы – всерьез признают и переживут этот факт. У нас многие сегодня ставят вопросы: что делать, кто виноват? А надо уже и задумываться: а «кто» же будет это «что» делать? [5].

Именно философия неоевразийства (на фундаменте теории многополярности) должна стать отличным от Западных теорий мировоззренческим и планетарным трендом, интеграционным проектом, в котором заложена жизненная сила к развитию как личности, так и любого общества и государства [5].

России необходимо вслед за Республикой Беларусь вернуться к государственной идеологии, ибо без идеологии нет ничего. Необходимо сказать себе (России): «Вот так пойду, вот этим путем, вот к этой цели». Для этого нужны (вместе с идеологией и метафизикой) командный состав, дисциплина, тактика, стратегия, жертвенный дух воина, ученого и организатора в одном лице, а не эгоцентризм (технизм) [5].

Сегодня очевидно, что нам необходимо соединить личностные (с преобладающими в ней индивидуалистическими началами) с развивающимся гражданским обществом множества индивидуалистических начал и коллективными интересами независимых, суверенных государств, которые можно осуществить лишь при объединении нации коллективистским духом, т. е. создать «гармоническую симфонию оркестра» личностных и коллективистских ценностей. События во многих странах постсоветского периода (России, Украине) показали, что с распадом СССР был явный крен в сторону либеральных (индивидуалистических) ценностей олигархического обогащения за счет почти «бесплатной» приватизации государственной собственности; затем наступил период «отъема» этой собственности у олигархов и непомерное укрепление позиций чиновничества, которое как «раковые опухоли» продолжали «съедать» еще живой организм государства, порождая и у правых (либералов), и у левых (социалистов) законные претензии в связи с резко проявившейся коррупцией в верхних эшелонах власти. «Примирению» общества может и должна способствовать сильная президентская власть с волевым и честным Президентом, который приведет интересы личности, общества, государства в гармонию взаимоотношений, вернет к Вере в справедливость всех членов общества.

Только возможность бесплатного получения среднего образования для всех, стратегия государства на Знания, Здравоохранение, Культуру – как когда-то выбор Православия на Руси; только единое школьное воспитание, внедряющее по-настоящему нравственность, когда школы стали бы «мастерскими людей»; воспитание граждан в государстве на базовом фундаменте традиционных в стране религиозных, социалистических учений о морали и нравственности может при всем этом плюрализме и сильной центральной президентской власти кристально честных людей, а также воспитанием и отбором элиты, у которой понятие Родина, честь, долг были бы на первых позициях – лишь все это, соединившись вместе, может спасти Евразийские народы, на примере которых постепенно начнет прекращаться нравственная деградация и западного общества.

Совокупные Знания общества окажут благоприятное влияние на научно-технологическую сферу, инновации и в целом на экономику государства. Вера, духовность, культура будут способствовать укреплению политической сферы общества, объединению нации в целом, что неминуемо скажется на укреплении суверенитета, территориальной целостности, социального сплочения государства, общества и безусловной возможности развития и повышения материального благосостояния личности.

Таким образом, следует без промедления:

– интенсифицировать интеграционные процессы России на постсоветском пространстве (особенно с Украиной, Республикой Беларусь, Казахстаном, Арменией, Киргизией и др.) и ни при каких обстоятельствах не потерять в интеграции главного духовного и геополитического партнера – Украину, без которой любые другие объединения будут недостаточными, ибо как говорил Ф.М. Достоевский: «Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда ее»;

– выдвигать, обсуждать, принимать и реализовывать внятную идеологию евразийского толка, способную концептуально гармонизировать требования стратегического централизма и укрепления культурной самобытности всех народов евразийских государств, обеспечения взвешенного баланса интересов личности-общества-государства, так как «люди без принуждения не примут и не будут выполнять меры, наилучшим образом рассчитанные для их собственного блага» (Джордж Вашингтон);

– провести духовную и научную мобилизацию общества для укрепления идентичности народов евразийского союза в новых условиях и заложить (принципиально отличную от Болонской) систему образования на фундаменте советской и ориентированную для спроса специалистов внутри государств евразийского союза, т. е. континентальную систему ценностей цивилизации Суши [1], а не Моря [1], ибо Болонская система образования призвана решать проблемы цивилизации Моря (США и Западной Европы), а не Суши (России, Беларуси, Украины, Казахстана, Армении, Киргизии и др.) в геополитическом смысле;

– признать УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ главным элементом воспитания «человеческого материала» государства с подъемом его престижа к уровню обеспеченного банкира-финансиста, так как только «от правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа» (Джон Локк). Государство должно так объединить общество, чтобы в нем самом сформировалось ясное понимание, что без учителя не может быть сильного, процветающего государства, сплоченного общества и возможности для каждого человека его личной самореализации. Это послужит началом общего выздоровления нации для решения всех других, также очень важных вопросов нашей жизни;

– провести в элите полноценный «евразийский отбор» лучших и достойнейших по критериям профессионализма, высокой нравственности и образованности с *качествами воина, ученого и организатора в одном лице*, осознавая, что «истинно честный человек должен предпочитать себе – семью, семье – Отечество, Отечеству – человечество» (Жан Лерон Д'Аламбер).

Библиографический список:

1. Карпиленя, Н.В. Геополитика: борьба за пространство и могущество в Евразии / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2013. – № 3 (40). – С. 23–29.
2. Карпиленя, Н.В. Духовно-политические основы государственной целостности России: история и современные проблемы построения Евразийского союза / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2013. – № 4 (41). – С. 146–153.
3. Карпиленя, Н.В. Проект «Духовность Человека» – альтернативная Западу всемирно-историческая модель развития России и государств Евразийского союза / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2014. – № 1 (42). – С. 98–108.
4. Карпиленя, Н.В. Фундамент могущества государств Евразийского союза – в сплаве приоритетных черт характера личностей общества / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2014. – № 2 (43). – С. 202–215.

5. Карпиленя, Н.В. Неоевразийство как мировоззрение, планетарный тренд и интеграционный проект: суть нашего времени / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2014. – № 3 (44).
6. Карпиленя, Н.В. О месте Республики Беларусь в цивилизационном и геополитическом противостоянии России и Запада / Н.В. Карпиленя // Вестник Военной академии Республики Беларусь. – 2014. – № 4 (45).
7. НИР «Идентичность-РБ». УО «ВА РБ». – Минск, 2014.
8. Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – СПб.: Литера, 1999.
9. Хаттингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хаттингтон // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 43.
10. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций / Н.Я. Данилевский. – М.: Алгоритм, 2014. – (Золотой фонд политической мысли).

УДК 355.018

М.Р. Клименко

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

ФЕНОМЕН СМЕРТИ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

Автор рассматривает феномен смерти и значение танатологической проблематики для обучения и воспитания военного профессионала.

Ключевые слова: мировоззрение, отношение к смерти, смерть, танатология, человек.

Формирование мировоззрения защитников Отечества предполагает выработку у них определенного отношения к феномену смерти (о чем часто умалчивается).

Человек – это единственное живое существо на нашей планете, которое осознает временность своего пребывания в этом мире. Это осознание неизбежности смерти является для человека глубоким эмоциональным испытанием, неведомым другим биологическим видам. Человек мучительно переживает факт конечности своего бытия, не желая признать подобный порядок вещей справедливым и вечным, он ищет выход из этого тупика.

Отношение человека к феномену смерти определяется рядом факторов: *во-первых*, отношение к смерти зависит от глубины понимания сути данного феномена; *во-вторых*, отношение к смерти во многом определяется особенностями духовной ситуации переживаемой эпохи; *в-третьих*, отношение к смерти в значительной части предопределяется традициями (религиозными и национальными, прежде всего), спецификой национального характера; *в-четвертых*, отношение к смерти обусловлено социальным статусом индивида, его принадлежностью к определенному классу, социальной группе, слою; *в-пятых*, отношение к смерти в значительной степени детерминировано характером профессиональной деятельности индивида; *в-шестых*, отношение к смерти самым тесным образом связано с мировоззрением человека, выступая в качестве одного из его компонентов, активно взаимодействующего с другими его компонентами.

Следует выделить обыденное, религиозное, научное и философское отношение к смерти.

На рубеже XX-XXI вв. представления исследователей о смерти значительно усложнились.

Можно указать на тесную связь феноменов войны и смерти: смерть – это «дыхание войны», ее неотъемлемая сторона; смерть продуцируется войной во всех её видах и вариантах.

В социологии войны используется такое понятие как «цена войны» («цена победы», «цена поражения»). Главное в этой цене – потери людей, связанные, прямо или косвенно, с войной.

Ретроспективный взгляд на историю войн и военного дела позволяет выявить некоторые тенденции, важные для понимания рассматриваемых нами проблем: 1) рост разрушительных последствий войн, в том числе и безвозвратных демографических потерь; 2) изменение соотношения между потерями личного состава вооруженных сил воюющих сторон и гражданского населения в сторону резкого возрастания потерь гражданского населения; 3) постоянное совершенствование технологий уничтожения людей, применяемых в процессе войны и вооруженной борьбы.

Война, безусловно, воздействует на отношение людей к смерти, формируя определенные модели этих отношений. Более того, формирование определенного типа отношения к смерти выступает в качестве одной из предпосылок самой войны.

Чтобы война стала неотъемлемой стороной жизни общества, превратилась в эффективный способ разрешения социальных противоречий, должны были произойти серьезные изменения во всех сферах общественной жизни и, конечно, в общественном и индивидуальном сознании.

Можно указать на наличие, по меньшей мере, двух барьеров, препятствующих превращению человека в субъект войны и вооруженной борьбы: биологического и этического. Преодолению выделенных нами барьеров способствовало применение определенных методов: 1) «формирование образа врага»; 2) «перекладывание ответственности»; 3) абсолютизация роли объективных (социальных, прежде всего) обстоятельств; 4) аргумент «большого зла»; 5) героизация акта убийства врага и смерти воина на поле боя и др.

В условиях подготовки к войне и самой войны происходит коренная перестройка общественного, группового и индивидуального сознания. Война порождает особую идеологию смерти («умри за будущее своего народа», «смерть на войне – долг и почетная обязанность гражданина перед государством»), специфическую психологию смерти («лишь смертью врага утверждается собственная и товарищей по оружию жизнь»), своеобразную этику смерти («на войне как на войне», «война все спишет»), уникальную эстетику смерти («красивая смерть», «труп врага всегда хорошо пахнет»). В результате складывается особая духовная ситуация, когда нравственный императив «не убий!» превращается в категорическое требование социума к личности: «убей врага!». Выживание социума ставится выше ценности человеческой жизни, в данном случае – представителя чужого, враждебного социума.

Подготовка военного профессионала, если ситуацию рассматривать несколько упрощенно, сводится к достижению трех целей: *во-первых*, научить человека с максимальной эффективностью убивать других людей; *во-вторых*, сформировать у человека готовность убивать во имя интересов государства и по приказу государства; *в-третьих*, актуализировать способность человека к самопожертвованию во имя интересов государства.

Достижение этих стратегических целей предполагает решение двух групп задач: 1) *военно-технических*, связанных с освоением технологий убийства других людей и технологий защиты собственной жизни; 2) *духовно-идеологических*, связанных с апологией массового убийства людей, обоснованием его необходимости и целесообразности.

Из всех факторов, детерминирующих поведение человека в боевой обстановке, одним из самых мощных является угроза смерти.

Становление и развитие военного дела связано с поиском конкретных путей преодоления страха перед смертью, без чего человек не может превратиться в эффективно действующий субъект вооруженной борьбы, элемент системы войны.

К наиболее распространенным методам воздействия на личность военнослужащего с целью подавления страха перед смертью можно отнести:

- 1) использование религии (идея загробного воздаяния);
- 2) апелляция к чувству долга перед обществом, государством, конкретными людьми, предками и т. д. (делегирование функции спасения);
- 3) алкоголь и наркотики;
- 4) следование уже сложившимся образцам поведения и деятельности, их копирование и тиражирование в соответствии с ментальностью, национальным характером, нормами культуры;
- 5) подкуп (деньги, привилегии, материальные блага);
- 6) культивирование ненависти к противнику;
- 7) формирование чувства собственного превосходства над противником, уверенности в победе;
- 8) личный пример командира, безграничная вера в него подчиненных;
- 9) система санкций («страх против страха»);
- 10) различные формы контроля над личностью, программирования, управления поведением человека и др.

Как правило применяется не отдельный метод, а целый комплекс методов исходя из особенностей личного состава, специфики обстановки и решаемых задач.

«Воспитывая себя к смерти, воин должен помнить *во имя чего* он это делает; сообщая себе способность убивать других, он должен почерпать свой мотив и свою решимость в *государственной цели и в воле к ней*. Военное воспитание, оторванное от чувства духовного достоинства, есть воспитание к систематическому и беспринципному убийству...» – писал известный русский философ И.А. Ильин [1].

Библиографический список:

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: «Рарогъ», 1993. – С. 159.

УДК 355.014

Т.Л. Лопуха

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

lopoukha@yandex.ru

**ВОИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА ЖИЗНИ У
КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ**

Автором дается развернутая характеристика воинской деятельности как сложного социального явления и рассматривается проблема формирования смысложизненных ориентаций курсантов военных вузов.

Ключевые слова: воинская деятельность, деятельность, смысл жизни, социальная культура, функции воинской деятельности.

Для всестороннего анализа мотивационно-смысловой сферы воинской деятельности необходимо, прежде всего, уточнить суть и содержание базовых понятий. Под деятельностью обычно понимается специфическая человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет её целесообразное изменение и преобразование. Всякая деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс деятельности (мотивационную составляющую). Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит в сфере человеческих мотивов, идеалов и ценностей – особенно смысложизненных.

Существуют многообразные классификации форм деятельности: материальная и духовная, производственная, социальная и т. д. С точки зрения творческой роли деятельности в социальном развитии выделяют:

- репродуктивную (направленную на получение уже известного результата известными же средствами);
- продуктивную, или творчество, связанное с выработкой новых целей и соответствующих им средств или с достижением известных целей с помощью новых средств.

В рамках сферы общественно-политической деятельности выделяется такой ее специфический вид, как воинская и боевая деятельность (особый процесс воинского труда в мирное время – воинская деятельность, в военное время – боевая деятельность).

Воинская деятельность – сложное социальное явление. Как часть общественной жизни, она представляет собой материальную, чувственно-предметную и целесообразную деятельность людей в области военного дела и включает в себя военно-практическую и военно-исследовательскую деятельность. Содержание и формы воинской деятельности постоянно изменяются и развиваются. В процессе исторического анализа ее проявлений выделяют военный опыт прошлого и современную воинскую деятельность. Воинская деятельность осуществляется в форме вооруженной борьбы, боевого дежурства, боевой и морально-психологической подготовки войск, управленческой деятельности штабов и других органов военного управления, подготовки военных кадров, военно-научной деятельности и др. Формы воинской деятельности неразрывно взаимосвязаны, дополняют и обуславливают друг друга.

Воинскую деятельность можно рассмотреть с точки зрения анализа последовательности основных этапов деятельности вообще: целеполагание и планирование предстоящих действий; организация условий деятельности, выбор средств и методов; реализация программы деятельности; обеспечение контроля и оценки результатов, сопоставление их с целями деятельности и продолжение дальнейшей деятельности на основе промежуточного результата.

На всех этапах практическая воинская деятельность неразрывно связана с теоретической. Поэтому еще одно представление о воинской деятельности можно отразить как единство двух ее сторон – субъективной и объективной. Субъективная сторона – это человек (субъект) с его мотивами, знаниями и навыками, а также осуществляемые человеком операции целесообразной деятельности. Объективная

сторона представляет собой совокупность объектов, которые включаются человеком в определенные взаимодействия и выступают в качестве предметов, средств и продуктов воинской деятельности.

В качестве объекта воинской деятельности может выступать предмет окружающей действительности и человек, постоянно изменяющийся под ее воздействием. Изменение оборонной сферы общества приводит к изменению военнослужащего, позволяет ему как субъекту деятельности постоянно развиваться, обогащать мотивационно-смысловую сферу своей деятельности.

Воинская деятельность имеет социальное, человеческое и культурное значение. Она оценивается в плане добра и зла, истины, красоты, допустимого или запретного, справедливого или несправедливого и т. д. Способы и критерии, на основании которых производятся сами процедуры оценивания воинской деятельности, закрепляются в общественном сознании и культуре (установки и оценки, императивы и запреты, цели и проекты, выраженные в форме нормативных представлений), выступая ориентирами жизнедеятельности общества. В ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний о воинской деятельности, интересов и предпочтений различных общественных групп и личностей. Каждое исторически конкретное общество характеризуется специфическим набором и иерархией ценностей воинской деятельности, система которых выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. В ней зафиксированы критерии социального признания значимости воинской деятельности обществом и социальной группой, на основе которых существуют более конкретные, специализированные системы нормативного контроля, соответствующие воинские институты и сами системы целенаправленных действий людей. Усвоение системы ценностей воинской деятельности отдельной личностью является одним из условий ее воинской социализации и поддержания нормативного порядка в данном сообществе.

Воинская деятельность имеет немало специфического в проявлениях нравственности. В социальном плане нравственные ориентиры воинской деятельности, неразрывны с политико-моральными процессами, протекающими в обществе. Вместе с тем характер реализации этих общих принципов и положений в условиях воинской деятельности своеобразен и специфичен. Еще Платон отмечал, что моральные добродетели проявляются в зависимости от сословия: добродетель мудрости присуща философии, умеренность – ремесленникам, а мужество и храбрость – воинам. Этика воинской деятельности рассматривает специфику проявления морали в процессе ее осуществления, пути и способы формирования морально-боевых качеств военнослужащих и проявление их в условиях войны.

Важным специфическим требованием этики воинской деятельности является постоянная готовность и моральные способности осуществлять вооруженное насилие в интересах защиты общества, достичь поставленных командованием целей любой ценой. Воинская деятельность является одной из немногих сфер человеческой деятельности, где моральные нормы исполнения долга требуют в случае необходимости отдать свою жизнь на благо Отечества.

Морально-боевые качества – отвага, мужество, героизм, воинская честь и гордость, способность к беспрекословному повиновению и многие другие – составляют существенные черты воинской морали. Их формирование предполагает выработку особой системы ценностей, составляющей основу специфических смыслов жизни профессиональных военнослужащих. Специфика военной морали заключается не только в требовании особых качеств, но и в особенном характере их проявления и формирования.

Особенность общения как обмена информацией, осуществляемого в воинской деятельности, заключается в том, что в отличие от общения в «гражданской» сфере оно имеет известный предел открытости, а в ряде случаев специально направлено на сокрытие информации или ложное информирование. Специфика общения как обмена деятельностью выражается в том, что в условиях воинской деятельности этот обмен направлен на уничтожение противника.

Как созидательная, производящая блага деятельность, воинская деятельность «производит» защиту, то есть услугу. В этом смысле воинская деятельность является трудом. Но воинская деятельность не созидательна, более того, в военное время она преимущественно разрушительна. С точки зрения общечеловеческой оценки любая война есть разрушение. В этом смысле воинская деятельность является не созидательной деятельностью. Но она обеспечивает возможность мирного созидания.

Воинской деятельности присущи наличие определенной технологии, необходимость конкретных умений, знаний в мастерстве для успешного осуществления. Будучи сложной, по своему содержанию, она требует особого напряжения духовных и физических сил, высокой мотивации к службе.

Эта деятельность требует инициативы и творчества. Их необходимое присутствие в воинской деятельности обусловлено новизной и нестандартностью решаемых задач, постоянно возникающими новыми ситуациями, которые при всей тщательности прогнозирования нельзя запрограммировать и предусмотреть заранее. Вряд ли возможно было предсказать алгоритм действий в ходе крымского кризиса заранее. Это в свою очередь является мощным импульсом для расширения диапазона побудительных

мотивов деятельности военных кадров, формировании у них государственно-патриотических мотиваций к служебной деятельности.

В качестве структурных элементов воинской деятельности выделяют ее цели, субъект, объект, средства и результат.

Субъектом воинской деятельности выступает общество, социальные общности, личность. Объектом деятельности является то, на что она направлена. Важным структурным элементом деятельности является цель, под которой понимается идеальный образ желаемого результата. В воинской деятельности ставится комплекс целей, имеющих свою иерархию. Важнейшие цели воинской деятельности закрепляются в Федеральном законе от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об обороне», Федеральном законе от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «О воинской обязанности и военной службе», Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Военной доктрине Российской Федерации, Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Реализация целей воинской деятельности осуществляется с помощью средств. Цели и средства воинской деятельности находятся в диалектическом единстве. Средства воинской деятельности – это средства вооруженного насилия, прежде всего оружие и боевая техника. Цель воинской деятельности, реализуясь с помощью специфических (военных) средств, дает результат – победу, ликвидацию угроз.

Воинская деятельность, как особый вид человеческой деятельности, выполняет важные социальные функции. Война как продолжение политической деятельности иными, а именно насильственными средствами является частью политики. Вот почему воинская деятельность используется в политике как средство насилия.

Воинская деятельность выступает средством защиты общества от вооруженного вторжения извне, угрожающего его суверенитету и целостности, то есть выполняет функцию защиты общества.

Воспитательная функция воинской деятельности проявляется в том, что она осуществляет воспитательное воздействие на людей.

Функционирование армии реализуется посредством определенных видов ее деятельности. Они нацелены на регулирование конкретных функциональных отношений. Важнейшими видами воинской деятельности, с помощью которых армия реализует свое историческое предназначение, являются: непосредственное использование оружия и боевой техники в вооруженной борьбе; опосредованное применение насилия и оружия в нем при различных социально-политических ситуациях; участие подсистем, элементов армии в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизнедеятельности общества.

Степень участия армии в общественной жизни, в решении общих задач государства ограничена социальным характером общественно-политического строя и осуществляется лишь настолько, насколько в них заинтересована публичная власть. Она обусловлена уровнем сознательности военнослужащих, палитрой побудительных мотивов деятельности, их политической зрелостью и ответственностью за развитие общества.

Эти факторы и определяют характер воинской деятельности. Наиболее эффективной и общезначимой она становится тогда, когда армия является неотъемлемой и необходимой частью общества, государства, политической системы и понимается как таковая. Знание основ воинской деятельности имеет мировоззренческое и методологическое значение. Она помогает кадровым военнослужащим понять сущность и содержание их профессиональной деятельности, ее смысл и значение, а также способствует формированию у них научного мировоззрения, высоких морально-психологических качеств, военно-профессиональной компетентности и смыслов жизни.

Как формируется смысл жизни? В чем его проблема?

Смысл жизни, по мнению Аристотеля, можно охарактеризовать следующим образом: он заключается в реализации человеком своих способностей. Смысл жизни отдельной личности реализуется через общество [1].

По И. Канту, смысл жизни находится не вне, а внутри человека. Фактором, образующим смысл жизни, является идея, которая принимает вид нравственного закона, долга. Эту мысль можно подтвердить цитатой из «Критики чистого разума»: «Долг! Ты возвышенное великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю, и не угрожаешь тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы; ты только устанавливаешь закон, который сам собой проникает в душу и даже против воли может снискать уважение в себе...» [2, с. 413-414]. Это значит, что хотя добровольное подчинение долгу и возвышает человека, но ему должно быть чуждо самодовольство. Тем самым Кант предостерегает людей от самообольщения, от ложного представления, будто бы нравственность человеку дана его собственной природой.

Кант считает, что только интеллектуальная воля образует неизменную основу личности, потому что она соответствует моральному закону. Не эгоизм, а долг и неподкупная совесть сохраняют личность и позволяют ей оставаться одной и той же.

В настоящее время она приобрела особое значение, поскольку над ней сегодня начинает задумываться большинство наших сограждан. Причиной тому служит кризис нашего общества, в условиях которого жизнь оборачивается проблемой выживания, повышается самооценочность жизни как особой формы бытия.

Обостренный интерес к вопросу о смысле жизни испытывал и П.А. Сорокин, писавший, что «в обычные времена размышления о человеческой судьбе (откуда, куда, как, почему) в данном обществе являются, как правило, уделом крохотной группы мыслителей и ученых. Но во времена серьезных испытаний эти вопросы внезапно приобретают исключительную не только теоретическую, но и практическую важность; они волнуют всех мыслителей и простонародье. Огромная часть населения чувствует себя оторванной от почвы, обескровленной, изуродованной и раздавленной» [3, с. 8].

Волнующая нас проблема смысла жизни стоит в центре внимания современного социогуманитарного знания. В силу того, что данная проблема, по своей сути, является очень емкой, многоаспектной и разносторонней, то внимание ей уделяют и религия, и этика, и философия, и социология, а также другие гуманитарные науки.

В религиозной христианской традиции проблеме смысла жизни уделялось большое внимание. Ей посвящали свои работы В. Розанов [4], В. Несмелов [5], А. Введенский [6], М. Тареев [7], В. Соловьев [8], Е. Трубецкой [9], С. Франк [10].

В христианской традиции смысл жизни трактуется как сущность жизни человека, которая включает в себе черты его индивидуальности, особенную логику развития, своеобразное предназначение каждого человека. В основе религиозной трактовки проблемы смысла жизни лежит идея о том, что человек способен переустроить мир на началах добра и справедливости. Движение к этому светлому будущему есть прогресс, который предполагает цель. А цель в свою очередь придает смысл человеческой жизни.

В работах таких исследователей, как Г.Н. Гумницкий, В.А. Капранов, Ю.В. Согомонов, В.Ш. Сабиров смысл жизни трактуется как нравственная самореализация личности. Подобная трактовка вытекает из понимания жизни как деятельности разумных существ, направленной на преобразование внешнего мира и самого себя, как самореализация и самоутверждение человека [11]. Жизнь людей только потому имеет смысл, что она воплощается в деятельности для умножения человеческих ценностей, измеряется причастностью к созданию общечеловеческого блага, как материального, так и духовного. К пониманию смысла жизни можно выделить по крайней мере три подхода.

1. Смысл жизни – интегративная основа личности [12]. Согласно этому подходу, смысл как таковой – это интегративная категория, которая является сквозным элементом, пронизывающим все существо человека, является его основой. События, переживаемые человеком, не уходят в небытие, а остаются в виде устойчивой структуры – парадигмы смысла. Любое последующее событие пропускается человеком через эту структуру, включается в нее. Таким образом, смысл – это то, что человек непрестанно ищет, то, к постижению чего из всех сил стремится, а, с другой стороны, смысл может быть порожден только самим человеком.

2. Смысл жизни рассматривается как элемент сознания (В.Ф. Сержантов, О.В. Гаман), т. е. смысл жизни – это нечто принимаемое человеком в качестве цели своей жизни и осознаваемое им в той или иной степени, являющееся структурным элементом мировоззрения.

3. Смысл жизни трактуется и как структурный элемент деятельности. Ценностное отношение человека к миру в этом плане представляет собой непосредственный элемент деятельности в целом. Именно в процессе деятельности происходит распредмечивание ценностей, перевод их из области социального в область индивидуально-личностного, превращение ценности в элемент сознания. Деятельность выступает объективным основанием самой проблемы смысла жизни: жизнь есть модификация бытия; специфический способ существования человека в мире. По этому поводу И.Ф. Ведин замечает: «Смысл бытия человека в мире есть смысл его социальной деятельности» [13, с. 31]. Таким образом, в рамках деятельностного подхода смысл жизни присутствует в сознании человека, но объективируется, становясь элементом реальности в социальной деятельности субъекта общественной жизни.

Так как жизненный план есть «совокупность целей, средств их достижения, выдвигаемых человеком в процессе жизнедеятельности, при условии пространственно- временной локализации целей и конкретизации и координации средств» [14, с. 9], можно заключить, что он являет собой наиболее осмысленную форму представлений человека о назначении своей жизни.

В целом жизненные планы могут быть рассмотрены как поведенческий компонент ценностных ориентаций или диспозиций (В.А. Ядов), которые наряду с потребностями, мотивами, социальными установками, целями и идеалами выступают показателями общей направленности личности. Наиболее полно феномен смысла жизни определен в работе В.Г. Немировского «Смысл жизни в общем виде можно определить как доминирующую направленность группового или индивидуального сознания, которая непосредственно проявляется в социальной деятельности личности и имеет социальную ценность» [15, с. 223]. Последний момент особо акцентирует значимость изучения социального бытия человека, что в свою очередь лежит в контексте решения задачи прогнозирования социального поведения субъекта общественной жизни и важность формирования специфических смыслов жизни у курсантов военных вузов.

Основной мотив социального действия, поведения человека в целом задается фиксируемыми в истории человечества социокультурными типами мировоззрения. Возникающая на их фундаменте определенная система ценностей объективируется в индивидуальном социальном действии, результаты которого суть отдельные элементы, явления, процессы социальной жизни. Современные социокультурные типы мировоззрения, особенно в молодежной среде изучены слабо. То, что раньше являлось отклонением, сегодня среди значительной части молодежи – норма [16].

В современной российской социологии наиболее плодотворной в этой связи нам представляется концепция социальной культуры, разрабатываемая в рамках социологии жизненных сил [17, 18]. Социальная реальность рассматривается здесь как взаимозависимость субъектов индивидуальной и социальной жизни по поводу использования жизненного пространства для удовлетворения их многообразных потребностей. Социальная культура при этом трактуется как «способ и эффективность деятельности субъектов жизнеосуществления в основных сферах общества» [19, с. 18]. Это выводит нас на характеристики социальной субъектности человека, а в более широком плане – на анализ социального компонента смысложизненных ориентаций, его гармонии или дисгармонии с индивидуально-личностным пониманием цели и назначения жизни человека в целом. Это может быть теоретическим фундаментом в формировании жизненных смыслов кадровых военных.

Инновационные подходы к проблеме смысла жизни открывают новые перспективы исследовательского поиска. Но традиционные наработки, безусловно, могут быть использованы для изучения смысложизненных ориентаций разных категорий военнослужащих российской армии. Весь вопрос в том, чтобы были адекватны и сопоставимы методики и результаты исследований.

Библиографический список:

1. Аристотель. Евдемова этика. 1214, в 8-10, в 10-15. М., – 1978.
2. Кант И. Сочинения: В 6-ти т. Т. 6. – М., 1966.
3. Сорокин П.А. История социальной философии. – Нью-Йорк, 1968.
4. Розанов В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии конца XIX – начала XX вв. – СПб., 1995.
5. Несмелое В. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения // Смысл жизни: Антология. – М., 1994.
6. Введенский А. Философские очерки. – Прага, 1924.
7. Тареев М. Цель и смысл жизни. – М., 1902.
8. Соловьев В. Оправдание добра. – М., 1996.
9. Трубецкой Е. Смысл жизни. – М., 1994.
10. Франк С. Смысл жизни // Вопросы философии. – 1990. – № 6.
11. Карпов М.М. Смысл жизни человека. – Ростов-на-Дону, 1994.
12. Ярмахов Б.Б. Смысл жизни как интегративная категория // Смысл человеческой жизни: Диалог мировоззрений. – Н. Новгород, 1992.
13. Ведин И.Ф. Бытие человека: деятельность и смысл. – Рига, 1987.
14. Кучеренко А.В. Жизненные планы молодежи: структура и факторы формирования. Автореф. дис... канд. философ, наук. – Киев, 1989.
15. Немировский В.Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. – Киев, 1990.
16. Философско-методологические основы образовательных инноваций в условиях глобализации: Монография / В.С. Пель, В.Н. Турченко, Р.Н. Шматов. – Новосибирск: НГПУ, 2013. – 384 с.
17. Григорьев С.И. Социальное образование и социальная культура России: национально-региональный контекст 1990-х годов. – Барнаул; Москва, 1994.
18. Григорьев С.И., Демина Л.Д., Ростов Ю.Е. Жизненные силы человека. – Барнаул, 1996.
19. Григорьев С.И. Социальное образование и социальная культура в России: национально-региональный контекст 1990-х годов. Барнаул; Москва, 1994.

А.В. Пепеляев

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

avp1910@yandex.ru

И.А. ИЛЬИН И В.С. СОЛОВЬЕВ О ВОЙНЕ И АРМИИ

В статье излагаются идеи знаменитых русских философов И.А. Ильина и В.С. Соловьева о войне, военной службе и армии.

Ключевые слова: И.А. Ильин, В.С. Соловьев, Отечество, война, военная служба, армия.

XX век оказался самым воинственным и кровавым в истории человечества. Неуклонно нарастала частота войн и вооруженных конфликтов. Рекордным на этот счет оказалось последнее десятилетие. По подсчетам специалистов в 90-е годы произошло более 100 войн, в которых участвовало около 90 государств и погибло 7–9 млн. человек [1].

Человечество, потрясенное бедами войн, в XX веке неоднократно пыталось покончить с ними. Все больше становится людей, отрицающих войну как средство разрешения конфликтов. Как следствие значительно увеличилось число людей, крайне негативно относящихся и к военной службе.

Сегодня важную роль в формировании общественного сознания играет телевидение, способное «доставить» ужасы войны в дом каждой семьи и основанное чаще на эмоциональном, а не рациональном восприятии действительности. Показ жестокостей реальной войны и связанное с этим преобладание отрицательных эмоций способствует утверждению в сознании людей отношения к войне как безусловному злу. Формирование устойчивых взглядов о безусловной аморальности войны нередко автоматически переносится и на военную службу. В свою очередь это приводит не только к росту уклонений от выполнения воинской обязанности, но и расшатывает основы армии как специфического государственного института.

Сегодня большинству профессиональных военных очень важно знать, нужен ли он обществу или нет, служит ли он делу достойному (не только полезному, а в высоком смысле почетному делу, которому всегда служили самые лучшие представители общества) или делу богопротивному, лишь в силу необходимости терпимому обществом.

Этому во многом может способствовать прочтение лучших, наиболее ценных произведений отечественной духовной культуры. Вооруженные Силы России за свою историю переживали разные времена. Они знали периоды подъема, падения и даже распада. Многие из тех проблем, которые стоят перед обществом и армией сейчас, уже были осмыслены в прошлом представителями русской культуры, произведения которых могут быть полезны нам и сегодня.

Одним из самых известных русских философов, обращавшихся к проблемам войны, армии, государства, был Иван Александрович Ильин (1883–1954). В своей книге «О сущности правосознания» И.А. Ильин расценивает армию как сосредоточенное воплощение государственной силы, как элемент государственного бытия, «как организованное множество людей, систематически воспитывающих себя к победе и ради нее – к смерти и убиению во имя государственной цели» [2]. Такое предназначение армии определяет, по мнению мыслителя, достоинство армии и ее трагическую природу. Поэтому «каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе сознание государственной цели и ее волевое и эмоциональное приятие. Армия может существовать только в ту меру, в какую ее одушевляет государственно-патриотическое правосознание» [3]. Ильин подчеркивает, что служение в армии должно быть проникнуто живым вдохновением государственности, а воин есть «гражданин, принявший на себя сосредоточенное бремя гражданского звания и бытия: ибо он является живым воплощением государственной силы, живым орудием государственной воли, органом, связавшим свое дело с вопросом о личной жизни и смерти» [4]. Отсюда то высокое достоинство, та высокая ответственность и то чувство долга, без которого невозможна армия и с которым сопряжено воинское звание. Последнее есть, по его глубокому убеждению, звание духовное, а дело воина «есть подвиг в духе и во имя духа». Гражданин, утверждая в себе воина, должен утверждать духовную правоту своего государства. «Воин, оторвавшийся от государственной цели, – писал Ильин, – становится авантюристом; солдат, лишенный патриотизма,

уподобляется безвольному орудию казни или профессиональному убийце. Достоинство армии определяется достоинством духа и духовной культуры» [5].

Путь к этому И.А. Ильин видит в особом характере воспитания в армии, которое должно быть органически связано с военной подготовкой. В этом смысл очень важного положения, которое необходимо выделить. «Военное воспитание, – писал русский мыслитель, – оторванное от чувства духовного достоинства, есть воспитание к систематическому и беспринципному убийству; но это уже не воспитание души, а ее нравственное умерщвление и духовное извращение. Именно поэтому военная подготовка нелепа и губельна вне духовного воспитания человека... Воин вне духовного самоутверждения есть реальная опасность для своей Родины и своего государства», а «армия вне достоинства и чести эфемерна, как военная сила, но подлинна, как источник государственного разрушения и гибели» [6].

Воззрения И.А. Ильина дают те ориентиры, которыми должны сегодня руководствоваться государственные и политические деятели России при заполнении идеологического вакуума. Они очень важны для разработки концепции воинского воспитания в современных условиях. Именно теперь, как никогда прежде, нам необходимо наполнить внутренний мир рядовых солдат и офицеров «живым вдохновением государственности». Если России нужна сильная армия, то воинская деятельность должна мотивироваться высокими целями защиты государства и Отечества, иными словами, военнослужащие должны стать подлинными, но специфическими субъектами российской национально-государственной идеи. Однако это возможно, как считал Ильин, только в том случае, если государственная власть вызывает уважение к себе, если она не только на словах, но и на деле утверждает свое высшее призвание.

Что же есть война и как мы должны к ней относиться? Наряду с этими вопросами нельзя не поставить вопрос о том, как мы должны относиться к военной службе.

Собственно для нас, россиян, эти вопросы не новые. Не впервые они ставятся и философской наукой. Опора на историю философии поможет нам отойти от сиюминутного эмоционального впечатления, взглянуть на себя из глубины времени, приложить мерку истории к сегодняшнему дню.

Одним из наиболее известных представителей русской мысли является Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), крупнейшая фигура русской философии, публицистики и поэзии второй половины XIX в., мыслитель, которого нельзя заподозрить в милитаризме и авторитет которого признается самыми выдающимися представителями философской, политической и правовой науки. В своих произведениях Соловьев изложил ряд глубоких и поучительных идей, которые просто необходимы читателю, пожелавшему разобраться в теориях борьбы добра и зла, смысла войны и воинской деятельности.

Война для В.С. Соловьева явление неоднозначное. Рассматривая смысл войны в одном из крупнейших своих произведений «Оправдание добра: Нравственная философия», Соловьев утверждает, что недостаточно просто заявить, что война есть зло. В вопросе о войне для Соловьева заключаются три вопроса: общенравственный, исторический и лично-нравственный. Бесспорно для него решение только первого вопроса в том смысле, что война есть аномалия, или зло. Однако, писал мыслитель, «кроме общенравственной оценки войны есть другой вопрос – о ее значении в истории человечества, еще не кончившейся, и, наконец, третий вопрос, личный – о том, как я, то есть всякий человек, признающий обязательность нравственных требований по совести и разуму, должен относиться теперь и здесь к факту войны и тем условиям, которые из него практически вытекают?» [7].

Смысл войны, по убеждению философа, не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия. Зло ведь бывает абсолютным, или относительным, то есть таким, которое меньше другого зла и сравнительно с ним должно считаться добром (напр., хирургическая операция для спасения жизни). Соловьев считал, что в войне может быть и нечто положительное – не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимой при данных условиях. «Я совершенно уверен... в том, что война не есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро, или, говоря проще, что возможна и бывает хорошая война, возможен и бывает дурной мир... Позвольте мне сделать историческую ссылку, – писал В.С. Соловьев, – которая действительно позволит нам связать вопрос о личной защите с вопросом о защите государственной. Дело было в двенадцатом столетии, в Киеве. Удельные князья... не соглашались идти в поход против половцев, говоря, что им жалко подвергать людей бедствиям войны. На это великий князь Владимир Мономах держал такую речь: «Вы жалеете смердов, а о том не подумаете, что вот придет весна,.. выедет крестьянин в поле с конем, землю пахать. Придет половчин, крестьянина убьет, коня уведет; наедут потом половцы большою толпой, всех крестьян перебьют, жен с детьми в полон заберут, скот угонят, село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я их жалею, для того и зову вас на половцев». На этот раз пристыженные князья послушались, и земля отдохнула при Владимире Мономахе» [8].

Сама собой напрашивается здесь параллель с событиями на территории Северного Кавказа, где созданный криминально-террористический режим на протяжении нескольких лет постоянно угрожал жизни мирных людей Чеченской Республики и прилегающих субъектов Российской Федерации. Ликвидация этого режима есть зло меньшее, чем тот «мир», во время которого убивали и похищали людей, превратив часть нашего государства в территорию, где есть только одно право – право сильного. Вооруженное восстановление конституционного порядка, применение Вооруженных Сил на своей территории, в данном случае, является крайней необходимостью для защиты граждан страны от уголовного беспредела, остановить который другими способами невозможно.

Нельзя оправдывать равнодушное отношение к преступлению, оставляющее его без наказания. «Нравственное начало, – писал Соловьев, – требует реального противодействия преступлению... Терпящий от преступления имеет право на защиту...; общество имеет право на безопасность; преступник имеет право на вразумление и исправление» [9]. Обязано ли российское общество обеспечить защиту своих граждан и собственную безопасность? Безусловно, иначе нарушаются не только правовые, но и моральные нормы. И с этой точки зрения военные действия в Чеченской Республике были не только правомерны, но и нравственно оправданы. В простейшем практическом выражении смысл государства и состоит в том, что оно в своих пределах подчиняет насилие праву, произвол – законности.

С точки зрения нравственности следует рассматривать нам и необходимость военной службы. Мы должны признать, что сама по себе военная и всякая вообще принудительная организация есть не зло, а только его следствие и признак. Безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как оружие воина или перо дипломата: эти орудия, по взглядам В.С. Соловьева, должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру.

Частные случаи несправедливости, неминуемо существующие в ходе любой войны (и контртеррористическая операция на Северном Кавказе здесь не исключение), не должны служить основанием для отрицания, во-первых, самой возможности государства силовым путем восстанавливать правопорядок и, во-вторых, военной службы как обязанности граждан государства. При совершении должностными лицами государства несправедливых, безнравственных действий обязанность каждого гражданина – обличать эти злоупотребления, но никак не отрицать словами и делом самый принцип государственных повинностей, признанное назначение которых – служить общественному благосостоянию.

Реально смотря на вещи, В.С. Соловьев прекрасно понимал, что от того, что мы отрицаем войну, она не исчезнет, а будет, к сожалению, оставаться еще очень долго способом разрешения социальных конфликтов. Зло войны ни в коем случае нельзя перекладывать на военную службу и «плечи военных», выполняющих важную политическую функцию.

Стремление представить в общественном сознании армию, как «институт зла» может привести к катастрофе всего российского государства. Общество, в котором преобладают негативные взгляды на военную деятельность, не способно иметь сильную, боеспособную армию и не может быть спокойно за свою безопасность. В произведении «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьев писал по этому поводу: «Если на военную службу все станут смотреть как на неизбежное покуда зло, то, во-первых, никто не станет добровольно избирать военную профессию на всю жизнь, кроме разве какого-нибудь отребья природы, которому больше деваться некуда; а во-вторых, все те, кому поневоле придется нести временную воинскую повинность, будут нести ее с теми чувствами, с которыми каторжники, прикованные к своей тачке, несут свои цепи» [10].

Лишая военных уверенности в нравственной правоте своего дела, общество оставляет себя без надежной защиты, ибо невозможно поддерживать на высоком уровне морально-психологическое состояние военнослужащих, боевые качества солдат и офицеров, сомневающих в нравственности своих действий.

Вооруженные конфликты последних лет (Ирак, Афганистан, Сирия, Украина и др.) показывают, что история войн еще не закончилась. К сожалению, война остается важным средством достижения политических целей. И потому творчество русских философов И.А. Ильина и В.С. Соловьева по-прежнему современно. Оно позволяет нам сейчас воспользоваться теми решениями, которые политическая и философская наука уже выработала в своей истории, позволяет избежать ошибок, которые мы можем совершить, находясь под влиянием эмоций сегодняшнего дня.

Библиографический список:

1. См.: Культура мира и демократии. – М., 1997. – С. 150.

2. Ильин, И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т. 4. – М.: Русская книга, 1994. – С. 323.
3. Там же.
4. Там же.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. – С. 323.
6. Там же.
7. Соловьев, В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – С. 339.
8. Соловьев, В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями // Соловьев, В.С. Сочинения в 2 т. 2-е изд. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 658.
9. Соловьев, В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – С. 292 – 293.
10. Соловьев, В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. – С. 650.

УДК 355.01

И.Н. Чмыхун

*Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск*

ivan.chmykhun.63@mail.ru

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕТРАДИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В работе исследуется во многом дискуссионная, еще не до конца изученная проблема современной нетрадиционной войны. Раскрывается сущностное содержание и даётся определение соответствующему понятию, актуализируется проблема классификации нетрадиционных войн.

Ключевые слова: традиционная война, нетрадиционная война, небоевые средства, информационное оружие, субъекты политики, боевики.

Современное мировое развитие характеризуется существенными изменениями. Они настолько масштабны и динамичны, что требуют серьезного переосмысления, комплексного и глубокого анализа всех факторов и тенденций, обуславливающих и определяющих мировое развитие, объективной оценки современной архитектуры международных отношений во всем их многообразии, противоречивости и сложности.

В этих условиях весьма актуальной становится проблема исследования войны и ее эволюции. Долгое время война считалась общепринятым способом разрешения споров между государствами. Вооруженные силы выступали инструментом достижения целей войны. Применяемое в войне оружие было направлено на физическое уничтожение противника. Указанные положения, в силу своего постоянства и повторения, характеризуют войну как традиционную.

Очевидно, что война, как и все в этом мире, развивается. При этом наряду с тенденцией устойчивости в войне на современном этапе прогрессирует тенденция изменчивости. Для отражения этой динамики в социально-философский дискурс прочно вошло понятие «нетрадиционная война». Появился ряд статей, соответствующих этому термину: «Нетрадиционная война: сущность, проблемы, перспективы», «Нетрадиционные войны будущего», «К вопросу о разработке концепции нетрадиционных войн и вооруженных конфликтов» и т. п.

Российские исследователи А.А. Дремков, И.С. Даниленко, В.И. Лутовинов, С.А. Богданов, В.Н. Горбунов, В.В. Бабич, раскрывая сущностное содержание и специфику нетрадиционной войны, акцентируют внимание, прежде всего, на технической и технологической составляющей военного насилия. Так, профессор А.А. Дремков под нетрадиционными войнами понимает «особые явления общественной жизни, представляющие собой активное противоборство сторон (стран, коалиций, государств, политических течений, социальных слоев и групп) с использованием небоевых средств насилия во имя достижения решительных политических, экономических или иных целей, приводящие к глубоким изменениям в жизни государств (политических сил) – участников такого противоборства» [1]. Смещение акцента с социальной основы войны на специфику ее как насильственного средства, применяемого политикой, позволяет представить проблему нетрадиционной войны как проблему изменения войны

вследствие совершенствования применяемых в ней средств насилия. Безусловно, это имеет свои объективные основания. Опыт войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий особенно ярко подтверждает тенденцию возрастания роли «небоевых», то есть не направленных на физическое уничтожение противника средств противоборства. Большие надежды в современной вооруженной борьбе возлагаются на информационное и другие виды нелетального оружия.

В последнее время многие государства Запады активно используют информационное оружие в качестве одного из инструментов своей внешней политики. Цель такого воздействия – изменение стереотипов и сложившихся норм поведения людей, их ценностных ориентиров, «разрыхление» или полное разрушение традиционных нравственно-культурных ценностей и, таким образом, осуществление культурно-идеологической экспансии через привнесение со стороны чуждых культурных ценностей. Все это должно привести к подрыву национального самосознания и исторической памяти народа.

Считается, что современные, а тем более армии будущего так сильно зависят от информации, что их вполне можно привести в небоеспособное состояние, оглушив и ослепив средствами радиоэлектронного подавления. Делается ставка на разработку электромагнитного оружия. Не убивая людей, такое оружие может нарушать работу телефонов, радиолокаторов, компьютеров, других средств связи, наведения, навигации и управления.

При всей справедливости такого подхода в процессе раскрытия содержания и определения специфики нетрадиционной войны, все же он не отражает связи войны с основными противоречиями современной эпохи.

Поэтому, на наш взгляд, в качестве важнейшего основания классификации войн на традиционные и нетрадиционные следовало бы взять не только военно-техническое, но и социально-политическое, которое также имеет под собой объективные основания. Под этим мы понимаем определение субъекта нетрадиционной войны, так как национальное государство постепенно теряет монополию на насилие.

На рубеже XX – XXI вв. мы стали свидетелями трансформации войны: войны государств и коалиций постепенно сменяются войнами нового концептуального типа, которые ведут различные социальные и политические негосударственные организации транснационального характера. Сегодня многие военные аналитики, в том числе и Министр обороны Республики Беларусь Ю.В. Жадобин абсолютно верно отмечают особенности, например, войны в Сирии, «которая выбивается из всех ранее привычных сценариев ведения вооруженного конфликта. Одна сторона – все та же классическая армия, подчиняющаяся нормам и правилам его ведения. Вторая сторона – это даже не граждане Сирии и не армии соседних или иных государств. Противником сирийской армии выступает невиданный ранее враг – транснациональные иррегулярные вооруженные формирования, для членов которых гражданство или национальность перестают играть не только определяющую, но и вообще какую-либо существенную роль» [2].

Таким образом, трансформация традиционной войны в нетрадиционную характеризуется появлением новых субъектов войны: наряду с суверенными государствами ими становятся социальные структуры транснационального характера. По сути, государство теряет монополию на насилие. Проводником и функционером насилия этих новых глобальных факторов выступает не солдат в униформе, а боевик. В силу своей военной слабости эти военизированные структуры не стремятся к прямой конфронтации с регулярными частями. Основными формами борьбы такого противника служат террористические акты, диверсии, провокации и т. д.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие традиционной войны исчезает там, где вооруженную силу используют общественные организации, не являющиеся государствами, против социальных организаций, не являющихся армиями, и против людей, не являющихся солдатами в привычном понимании.

Следовательно, под современной нетрадиционной войной правомерно понимать столкновение регулярных вооруженных сил государства с иррегулярными формированиями социальных структур транснационального характера или между самими такими формированиями. С позиции такого подхода нетрадиционная война предстает как многомерное неделимое явление, где каждая грань выражает новый фокус рассмотрения, оставаясь частью целого.

Войны нового типа характеризуются размыванием и растворением базовых различий, которые были определяющими в войнах между государствами. «На смену принципу «или-или» приходит принцип «и одно, и другое»: одновременно имеют место и война, и мир; действуют как полиция, так и военные; происходят как преступления, так и боевые действия; страдают как гражданские лица, так и военнослужащие» [3].

Расширение круга акторов мировой политики, готовых и способных воспользоваться средствами ведения войн, является источником военных опасностей и угроз в современном мире. Это особенно актуально, так как нетрадиционная война становится самостоятельным явлением.

Предлагая свои выводы, автор, разумеется, не претендует на их бесспорность, а решает более скромную задачу – обратить внимание на то, что войну как способ решения определенного круга проблем сегодня могут использовать не только государства, но и различные объединения и организации транснационального характера. Наметившийся переход войны с межгосударственного на более широкое мировое пространство и более высокий уровень социокультурного взаимодействия ведет к существенным изменениям ее облика.

Библиографический список:

1. Дремков, А.А. Нетрадиционные войны: сущность, проблемы, перспективы / А.А. Дремков // Военная мысль. – 1998. – № 2. – С. 73.
2. Жадобин, Ю.В. Армия белорусского народа / Ю.В. Жадобин // Беларуская думка, 2013. – № 2. – С.4–5.
3. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – С. 207.

УДК а94(47+57)“1917/1991

В.В. Авдеев, В.Г. Бояренко, Л.В. Глемба

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

vadim-avdeev@mail.ru

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается история создания военной разведки нацистской Германии, анализируется проблема определения её места в истории Великой Отечественной войны, роли в поражениях Красной Армии в первые месяцы войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная разведка, Бранденбург-800, абвер.

Причины поражений Советского Союза в первые месяцы Великой Отечественной войны стали предметом многочисленных дискуссий как среди историков, так и в многочисленных публицистических изданиях. Они в целом сводятся к следующим постулатам: неготовность СССР к войне и репрессии среди высшего и среднего командного состава, тоталитарный характер власти в СССР и т.п. Однако есть ещё один немаловажный аспект, который пока представляется лишь как рабочая гипотеза. Дело в том, что высшее советское военное командование и, в частности, И.В. Сталин мыслили себе предстоящую войну во многом в категориях Гражданской войны, не обращая внимания на принципиально новые аспекты военной стратегии и тактики. В частности, они, если судить по доступным историкам документам, просмотрели такую существенную черту надвигающейся войны, как деятельность спецподразделений, которые усиленно и успешно формировала нацистская Германия. По этому поводу китайский мыслитель Сунь-Цзы писал: «Если ты знаешь силу врага и свою собственную, ты можешь не бояться и сотни сражений. Если ты знаешь свою силу, но не знаешь силы врага, на каждую твою победу будет приходиться по одному поражению. Если ты не знаешь ни свою силу, ни вражескую, ты тупица, обречённый постоянно проигрывать войны».

В современных условиях Вооруженные силы продвинулись далеко вперед в своем развитии. И уже начал забываться опыт, полученный в годы Великой Отечественной войны, который длительное время передавался от старших командиров младшим из поколения в поколение. Многие годы замалчивалось, что германская армия обладала богатым боевым опытом в организации и ведении разведки, и этот опыт был взят на вооружение частями и соединениями Красной Армии. Неловко было говорить о том, что армия страны, победившей фашистскую Германию и освободившей полмира, могла что-то полезное взять на вооружение у армии, проигравшей войну. Между тем нельзя забывать, что разведка вермахта оставила потомкам незаменимый опыт, и его изучению стоит уделить особое внимание.

Разведывательные подразделения вермахта отличались дисциплиной и профессионализмом, а служба в них была почетной и престижной.

Зачастую действия разведывательно-диверсионных подразделений Германии во Второй мировой войне ассоциируются с различными боевыми группами в составе войск СС и личностью «нацистского диверсанта № 1» Отто Скорцени. Следует отметить, что подобные заблуждения получили весьма широкое распространение в современной публицистической и научной литературе, когда главным становится «сенсационность» проведенной операции, а не ее подлинное историческое значение. В этом плане деятельность парашютистов легендарного Скорцени не идет ни в какое сравнение с тем вкладом, который внес в развитие военной науки 800-й полк (с 1943 г. – дивизия) «Бранденбург» – специальное разведывательно-диверсионное формирование вермахта.

Развитие современных систем вооружения и специальной техники убедительно доказало, что человечеству вряд ли придется воевать так, как это было принято в годы Великой Отечественной войны: со сплошными линиями фронтов, танковыми армадами, развернутыми цепями пехоты. Однако создавшаяся в последние десятилетия геополитическая обстановка в мире заставляет более внимательно перенимать опыт боевого применения разведывательных подразделений в партизанских (Великая Отечественная война) и

контрпартизанских (Афганистан) операциях. С ростом мирового терроризма растет мастерство и опыт наших разведчиков всех без исключения силовых министерств и ведомств. Однако останавливаться на достигнутом непозволительно, ведь, чтобы стать хорошим «волкодавом», прежде всего надо быть на голову выше самих «волков». В этой связи стоит лишний раз обратиться к опыту Второй мировой войны, в частности, к тактике действий подразделений поверженной нацистской Германии, поскольку противник этот был не только жестокий, но и чрезвычайно умелый или, как сказали бы сегодня, «профессионально подготовленный».

Еще в ходе Первой мировой войны немецкий капитан Теодор фон Хиппель, воевавший в составе африканского корпуса генерала фон Леттов-Форбека, обратил внимание на то, что грамотное использование разведчиков, замаскированных под военнослужащих противника или местных жителей, при проведении наступательных операций позволяет с минимальными потерями брать под контроль стратегически важные объекты. В итоге небольшие германские отряды смогли эффективно противостоять количественно превосходящим силам Британской империи. В начале 30-х годов этот офицер сформулировал весь положительный опыт подобных операций в Танганьике (в начале века – африканская колония Германии) в виде специального доклада. Материал попался на глаза шефу абвера адмиралу Ф. Канарису. В 1935 г. Хиппель был вновь призван в армию, где приступил к формированию отряда «профессиональных партизан».

27 сентября 1939 г. Хиппель подал на имя Канариса рапорт о создании части специального назначения. Костяк подразделения должны были составить уже хорошо зарекомендовавшие себя командос – 3 офицера и 67 нижних чинов. Уже через месяц Канарис подписал приказ о создании «строительной учебной роты для специальных применений-800» с постоянным местом дислокации в городе Бранденбурге. В секретном приложении к приказу указывалось, что название «учебная и строительная» – не более чем ширма для маскировки, а подчиняться рота будет второму отделу абвера (диверсионный отдел). Отдельной строкой прописывалось, что формирование подразделения личным составом будет происходить строго на добровольной основе из числа опытных парашютистов, разведчиков, связистов, саперов, снайперов, водолазов. Таким образом, рота стала первой регулярной частью спецназа Германии.

При отборе новобранцев в абвере ни в коей мере не опирались на требования каких-либо уставов и документов, регламентирующих процесс комплектования частей вермахта. От претендентов требовались, прежде всего, изобретательность, изворотливость, умение приспосабливаться к различным условиям жизни, превосходное знание иностранного языка, а также обычаев, особенностей и порядков других стран. Здесь Хиппелю помог заграничный отдел военно-учетного управления, который передал ему сведения об этнических немцах, недавно вернувшихся на историческую родину, служащих в армии и изъявивших желание работать на абвер. Это были выходцы не только из европейских государств, но также из Африки и Америки.

Формирование роты продолжалось несмотря на то, что кроме бюрократических проволочек Канарису мешали и «соратники» по партии, усматривавшие в формировании такого подразделения в структуре абвера желание адмирала иметь при себе свою «карманную армию». Его последующий заговор против Гитлера вроде бы подтверждает эти опасения, однако немецкие ученые считают, что, несмотря на возможные предположения о неблагонадежности роты, в «Бранденбурге» все же служили истинные приверженцы идей Гитлера, поскольку за всю историю этой части в ней не было ни одного случая предательства.

В середине декабря 1939 г. роту переформировали в батальон, который получил тот же номер и название, «Бранденбург-800», и насчитывал в своем составе 7 рот, из которых одна была штабной, а остальные делились по географическому и профессиональному признакам. В 1-й балтийской роте служили выходцы из России, Прибалтики, Финляндии, во 2-й роте были собраны французский, английский, португальский, африканский взводы; 3-я состояла из судетских немцев, в 4-й служили выходцы из Польши, отдельными ротами была юго-западная и парашютно-десантная. Также батальон Хиппеля имел в своем составе отдельные мотоциклетно-дозорный, северный и западный взводы.

В это же время формируются и обычаи «Бранденбурга» – взаимоотношения внутри части носили скорее дружеско-приятельский характер. Традиционные воинские приветствия заменялись обычным мужским рукопожатием, строевой подготовкой занимались, как правило, лишь при посещении части начальством. Тому, что муштре и казармщине не нашлось места в спецназе, есть несколько объяснений, основным из которых, пожалуй, следует признать следующее: вбитые в подсознание военных «есть», «так точно», «слушаюсь» и тому подобные уставные слова могли с головой выдать диверсанта, тем более что

ему предстояло действовать в гражданской одежде на чужой территории. Словом, военная выправка не помогала слиться с местным населением, остаться незамеченным в толпе.

Главная задача «бранденбуржцев» сводилась к тому, чтобы с помощью маскировки и введения противника в заблуждение добиться эффекта внезапности, который должен был использоваться идущими за ними немецкими войсками. При этом внезапность носила тактический, а иногда и оперативно-стратегический характер. Применение «Бранденбурга» было таким разнообразным, что охватывало все мыслимые формы и методы, присущие операциям разведывательно-диверсионного характера при полной или частичной маскировке. При частичной маскировке использовались характерные части формы одежды противника и его вооружение. При открытии огня эти атрибуты должны были сбрасываться, что полностью соответствовало законам ведения военных действий. Полная же маскировка была нужна для того, чтобы вызвать у противника панику стрельбой «своих войск» и за счет этого быстро выполнить поставленную задачу. Подобные боевые действия осуществлялись вне законов и обычаев войны. Численность «бранденбургских» подразделений варьировалась в зависимости от характера планируемой операции – это могли быть и группы диверсантов от 5 до 12 человек, и целые роты, приданные армиям.

Первые же успехи «Бранденбурга» в Западной кампании способствовали тому, что у командования вермахта появился растущий интерес к развитию этого особого рода войск. 15 августа 1940 г. в Берлине создается штаб «Бранденбург», под командование которого передаются одноименный батальон, а также все иные разрозненные части глубинной разведки. С этого момента «Бранденбург» становится полком и входит в золотую пору своего существования. Командовал полком вначале майор Кевиш, затем майор фон Аулок, которому на смену пришел полковник Хелинг фон Ланценауэр. В составе полка было 3 батальона, вспомогательные подразделения и батальоны специального назначения для действий на восточном фронте. 1-й батальон нового полка остался под командованием капитана фон Хиппеля, предназначался для тогда еще только планировавшейся кампании на Востоке.

Батальону, самому многочисленному, были приданы специальные вооруженные отряды «Нахтигаль» («Соловей»), «Бергман» («Горец») и другие, служившие для выполнения особых поручений в захватываемых советских городах. Им ставилась задача:

1) воспрепятствовать уничтожению частями советских войск при отступлении запасов продовольствия, сырья и промышленных товаров, разрушению заводов оборонной промышленности, шахт, мостов военного значения, железнодорожной магистрали;

2) обеспечить захват на территории СССР оперативно важных объектов – мостов, туннелей, оборонных предприятий, которые они должны были удерживать до подхода передовых частей германской армии.

При выполнении боевых заданий диверсанты пускались на все возможные ухищрения – наиболее часто они действовали в гражданской одежде или в обмундировании вражеской армии, что формально противоречило нормам международного права. Разрешалось использование всех возможных средств обмана противника: так, бойцы «Бранденбурга», переодетые в чужие мундиры, часто маскировались под санитарный обоз с ранеными либо транспортную колонну. Диверсанты переодевались в одежду железнодорожников, шахтеров, притворялись почтальонами, сторожами и даже беженцами. Во время рейдов немцы полностью пренебрегали правилами и обычаями ведения войны, не останавливаясь перед явными военными преступлениями.

Следует отметить, что с началом Второй мировой войны функции абвера II были расширены, на него дополнительно возлагалась борьба с антифашистским сопротивлением в самой Германии и в оккупированных ее войсками странах и областях. Выступления немецких антифашистов и противников нацистского режима достигли таких масштабов, что справиться с ними силами одной СД было уже невозможно. Понадобились опыт и кадры абвера. Даже яростный защитник ведомства Канариса западногерманский историк Г. Буххейт, всячески стремящийся обелить его деятельность, признает, что во время «восточного похода» только одной фронтовой разведкой абвера было «обезврежено» 20 тыс. советских граждан, причем это лишь частичное признание участия абвера в массовых убийствах на территории СССР.

Одной из малозамеченных военными историками операций абвера стал разрешенный советским руководством допуск в СССР по просьбе Гитлера тех немцев, которые «желали бы разыскать могилы родственников», погибших в войне 1914–1918 гг. Эти разведчики объехали буквально всю территорию предстоящих военных действий, существенно дополняя те данные, которые немцы получали после полётов самолётов-нарушителей. Не случайно фронтовые офицеры предпочитали иметь немецкие, а не советские, карты местности – они были более точными и современными.

Кроме того, после раздела Польши немцы смогли захватить архивы польской разведки, работавшей в Белоруссии и на Украине, и переориентировать польскую агентурную сеть на связь с абвером.

Вот что вспоминал один из ближайших сотрудников Канариса генерал Ганс Пикенброк: «Россия является самой трудной страной для действия разведывательной службы. Причины этого лежат в первую очередь в сильной изоляции страны, возникшей в результате сложной процедуры выезда и въезда. В стране всегда мало иностранцев, а в Европе мало советских граждан. Иностранцы, прибывающие в Россию, всегда бросаются в глаза, сильно контролируются и не могут незаметно ездить по стране. Русские, живущие за границей, – это, преимущественно, эмигранты, которые ничего не знают о новой России и не имеют с ней связей. Прочие советские граждане, находящиеся в Европе, представляют собой проверенных, надежных людей, работать с которыми не имеет смысла. Деньги не являются притягательным средством для русских. Все знатоки России считают русскую контрразведку очень хорошей и разветвленной. В ее работе активно принимает участие население. Все эти обстоятельства очень затрудняли разведывательную деятельность против России, к чему добавилось еще и то обстоятельство, что до 1939 г. Германия не имела общей границы с Россией. Начиная с февраля 1941 г., в разведывательную деятельность включились разведорганы штабов армий, передислоцированных с Запада в Польшу. Они – особенно в апреле, мае и июне – перешли к проведению тактической разведки» [1. С. 41].

В период подготовки плана «Барбаросса» перед абвером была поставлена задача срочно освежить имеющиеся данные о численности и ходе вооружения частей Красной армии, их дислокации, о мероприятиях командования по развертыванию войск на случай военной угрозы, о местонахождении штабов. Особое внимание было обращено на Белоруссию, ибо именно она рассматривалась командованием вермахта как будущий главный театр военных действий, где удастся ликвидировать основные силы советских войск.

За первые месяцы 1941 г., предшествовавшие нападению на СССР, абверу удалось собрать много сведений о составе советских войск в зоне предстоящих военных действий и в ближайшем тылу.

Для этой цели через границу было заброшено множество разведывательных групп и отрядов. Всего в первой половине 1941 г., по сравнению с 1939 г., объем заброски увеличился в 14 раз. В справке Главного управления погранвойск от 17 июня 1941 г. отмечалось: «За первое полугодие 1941 г. (с 1 января по 10 июня) задержано 2080 нарушителей границы со стороны Германии, разоблачено 339 агентов разведорганов противника, из них агентов немецкой разведки 219, румынской 92, венгерской 28. Был ряд случаев задержания заброшенных агентов германских разведорганов, снабженных портативными приемно-передающими радиостанциями, оружием и гранатами. В связи с оказанием вооруженного сопротивления убито 36 и ранено 25 нарушителей границы». Перед диверсионно-разведывательными группами и террористами-одиночками до начала военных действий были поставлены следующие задачи:

- 1) создавать склады оружия, базы и площадки для парашютных десантов;
- 2) устанавливать ориентиры для воздушных бомбардировок военных, промышленных и транспортных объектов;
- 3) вербовать кадры сигнальщиков для целеуказаний авиации;
- 4) организовывать антисоветские банды;
- 5) совершать взрывы, поджоги, нарушать связь, отравлять источники воды.

С мая немецкие диверсанты активизировали свою «работу», в частности, поджигали склады, леса, торфоразработки и т. д. Только в приграничном Таурагском уезде Литовской ССР выгорело около 400 га леса, в Тракайском – 200 га. На тушение пожаров были брошены пограничники, воинские части и местные жители. Последние, кстати, оказывали большую помощь в поимке диверсантов-террористов. Вот почему с 18 по 22 июня 1941 г. на одном только минском направлении органы государственной безопасности задержали и обезвредили 211 диверсионных групп и одиночных диверсантов-террористов. Только в августе 1941 г. на Кировской и Октябрьской железных дорогах немцами было совершено 7 диверсий.

22 июня 1941 г. фашистская Германия начала войну против Советского Союза. Еще на исходе 21 июня отряды «Бранденбурга», переодетшись в форму красноармейцев, проникли на территорию СССР и захватили стратегический мост через р. Бобр (приток Березины). Также диверсантами были уничтожены наши пограничные посты на участке 123-й пехотной дивизии вермахта, что позволило нацистам мгновенно выйти на оперативный простор. С восходом солнца 22 июня «бранденбуржцы» захватили еще с десятков мостов. Таким же образом 25 и 26 июня были захвачены мосты через Западную Двину и Березину. 29 июня были захвачены электростанция, вокзал и пункты связи Львова при помощи диверсантов, одетых в форму Красной Армии и говоривших по-русски. В конце июля бойцы 1-го батальона во взаимодействии с диверсионной абвергруппой под командованием капитана 3-го ранга Целлариуса с помощью десантных

планеров были переброшены на эстонский остров Эзель, где провели ряд операций по уничтожению советских заграждений и укреплений.

Летом 1941 г. во время операции «Ксенофон» переодетые в советские мундиры диверсанты из 1-го батальона полка «Бранденбург» под командованием капитана Катвица обнаружили и уничтожили батарею зенитных прожекторов на мысе Пеклый, обеспечив таким образом возможность наступающим германорумынским войскам переправы с Керченского на Таманский полуостров.

Осенью 1941 г., когда для нашей страны на фронте сложилась крайне тяжелая ситуация, бойцы 9-й роты «Бранденбурга» на парашютах десантировались в районе Истринского водохранилища в Подмосковье, чтобы осуществить диверсию на главной водной артерии столицы. Однако местный отряд НКВД сумел в кратчайшие сроки обезвредить десантников.

Наиболее удачно и дерзко боевые группы «Бранденбурга» действовали в течение первого года войны, т.е. до тех пор, пока немцы продолжали вести наступление. Типичный пример: колонну отходящих советских войск догоняет запыленный мотоциклист-красноармеец с раненым офицером в коляске. Тот сообщает старшим офицерам колонны, что оборона прорвана в таком-то месте и что здесь через полчаса появятся немецкие танки. Единственный шанс избежать немедленного разгрома – двигаться в таком-то направлении. Охваченные паникой командиры меняют маршрут и кратчайшим путем попадают в ловушку, под перекрестный огонь с заранее подготовленных позиций. В это же время в другом месте такие же мотоциклисты останавливают колонну бронетехники, выясняют направление ее движения и количество горючего в баках, прикидывают по карте время и место предполагаемой остановки, а потом наводят туда по радио (или сигнальными ракетами) бомбардировщики.

Еще один пример: три грузовика с охраной, на которых сотрудники военной разведки вывозят из Минска секретные документы, отъехав от города примерно 30 км, сворачивают в лес, чтобы устроить небольшой привал. Тем более, что офицеры-разведчики и водители видят в лесу группу милиционеров, человек 8–10, вооруженных советскими автоматами ППД и самозарядными винтовками СВТ. И вдруг эти милиционеры открывают по ним огонь. Одна машина загорается, у нее взрывается бензобак, двум другим чудом удается вырваться из западни. В кузовах двое убитых бойцов охраны и трое раненых... Переставленные дорожные указатели, поваленные столбы телеграфной и телефонной связи, колодцы с отравленной водой, внезапно вышедшие из строя семафоры и стрелки на железнодорожных путях – все это тоже работа «Бранденбурга».

Таким образом, в начальном периоде Великой Отечественной войны бойцы «Бранденбург-800» захватили и уничтожили ряд стратегически важных объектов на советской территории, а также осуществили множество локальных разведывательно-диверсионных операций в советском тылу.

Позднее «группа береговых диверсантов» нанесла несколько весьма ощутимых ударов по советским коммуникациям на черноморском, азовском и балтийском побережьях. Ночные вылазки «бранденбуржцев» сеяли панику в советском тылу и подрывали моральный дух Красной Армии.

В последующие годы войны «Бранденбург», помимо своих основных функций, также занимался обычной фронтовой разведкой и борьбой с партизанами. Одной из самых громких операций «Бранденбурга» в СССР стала знаменитая Майкопская операция, которая может по праву считаться образцом действий разведывательно-диверсионной группы в глубоком тылу противника.

В июле-августе 1942 г. группа «бранденбуржцев» в составе 62 человек под командованием лейтенанта фон Фелькерзама получила приказ захватить Майкоп, удерживать его до подхода основных частей вермахта и обеспечить охрану оборудования, предназначенного для добычи нефти. Переодетые в форму бойцов НКВД, на советских армейских грузовиках, захваченных ранее в бою, диверсанты фон Фелькерзама благополучно пересекли линию фронта. Оказавшись в Майкопе, фон Фелькерзам представился советскому командованию офицером НКВД и принялся выяснять, насколько хорошо была организована оборона города. Получив нужные сведения, он отдал своим бойцам приказ уничтожить армейский телефонный узел, с тем чтобы лишить командиров подразделений возможности оперативно связаться со штабом. Используя свое «должностное положение» в сочетании с отсутствием у оборонявшихся нормальной связи, фон Фелькерзам начал активно распространять информацию о том, что немецкие моторизованные части уже давно вышли им в тыл, хотя на самом деле передовые отряды 13-й танковой дивизии находились в 20 км от Майкопа. В обстановке царившей паники и хаоса солдаты и офицеры Красной Армии стали спешно покидать свои позиции. Таким образом, благодаря решительности и профессионализму людей фон Фелькерзама, к вечеру 9 августа немецким войскам удалось практически без боя овладеть городом.

В это время на территории Финляндии (под Рованиеми) в учебном лагере, специально построенном для этой цели, солдаты вновь созданной 15-й отдельной роты «Бранденбурга» начали подготовку к

диверсионным операциям на территории севера СССР. Их целью стала жизненно важная для русских железная дорога Мурманск – Ленинград, обеспечивавшая поставку в центральные районы страны лендлизовских грузов. При подготовке операции планировалось опереться на богатый опыт финнов в ведении «малой войны» в условиях севера. Выделенные для неё группы должны были десантироваться на парашютах летом 1942 г. в непосредственной близости от полотна дороги. После завершения операции планировался выход диверсантов в заранее обусловленные районы, пригодные для посадки самолетов, и возвращение на них на базу. Из намеченной серии диверсий только одна завершилась успешно: в ночь с 28 на 29 августа две группы в советской форме вышли к железной дороге и заложили в двух местах мины с вибрационными взрывателями, а также заряды замедленного действия. Действия других групп оказались неудачными – они были обнаружены и уничтожены.

В апреле того же года отряд переодетых в форму Красной Армии бойцов 1-го батальона попытался атаковать и уничтожить базы и склады под Алакветти и Лизой в районе Мурманска, однако части охранения отбили нападение, нанеся диверсантам серьезные потери.

В связи с расширением района деятельности немецкой разведки в Германии и на оккупированных территориях были созданы 60 школ по подготовке агентов. Самых агентов вербовали из пронемецки настроенного местного населения и среди военнопленных в концлагерях. Для улучшения управляемости сильно выросшей структурой, включавшей и т.н. «абверкоманды», занимавшиеся расстрелами мирного населения в тылу немецкой армии, Ф. Канарис создал региональные представительства абвера в Таллинне, Каунасе, Риге, Вильнюсе и Минске. Кроме абвера массовую подготовку и засылку агентов с 1942 г. осуществлял специальный разведорган «Цепелин», возглавляемый Отто Скорцени. «Цепелин» имел свою, независимую от абвера, сеть разведшкол, специализировавшихся на подготовке диверсантов. Часто диверсанты «Цепелина» и абвера действовали совместно.

В 1942 г. в районе г. Бологое агентами «Цепелина» были пущены под откос несколько эшелонов с войсками. Диверсанты абвера из полка «Бранденбург-800» в том же году взорвали мост вблизи Минеральных Вод, захватили другой мост у Пятигорска и удерживали его до подхода немецких частей. Всего абвер только в 1942 г. забросил на территорию СССР около 20 тыс. агентов. Однако ставка на «тотальный шпионаж» себя не оправдала. Из 150 разведывательных и диверсионных групп, подготовленных с октября 1942 г. по сентябрь 1943 г. «абверкомандой-104», обратно вернулись только две, принеся незначительную информацию. Остальные либо были выловлены «Смершем», либо сами сразу после выброски явились в НКВД. Наиболее крупными провалами абвера на Восточном фронте считаются успешно проведенные советской разведкой операции «Монастырь» и «Березино». Схема их действий практически везде одинаковая – это либо парашютный десант, либо проникновение на территорию в форме красноармейцев, нередко под видом раненых, направляющихся в тыл.

Таким образом, советская контрразведка смогла по всем параметрам переиграть немецкий абвер. Наряду с другими причинами сыграл свою роль агент НКВД Джон Кернкросс, внедренный в государственную кодо-шифровальную школу Великобритании, имевший прямой доступ к материалам операции «Ультра», и тем самым возможность читать все перехваченные англичанами немецкие зашифрованные сообщения.

Таким образом, наши солдаты хорошо знали, что немец воевать умеет, но знали они и другое: его можно бить и побеждать.

Библиографический список:

1. Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки, 1933-1945. – М.: Политиздат, 1991.

Е.В. Ананьина

*Сибирский Независимый институт
г. Новосибирск*

zheniya@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Автор исследует происхождение, историческое и современное значение ряда фразеологизмов китайского языка, содержащих морально-этические аспекты военного дела.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеология, китайский язык, китайская этика.

Фразеологический фонд языка – ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи, верования и история говорящего на нем народа. Фразеологизмы характеризуют исторически сложившиеся мировоззренческие представления народа и его национальный характер. Мировоззренческие особенности проявляется в отборе разных образов для выражения тех или иных понятий, а также в актуализации разных признаков предметов, взятых для наименования объектов действительности, несмотря на то, что процесс познания окружающего мира носит в определенной степени интернациональный характер. Данные тексты высоко информативны, т. к. в силу своего огромного лингвострановедческого потенциала расширяют комплекс знаний инокультурного реципиента об истории, традициях, географии их народа-творца. Более того, они показывают совершенно особый и неповторимый взгляд народа на окружающую его представителей действительность.

Фразеологизмы отражают древнюю многовековую мудрость китайского народа. Огромный пласт идиом имеет яркую морально-нравственную окраску и служит отражением основных идей конфуцианства, даосизма и военных стратегий древнего Китая.

Этическая модель традиционного Китая наиболее полно отражается в системе *五论* (wu lun) «пяти этических норм» *四书* «Четверокнижия». Эти нормы, определяющие поведение и обязанности людей, упорядочены по иерархическим признакам возраста (старший / младший) и субординации (почтение / унижение).

Источником большого количества китайских фразеологизмов является китайская классическая литература: классические каноны, философские трактаты, исторические хроники, художественная литература. Огромный пласт фразеологизмов китайского языка имеет яркую морально-нравственную окраску и отражает этические нормы, в том числе морально-этические ценности традиционной военной культуры Китая.

Основополагающими ценностями военачальников и солдат являлись мужество и чувство долга. Идиома *背水一战* буквально «Сражаться спиной к реке» [1] использовалась для описания ситуации, когда остается только либо бороться, либо умереть, она также означает «победа или смерть; сражаться не на жизнь, а на смерть». Источником для данного чэньюя (наиболее распространенной формы китайских фразеологизмов) послужила легенда о знаменитом генерале Хань Сине (256-195 гг. до н. э.), который с 30-тысячным войском победил 200-тысячное войско армии Чжао после того, как построил солдат лицом к лагерю противника, а спиной к реке. Свою победу он объяснил так: «Это и есть военная стратегия, которую вы не заметили. Разве военная стратегия не говорит о том, что врага нужно заманить в ловушку, а потом победить? Если бы был путь к отступлению, то солдаты бы разбежались.» [2].

不到黄河心不死 – буквальный перевод «не останавливаться, пока не дойдешь до Хуанхэ». Образное значение – «не отказываться от своих надежд (мыслей, замыслов, цели) до самой могилы; не складывать оружия до последней минуты своей жизни» [3]. Источником идиомы служит цитата из романа Ли Боюаня (1867-1906) «Гуаньчан сянси цзи» («Разоблачение мира чиновников») [4].

舍生取义 – буквальный перевод «отбросить жизнь, взять долг», «жертвовать жизнью во имя долга; отдать жизнь за идею» [5]. Данный чэньюй – сокращенный вариант высказывания древнекитайского

философа Мэн Цзы (около 372-289 до н. э.)
 «生，亦我所欲也，义，亦我所欲也。二者不可得兼，舍生而取义者也» [6].

兼人之勇 – «превосходная доблесть», «несравненное мужество», представляет собой сокращенный вариант цитаты из «Хань шу» («История Ханьской династии»), или «Цянь Хань шу» («История Ранней Ханьской династии»).

《汉书韩信传》: «受辱于胯下，无兼人之勇，不足畏也.» [7] 人死留名 – «человек умирает, но слава его остаётся» [8]. Это сокращение высказывания Оуяна Сю, китайского государственного деятеля, историографа «彦章武人，不知书，常为俚语谓人曰：‘豹死留皮，人死留名。’».

Умение преодолевать трудности признавалось важным условием достижения победы. 疾风知劲草 – буквальный перевод «при сильном ветре [познаётся] стойкая трава». Образное значение – «в бурю познаешь стойкость дерева», «храбрость человека узнается в бою», «лучшие качества человека проявляются в борьбе с трудностями» [9]. Этот фразеологизм возник путем сокращения высказывания Ван Ба, военачальника времен Поздней Хань (25-220 гг. н. э.) «颍川从我者皆逝，而子独留，始验疾风知尽草».

Ряд фразеологических сочетаний представляет собой метафорическое изложение положений военной тактики. Примером может служить чэньюй 坚壁清野 – буквальный перевод «укреплять оборонительные сооружения и вывозить (эвакуировать) население» [10]. «оставлять врагу пустые дома». Источником послужила летопись «Вэй шу» («История династии Вэй») – историческая хроника династий Северная Вэй (386-535) и Восточная Вэй (534-550) в Китае [11].

强将手下无弱兵 – буквальный перевод «у сильного полководца нет слабых солдат», «у хорошего генерала нет плохих солдат» [12]. Автор – Су Ши, династия Сун.

身先士卒 – буквальный перевод «сражаться в первых рядах бойцов (солдат)», также имеет значение «быть впереди, идти в первых рядах, вести за собой солдат (народ)» [13]. Данный чэньюй – это усеченный вариант цитаты знаменитого историографа династии Западная Хань Сыма Цяня (ок. 145 до н. э. – ок. 86 до н. э.) «当敌勇敢，常为士» [14].

知彼知己，百战不殆 – «знай противника и знай себя, и ты будешь непобедим; знай противника и знай себя, и тогда в ста сражениях сто раз победишь» [15]. Автор идиомы – китайский стратег и мыслитель, автор трактата «Искусство войны» Сунь Цзы (VI или IV в. до н. э.).

Лингвокультурологический анализ фразеологизмов является важным аспектом воссоздания языковой картины мира. Анализ особенностей морально-этической лексики и фразеологии военной семантики позволяет выявить философско-культурные основы традиционного мировоззрения и традиционной военной культуры.

Библиографический список:

1. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 763.
2. <http://zhidao.baidu.com/>
3. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 764.
4. <http://chengyu.911cha.com/bDlr.html>
5. Войцехович И.В. Практическая фразеология китайского языка. – М., 2007. – С. 364.
6. <http://www.zhong.ru/cn/9xlka>
7. <http://www.zhong.ru/cn/obzug>
8. Войцехович И.В. Практическая фразеология китайского языка. – С. 160.
9. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 773.
10. Там же.
11. <http://baike.baidu.com/view/843.htm>
12. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 782.
13. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 786.

14. <http://www.zhonga.ru/cn/djxmi>

15. 汉俄分类词汇手册 – Пекин, 1994. – С. 797.

УДК 355.42

В.А. Бочаров, С.О. Свиридов

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА

Авторы статьи предпринимают попытку осмыслить значение Куликовской битвы для развития военного дела, обеспечения военной безопасности российского государства.

Ключевые слова: военное дело, военное управление, военно-политический анализ, боевое обеспечение, тактика действий, морально-психологическая подготовка.

На долю российского народа выпало немало тяжелых испытаний. Одним из них стало нашествие монголо-татар и последовавшее за ним почти 250-летнее иноземное владычество. Народы нашей страны вели неустанную многолетнюю борьбу за своё освобождение. Особая заслуга в освободительном процессе принадлежала великому московскому князю Дмитрию Ивановичу, получившему прозвище «Донской» за победу, одержанную в величайшем сражении – Куликовской битве.

Очевиден национальный и международный резонанс того эпохального события. Представляется весьма важным выявление его значимости для развития военного дела.

Куликовская битва фиксировала заметные изменения в военно-профессиональной сфере и во многом предопределила тенденции развития военного дела и военного строительства в российском государстве.

Во-первых, планирование предстоящих боевых действий, их организация и ведение стали непосредственно увязываться с результатами и выводами военно-политического анализа и прогнозирования.

Известно, что сравнительно короткий исторический период покорения монголо-татарами русских земель в 7-8 лет сменился длительным процессом собирания сил для освобождения от ордынского ига (примерно 135 лет). Многочисленные выступления народов Руси против завоевателей первоначально носили локальный протестный характер. Они не были подчинены единой идее общенационального освобождения. Неготовность масс учитывалась многими князьями и русской православной церковью, которые нередко сознательно «тормозили» этот процесс, предупреждая напрасное кровопролитие. Лишь с появлением необходимых предпосылок освободительная борьба принимает конкретную направленность. В частности, непосредственно Куликовской битве предшествовала победа над монголо-татарами на реке Воже в 1378 г. Она фактически была своеобразной репетицией будущего сражения на Куликовом поле. По значению для современников её можно сравнить с впечатлением от победы Г.К. Жукова на Западном фронте в 1941 г., когда практически везде наши войска терпели поражение за поражением, и казалось, что этому кошмару не будет конца [1].

Русские военно-политические руководители в полной степени учли внутривосточную ситуацию в Орде: беспорядки, ссоры, убийства. Жестокая борьба за власть, названная историками «великой замятней», ослабила Орду и создала условия для её военного разгрома.

Изменение военно-политической ситуации делало неизбежным решающее столкновение соперников. Поражение же мамая войска явилось серьёзным ознаменованием заката векового монгольского владычества в сопредельных землях. Будущее Орды было предрешиено исходом Донского побоища.

Во-вторых, развитие феодальной иерархии обусловило формирование определённых организационных структур и оптимального для своего времени стиля военного управления.

Подготовка к сражению, несомненно, ускорила данный процесс, придав ему чёткую ориентацию. В общественно-политическом развитии русских земель произошло выделение князей великих и князей удельных, а также князей служилых. Причём среди великокняжеского сообщества в свою очередь определялась их приоритетность, связанная с инициативой, вкладом в дело общерусского объединения,

конкретной ратной славой, авторитетностью. Основной боевой единицей в такой обстановке вместо многочисленных разноликих и автономных княжеских дружин стал полк, которому на поле боя определялись конкретные задачи. Полк состоял из стягов, в которые входили более мелкие отряды. Строгая феодальная иерархичность и усложнение организации войск требовали совершенствования управления всей военной организацией.

В процессе централизации управления войском значительно возросла роль великого князя, как командующего, и военного совета (ключевых фигурантов) при нем, что позволяло эффективнее выполнять стоящие задачи. Наиважнейшие вопросы организации военного похода и предстоящего сражения обсуждались на военных советах. К примеру, понимая неизбежность открытого военного столкновения с войсками Мамаю, Дмитрий Иванович, как инициатор похода против монголо-татар, на военном совете с ближними московскими боярами и двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским приняли решение о сборе полков и ратей всего Московского княжества и союзных князей.

Позднее на другом военном совете было принято решение о месте предстоящего сражения – за Доном, на Куликовом поле во избежание разрушительных последствий своих территорий и максимального использования условий местности для достижения победы. Своеобразная рекогносцировка местности стала необходимым элементом организации боя.

В-третьих, подготовка к Куликовской битве показала важность и значение боевого обеспечения, организации разведки и охранения.

Московский великий князь Дмитрий Иванович, зная о сборе сил в Золотой Орде, направил туда посольство с целью проверки и подтверждения таких сведений. Эта фактически оперативно-стратегическая разведка дала положительное подтверждение агрессивным намерениям ордынского руководства. Уже в конце июля – начале августа поступило известие о начавшемся выступлении монголо-татар. Тактическая разведка, высланная последовательно в составе трёх «сторожей», обеспечивала руководство русского войска необходимой информацией о продвижении и действиях противника.

Использование же некоторых элементов комендантской службы, предназначенной для поддержания порядка на марше, при проведении сбора войск, на переправах, а также походного охранения (регулярные дозоры, засеки, службы дальних и ближних «сторожей») практически свидетельствовали о формировании военно-профессиональных взглядов на проблему организации и совершения марша в предвидении встречного боя. Своевременное и четкое выполнение своих задач различными элементами боевого обеспечения позволили русским войскам организованно совершить марш, осуществить переправу через Дон и к половине восьмого утра 8 (21) сентября занять боевые порядки.

В-четвертых, Куликовская битва способствовала дальнейшему совершенствованию тактики действий русских войск.

В эпоху решающих сражений чрезвычайно важным был выбор места и расположения сил с учётом характера местности. Упреждение противника в занятии исходного положения для боя диктовалось тактическими соображениями, а также стремлением предотвратить соединение неприятеля со своими союзниками. Этот манёвр Дмитрия оказался своевременным, поскольку войскам Мамаю пришлось спешно занимать боевые позиции на виду у русских полков.

Ещё одно преимущество русских заключалось в использовании принципа плотного глубокого строя: сторожевой полк, передовой полк, большой (великий) полк, резерв и засадный полк, который во многом сыграл решающую роль в битве благодаря тонкому расчёту на вероятную возможность неприятеля отрезать отступление соперника к месту переправы. Фланги прикрывались полками правой и левой руки. В полках было до трех отрядов, которые строились клином: один спереди и два – сзади. Завязывал бой передний отряд, тогда как задние по мере надобности выдвигались вперёд (оба или только один) и оказывали ему поддержку. Такое построение было весьма эффективным. Отряды в бою взаимодействовали, легко могли совершать перестроения и отходы, наносить фланговые удары и атаковать последовательно. Ещё А.Н. Кирпичников предположил, что подобное построение могло применяться тогда русскими войсками. Он писал: «Роспись полков русской армии позволяет (конечно, с долей гипотетичности) уловить тактический смысл её построения. За перечислением командиров угадывается разделение войска на полковые отряды, которые были готовы к выполнению разных по сложности боевых задач. ...Сообразуясь с условиями, подразделения могли менять позицию и не составлять того вытянутого линейного фронта, который обычно представляется при чтении источников. В целом перед нами, хотя, может быть, не полностью раскрытый, пример, показывающий, какого тактического усложнения достигло военное искусство XIV в.» [2]. Можно предположить, что тогда зародилась идея двухэшелонного построения боевого порядка с выделением резерва, применение способов ведения боевых действий «уступом влево (вправо)», «уступом вперёд (назад)».

Важной тактической новацией была и организация резервных частей, призванных внезапным ударом во фланг противника решить исход боя. При этом у частного резерва, возможно, была и другая задача – предотвратить (задержать) переправу через Дон войск Ягайло в случае их подхода к моменту сражения, не допустить их внезапного удара с тыла. Отметим, что в бою сыграли решающую роль именно эти подготовленные заранее резервы, то есть засадный полк и резервный отряд. Особый боевой порядок в сочетании с характером действий и спецификой местности явились важнейшими источниками победы в данном сражении.

В-пятых, следует особо отметить роль морально-психологической подготовки и готовности русского войска к решающему сражению.

Наставление на решающую борьбу с врагом осуществил Преподобный Сергей Радонежский. Он благословил князя Дмитрия и предсказал ему победу. В знак единства народа и церкви два монаха, инока, родом из Брянска Александр Пересвет и Родион Ослябя взяли оружие и вступили в ряды русского воинства. Это о них летопись говорит: «Ратници велици и богатыри крепци и смыслени зело к воинственному делу» [3]. Вручение же им православного креста Сергием Радонежским стало своеобразным оружием-символом, благословляющим на борьбу.

Русские воины, стоявшие на Куликовом поле, были воодушевлены великой целью. Сохранившиеся письменные источники свидетельствуют о патриотическом подъёме, бесстрашии ратников, их готовности до конца сражаться против Орды за свободу и честь своей земли. Перед боем князь Дмитрий объехал войска, подбадривая и призывая ратников постоять за землю русскую: «Ныне же, братья, устремимся на битву, от мала до велика, победными венцами увенчаемся!» [4].

Организованный перед битвой поединок Александра Пересвета и Челубея (Темир-Мурзы) стал способом мобилизации воинов на достижение победы над врагом. А уничтожение по приказу князя Дмитрия переправы через Дон означало: будем биться до победы!

Русских воинов воодушевлял личный пример военачальников. Великий князь на виду своих войска снял свои доспехи и передал их своему ближнему боярину Михаилу Бренку, ему же он вручил стяг главнокомандующего в большом полку. Сам же, облачившись в доспехи простого воина, перешёл в первую шеренгу передового полка. Это был сознательный шаг, рассчитанный на то, чтобы воодушевить всех ратников, среди которых было много молодых людей, малоопытных в военном деле. Предание сохранило нам те последние слова, которыми обменялся великий князь со своими соратниками: «Княже! Не становись впереди биться, но стань сзади, или на крыле, или где-нибудь в другом месте!». «Да как же, – отвечал Дмитрий, – я скажу кому-нибудь: «Братья, встанем крепко на врага! А сам я встану сзади и лицо своё скрою? Не могу я так делать, чтобы таиться и скрывать себя, но хочу как словом, так и делом прежде всех начать и прежде всех голову положить, чтобы прочие, видя моё дерзновение, так же сотворили со мной усердием!» [5].

Особенным был психологический накал преследования разгромленного ордынского войска. Беспорядочное бегство ордынцев и их преследование продолжалось несколько часов.

Переоценить значение Куликовской битвы просто невозможно. Она стала знаковым и поворотным пунктом мировой истории, ибо часы развития человеческого общества стали осуществлять отсчёт времени перехода от варварства к цивилизационным явлениям нового типа. По утверждению российского историка Н.М. Карамзина, это сражение «считалось знаменитейшим в преданиях нашей истории до самых времён Петра Великого, или до битвы Полтавской...» [6].

Библиографический список:

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2т. – М., 1974. Т. 2. – С. 14.
2. Кирпичников А.Н. Куликовская битва. – Л., 1980. – С. 64.
3. Бегунова А. И. Путь через века. – М.: «Молодая гвардия», 1988. – С. 47.
4. Куликово поле. Сборник документов и материалов к 600-летию Куликовской битвы. – Тула, 1982. – С. 11.
5. Куликово поле. – С. 11.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. – М.: Наука, 1993. – Т.5. – С. 145.

Н.Ю. Бринюк

*НИО (военной истории Северо-западного региона РФ)
НИИ (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ
г. Санкт-Петербург*

brinyuk2013@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ КАДРОВОГО ОФИЦЕРА ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ (НАЧАЛО XX в.)

Автором рассматриваются изменения социокультурного облика русского офицерского корпуса на фоне исторических событий начала XX века.

Ключевые слова: военное образование, культурный уровень офицера, морально-психологический облик офицера, офицерский корпус, социальный облик офицера.

Традиционно высокий общественный статус офицерства в Российской империи определял некоторую замкнутость этого социального слоя. Этот статус был поколеблен в начале XX в., когда произошло разорение российского дворянства, а офицерский корпус в значительной мере был пополнен выходцами из разных сословий.

После Русско-Японской войны, в годы Первой русской революции, на офицеров обрушилась критика общественности. Предшествовавшие Первой мировой войне годы стали временем интенсивной работы офицерского корпуса по проведению в жизнь большой военной программы.

В годы Первой мировой войны кадровое офицерство понесло потери и растворилось в массе офицеров военного времени. Гибель монархии в 1917 г. стала началом деморализации и разобщения русских офицеров, судьбы которых сложились по-разному, во многих случаях трагически.

После революции офицерство стало ассоциироваться с крайне реакционной политической силой, а его нравственный и социальный облик рисовался в черном цвете. Однако в годы Великой Отечественной войны эти оценки начали меняться. В настоящее время заметен идеализированный подход к осмыслению менталитета российского офицерства. Такая трактовка проблемы, бесспорно, далека от истины.

Немалую часть офицерства составляли люди с высокими нравственными и интеллектуальными качествами. Однако офицерский корпус не был однообразен ни по происхождению, ни по образованию и воспитанию. Кроме того, в корпусе, как и во всем российском обществе в целом, существовал ряд антагонизмов, проявления которых фиксировались уже в военно-учебных заведениях.

В начале XX в. скептицизм в оценке морально-психологического облика офицера русской армии укоренился в гражданском обществе. Широкая кампания критики была развернута в прессе, где ради целей пропаганды приписываемые армии пороки непомерно преувеличивались.

Однако в стране повторялись инциденты, когда офицеры дискредитировали свою корпорацию в глазах общества. Кроме того, в армии сохранялось рукоприкладство, в значительной мере процветало сквернословие. Эти явления, по словам А.И. Деникина, являлись признаком всеобщей русской некультурности и были объектом борьбы прогрессивной части офицерства.

Критика офицерского корпуса исходила и из уст его представителей, в том числе высшего командования. Причина невысокого культурного уровня офицеров на общем фоне интеллигенции коренилась в недостатках военного образования. Деятельность военно-учебных учреждений вызывала острую критику современников. Сами офицеры писали о дефектах образования в них, о насаждении этими заведениями в учащиеся пагубных привычек и аморальных качеств.

Офицерский корпус принял на себя многие черты времени. В нем отсутствовала внутренняя спаянность и духовное единство, как и цельная идеология. Вероятно, это стало причиной, что, потеряв морально-этический стержень (Престол, Бог, Отечество), в революционный период многие офицеры растерялись, продемонстрировали духовную деградацию, и лишь единицы смогли сохранить верность нравственным принципам в испытаниях Гражданской войны.

Л.И. Грошева, С.А. Асси

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

malivia@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАЛЕСТИНЫ)

В статье рассматривается специфика взаимоотношений и взаимосвязей между странами, которая периодически проявляется в исключении ряда стран из культурного обмена ввиду военного положения, анклавности государства, неопределённого статуса независимости. В статье автор рассматривает проблемы построения культурных связей страны, находящейся в ситуации военного положения, на примере Палестины. Однако автором подчёркивается тот факт, что, несмотря на неоднозначность сложившихся условий, возможно применение ряда технологий, позволяющих стране избежать железного занавеса.

Ключевые слова: культурный обмен, межстрановой конфликт, военное положение, культурная реабилитация, межкультурное взаимодействие.

Современная обстановка в международном сообществе характеризуется высокой вероятностью роста тенденций флуктуации и дестабилизации. Страна, находящаяся на грани военного положения, либо уже вошедшая в данную стадию развития общественных отношений, попадает в замкнутый круг изгоя, который затруднителен в преодолении и имеет разрушительное влияние на культуру народа, переживающего военные действия на территории страны.

Учитывая достаточно чёткие тенденции поляризации политического и дипломатического сотрудничества, особенно ценным является опыт стран, которые несмотря на участие (намеренное либо вынужденное) в вооружённых конфликтах сохраняют способность активно контактировать с внешней средой в культурном и научном планах. Эта способность является залогом к наиболее быстрой адаптации к мирному сосуществованию с другими странами по окончании военных действий в стране. Достаточно ярким примером построения весьма успешных моделей сотрудничества среди стран, отягощённых войной, является Палестина.

Достаточно неоднозначны отдельные события, происходящие на спорных территориях. Таким образом, путь Палестины к беспрепятственному взаимодействию с другими культурами осложнён двумя уровнями препятствий к эффективной культурной коммуникации.

1. Внутригосударственный уровень. Он обусловлен культурными противоречиями ведущих политических сил: Движением за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) и Исламским движением сопротивления (Хамас). Помимо достаточно специфических политических требований данные организации придерживаются различных концептуальных подходов в отношении религиозного состава страны, данные противоречия остаются решёнными не в полной мере несмотря на установленное согласие в основных аспектах деятельности [1].

2. Межгосударственный уровень. Проблемы данной сферы вызваны в свою очередь ещё более неоднозначной структурой. В первую очередь остаются нерешёнными вопросы территориальных границ и притязаний со стороны Палестины и Израиля. Таким образом, взаимодействие данных стран несмотря на соседствующее положение остаётся невозможным.

3. Идеологический уровень. Несмотря на то, что он пронизывает как внутренние, так и внешние дела государства, данный аспект имеет самостоятельную силу, которая характеризуется позитивными и негативными последствиями. 75% населения исповедуют ислам, который ввиду деятельности ряда террористических организаций сам по себе вызвал рост негативных субъективных оценок со стороны мирового сообщества [2]. С другой стороны, определённая степень политической эксклюзии Палестины со стороны США, Великобритании, некоторых стран Европы и Азии, которая вызвана мировой оценкой деятельности ФАТХ и Хамас в целом, либо отдельных их подразделений, как террористической.

Говоря об общем положении Палестины в настоящее время, следует отметить достаточно сложную геополитическую ситуацию, окрашивающую отношение других культур к народу Палестины. Однако в то

же время пример данной страны наглядно демонстрирует возможность налаживания межкультурных связей даже при отягощении латентными и открытыми политическими проблемами.

Формирование межкультурных связей Палестины и мирового сообщества в ряде сфер имеет отработанное институциональное обеспечение, характеризующееся многоуровневым и поэтапным характером. Преодоление участи изгоя данная страна реализует посредством ряда мероприятий.

1. Стимулирование изменения мировой оценки потенциала страны через подписание договоров и ратификацию конвенций.

В апреле 2014 года Палестина передала Генеральному секретарю Организации Объединённых Наций (ООН) инструменты о присоединении к целому ряду международных договоров. В их числе – семь основных договоров в сфере прав человека и один Факультативный протокол. Палестина присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах, Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенции по правам ребенка, а также к Факультативному протоколу, касающемуся участия детей в вооруженных конфликтах [3]. Данный шаг обусловил начало изменения массового сознания о государственности и автономии Палестины, а также поставил общественность перед фактом о её готовности к политическому, экономическому и культурному диалогу.

2. Межкультурное взаимодействие в сфере образовательных технологий, в рамках обмена обучающимися с другими странами.

Говоря об образовательных технологиях, автор уделяет особое внимание двум направлениям формирования позитивной межкультурной коммуникации: через организацию мероприятий в рамках межкультурного взаимодействия, специфические организации арабской и палестинской культуры, а также через обмен обучающимися, которые, знакомясь с иными культурными особенностями, привносят некоторые ценности по возвращении на родину.

По программам среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования в России обучаются до 15 тыс. человек. Традиционно наибольшее число студентов из стран дальнего зарубежья, обучающихся по установленной квоте, – представители Китая, Вьетнама, Монголии, Ирана, Палестины.

Обучение палестинцев чаще всего охватывает следующие направления: медицина, военное дело, строительство, инженерные специальности, экономические направления [4].

Научное взаимодействие также включает активную деятельность представительств России на территории Палестины: в Вифлееме действует российский центр науки и культуры (РЦНК) [5]. Это первое представительство Россотрудничества в Палестине, которое призвано внести свой весомый вклад в развитие и упрочение российско-палестинских гуманитарных связей.

3. Формирование имиджа страны через отдельных представителей народа/культуры.

Данный метод признаётся одним из самых эффективных в плане внедрения позитивного восприятия арабской культуры в целом и культуры Палестины, в частности. Примеры данного подхода также охватывают различные сферы жизни общества: политику, образовательно-воспитательную систему, популярную культуру и прочие.

В июне 2013 года палестинец Мохаммад Асаф из лагеря беженцев в секторе Газа выиграл в телеконкурсе песен Arab Idol. Став определённым символом свободы и возрождения культурной жизни народа, он принял особую миссию, получив должность первого палестинского посла доброй воли и мира ООН, а также предложения дипломатической карьеры в своей стране [5].

4. Институциональные объединения по межкультурному взаимодействию.

На территории Карелии, например, активно функционирует «Общество карельско-арабской дружбы». Обращаясь непосредственно к поддержанию взаимодействия культур Палестины и России, необходимо отметить деятельность российской общественной организации «Центр палестинской культуры».

5. Обмен материальными культурными ценностями.

Данный обмен происходит в весьма скромных объёмах, однако отдельные примеры прогресса присутствуют.

В 2012 году была издана книга палестинского посла в России Афифа Сафие «О палестинской дипломатии», а также труд, посвящённый тесному сотрудничеству стран «Русская Палестина» [6]. Фомин О.И. перевёл книгу председателя арабской православной общины в Назарете «Живые камни. Также были переведены книги «Арабские христиане на Святой Земле» о возникновении и истории развития христианства в Палестине и Сирии вплоть до XXI века. В зарубежной практике появился официальный

труд о роли Палестины в международном сообществе под эгидой Великобритании. Новая книга под названием «Членство Палестины в ООН: Правовое и Практическое Участие» была опубликована в издательстве Кембридж [7].

6. Информационные порталы о Палестине.

На текущий момент присутствует достаточно малое количество объективных информационных порталов о Палестине, которые предоставляют информацию на английском и русском языках. Среди подобных порталов возможно выделить новостной сайт Palestine News Network, сайт Императорского православного палестинского общества и сайт благотворительного фонда «Русская Палестина» [6]. Остальные порталы трудно назвать официальными, а значит и уровень объективности в них до сих пор остаётся под вопросом. Более того, в некоторых из них информация заведомо искажается, что является их существенным недостатком вне зависимости от того, в какую сторону идёт искажение.

Как видно из представленного анализа, Палестина имеет значительный потенциал к формированию успешных межкультурных коммуникаций с мировым сообществом. Однако во многих случаях присутствует ряд проблем, которые также существуют и в палестинско-российских отношениях.

Не существует оформленного официального портала по знакомству с палестинской культурой.

Практически не представлена ценная с культурной точки зрения литература, крайне редко осуществляются значимые переводы книг, порталов, буклетов о Палестине и пр.

Центры палестинской культуры расположены точно, при этом сконцентрированы лишь в Европейской части России и имеют локальный способ распространения информации (в рамках одного района или университета). Относительно страны и мирового сообщества деятельность подобных центров не может обеспечить распространение адекватной информации о культуре народа Палестины.

Без активного межкультурного взаимодействия для Палестины представляется затруднительным налаживание диалога с мировым сообществом, в особенности в потоке разнородной информации, объективность которой вызывает сомнения, но, тем не менее, формирует определённые установки у населения. Палестина на сегодняшний день сделала большой шаг в сторону налаживания взаимодействия с другими странами несмотря на присутствующие проблемы и трудности. С привлечением усилий всего мирового сообщества её потенциал и культурное богатство станет ценной составляющей мировой культуры.

Библиографический список:

1. ООН: договор между ФАТХ и ХАМАС надо воспринимать как возможность для достижения мира. ИТАР-ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1157482>.
2. Щевелев С. С., Ганкевич В. Ю. Иерусалим тупик в израильско-палестинском противостоянии? // Культура народов Причерноморья. - 2004.- № 50. – Т. 1. – С.45 – 48.
3. В ООН приветствовали принятые Палестиной обязательства по международным договорам в области прав человека. Центр новостей ООН. URL: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=21586#.U3tuK_1_v7M.
4. Подписано постановление об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Портал «Президент России молодым учёным и специалистам». URL: <http://youngscience.ru/pages/main/documents/5124/14554/index.shtml>.
5. Дни русского языка в Палестине. Портал Российского государственного гуманитарного университета. URL: <http://english-chair.rggu.ru/section.html?id=10414>.
6. Брифинг официального представителя МИД России А.К.Лукашевича, Официальный портал МИД России URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/41386E4047E6072F44257CD9004BF930.
7. Дни русского языка в Палестине.

В.А. Исупов

*Институт истории СО РАН
г. Новосибирск*

Vladimir_2004_@mail.ru

МОБИЛИЗАЦИЯ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА ЗАЩИТУ РОДИНЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

В статье рассматривается процесс воинских мобилизаций в период Великой Отечественной войны и неизбежно сопровождавшие их социальные конфликты. Среди них одним из самых острых был конфликт интересов между производственниками, отдававшими людские ресурсы, и представителями Красной армии, получавшими эти ресурсы.

Ключевые слова: воинские мобилизации, военные комиссариаты, мобилизационный план, бронь, наряд на призыв.

Катастрофа, которая обрушилась на Красную армию летом – осенью 1941 г., полностью опрокинула все предвоенные расчеты Генерального штаба по использованию людских ресурсов. Реальные людские потери оказались несоизмеримо выше предполагавшихся. Согласно расчетам, проведенным военными историками под руководством Г.Ф. Кривошеева, потери Красной армии, флота, пограничных и внутренних войск за полгода войны (III и IV кварталы 1941 г.) достигли почти 4,5 млн. человек. К этому необходимо приобщить потерю 500 тыс. резервистов, призванных, но еще не зачисленных в штаты воинских частей.

Необходимость восполнения огромных людских потерь требовала напряженной мобилизационной работы. К 1 июля 1941 г. в Красную армию было направлено 5,3 млн. человек. К этому времени численность РККА была доведена до 9,6 млн. красноармейцев и командиров. Однако к 1 августа 1941 г., согласно данным Оперативного управления Генерального штаба, фактическая численность Красной армии понизилась до 6,7 млн. человек. В этой связи 10 августа 1941 г. Государственный Комитет Обороны (*далее – ГКО*) принял постановление «О мобилизации военнообязанных 1890 – 1904 гг. рождения и призывников 1922 – 1923 гг. рождения». Вторая волна мобилизации должна была возместить потери, понесенные Красной армией летом 1941 г. По сведениям С.Н. Михалева, в целом за первые шесть месяцев войны в Вооруженные силы СССР было направлено почти 12 млн. человек. По данным Госплана СССР, контролирующего движение людских ресурсов и вследствие этого получавшего сведения о числе мобилизованных, к 1 декабря 1941 г. только по центральным и восточным районам страны в Красную армию было призвано свыше 16 млн. человек.

В результате двух волн воинских мобилизаций резерв военнообязанных в тыловых районах СССР был в значительной степени исчерпан. Вместе с тем военная экономика лишилась миллионов рабочих рук.

Дефицит людских ресурсов породил множество социальных конфликтов и напряжений. Цель данной статьи – на материалах западносибирского региона рассмотреть конфликт, в который были втянуты военные и гражданские руководители. Военные руководители настойчиво требовали людей для фронта. Директора предприятий не склонны были отдавать свои лучшие кадры в армию. Мало того, они стремились «на всякий случай» создать латентный запас рабочих рук. Производственники мотивировали свою позицию острой нехваткой не только квалифицированных, но любых работников и необходимостью срочного выполнения оборонных заказов.

Важно не упустить из виду, что Западная Сибирь с началом войны превращалась в мощный боевой арсенал Красной армии. В регионе было развернуто одновременно несколько десятков крупных оборонных предприятий. Потребность в рабочей силе резко увеличилась. Главный инженер Кемеровского азототукового завода Сичков, характеризуя кадровую ситуацию на предприятии осенью 1941 г., отмечал: «*В связи с мобилизацией в ряды РККА выбыли старые кадровые рабочие, а вновь прибывшие на завод молодые рабочие начинают только осваивать сложную технику*». Директор новосибирского завода № 617 в отчете о работе предприятия за годы Великой Отечественной войны писал, что «*основная масса набранных рабочих – это бывшие школьницы от 14 до 17 лет и домохозяйки, в большинстве не работавшие на производстве. Вопрос о кадрах являлся одним из актуальнейших вопросов нормальной работы завода*». Хозяйственники и военные пожинали горькие плоды стратегической ошибки высшего руководства Советского Союза – призвав в начале Великой Отечественной войны большое количество

высококвалифицированных рабочих, инженеров, техников и даже студентов, они оголили промышленное производство, оставив его без опытных кадров.

В основе борьбы директоров промышленных предприятий за кадры лежало не только осознание важности их продукции для фронта, но и страх сурового наказания. 17 ноября 1941 г. ГКО принял постановление № 903сс, подписанное Сталиным. Отныне невыполнение задания ГКО расценивалось как особо опасное государственное преступление, каравшееся как контрреволюционное деяние по 59 статье УК РСФСР. Это была одна из самых «тяжелых» статей уголовного кодекса того времени. Срыв производственной программы, невыполнение плана могли повлечь за собой лишение свободы на длительный срок. Поскольку выполнение производственной программы в значительной степени зависело от наличия рабочих и инженерно-технических кадров, безопаснее было вступить в конфронтацию с военными и даже партийными органами, чем рисковать свободой, а значит и жизнью.

В годы Великой Отечественной войны конфликт между гражданскими и армейскими руководителями принял открытую, до предела обостренную форму. Зачастую производственники апеллировали к своим наркомам, с мнением которых приходилось считаться и самому Сталину. Наркомы, как правило, приходили на помощь. Директор крупнейшего в стране предприятия по производству боеприпасов новосибирского комбината № 179 А.С. Новиков в ответ на попытки военных призвать в Красную армию рабочих направил письмо командующему СибВО Н.В. Медведеву, в котором заявил: *«Народный Комиссар Боеприпасов тов. Ванников телеграммой от 3/III - 42 г. за № 01/404 приказал не отпускать ни по каким мобилизациям без указания из Наркомата рабочих, инженеров и техников, состоящих на учете военнообязанных»*. В особых случаях к решению проблемы подключался лично председатель ГКО, председатель Ставки Верховного Главнокомандования, Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, нарком обороны Сталин. Известна, например, его телеграмма в Новосибирские обком и облисполком от 24 апреля 1942 г. Телеграмма гласила: *«...Продлить до конца 1943 г. отсрочки (бронь) от мобилизации в Красную Армию рабочим, ИТР и служащим авиационной промышленности, имевшим бронь и отсрочки в 1942 году и в первом квартале 1943 года, включая призывников всех возрастов»*.

Местные партийные комитеты (обкомы, крайкомы, горкомы и райкомы ВКП (б)) оказались в очень сложной и двусмысленной ситуации. С одной стороны, они (в первую очередь секретари обкомов и крайкомов) головой отвечали за выпуск военной продукции на вверенной им территории. Сорвать производство самолетов, авиамоторов, артиллерийских орудий, снарядов, патронов, винтовок или оптических приборов было «смерти подобно». Дела на фронте напрямую их не касались. Поэтому периферийные партийные комитеты, так или иначе, но вынуждены были оказывать поддержку производственникам. С другой стороны, Москва в лице ЦК ВКП (б), Ставки Верховного Главнокомандования, Генштаба и Главупраформа, угрожая суровыми карами, жестко требовала выполнения нарядов по воинской мобилизации. В конце концов позиция местных партийных властей оказалась довольно расплывчатой, непринципиальной, определявшейся в зависимости от ситуации.

Директора крупных оборонных предприятий, от которых зависело обеспечение армии вооружением, чувствуя за плечами мощную поддержку наркоматов и неуверенность партийных комитетов, действовали напористо, а в иных случаях даже нагло. Для «красных» директоров областные, краевые и городские военкомы, а тем более райвоенкомы, не были силой, с которой нужно считаться. П.Е. Казанцев, в годы войны работник ряда военкоматов Кузбасса, вспоминал, что директор Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина Р.В. Белан называл работников военкоматов, проводивших мобилизацию, не иначе, как *«грабителями и разбойниками»*.

Военкомы часто оказывались в неприятной ситуации, когда против них выступали такие авторитетные хозяйственники, как директор особого завода № 69 им. Ленина А.С. Котляр, директор авиационного завода № 153 В.Н. Лисицын, директор промышленного гиганта по производству боеприпасов, комбината № 179 А.С. Новиков, (с 1943 г. – А.В. Саханицкий), директор Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина Р.В. Белан и другие. К тому же руководители предприятий опирались на безоговорочную поддержку представителей высших партийных инстанций на заводах – парторгов ЦК ВКП (б).

Новосибирский облвоенком, старший батальонный комиссар Н.Г. Шемякин и начальник 2 части облвоенкомата интендант 2 ранга Шаровьев в сентябре 1942 г., пытаясь противостоять уверенному давлению руководителей оборонных предприятий, писали: *«Нужно отметить факт игнорирования директорами оборонных заводов приказа Горвоенкоматов о явке рабочих призывников 1924 г. на призывные пункты, особенно по гор. Новосибирску, где директора заводов 69, 51, 153, 208 и 350 отдали приказание своему аппарату отбирать повестки и призывников на призыв не пускать, а на заводе № 69 до*

мастеров включительно повестки райвоенкоматов просто уничтожать». Заведующий Военным отделом Новосибирского обкома Г. Ерофеев в информации по итогам призыва молодежи 1924 г. рождения и результатам отбора в военные училища 8 сентября 1942 г. сообщал: «Имели место случаи задержки призывников директорами предприятий и учреждений (не давали расчет, отбирали повестки, не выдавали характеристики) – завод им. Чкалова, заводы комбината № 179, завод № 69 и др.».

Конфликт принял самую острую форму в ходе укомплектования личным составом сталинской дивизии добровольцев-сибиряков. За подбор личного состава и укомплектование этого соединения непосредственно отвечали местные партийные организации. Главное управление кадров Наркомата обороны СССР и Главное политическое управление РККА (далее – ГлавПУР – В.И.) должны были предоставить для этого соединения высший, старший, средний командный и политический состав. Младший командный и рядовой состав комплектовался добровольцами под ответственность партийных органов. Теперь партийные чиновники пожинали плоды своей собственной непринципиальной политики. Инструкторы Новосибирского обкома Захватаева и Нарожнова 29 июля 1942 г. жаловались заведующему Военным отделом обкома Белоусову: «Директор завода № 590 т. Мецерьков и парторг ЦК ВКП (б) т. Иванов считают невозможным отпускать добровольцев с завода, дали согласие только на 2-х человек». Заведующие секторами отдела кадров обкома Булгаков и Жахалов в июле 1942 г. докладывали секретарю Новосибирского обкома А.П. Эльман о положении на заводе № 564: «По заявлению директора завода тов. Юрина и парторга ЦК ВКП (б) т. Гринштейн, кроме ранее посланных в дивизию 41 чел., больше никого отпустить нельзя».

В свою очередь военкомы, а это в большинстве своем были искалеченные на фронте командиры Красной армии, прошедшие «огонь, воду и медные трубы», действовали напористо и дерзко. Большинство военкомов хорошо осознавали важность и необходимость выполнения нарядов по воинской мобилизации. Кроме того, им было известно, что наряды на мобилизацию рассматривались как важнейшие правительственные задания. Упомянутое ранее постановление ГКО № 903сс от 17 ноября 1941 г. распространялось не только на директоров промышленных предприятий и транспорта, но и на военных. Учитывая суровую кару, предусмотренную постановлением ГКО, многие военкомы подходили к делу исключительно с бюрократических позиций – в любом случае выполнить количественные показатели наряда по воинской мобилизации, не считаясь с потребностями экономики.

Заместитель начальника Томской железной дороги Чернышев 21 мая 1943 г. писал командующему СибВО генерал-лейтенанту Н.В. Медведеву: «Прошу дать немедленное указание Новосибирскому, Кемеровскому облвоенкоматам и Алтайскому крайвоенкомату о прекращении какого бы то ни было призыва работников ж. д. транспорта». В качестве веского аргумента Чернышев привел материалы о действиях военкома Первомайского района Новосибирска Жаркова. «Несмотря на постановление НКО от 13 мая 1942 г. № 1765с и последующие указания НКО о запрещении призыва работников жел. дор. транспорта без разрешения и специальной разверстки НКПС, Первомайский райвоенком г. Новосибирска т. Жарков систематически самовольно разбронировует и призывает железнодорожников».

Военный комиссар Кемеровской области, полковник административной службы Исупов в приказе по облвоенкомату № 0132 от 12 декабря 1944 г. вынужден был констатировать: «За последнее время установлены случаи грубого нарушения порядка призыва и отправки в войска военнообязанных запаса. Некоторые военкоматы призывают военнообязанных запаса, пользующихся правом на отсрочку от призыва в Красную Армию без проверки законности их призыва, продолжают призывать прибывших по нарядам НКО для работы в промышленности. Некоторые горрайвоенкомы продолжают направлять на пересыльный пункт военнообязанных явно негодных к военной службе. Этот порочный стиль работы является прямым следствием погони за количественным выполнением нарядов».

Директор особого завода № 69 А.С. Котляр 31 июля 1944 г. сообщал секретарю Новосибирского обкома М.В. Кулагину: «За последнее время райвоенкоматы г. Новосибирска, в особенности Заельцовский, стали на путь нарушения ГОКО от 6. II – 43 г. за № 2828 о бронировании военнообязанных, работающих на нашем заводе, т. е. без ведома завода призывают в Красную Армию высококвалифицированных рабочих, имеющих отсрочку от призыва... Райвоенкоматы поставили Завод под угрозу срыва задания ГОКО по выпуску срочного вооружения для Красной Армии». В свою очередь представлявший интересы военных в партийных органах, заместитель заведующего военным отделом Новосибирского обкома Никаноров характеризовал действия директоров как «государственное преступление многих авторитетных руководителей, не выполняющих директив ГОКО и Правительства».

Конфликт был перенесен в самые высокие сферы. В него были втянуты не только наркоматы, но и секретари ЦК ВКП (б). В июле 1942 г. секретарь Новосибирского обкома М.В. Кулагин направил докладную записку Г.М. Маленкову. В записке М.В. Кулагин отмечал, что в сталинскую добровольческую

дивизию к середине июля было подано свыше 25 тыс. заявлений. Но *«некоторые наркоматы, не желая преодолеть трудностей военного времени, дали распоряжение не отпускать с производства добровольцев в дивизию. Такие запрещения даны НКПС товарищем Хрулевым, Наркомуголь товарищем Вахрушевым, Наркомчермет товарищем Тевосяном, НКАП товарищем Шахуриным, НКВ товарищем Устиновым. Прошу, товарищ Маленков, Вашей поддержки»*. Как видим, даже первый секретарь обкома без содействия с самой вершины власти не мог обуздать директоров крупных промышленных предприятий оборонного значения.

Одним из узловых объектов конфронтации между производственниками и военными стали молодые рабочие оборонных предприятий, как правило, имевшие среднее и полное школьное образование и сознательно стремившиеся в армию. Для них это была возможность не только реализовать свой патриотический порыв, но вырваться из тисков полууголодного существования на заводах с их тяжелым трудом и одновременно заметно повысить свой социальный статус. Стать командиром Красной армии в те времена было очень престижно. Директора оборонных предприятий всеми способами стремились удержать на заводах грамотную молодежь, которая быстро превращалась в костяк ценных, высококвалифицированных рабочих кадров, а в перспективе должна была стать основой инженерно-технического корпуса, столь необходимого промышленности.

Работники военкоматов, выполняя наряды Главупраформа, всеми способами стремились призвать молодежь, годную для обучения в военных училищах. В марте 1943 г. омский областной военкомат мобилизовал для укомплектования военных училищ рабочую молодежь одного из крупных оборонных заводов, не поставив в известность руководство предприятия. Директор завода Манин, мотивируя свое решение необходимостью выполнения государственной программы по производству вооружения для Красной армии, срочно известил наркома вооружения Д.Ф. Устинова. Окрик из Москвы не заставил себя ждать. 15 марта 1943 г. секретарь Омского обкома М.А. Кудинов получил грозную телеграмму: *«Категорически возражаю против призыва в армию рабочих завода Манина постановлением ГОКО 2828 работающие заводе освобождены мобилизации до 1 января 1944 года 01/4695 Устинов+»*.

Несмотря на острый конфликт несколько месяцев спустя, в июле 1943 г., военком Омской области полковник Старушкин, выполняя приказ командующего СибВО генерал-лейтенанта Н.В. Медведева, произвел призыв для обучения в пехотных училищах молодых рабочих заводов № 29 (110 человек), № 166 (68 человек), № 20 (26 человек) без согласования с директорами предприятий. Хозяйственники обратились с жалобой в обком. Секретарь Омского обкома М.А. Кудинов, в конфликте между военными и производственниками принявший сторону производственников, 14 июля отправил протестную телеграмму заместителю наркома обороны СССР, начальнику Главупраформа Е.А. Щаденко: *«Просим дать указание вернуть на заводы наиболее квалифицированных рабочих»*. Через два дня, 16 июля было принято постановление бюро Омского обкома, содержащее нападки на действия военных. В постановлении подчеркивалось: *«Довести до сведения ЦК ВКП (б) о том, что командующий СибВО тов. Медведев, а также его заместитель тов. Дзенин, зная об отсутствии свободных ресурсов в промышленности, дали указание облвоенкому тов. Старушкину провести набор в пехотное училище промышленных рабочих, причем это указание сопровождалось нажимом»*.

Крупный наряд на призыв молодежи в военные училища весной 1943 г. получили военкоматы Новосибирской области. 15 мая они приступили, как тогда говорили, «к вербовке» кандидатов. К 25 июня военкоматы имели уже 1547 заявлений от молодых добровольцев. Однако в училища удалось отправить только 1022 человека, остальные были задержаны руководителями оборонных предприятий, а директора заводов №№ 644 и 153 просто не пустили вербовщиков на территорию предприятий для проведения бесед с молодежью. Они мотивировали свои действия тем, что это ведет к дезорганизации производства, так как многие молодые рабочие уйдут в армию, и некому будет работать. Директор завода № 635 Савоськин и парторг ЦК ВКП (б) Уманский заявили райвоенкому Центрального района Новосибирска: *«Для нас Красная Армия это бесспорный авторитет, но оголять свой завод мы совершенно не намерены»*.

Призывник Епишкин, работавший на заводе № 153, был зачислен в военное училище и ожидал на вокзале поезда. Но помощник директора завода по кадрам Глазков и сотрудник отдела кадров Дыденко, отобрав у Епишкина документы, чуть ли не под конвоем увели его на завод, где держали месяц на военном положении. Призывник Пискунов с завода № 69, подавая документы в военное училище, рассказал райвоенкому, что на предприятии ему объяснили: *«Кто уйдет в армию без согласия завода, того будут судить»*. Начальник цеха этого завода Шестаков говорил молодежи: *«Что вы рветесь в армию – хотите, чтобы вас там поубивали? Работая на заводе, вы останетесь живы!»*. Директор завода № 564 Безбородов заявил: *«Когда возьмете меня в армию, тогда берите моих людей»*. Его помощник по кадрам Денисов был даже направлен в Мичуринское военно-инженерное училище (летом и осенью 1944 г. училище

дислоцировалось в Новосибирске, затем в Томске) с заданием вернуть на завод курсанта Дорфман, бывшего рабочего завода. Много письменных протестов по поводу действий работников военкоматов поступало в обком с заводов №№ 385, 208 и 677. Эти протесты, как правило, сопровождались копиями ведомственных телеграмм, запрещавших воинскую мобилизацию рабочих. В результате противодействия директоров наряд Наркомата обороны на мобилизацию молодежи в военные училища по Новосибирской области весной 1943 г. был выполнен всего на 47%. Новосибирский облвоенком, подполковник Н.Л. Степанов и начальник 2 части облвоенкомата майор Шаровьев в справке «О ходе вербовки кандидатов в военные училища по Новосибирской области», подводя итоги вербовочной кампании, 9 августа 1943 г., отмечали: *«На сегодняшний день создавалась такая обстановка, что благодаря тормозам, чинимым директорами заводов и руководителями предприятий, дальнейшую вербовку кандидатов на заводах и предприятиях вести совершенно невозможно».*

Тяжба между производственниками и военными, то затухая, то вспыхивая вновь, длилась всю войну. Иногда «поле боя» оставалось за «красными командирами» и тогда работники оборонной промышленности, строек и железнодорожного транспорта призывались в армию. В иных случаях побеждали «красные директора» и люди оставались на производстве. Так, 15 мая 1944 г. командующий войсками СибВО генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов и временно исполняющий обязанности члена Военного совета округа генерал-майор А.Ф. Колобяков в «сердитом» письме секретарю Омского обкома С. С. Румянцеву и председателю Омского облисполкома Токареву писали: *«Военкоматы Омской области не получают от партийных и советских органов необходимой помощи и поддержки. Директора промышленных предприятий не отпускают в армию рабочих».* Омский горвоенком капитан Дубов в августе 1944 г. жаловался в обком: *«Такие предприятия-гиганты, как завод № 29, 166, 174, Омская железная дорога в армию не дали ни одного человека, несмотря на наши неоднократные обращения к ним по этому вопросу».*

Командующий СибВО В.Н. Курдюмов, подписавший 9 сентября 1944 г. постановление Военного совета СибВО «О состоянии организационно-мобилизационной работы в военных комиссариатах СибВО» открыто обвинил «командиров производства» в сокрытии людей, особенно молодых инженеров и техников, составлявших основу офицерского корпуса от мобилизации. *«Борьба за изыскание людских ресурсов, при наличии недостатка рабочей силы в народном хозяйстве приобретает серьезное значение. Однако Военный совет не может отказаться от мобилизации людских ресурсов или сократить наряды».* Таким образом, приемлемого решения, удовлетворяющего как военных, так и хозяйственников найдено не было. Конфликт разрешился сам собой только после окончания войны.

УДК 94(47)

И.П. Каменецкий

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

kameneckiiwan@mail.ru

«РАЗБОР» СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В КУЗНЕЦКЕ В 1681 г.: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИБИРСКОГО ВОЙСКА В XVII в.

В статье представлены итоги «разбора» служилых людей Кузнецкого гарнизона в 1681 г. Показано, что его основу составляли потомки русских служилых людей, происходившие преимущественно из местной казачьей среды, образованной правительством из представителей различных сословий и этнических групп в ходе начальной колонизации края.

Ключевые слова: сибирское войско в XVII в., Кузнецкий острог, «разбор» служилых людей.

Правление царя Фёдора Алексеевича несмотря на кратковременный период было отмечено серьезными преобразованиями в военной сфере. Наряду с созданием военных округов и централизацией управления вооружённых сил правительством были предприняты шаги по улучшению кадрового состава русского войска. В начале 1680-х г. по всей стране был проведен «разбор» приборного войска, целью которого стало выявление его состава и очищение от выходцев из «тягла» и лиц неслужилого происхождения.

Летом 1681 г. кузнецкий воевода П.И. Дубровский получил наказ из Сибирского приказа о проведении «разбора» командного состава и конных казаков вверенного ему гарнизона. В нём было предписано: «разобрать детей боярских и атаманов и литву и конных казаков которые годятся в городовую и полковую службу» с соблюдением следующих условий: «скольких то лет служат и в каком окладе поверстаны и по какому его великого государя указу и в каком окладе поверстаны и которые по его великого государя грамотами верстаны в дети боярские и какого они чину наперед сего были и каких отцов дети и о том взять у детей боярских сказки за руками ... и о том велено писать к нему великого государя в Сибирский приказ» [1]. Руководствуясь этими указаниями, 15 июня 1681 г. воеводой был осуществлён «разбор» детей боярских и конных казаков, составлен «именной разборный список», показания каждого из них были изложены в «сказках» и подтверждены личной подписью или «за руками» доверенных лиц.

В «разборе» приняло участие 92 служилых людей, что составило почти 40 % от всего военного контингента гарнизона. Среди подавших «сказки» было 24 представителя командного состава и 68 конных казаков, отсутствовало по причине командировки в Москву 4 человека [2].

Итоги «разбора», представленные в «разборном списке» в Сибирский приказ, несут ценную информацию для исследователей военной истории. Они содержат не только сведения о военном статусе, размерах окладов, времени несения службы ратных людей Кузнецка, но и дают достаточно полное представление об источниках формирования служилого войска, этническом и социальном происхождении его представителей, семейных связях, условиях несения службы и других важных моментах, характеризующих состав и военную сферу деятельности населения фронтального сибирского города XVII в.

Анализ «разбора» свидетельствует о том, что воинскому контингенту Кузнецкого острога были свойственны структурные элементы, присущие всем сибирским городам, за исключением отсутствия в нём специальных подразделений, созданных в разрядных центрах для лиц иностранного происхождения – «литовского списка» и полков «нового строя».

Высший слой гарнизона составляли «начальные люди»: дети боярские, сотники (атаманы) и пятидесятники (головы). Согласно списку в «разборе» участвовало: 14 детей боярских, 1 атаман, 2 пятидесятника. Особенностью командного состава Кузнецка являлось то, что значительную часть детей боярских (9 человек из 14) составляли выходцы из Речи Посполитой, 1 из крымских татар. Почти все они, за исключением М. Грошевского, были взяты в плен в ходе войны России с Польшей в 1650-1660 гг. В своих сказках они идентифицировали себя как «польские шлектичи», перешедшие на службу великому государю. По их словам, они отказались вернуться на родину при обмене военнопленными, были крещены, повёрстаны в Москве в дети боярские с окладами от 10 до 20 руб. и направлены в Кузнецк. Андрей Буяновский в своей сказке заявил, что «на розмену не похотел я итти к полскому королю в рабю землю», а пожелал остаться «в стороне его царского величества» и был пожалован в чин сына боярского с высоким окладом жалования [3].

Русскую группу «начальных лиц» Кузнецка составляли 3 сына боярских, 1 атаман, 1 пятидесятник. Они являлись потомками сибирских служилых людей и представляли сравнительно молодое поколение командных лиц, срок службы которых в Кузнецке составлял от 5 лет до 10 лет. Своим назначением они в основном были обязаны заслугам их родственников, имевших богатый опыт службы в европейской России и Сибири. Так, атаман Корнило Петров сообщил, что его отец Петр Дорофеев нёс службы «против неприятельских людей» под Москвой, Великим Новгородом, Псковом, Тихвином, будучи в Кузнецке был атаманом у конных казаков «лет сорок», где и умер, а он «пожалован на место отца своего» и служит в Кузнецке «верой и правдой» десять лет [4].

Нижнее начальное звено при «разборе» представляли десятники конных казаков (7 человек). По их показаниям они были назначены воеводами с одинаковым окладом жалования и происходили в основном из местной служилой среды. Срок службы в Кузнецке этой категории насчитывал от 1 года до 20 лет. Местами выхода своих отцов они указали города европейского севера: Устюг Великий, Вычегду, Белоозеро, а также Запорожье. Самые подробные сведения о службе своих родственников сообщил представитель этой группы Алексей Кирилов. Он показал, что его прадед был посадником в Великом Новгороде, но «от гнева сошел на Великий Устюг, а с Устюга в Пермь Великую и как шел с Волги атаман Ермак Тимофеевичи деда моего взял с собою в Сибирь вожем». После взятия Сибири его дед нёс конную казачью службу в разных сибирских городах и даже был определён по челобитью томских жителей «в священство». Отец указанного десятника Кирилл Меркурьев был таможенным подъячим Томска, Нарыма и Кузнецка, а сам Алексей Кирилов был повёрстан на «выбылое место» воеводой И.И. Давыдовым в 1680 г. [5]. Приведённые им данные были подтверждены проведенным Д.Я. Резуном исследованием о сподвижниках Ермака [6].

Самую многочисленную группу в «разборе» (71 человек) составляли конные казаки. Данные «разбора» свидетельствуют, что почти половина из них (34 человека, 47,8 %) являлась потомками русских служилых людей: казаков, стрельцов, беломестных казаков, казачьих детей, являвшихся старожилами Кузнецка, а также детей ссыльных московских стрельцов, томских казаков и запорожских казаков (черкас). Почти все они указали местом рождения и верстания Кузнецкий острог, продолжительность и места службы своих близких родственников, направленных как «по прибору», так и сосланных «по указу» в Кузнецк в разные годы. Большая доля казаков конной службы 26 человек (36,6 %) была повёрстана в Тобольске и Кузнецке из гулящих и посадских людей, происходивших преимущественно из городов европейского Севера, 4 человека (5,6 %) назвали себя выходцами из немецких городов и Крыма, 7 человек (9,8 %) не указали своё социальное происхождение и места выхода своих отцов [7].

«Разбор» выявил немалое влияние на назначение командных и других должностей в Кузнецке служилого мира и сохранение традиций казачьего самоуправления, с которыми вынуждены были считаться не только местные воеводы, но и Сибирский приказ. Конный казак Пётр Корнилов сообщил, что был «поставлен на место отца своего» в атаманы в 1674 г. по мирской заручной челобитной. В 1677 г. по челобитью служилых людей был назначен десятником конных казаков Андрей Попов, который предлагал воеводам Кузнецка и Томска возвести острог на устье Бии и Катуня для сбора ясака с подвластных телеутам народов. По челобитным служилого мира был выбран трапезником в Преображенскую церковь отец десятника Сидора Тихонова и прислан из Томска для починки оружия казённый кузнец Леонтий Родионов [8].

Отдельные участники «разбора» не забыли упомянуть в своих показаниях личные заслуги и достижения своих предков. Сын боярский Степан Круглик сообщил, что он поставил острог и завёл слободу с пашенными крестьянами в верховьях р. Томи. Конный казак Иван Попугаев указал, что его дед, томский казак, был в составе посольства в Китае. Фёдор Тихонов заявил, что его отец Тихон Дементьев вместе с воеводой О. Аничковым ставил Кузнецкий острог и служил в нём «лет с пятьдесят». Конный казак Михаил Вершина сообщил, что его отчим томский казак Кузьма Салобаев «проведывал» серебряную руду и слюду на Алтае [9].

В «разборном списке» нашли отражение трудности несения военной службы на южносибирском фронтире, связанные с противодействием русским «калмыцких и киргизских людей», борьбой с воинственными кочевниками, которая неизбежно влекла за собой человеческие жертвы. Конный казак Иван Шестаков сообщил, что его отец Прохор был убит «чёрными калмыками» (джунгарами) при сборе ясака в 1630-е гг. В результате вероломного нападения телеутов на «колмацком торгу» 7 октября 1639 г. погибло немало кузнецких жителей, среди них был Нифантий Максимов, который доводился дедом конного казака Василия Максимова. В 1645 г. были убиты «телескими людьми» находящиеся на «государевой службе» отец пятидесятника Фёдора Кузьмина Кузьма Володимиров и конный казак К. Салобаев. Отец конного казака Никиты Петлина Иван Петлин был убит в Томске «при выласке» киргизами в 1650-е гг., а дед конного казака Ивана Ишкулина был убит «на бою» белыми калмыками в 1680 г. Летом 1673 г. в результате набега «белых колмаков» на пригородные деревни Кузнецкого уезда был сожжён в избе конный казак Тихонов с семьёй из девяти человек и погиб отец конного казака Левонтия Иевлева [10].

Таким образом, результаты «разбора» служилых людей Кузнецка показывают, что к началу 1680-х гг. его гарнизону были свойственны традиционные черты, присущие военной организации Сибири и России в целом. Его основу составили потомки служилых людей, вышедшие преимущественно из казачьей среды. Этнический и социальный состав ратных людей отличался неоднородностью и пестротой происхождения. В высшем командном составе преобладали перешедшие на службу России и имеющие военный опыт выходцы из Речи Посполитой, в среднем и низшем начальном звене и среди конных казаков подавляющее большинство составляли русские служилые люди различного происхождения. Наличие в казачьей среде различных социально-этнических групп и источников формирования гарнизона, сохранение традиций казачьего самоуправления, нелёгкие условия службы были характерными чертами многих гарнизонов городов - крепостей сибирского порубежья.

Библиографический список:

1. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 716. Л. 982.
2. РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 982 – 1088.
3. Там же. Л. 990 об.
4. Там же. Л. 1003 об. – 1004 об.
5. Там же. Л. 1006 об. – 1007.

6. Резун Д.Я. Новое об ермаковских казаках. // Актуальные вопросы в истории Сибири. Вторые научные чтения, посвящённые памяти проф. Бородавкина. – Барнаул, 2000. – С. 7-9.
7. РГАДА. Ф. 214. Кн.716. Л. 1007-1088.
8. Там же. Л. 1003 – 1004 об, 1071-1072об., 1048 об.
9. Там же. Л. 999 об. – 1003, 1026, 1036, 1037.
10. Там же. Л. 1055 об., 1008, 1005, 1036.

УДК 947

В.И. Козодой

*Сибирская академия управления и массовых коммуникаций (институт)
г. Новосибирск*

sibforum@yandex.ru

ГУЧКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – ОТ РЯДОВОГО ДО ВОЕННОГО МИНИСТРА

В докладе раскрываются основные вехи жизненного пути А.И. Гучкова, предопределившие его назначение на пост военного министра Временного правительства.

Ключевые слова: Гучков Александр Иванович, военный министр.

В марте 1917 года при формировании Временного правительства России на пост военного министра был назначен Александр Иванович Гучков. Можно сказать, что в то время и в той ситуации у него не было конкурентов. Назначение его на этот пост подразумевалось как само собой разумеющееся. Его назначение не вызвало противоречий ни со стороны «прогрессивной общественности», ни со стороны военных.

Что же предопределило выбор на этот высокий пост во время войны, казалось бы, сугубо штатского человека. Во многом это произошло благодаря всей предыдущей деятельности Александра Ивановича.

Ещё во время Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг., будучи гимназистом, Александр Иванович часто посещал госпиталь для раненых солдат, где попечителем был его отец. Раненые прибывали в Москву на санитарном поезде, их встречали представители общества Красного Креста и множество москвичей. Именно здесь начались его первые жизненные «университеты».

Неслучайно, в это время 15-летний гимназист Александр решил бежать на войну и «освободить» братьев болгар от турок [1]. Только твердая воля родителя не позволила осуществить сей дерзкий план беспокойного юноши. Но Александр не успокоился. После окончания войны, возмущенный поведением английского премьер-министра Бенджамина Дизраэли, его антирусской позицией, он вырабатывает новый дерзкий план. Александр решает ехать в Англию и убить премьер-министра. И вновь Александр подвергается строгому родительскому внушению.

После окончания курса университета Александр Иванович три года слушал лекции в зарубежных университетах. Здесь произошла его первая дуэль с немецким офицером, который в его присутствии плохо отозвался о России [2]. С тех пор он и стал активным дуэлянтом. Его дуэли впоследствии гремели на всю Россию. Постоянно балансировать на грани жизни и смерти, принимая участие в дуэлях, стало одной из характерных черт Александра Ивановича.

В связи с воинской повинностью 30 июня 1885 года Александр Гучков отбыл вольноопределяющимся 1-го Лейб-гренадерского Екатеринбургского полка рядовым [3]. Вскоре, сдав экзамен при полковой учебной команде, он 26 октября 1885 года был произведен в младшие унтер-офицеры, 5 ноября уволен в запас [4], а в 1886 году произведен в прапорщики [5], в 1888 году находился на учебных сборах в 67-м резервном пехотном батальоне [6]. Здесь и продолжились жизненные «университеты» Александра Гучкова. Отбыв военную повинность, он свою любовь и привязанность к армии пронес через долгие годы.

Через несколько лет военная карьера Александра Ивановича продолжилась. С 27 сентября 1897 года он увольняется из управы Москвы, да и вообще вновь покидает Москву, поступает на службу в Оренбургскую казачью сотню на должность помощника сотского начальника охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [7].

Служба там была довольно сложной и опасной, постоянно происходили стычки и вооруженные конфликты с отрядами недовольных местных жителей, грабежи, разбои. Так, в отчете правления общества КВЖД указывалось, что общие расходы компании за неполные 7 лет составили более 400 млн. рублей, из

них только 253,5 млн. рублей на сооружение дороги, а более 70 млн. рублей на покрытие убытков, вызванных «китайскими беспорядками». В 1900 году из 1300 верст уложенного железнодорожного пути, 900 оказалось разрушено [8].

Здесь же на КВЖД ему пригодился полученный еще студентом опыт дуэлянта. Между офицерами охраны и инженерами-строителями часто происходили разнообразные ссоры. И вот во время одной из таких ссор Гучков направляет вызов на дуэль инженеру-строителю, поляку, ненавидящему Россию и нелестно высказавшемуся вслух о ней. Ругать Россию при Гучкове было крайне неосторожно, он такое не прощал [9]. Разумеется, инженер вызов отклонил и драться отказался (он же не сумасшедший стреляться из-за ерунды с офицером!). В ответ на это Александр Иванович производит «оскорбление действием» [10], а попросту бьет несостоявшегося соперника. После чего подает рапорт на увольнение.

Вернувшись осенью 1899 года домой в Москву, Александр Иванович вскоре узнает, что в далёкой Южной Африке началась англо-бурская война. Он вновь отправляется в далекое и опасное путешествие, и через португальский Мозамбик добирается до Южной Африки. При этом на собственные средства приобретает снаряжение и вооружение и по прибытии вступает в первый попавшийся партизанский отряд [11].

Надо отметить, что данная война во многом отличалась от предыдущих войн. Англичане применяли тактику «выжженной земли» в отношении буров, активно применяли концентрационные лагеря, в которых погибло около 30 тысяч бурских женщин и детей. Широко применялись пулеметы и бронепоезда, в качестве полевых укреплений начали использоваться окопы, впервые была применена колючая проволока и форма цвета хаки. Война была жестокая и с большими потерями.

В мае 1900 года Александр Гучков был тяжело ранен в ногу. Оказался в германском госпитале «Красного Креста», который вскоре захватили англичане, так Александр Иванович оказался в плену. Ситуация складывалась критически, узнав об этом, его старший брат Николай срочно собрался и выехал из Москвы в Лондон выручать его [12]. Судя по всему, старшему брату удалось найти «веские аргументы», чтобы помочь Александру. Какое-то время он продолжал лечение уже в английском госпитале, и как только поправился, мог самостоятельно передвигаться и перенести морской путь, был отпущен из плена «под честное слово» [13].

Личную же храбрость Александра Гучкова отмечали многие современники, даже те, кто не относился к нему с очень большой любовью. Так, например, С.Ю. Витте как-то отметил, что «Гучков любитель сильных ощущений и человек храбрый» [14].

Еще один факт: в 1900 году во время «боксерского» восстания Гучков в составе отряда генерала Линевича принимает участие в походе на Пекин [15].

В далёкой Македонии в августе 1903 года начинается Илинденское восстание против турок. И Александр Гучков тут же решает, что такое важнейшее дело освобождения славян от турок без него, конечно, никак обойтись не может [16]. Однако, прибыв на место, в Македонию, Александр Иванович вскоре убедился, что дело восставших безнадежно и успеха не будет, поражение неизбежно.

В 1904 году началась Русско-Японская война и уже в марте, в качестве представителя городской думы и одновременно представителя общества Красного Креста [17] Александр Иванович выезжает в район ведения военных действий. В декабре 1904 года назначается особоуполномоченным по эвакуации [18]. Активно борется с беспорядочностью и разгильдяйством. В отчете о деятельности Красного Креста на Дальнем Востоке сообщалось о недостаточности перевозочных средств и санитарных поездов, о беспорядочных распоряжениях по размещению и передвижению раненых [19].

Между тем ситуация на поле военных действий становилась всё хуже и хуже. В тылу много неразберихи, разгильдяйства и воровства. Александр Иванович отправляет телеграмму брату Николаю: «Сижу без обуви, ибо часть вещей, сапоги украли ночью [из] квартиры» [20]. Был сдан Порт-Артур. В начале 1905 года театр военных действий переместился в район постоянной дислокации русских войск, где находился и Александр Иванович, в район Мукдена. Началась паника. Войска спешно отводились. Раненые бросались на произвол судьбы. Часть персонала госпиталя также сбежала.

В этой крайне сложной ситуации Александр Гучков принимает для себя очень непростое решение, руководствуясь исключительно чувством патриотизма и долга: 24 февраля он отправляет с почтой «прощальное» письмо своей жене и остается в Мукдене в «добровольный плен», чтобы обеспечить в госпитале передачу раненых под охрану японской армии в соответствии с международным правом [21]. Так он оказался в плену. Японское командование, выяснив, что Александр Иванович, будучи в Мукдене, проявлял внимание и к японским раненым, пошло ему навстречу. В конце марта Гучков был отпущен, и, вернувшись через японские аванпосты [22], он добрался к своим.

Прошло несколько лет, в течение которых Александр Иванович активно занимался политической деятельностью. С ноября 1907 года началась работа третьей Государственной Думы, и Александр Гучков с головой окунулся в неё. Вскоре начинаются противоречия с верховной властью. «Размолвка», по словам Александра Гучкова, с верховной властью началась практически сразу с началом работы Думы. Прежде всего во фракции октябристов было решено создать комиссию по государственной обороне. Эта идея не понравилась Николаю II, так как он считал, что дела армии, это его личная прерогатива. «Надо бы переименовать» – высказался Николай II [23]. Тем не менее, комиссия сохранилась, а сам Александр Гучков стал её председателем. На этом посту Гучков первым делом начал устанавливать рабочие отношения с военными. С самого начала были установлены дружеские отношения с Военным министерством, во главе которого был А.Ф. Редигер [24].

В ходе работы комиссии выяснилось, что есть очень серьезные препятствия на пути возрождения военной мощи – это участие великих князей в военном управлении. «...Ярко сказалось хозяйничанье великих князей в морском ведомстве, но также и в военном ведомстве в смысле глубокого застоя, невозможности провести новую мысль и новых людей...» [25].

По мнению Гучкова, великие князья не только мешали, но и снимали с военного министра ответственность, и не было известно, кто начальник [26]. Пройдя совсем недавно войну, видя многие бедствия и несчастья в армии, понимая их причины, он просто не мог равнодушно взирать на творимые беспорядки. Он принимает для себя серьезное и ответственное решение – выступить публично в Государственной Думе против сложившегося положения дел.

Его выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Это был скандал. Государь был недоволен таким выступлением, особенно его формой. «...Если Гучков имеет что-либо против участия великих князей в военном управлении, он мог это мне сказать, а не выносить все на публику, да приводить синодик ...» [27].

В данном случае, противников Гучкова возмущало то, что он сыграл «не по правилам», вместо попытки кулуарно решить вопрос, он без предупреждения кого-либо «вынес сор из избы», и перенёс все в публичную плоскость, с расчетом на действие общественного мнения. Впервые так открыто и остро высказался по данной теме.

Активная позиция Александра Гучкова в вопросах обороны страны сблизила его с очень многими военными из высшего руководства. Стали складываться со многими из них «неформальные отношения», своего рода «кружок» Гучкова. Вначале это были «чаепития» у военного министра Редигера, где в свободной форме участники кружка обменивались информацией и мнениями. Возобновились постоянные контакты с В.Гурко (с которым познакомился ещё во времена англо-бурской войны), с адмиралами генерального штаба. Началась негласная совместная работа. Встречи проходили то у Гучкова, то у Гурко, то ещё у кого-нибудь, начал складываться своего рода «домашний генеральный штаб», в центре которого оказался Александр Гучков. Так, постепенно, шаг за шагом он налаживал деловые связи с молодыми, амбициозными военными. Эти то связи и сыграют свою решающую роль в дальнейших планах Александра Гучкова [28].

Вскоре он проводит очередную комбинацию, как и в вопросе о великих князьях, он выносит в публичную сферу вопрос о подготовке и профессиональной пригодности высшего командного состава.

Вновь разразился скандал. Негодование в верхах было необычайным. «Опять вмешательство в военные дела: великие князья, забота об армии, а теперь высший командный состав» [29].

Несмотря на все эти политические баталии, Александр Иванович продолжает активную деятельность по Государственной обороне Государственной Думы. Во время обсуждения 7 мая 1912 года он обрушивает весь свой праведный гнев на артиллерийское ведомство: «Мой главный упрек, который я делаю ведомству, – сказал А.И. Гучков – упрек, перед которым нет прощения и извинения – это то, что оно в течение 5-6 лет не сумело снабдить нас гранатами...» [30].

В 1912 году у Гучкова состоялась очередная дуэль. На этот раз его соперником был подполковник С.Н.Мясоедов. Мясоедов жандармский офицер, в свое время уволенный со службы за неблаговидные дела, был возвращен на службу новым военным министром Сухомилиным, старым противником Гучкова. Гучков получает информацию против Мясоедова и решает ею воспользоваться, считая, что через публичный скандал можно будет в конечном итоге «добраться» и до самого министра.

Далее он обвиняет Сухомилина во введении в армии политического сыска, и для этого и нужен Сухомилину Мясоедов. «...Русское офицерство с его заслугами, вы подчиняете человеку, который был признан неподходящим даже для службы в корпусе жандармов. Какую же власть вы даете этому человеку над офицерами?...» Далее его оценки Сухомилину, уже звучат как приговор. «...Если вы... думаете, что этим путем пресекаются революционные течения в офицерстве, – получается наоборот, потому что, когда

офицер почувствует, в чьих руках находится его судьба, то вы поймете, какие создаются настроения...» [31].

Вскоре состоялась дуэль, несмотря на все противодействие со стороны полиции. Условия дуэли были очень жесткие, стрелялись на расстоянии 25 шагов. Гучков предоставил первенство выстрела Мясоедову. Мясоедов выстрелил и промахнулся, а Гучков, не подходя к барьеру и практически не целясь, выстрелил в воздух [32].

В 1914 году начинается Отечественная война, у Гучкова не было сомнений, где он должен быть, и уже 30 июля он командирится особоуполномоченным общества Красного Креста в район Северо-Западной армии [33]. Он активно посещает действующую армию на фронте, свою боль от увиденного передает в письмах. Письмо от 28.08.1914 года Кривошеину: «Надежда на успех не потеряна. Но положение очень серьезное и потребуются много усердия и усилий, больше, чем нужно было бы при других условиях. Основные наши недочеты – бездарность многих вождей, техническая отсталость (главным образом в артиллерийском отношении) и, наконец, отсутствие стройной и правильной организации.

В июле 1915 года состоялся I съезд Военно-промышленных комитетов, образовавших Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), целью которого было оказание помощи в снабжении армии. Во главе ЦВПК вскоре был избран А.И. Гучков, что, безусловно, свидетельствовало о росте его авторитета. 4 августа 1915 года прошло заседание ЦВПК, где «А.И. Гучков, указав на трудности работы, когда неизвестно, что нужно производить для нужд армии, выразил надежду, что с течением времени все трудности продолжают, пока же нужно работать, не покладая рук, несмотря ни на что» [34].

Таким образом, когда в 1917 году встал вопрос о назначении военного министра, наиболее подходящей в то тревожное, революционное время оказалась именно фигура Александра Ивановича Гучкова.

Библиографический список:

1. Александр Гучков // Журнал «Медведь». – 2000. – № 44 / Peoples.ru
2. Последние новости. – 1936. – 15 февраля. – № 5441.
3. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 179. Оп. 1. Д. 197. Л. 9 об.
4. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 197. Л. 9 об.
5. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 197. Л. 2 об., 11.
6. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 197. Л. 11.
7. ЦГАМ. Ф. 179. Оп. 50. Д. 2188. Л. 1-3.
8. Власть. 2000, 7 ноября, № 44.
9. Возрождение. Париж. – 1936. – 20 февраля. – № 3914.
10. Александр Гучков. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780-1936 гг. – СПб.-М., 2005. – С. 162.
11. Последние новости. Париж. – 1936. – 15 февраля. – № 5441.
12. Последние новости. Париж. – 1936. – 15 февраля. № 5441.
13. Александр Гучков. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780-1936 гг. – С. 165.
14. Политическая история России в партиях и лицах. – М., 1993. – С. 282.
15. Последние новости. Париж. – 1936. – 15 февраля. – № 5441.
16. Александр Гучков. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780-1936 гг. – С. 166.
17. Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. – М., 1996. – С. 14.
18. Оксенюк Е.В. Деятельность Российского Общества Красного Креста в начале XX века (1903-1914 гг.). – М. 2014. – С. 95.
19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16273. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 388. Л. 33.
21. Александр Гучков. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. 1780-1936 гг. – С. 168.
22. Нива. – 1905. – № 27. – С. 537.
23. Вопросы истории. – 1991. – № 9-10. – С. 194.
24. Последние новости. Париж. – 1936. – 19 августа. – № 5626.
25. Вопросы истории. – 1991. – № 9-10. – С. 195.
26. Последние новости. – 1936. – 19 августа. – № 5626.
27. Падение царского режима. 1926. Т.6. – С. 251.
28. Последние новости. – 1936. – 19 августа. – № 5626.
29. Вопросы истории. – 1991. – № 9-10. – С. 198.

30. Нива. – 1912. – № 21. – С. 423.
31. Вопросы истории. – 1991. – № 11. – С. 188.
32. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.; Вечернее время. 1912. 23 апреля. №126.
33. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
34. Известия ЦВПК. – 1915. – 24 августа. – № 1.

УДК 940/2 94.55+950

С.В. Косыгина

*Новосибирский государственный педагогический университет
(г. Новосибирск)*

БЕЖЕНСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН (1914-1920 гг.)

Доклад посвящен проблеме беженства в Западной Сибири в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914-1920 гг.) и необходимости изучения исторических источников и литературы, отражающих историю беженства в Западной Сибири в этот период истории.

Ключевые слова: Первая мировая война, Гражданская война, беженство, массовые перемещения населения, Западная Сибирь, историография, актуальность проблемы беженства.

Изучение проблемы российского беженства в годы Первой мировой и Гражданской войн – причем именно беженства, а не беженцев – долгие годы оставалось проектом. Не будет преувеличением сказать, что его реализация началась совсем недавно, когда Первая мировая война вышла, наконец, из тени событий 1917 г. и превратилась в самостоятельную область исследования. На интернациональном уровне сразу было признано, что забытая на долгие годы Великая европейская война своей «великостью» обязана не только беспрецедентной географии военных действий, но и масштабным перемещениям гражданского населения. Наиболее значительными их суммарные показатели оказались в Российской империи, где к июлю 1917 г. насчитывалось порядка 7,4 млн. беженцев [3, с. 72, 75]. В условиях, когда 5 % населения страны оставило «насиженные места», проблема беженцев переросла в проблему беженства, не только коснувшись собственно мигрантов, но и став проверкой на прочность самых разных государственных и общественных институтов.

В результате Первой мировой и Гражданской войн Западная Сибирь в 1914-1920 гг., как и вся Россия в целом, столкнулась с неизвестной ранее проблемой: с запада на восток страны хлынула стихийная и неурегулированная массовая волна беженцев.

Население сотнями тысяч вынуждено было покидать места своего проживания. Беженство стало кардинально новым явлением, кроме этого оно несло с собой массу социальных проблем и разного рода конфликтов.

Актуальной проблема массовых перемещений мирного населения стала именно с начала Первой мировой войны. До этого времени массовые передвижения затрагивали только непосредственных участников боевых действий во время военных походов, сражений и операций. Гражданское население, хотя и испытывало трудности военного времени, не было вынуждено в массовом порядке, по принуждению покидать места своего проживания. До войны не существовало и такого понятия, как «беженец».

После Первой мировой войны во всей дальнейшей истории Россия сталкивалась с вынужденными переселениями граждан неоднократно.

Начавшаяся практически сразу Гражданская война вызвала новую волну переселенцев «не по своей воле». Наряду с регулированием проблем беженства был запущен механизм принудительных, насильственных и репрессивных перемещений населения. С этого времени принудительные миграции стали составной частью политики советского государства.

Начиная с 1914-1915 гг. в России закладывалась основа многих видов массовых вынужденных миграций. Характерной чертой всех вынужденных миграций 1914-1920-х гг. является активное участие государства. Вынужденные миграции, обусловленные неблагоприятными условиями, постепенно приобретали оттенок государственного принуждения, что являлось отражением общей политики молодого советского государства. Процесс формирования миграций по принуждению государства, механизмов их осуществления и соответствующей законодательной базы продолжался до конца 1920-х гг., когда была провозглашена и вступила в действие политика ликвидации кулачества. К этому времени в разных

регионах страны уже были опробованы такие способы переселения граждан, как депортация, военный и гражданский плен, эвакуация, реэвакуация и репатриация населения, административная и политическая ссылка, высылка, массовая мобилизация населения по трудовым призывам, выселение неугодного и опасного контингента (конфессий, национальностей, народностей и т. п.).

Западная Сибирь как тыловой район России в годы Первой мировой войны оказалась активно вовлеченной в социально-экономические и политические события 1914 – 1920 гг., переживаемые всей страной. В этот период была апробирована модель взаимоотношений центра и западносибирского региона в экстремальных условиях [7].

После революции, начиная с 1918 г., в Западную Сибирь двинулся поток переселенцев, стремящихся лучше обустроиться на новых землях и укрыться от «революционных бурь», это был многотысячный поток людских масс. Только в 1918 г. прибыло 183,7 тыс. зарегистрированных переселенцев. Параллельно, без всякого учета, шла волна «самовольцев». По данным Сибревкома, к 1920 г. в крае скопилось 500 тыс. так называемых «неприписных», т. е. неустроенных, не приписанных к земельным обществам (сюда входила значительная часть переселенцев дореволюционных лет). В целях устройства неприписного населения Сибревком 18 августа 1920 г. принял постановление о закрытии переселения в край до урегулирования земельных отношений. Решение Сибревкома о закрытии переселения в Западную Сибирь было подтверждено циркуляром Наркомзема от 23 марта 1921 г. Однако, провести в жизнь эти решения не удалось из-за массового движения беженцев от голода из районов Среднего Поволжья. ВЦИК 5 июля 1921 г. принял постановление о разрешении свободного переселения из районов, пораженных голодом. По неполным данным земельных органов, в 1920 г. в Сибирь прибыло 84,1 тыс. переселенцев, в 1921 г. – 175,2 тыс. (в том числе 112 тыс. «голод-беженцев»). Общее число переселенцев было значительно большим. По данным органов труда, в 1921 г. прибыло 313,7 тыс. беженцев, из них 184,3 тыс. зарегистрированы как рабочие и 129,4 тыс. – как переселенцы. Подавляющее большинство переселенцев оседало в старожильческих землях, главным образом в западной части края. Переселение в Западную Сибирь спасло от голодной смерти сотни тысяч людей. После завершения волны «голод-беженцев» в мае 1922 г. Сибирь была вновь закрыта для переселения, и усилия земельных и переселенческих органов сосредоточились на устройстве «неприписных», изыскании и подготовке колонизационных земельных фондов. Однако, стихийное движение крестьян на восток продолжалось, так как относительное перенаселение деревни, сократившееся во время аграрной революции в связи с перераспределением земель, под влиянием кризиса сельского хозяйства в начале 20-х гг. вновь обострилось [14].

В межвоенное время население России перемещалось в ничуть не меньших масштабах, чем во время Первой мировой и Гражданской войн. Следует заметить, что беженство, хотя и вызывается разными причинами, все же является разновидностью так называемых добровольно-вынужденных миграций. При этом уже с самого начала Первой мировой войны в России стали закладываться основы целой системы принудительных перемещений населения. Расцвет политики ее воплощения в мирное время приходится на 1930-е гг. Перемещения миллионов граждан страны инициировались решением узкого круга ответственных лиц, решавших судьбы людей «одним росчерком пера».

Можно утверждать, что к началу 1930-х гг. основные механизмы переселений граждан были запущены и отработаны, а сами вынужденные миграции получили дальнейшее развитие в сторону увеличения переселяемых контингентов и заселения ими новых территорий страны. Это отразилось и в терминологии: вместо терминов «миграция населения», «переселение» более употребительным стало понятие «перераспределение населения и трудовых ресурсов» [6, с. 251].

Принудительные миграции сопровождали всю политику советского государства в большей или меньшей степени. Они затронули все слои населения СССР. Расказачивание, раскулачивание, преследования представителей бывшего дворянского сословия, духовенства, интеллигенции и представителей «запрещенных» партий, организаций и течений, – все эти репрессивные кампании сопровождалось принудительным выселением или переселением. В массовом порядке население перемещалось и в результате «мирной» политики: разного рода строительства, освоения территорий и трудовых мобилизаций.

Надо сказать, что многие стороны Первой мировой и Гражданской войн до сих пор являются слабо изученными. К этому относится и вопрос массового движения беженцев в России несмотря на то, что проблема беженства получила освещение с началом войны в печати практически сразу. Первые публикации исследовательского плана на эту тему относятся уже к 1915-1916 гг. [1, 2, 4, 9, 10, 17 и др.].

Современная отечественная историография по истории беженцев Первой мировой и Гражданской войн представлена как региональными, так и общероссийскими работами, хотя большую часть составляют

все-таки работы регионального характера. В последних исследователи, опираясь на материалы прежде всего региональных архивов, довольно подробно рассматривают историю появления беженцев в том или ином регионе, их положение и процесс реэвакуации. На сегодняшний день имеются работы по истории беженцев в Курской губернии, в Смоленском крае, в Екатеринодаре и др. [12, 13, 19, 20, 21 и др.].

В исследованиях по истории Сибири также часто стала подниматься проблематика беженства [5, 7, 8, 11, 15, 16, 18, 22].

Накопление знаний по истории беженства в годы Первой мировой и Гражданской войн продолжается, но комплексного и достоверного освещения данная тематика в достаточной степени еще не получила. Для этого, как нам представляется, еще не сформирована полноценная исследовательская база: необходимо продолжение изучения беженства на региональном уровне, в том числе в Западной Сибири, с включением в активный оборот местных архивных материалов, а также исследование отдельных вопросов этой довольно обширной темы.

В наше время проблема вынужденных миграций является не менее острой, чем в прошлом веке. С вынужденными миграциями различного характера столкнулось множество стран. Что касается России, то она вновь испытала на себе самые острые проявления этой проблемы. После распада СССР русские граждане в огромных количествах стали возвращаться из бывших республик Советского Союза в Россию, большинство этих перемещений было вызвано отнюдь не добровольным решением.

Конец XX в. и начало XXI в. отмечены резким ростом количества населения, вовлеченного в миграционные процессы по всему миру. При этом на принятие решения о переселении стало влиять все больше факторов как объективных, так и субъективных. Если репрессивная политика и репрессивные, принудительные миграции отошли на второй план, то большой размах приобрели вынужденные миграции, связанные с неблагоприятными политическими, социальными, экологическими и др. условиями. Остается актуальной и проблема беженства, связанная с локальными военными и религиозными конфликтами, экологическими и стихийными бедствиями.

Для современной России актуальность проблемы беженства заключается в необходимости выработки системы приема большого числа граждан из числа беженцев, оказания им необходимой помощи. Это подтверждают сегодняшние события в Украине. Кроме того, решение данных проблем необходимо для обеспечения безопасности государства, как внутренней, так и внешней.

Для выработки более эффективной политики по решению проблем беженства необходимо обращение к предыдущему опыту в этой сфере, полученному Россией на начальном этапе появления беженцев, то есть со времен Первой мировой и Гражданской войн (1914-1922 гг.).

Библиографический список:

1. Беженцы и выселенцы. – М., 1915.
2. Беженская правда. – М., 1917.
3. Волков, Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е.З. Волков. – М. – Л., 1930.
4. Войтоловский, Л.Н. Выходил кровавый Марс: По следам войны – М., 1998. – 430 с. // Войтоловский Л.Н. По следам войны. Походные записки. – М., 1931.
5. Горелов, Ю.П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век. – Кемерово, 2002. – Вып. 4. – С. 66-73.
6. Демографический энциклопедический словарь /под ред. Д.И. Валентей и др. – М., 1985.
7. Еремин, И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны: июль 1914-март 1918 гг.: дис... докт. ист. наук. М., 2006. – 618 с.
8. Еремин, И.А. / И.А Еремин, Т.А. Кижаяева. Алтай в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) //История Алтайского края. XVIII - XX вв.: науч. и документ. материалы. – Барнаул, 2004. – С. 225-237.
9. Жизнь беженцев. – М.: Пг., 1916.
10. Известия Комитета ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. – М.: Пг., 1916.
11. Кузьменко, А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 - феврале 1917 гг. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний): дис... канд. ист. наук. – Красноярск, 2010.
12. Лахарева, Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918-1919 гг. (на примере Курской губернии) //Армия в истории России: Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). – Курск, 1997. – С. 77-80.
13. Лахарева, Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918-1925 гг. (на примере Курской губернии): автореф. дис...канд. ист. наук. – Курск, 1999.

14. Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 1997.
15. Нам, И.В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны //Ист. опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: IV науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. трудов. – Барнаул, 2003. – Кн. 2. – С. 276 – 279.
16. Нам, И.В. Беженцы //Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. – Томск, 2004.
17. Шведер, Е. Беженцы: рассказы из великой войны. – М.: К. Зихман, 1915.
18. Шиловский, М.В. Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 - февраль 1917 г.). – Барнаул, 2005. – С. 284 – 296.
19. Щеров, И.П. Западный пленбеж (1918 -1920 гг.) // Вопросы истории. – 1998. – № 9. – С. 130 – 133.
20. Щеров, И.П. Организация и деятельность Коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914-1921 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1998.
21. Щеров, И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918-1922 гг. – Смоленск, 2000.
22. Щетинина, А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914-1923 гг.: источники и методы изучения: дис... канд. ист. наук. – Барнаул, 2007. – 204 с.

УДК 623

А.В. Купцов

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

mak_95@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ АРТИЛЛЕРИЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ УКРАИНЫ ЗАЖИГАТЕЛЬНЫХ БОЕПРИПАСОВ

Автором рассмотрены особенности устройства и правила применения артиллерийских зажигательных боеприпасов в контексте норм международного гуманитарного права.

Ключевые слова: зажигательный боеприпас, фосфор, артиллерия.

В ходе внутреннего вооруженного конфликта на территории Украины средствами массовой информации неоднократно отмечались случаи применения так называемых «фосфорных» боеприпасов [1, 2, 3, 4], причем по населенным пунктам.

Такие боеприпасы относятся к зажигательным, а сам белый (желтый) фосфор имеет настолько низкую температуру вспышки, что способен самовоспламеняться на воздухе. Он горит ярким пламенем с температурой горения более 900 С° и обильно выделяет ядовитый белый дым, быстро забивающий фильтр противогаза. Горение продолжается до тех пор, пока весь фосфор не выгорит или пока не прекратится доступ кислорода. Поражение фосфором может вызвать особо тяжкие и болезненные увечья или же спровоцировать медленную и мучительную смерть. Для лечения таких ранений требуется специально обученный медицинский персонал, который при работе тоже может получить фосфорные раны.

Согласно Наставлению по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденному Мини-стром обороны Российской Федерации 8 августа 2001 г., к запрещенным средствам ведения боевых действий относится зажигательное оружие, при любых обстоятельствах применяемое против гражданского населения и гражданских объектов, а также для уничтожения лесов и иного вида растительного покрова, за исключением случаев, когда такие природные элементы используются противником в военных целях [5].

Требования данного Наставления основаны на Протоколе о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия (Протокол III) к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, принятой в Женеве 10 октября 1980 года [6].

Зажигательные артиллерийские боеприпасы ствольной артиллерии предназначены для создания отдельных очагов пожара и уничтожения деревянных и других легко воспламеняющихся сооружений и объектов на наблюдаемых участках местности. Стрельбу зажигательными боеприпасами, как правило,

сопровождает стрельбой осколочными и фугасными снарядами с целью воспрепятствовать противнику в борьбе с возникшими пожарами.

Реактивные зажигательные снаряды предназначены для создания массовых пожаров, как ландшафтных, так и в районах застройки, на складах и т.д.

Зажигательные снаряды реактивной артиллерии применяют при наличии сухой растительности в расположении противника для создания массового пожара с задачей:

- поражения живой силы, огневых средств и боевой техники;
- воспрепятствования маневра войск противника путем создания массового пожара [7].

По химическому признаку зажигательные вещества, применяемые для снаряжения артиллерийских боеприпасов могут быть объединены в две группы: вещества, содержащие окислители, и вещества, не содержащие окислители. В первую группу входят термитно-зажигательные составы (например, термит – смесь окиси железа с алюминиевым порошком Fe_2O_3+Al) или составы, в которых в качестве окислителя применяют какую-нибудь соль. Во вторую группу входят электрон, органические вещества (нефть, керосин, смолы) и самовоспламеняющиеся вещества (фосфор, фосфиды, сульфиды) [8].

Поскольку потушить фосфор достаточно просто – надо накрыть его чем-то плотным, либо засыпать землей, и в то же время он чрезвычайно опасен как при снаряжении, так и при хранении и транспортировании, то самовоспламеняющиеся вещества не нашли широкого применения для снаряжения зажигательных боеприпасов. В настоящее время в качестве зажигательных боеприпасов в авиации применяется термит и напалм, а для снаряжения артиллерийских боеприпасов – термит или электрон.

Термит по внешнему виду – порошок серого цвета с серебристым оттенком, для снаряжения боеприпасов его прессуют в виде брикетов той или иной формы. Прессованный термит не чувствителен к удару и воспламеняется с трудом. Термитно-зажигательные составы способны гореть без доступа воздуха, при горении развивают очень высокую температуру, достигающую $2500-3000\text{ }^{\circ}\text{C}$, то есть даже способны проплавливать металлические части боевой техники.

Электрон – легкий металлический сплав, состоящий из магния и алюминия с небольшой примесью цинка, марганца, железа и др., который горит только при доступе воздуха с ослепительно ярким пламенем, температура горения около $2500\text{ }^{\circ}\text{C}$.

Комбинация электрона с термитом представляет собой высоко эффективное зажигательное средство, электрон как правило применяют в виде оболочки термитных зажигательных элементов.

Наибольшее распространение в качестве зажигательных получили снаряды (мины) дистанционного действия, снаряженные элементами с термитно-зажигательным составом. В таких снарядах автоматически по истечении заданного времени, отсчитываемого от момента выстрела, на определенной высоте над целью под действием вышибного заряда происходит выброс зажигательных элементов из корпуса снаряда, создающих пожар на большой площади.

Например, 120-мм зажигательные мины 3-3-2 содержат в корпусе четыре больших и два малых зажигательных элемента [9]. Мина 3-3-2 создает шесть очагов пожара, ее компоненты горят не менее минуты. Применение именно таких мин на юго-востоке Украины можно определить по характеру траектории, по наличию шести термитных элементов, которые вышибным зарядом на высоте примерно 200 метров выбиваются из этой мины, и по остаткам корпусов мин, которые остались на территории обстреливаемых населенных пунктов, а так же по следам возгорания.

Неуправляемые реактивные снаряды 9М22С и 9М28С реактивной системы залпового огня БМ-21 «Град», которая также широко применяется на юго-востоке Украины, содержат по 180 зажигательных элементов, которые разрабатываются на площади порядка 6400 м^2 ($80\times 80\text{ м}$), создавая очаги пожара [10]. Благодаря большому количеству горящих элементов (180), значительной площади их разброса, равномерному распределению их по площади, достаточно большому времени горения элементов (порядка 3 мин.) такие снаряды обладают надежным зажигательным действием, а при стрельбе по живой силе – значительным поражающим действием.

Следует учитывать, что применять артиллерийские зажигательные боеприпасы целесообразно лишь при благоприятных условиях. Очаги горения возникают только при наличии сухого почвенного покрова (растительности). В лесу – это мхи, лишайники, вереск и другие кустарнички. В степях и посевах сельскохозяйственных структур – это травы, зерновые, кукуруза и т.п., когда они приобрели желтый цвет. После обильного (около 20 мм осадков) дождя напочвенный покров способен гореть в лесах через 4-6 дней, а в степях и посевах сельскохозяйственных культур через 1-2 дня. Признаком пожарной опасности является появление пыли на дорогах при движении транспорта. Возможность применения зажигательных боеприпасов проверяется также путем пробного поджигания (спичкой) напочвенного покрова.

При применении зажигательных боеприпасов одновременно создаются многочисленные очаги горения. В первые 1-2 минуты они не представляют опасности для живой силы. При небольшой площади обстрела (10-20 га) подразделения противника могут погасить очаги горения своими силами или же выйти из зоны пожара, не получив поражения. Через 3-6 минут интенсивность пожара становится максимальной, образуется сплошная зона горения, высота пламени достигает 3-7 м. При создании пожара на большой площади (4-15 кв. км) борьба с пожаром становится бесполезной, а выходящие подразделения могут понести значительные (до 60%) потери в живой силе и технике.

Массовым пожаром называется пожар, создаваемый зажигательными боеприпасами практически одновременно на такой площади и с таким расходом снарядов, который в конкретных лесорастительных и метеорологических условиях при данной плотности живой силы противника и техническом оснащении его подразделений средствами пожаротушения исключает успешную борьбу с пожаром и создает условия, при которых объект поражения несет потери, временно лишается боеспособности, ограничивается или воспрещается его маневр, нарушается управление и обеспечение [8].

Потери, наносимые подразделениям, зависят от продолжительности их выхода (нахождения) из зоны массового пожара. Поэтому при стрельбе на уничтожение (для достижения степени поражения 50-60%) реактивная артиллерия должна создавать массовый пожар на площади несколько большей, чем занимаемый объект.

Реактивная артиллерия может создавать полосу массового пожара несколькими последовательными залпами.

Полоса массового пожара создается с целью воспреещения перегруппировки, сосредоточения войск, их маневра и выдвижения; для затруднения или срыва материально-технического обеспечения. При этом возникает сплошная зона горения глубиной в несколько сотен метров, что исключает возможность ее преодоления. При ветре на противника распространяющаяся зона пожара вынуждает части и соединения противника прекратить движение или же оставить занимаемые районы. Продолжительность воздействия созданной полосы массового пожара зависит от глубины лесного (степного) массива, скорости ветра и колеблется от 30 минут до нескольких часов.

При этом Протокол о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, прямо указывает: «Запрещается превращать леса или другие виды растительного покрова в объект нападения с применением зажигательного оружия, за исключением случаев, когда такие природные элементы используются для того, чтобы укрыть, скрыть или замаскировать комбатантов или другие военные объекты, или когда они сами являются военными объектами» [6].

Рассматривая вопросы законности применения зажигательных боеприпасов, следует учитывать, что согласно Протоколу [6] зажигательное оружие не включает «боеприпасы, которые могут оказывать случайное зажигательное или ожоговое действие, такие как осветительные средства, трассирующие снаряды, дымовые или сигнальные системы».

Современная артиллерия, и украинская в том числе, имеет на вооружении дымовые и осветительные боеприпасы.

Дымовые снаряды (мины) применяют для задымления огневых средств противника (в первую очередь противотанковых), его командных и наблюдательных пунктов, постановки дымовых завес. Горящие куски дымообразующего вещества дымовых снарядов и мин обладают хорошими зажигательными свойствами, поэтому в благоприятных условиях они могут применяться и для создания очагов пожара, формально не подпадая под запрет Конвенции.

Осветительные снаряды (мины) предназначены для освещения целей и местности, постановки световых ориентиров и световых створов, ослепления наблюдательных пунктов (электронно-оптических средств) и огневых средств противника. Ослепление наблюдательных пунктов (электронно-оптических средств) и огневых средств противника достигается при горении факелов осветительных снарядов на земле в 100-150 м перед ослепляемым объектом. При горении факела осветительного снаряда на земле также возможно возникновение очага пожара, однако такой боеприпас зажигательным не является.

Таким образом, не специалисту достаточно сложно определить, какие именно артиллерийские боеприпасы применяются: зажигательные, дымовые или осветительные. Понятие «фосфорные» боеприпасы, используемое в средствах массовой информации, является обобщающим, то есть по каждому случаю применения подобных боеприпасов требуются экспертные заключения специалистов, является ли данное оружие зажигательным.

Библиографический список:

1. Фосфор вам на голову. – Российская Газета RG.RU [сайт], 19 июня 2014 г. URL: <http://www.rg.ru/2014/06/19/miny.html> (дата обращения: 06.10.2014).
2. Генштаб ВС РФ: Украина применяла фосфорные бомбы на юго-востоке. – Российская Газета RG.RU [сайт], 25 июля 2014 г. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/25/genshtab-anons.html> (дата обращения: 06.10.2014).
3. СКР получил доказательства использования фосфорных бомб на Украине. – Российская Газета RG.RU [сайт], 06 августа 2014 г. URL: <http://www.rg.ru/2014/08/06/dokazatelstva-anons.html> (дата обращения: 06.10.2014).
4. СК РФ: Украина применяла «фосфорные бомбы» против мирного населения. – РИА Новости [сайт], 06 августа 2014 г. URL: <http://ria.ru/world/20140806/1018998471.html> (дата обращения: 06.10.2014).
5. Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: Воениздат, 2002.
6. Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. – М.: Изд-во Междунар. Ком. Красного Креста, 1995. – 224 с.
7. Правила стрельбы и управления огнем артиллерии. Дивизион, батарея, взвод, орудие (ПСиУО-96). Часть 1. – М.: Воениздат, 1998.
8. Пособие по изучению правил стрельбы и управления огнем артиллерии. Дивизион, батарея, взвод, орудие. Часть 1. – М.: Воениздат, 1998.
9. Дополнение к руководству службы 120-мм миномета обр. 1938 г. Выстрелы с зажигательной миной 3-3-2 и осветительной миной ЗС9. – М.: Воениздат, 1980. – 12 с.
10. Боевая машина 9П138. Техническое описание и инструкция по эксплуатации. Часть III. Боеприпасы 9П138. ТО 2. Книга 2. Боевые машины 9П139, БМ-21, 9П125, 9А51. Боеприпасы. – М.: Воениздат, 1986.

УДК 355.49(47)“1904/1905”

В.А. Литовченко

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

litovchienko vladimir@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904-1905)

В статье рассматривается актуальность разведывательной деятельности на различных этапах развития военного искусства и осуществляется сравнительный анализ организации и ведения военной разведки противоборствующими сторонами во время русско-японской войны (1904-1905).

Ключевые слова: организация разведки, приёмы разведки, разведка, русско-японская война.

Необходимость разведывательной службы признавалась с древнейших времен, все великие полководцы и знатоки военного искусства хорошо понимали её значение, правильно её организовывали и отлично использовали.

В эпоху «великих» войн, ведущихся целыми народами на громадных полях сражений, превалирующее значение придавалось осведомленности о противнике, так как неумение разведывать, незнание врага влечет за собой излишние потери во время операции и в конечном результате тяжелые последствия для государства.

Разведка необходима как командованию, так и войскам; первому она дает данные для принятия правильных, наиболее выгодных решений, вторым – обеспечивает безопасность, спокойствие, осмысленность и уверенность в действиях.

Важностью непрерывной, правдивой и неутомимой разведки при всякого рода положениях на войне должны быть проникнуты все без исключения чины армии.

Для того чтобы получать ценные результаты от разведки, надо уметь ее организовать и вести, надо хорошо понимать значение в разведывательной службе всех органов разведки, их свойства, особенности, взаимодействие и применение.

Как бы энергичны и активны не были действия, противник будет всегда стараться помешать нашей воле, будет стремиться выхватить из рук инициативу и ограничить свободу действий. Естественно, что чем скорее мы разгадаем, как противник нам мешает, чем глубже и своевременнее проникнем своей разведкой к неприятелю, тем будет легче принимать соответственные меры против действий противника.

Как говорил Александр Васильевич Суворов: «Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать им и сражаться, свои силы и его недостатки».

Посмотрим теперь, как производилась военная разведка в русско-японской войне. Вначале обратимся к японцам. Японцы почти во всех случаях организовывали очень тщательную, иногда слишком осторожную войсковую разведку. Следует так же отметить, что японцы всегда располагали достаточным временем для разведки, так как их противник находился неподвижно на своих позициях. Таким образом, они легко избегали опасности, которая так часто возникала при встречных боях, когда внезапно менялась только что выясненная обстановка.

Преувеличенная тщательность часто ведёт к нерешительности и имеет последствием то, что заранее задуманное не может быть выполнено со всей энергией и уверенностью. Главное – следует оставаться по возможности при своём первоначальном решении и не слишком поддаваться влиянию перемен, происходящих у неприятеля. Иначе приходится зависеть от противника, поступать согласно его воле и не достигать результатов. В общем японцы сумели избежать этой ошибки. Там, где невозможно было произвести разведку неприятеля с фронта, с фланга и тыла малыми, подвижными, искусно ведомыми кавалерийскими разъездами, пехота проявляла свою деятельность.

Прежде всего японцы старались, чтобы их разведчики были хорошо укрыты. Как только неприятель замечал их появление, им приходилось отказываться от продолжения начатой разведки. Второй их заботой была быстрая доставка добытых сведений.

Для выполнения разведки японцы употребляли два приёма. Первый заключался в том, что движение разведчиков по открытой местности производилось широким фронтом; они подходили издалека, медленно, тщательно пользуясь местностью и, по мере приближения к неприятелю, заставляли его занимать свои позиции, чем и останавливалось наступление разведчиков. Последние, залегая и окапываясь в определенных местах, образовывали очаги разведки, откуда японцы отправляли отдельные патрули, с определенными разведывательными задачами, уже в непосредственной близости от неприятеля. Доставка сведений производилась днем сигнализацией флагами, ночью – световыми сигналами, по летучей почте или самокатчиками.

Другой приём заключался в разделении поля разведки на небольшие отдельные участки для самостоятельных патрулей, которые должны были незаметно подползать к расположению противника. Заслуживает внимание, как японцы производили этот маневр. Например, было приказано, чтобы люди в этих патрулях имели одежду, цвет которой не отличался бы от местности; серо-зеленое платье одевалось для переползания по пахоте, тогда как для движения по «зелени» они накидывали поверх себя ещё зеленые сетки. Иногда на определенных местах отдельными патрулями открывалась оживленная стрельба, чтобы дать возможность соседним патрулям, от которых стрельбой отвлекалось внимание неприятеля, беспрепятственно наблюдать за противником. При этом они пользовались биноклями и подползали как можно ближе.

Ночная разведка считалась в общем выполнимой тогда, когда задача охватывала лишь ограниченное пространство, на котором положение противника было достаточно определено ещё днём, например, выяснение свойства препятствий, рассмотрение выдвинутого поста и т. д.

Главным препятствием для разведок были неприятельские патрули, которые «протягивались» впереди позиций противника. Особенно трудно было установить – имеешь ли дело с действительной линией сторожевого охранения или только с выдвинутыми передовыми ротами.

Особое внимание японцев было обращено на изучение местности при наступлении. Для этой цели употреблялись небольшие разведывательные партии под командой офицеров от частей передовой линии, чтобы сигналами уведомлять об имеющихся прикрытиях и таких площадях, где неприятель мог бы заметить передвижение и начать обстреливать пулеметным или артиллерийским огнем.

Японцы в подобных случаях проявляли большую находчивость.

Ночью для изучения опасных мест высылались разведывательные отряды, которые устраивали маскировку из гаюлена или хвороста, с целью укрыть наступающие днем части от наблюдения противника. Поэтому русские постоянно сетовали, что даже на совершенно открытой местности не было заметно наступающей японской пехоты. Это происходило от того, что наступающий заранее изучал местность и пользовался ею с удивительной находчивостью.

В заключение следует отметить, что японцы с особым искусством знакомились с препятствиями, находящимися впереди неприятельских позиций. К ним совсем близко подползали разведчики, иногда только офицеры, которые и служили проводниками при атаках. Когда японцы атаковали Наньшанские позиции при Кинчжоу, русские удивлялись, что многочисленные фугасы впереди их позиций не взрывались, и что атакующая пехота обходила те места, где они должны были бы

взорваться, и находилась вне сферы их действия. Позднее выяснилось, что японцы пользовались услугами китайских шпионов, которым удалось разрезать в нескольких местах провода к фугасам.

Таким образом, можно сделать вывод, что японское командование тщательно избегало применения шаблонов при организации и ведении разведки [1].

С русской стороны военная разведка почти не производилась. Обучение в мирное время не развивало предприимчивости, самостоятельности и вдумчивости. Русские занимали почти всюду оборонные позиции, и поэтому как бы не нуждались в изучении местности для наступления. Но обороняющийся, также как и наступающий, не может обойтись без разведки. Ему она необходима, чтобы заблаговременно заметить приближение противника, чтобы не давать неприятельским дозорам приближаться к своим позициям, чтобы держать свою линию охранения за завесой.

Больше всего русские страдали от недостатка хорошо обученной кавалерии. Казаки всюду оказывались не на должной высоте как в области тактической, так и в области стратегической разведки. Постоянно слышались упреки со стороны высшего командования, что приходилось действовать в «темноте» вследствие неудовлетворительной деятельности кавалерии. Казаки были буквально «приклеены» к пехоте, бездеятельно держались позади неё. Все приказания генерала А.Н. Куропаткина оставались невыполненными.

Однако, из-за почти полного отсутствия войсковой разведки русской кавалерии, единичные случаи таковой выступали особенно ярко. Так, в сражении под Ляояном о наступлении 1-й японской армии Куроки и начале перехода её через реку Тайцзыхэ для обхода левого фланга русских было своевременно донесено офицерским разъездом поручика 51-го драгунского полка Романова. Но этому донесению не придали значения, так как в высшем командовании преобладало предвзятое мнение, что японцы все силы направляют на фронт и что замеченное движение через реку Тайцзыхэ, – не что иное, как демонстрация.

Обход армией Ноги правого русского фланга под Мукденом был замечен уже 14/27-го февраля офицерским разъездом кавказской бригады. Но в главном штабе так мало доверяли сведениям кавалерии, что и этому известию мало кто поверил. Все были твёрдо проникнуты убеждением, что неприятель направится главными силами на левый фланг.

Русские имели во время войны при пехотных полках охотничьи команды, состоящие из лучших людей, обученных разведывательной службе. Это был единственный источник доставки сведений высшему командованию в тех частых случаях, когда кавалерия не могла этого сделать. Однако их деятельность была ограничена и не всегда себя оправдывала. Причиной этому было то, что русские все время придерживались оборонительной тактики действий и, следовательно, находились против неприятеля, которому была предоставлена полная свобода действий. Изобретательный, коварный противник находился по сравнению с русскими в гораздо лучших условиях относительно сообщений и средств, благодаря чему он умел выяснить расположение противника [2].

Из приказов Куропаткина можно увидеть, какое сильное впечатление производила на русских японская ближняя разведка. В этих приказах он обращает внимание корпусных командиров на приёмы противника и рекомендует своим войскам подражать им. «Когда японцы хотят наступать, то они принимают самые тщательные меры к производству разведок. Офицеры их, переодетые китайцами, незаметно подкрадываются к нашим позициям; их унтер-офицеры и нижние чины прекрасно подготовлены к разведывательной службе. Разведка производится небольшими конными отрядами, которые часто с большой смелостью работают на наших флангах и проникают к нам в тыл. Очень часто эти разъезды сопровождаются пехотными частями. Они двигаются без дорог, и ночью стремятся подойти возможно ближе к нашему фронту, зайти во фланг и даже в тыл. Подобные разведывательные партии двигаются то вперёд, то назад, часто меняют своё местопребывание, появляются то здесь, то там, показываются и снова исчезают».

В другом примере говорится: «13-го октября 1904 г. на Шахе можно было особенно ясно наблюдать японскую ближнюю разведку. Разведывательные партии состояли из 20-30 пехотинцев, под командой офицеров. Двигались они небольшими группами, свободно, с большими промежутками, весьма осторожно по направлению к нашим позициям. В каждой группе кто-нибудь оставлял оружие в стороне, подползал совсем близко к нашим окопам, поднимал голову и наблюдал, в то время, как 3-4 его товарища, оставшись далеко позади, открывали огонь против окопов. Временами они бросались плашмя на землю, чтобы укрыться. Этот манёвр продолжался семь часов подряд. Мы не могли избавиться от этого неутомимого, упорного противника; достать их было невозможно: если шли на них, они открывали сильнейший огонь, или исчезали так же быстро и осторожно, как и появлялись».

Восточно-сибирские стрелковые полки имели кроме пеших охотничьих команд ещё и конно-охотничьи. Вызвано это было, конечно, самой жизнью. В Приамурском крае и Манчжурии редко когда

полки были расположены вместе, как правило они дислоцировались на большом пространстве побатальонно и даже поротно. Эти команды формировались и комплектовались при своих полках нижними чинами, откомандированными из рот. Причем, как и в охотничью команду, сюда подбирались люди хорошо подготовленные. Они быстро привыкали к лошадям, за которыми почти не требовалось никакого ухода, и сносно с ними управлялись. Денег для приобретения конной амуниции выделялось в ограниченном количестве. Поэтому каждый доставал и изобретал по мере своих возможностей.

Однако, несмотря на все недостатки в своей организации, деятельность их оказалась настолько плодотворной, что постепенно вновь прибывающие части из европейской России начали следовать примеру стрелков и создавать у себя подобные команды. После Мукденского сражения, во время пребывания на Сыпингайских позициях, главнокомандующий приказал сформировать конные команды во всех пехотных полках.

Формирование команд конных разведчиков в пехотных полках имело ряд преимуществ: во-первых, освобождалось большое количество кавалерийских частей от несения службы дивизионной конницы, которую можно использовать для выполнения задач, имеющих важное оперативное значение; во-вторых, пехота обеспечивалась собственными конными командами, которые лучше выполняли свои задачи, чем случайно приданные кавалерийские части [3].

Библиографический список:

1. Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне – М.: Изд-во Отдел воен. литературы, 1927. – С. 115-397.
2. Общество ревнителей военных знаний. – Спб.: Изд. Комитета по образованию войск, Кн.2., 1909. – С. 231-242.
3. Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в военное время – Томск: Тип. Воен. акад., 1919. – С. 128-135.

УДК 355.48 (517) 04; 94 (517) 04

Г.Г. Пиков

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

pikov@gf.nsu.ru, gennadij-pikov@yandex.ru

ОРДО-ГВАРДИЯ «ЖИВОТА И СЕРДЦА». ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА КИДАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЛЯО (907-1125)

Речь идет об императорской гвардии в кочевой империи Ляо (907-1125, Восточная Азия), единственное полное описание которой дается в «Ляо ши» («История династии Ляо»). Показывается история ее создания и развития, основные функции, место в военной машине государства и роль в этнополитической истории региона. *Волудо* (*ордо*, орда) служила основой военной мощи киданей. Однако, наряду с другими компонентами военной структуры, она обеспечивала не только возможность победы в той или иной битве, но и играла заметную роль в экономической и политической жизни страны.

Ключевые слова: гвардия, империя, кочевники, кидани, Ляо, военное дело.

Изучение любого государственного образования, созданного кочевниками, немыслимо без анализа организации военного дела, а изучение военного наследия киданей, войска которых в начале II тысячелетия н. э. приобрели на востоке Азии славу «непобедимых и непоколебимых», особенно важно. Одним из факторов, способствовавших укреплению империи Ляо стало именно удачное решение киданями военных проблем.

Военный опыт Ляо самым внимательным образом изучался полководцами чжурчженей, монголов и маньчжуров.

Основными источниками информации о военном деле киданей являются «История государства киданей» Е Лунли («Цидань го чжи», 1180 г.) и «История династии Ляо» («Ляо ши», 1345 г.), в которых есть относительно подробные экскурсы на эту тему. Чаще, правда, эти сведения разбросаны по текстам, и цельную картину все же приходится составлять из отдельных фактов. В «Ляо ши» наибольший интерес представляют 31, 32 и 33 цзюани, объединенные в раздел «Инвэй чжи» (Записки о защите лагеря). Здесь говорится в основном об ордо-гвардии, походных лагерях киданьских правителей. В цзюанях 34, 35 и 36

дается комплексное описание военной организации, системы комплектования армии. 55 цзюань посвящен военным колесницам.

Армия считалась у киданей «оплотом /щитом/ государства», а военное дело обеспечивало безопасность государства: «В делах государства и войска определено за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов изобилие. Если воинов много, то и государство могущественно».

Волудо (*ордо*, орда) – своеобразная военная организация, которая, по мнению В.С. Таскина, служила основой военной мощи киданей. Сам термин становится известным еще при Ранней династии Хань (207 г. до н. э. – 9 г. н. э.). В главе «Повествование о *сюнну*» Хань шу» термин *оуто* встречается под 80, 68, 48 гг. до н. э. По свидетельству Сыма Цяня, «между [*дунху*] и *сюнну* пролегла брошенная земля, на которой на расстоянии более тысячи ли никто не жил; и те и другие жили по ее краям, образуя *оуто*». В тот период китайцы считали его «земляным домом для наблюдения за ханьцами» (Фу Цянь, династия Поздняя Хань. Ши Цзи. Цз. 110) или пограничными заставами (Вэй Чжао, Чжан Шоу-цзе). В таком лагере нашел смерть посланный к тюркскому *шаньюю* ханьский посол Гу Цзи. Н.Я. Бичурин, цитируя эти тексты, переводил термин как «пограничный караул».

Известно упоминание об *ordu* в орхонских надписях: «Враждебные нам огузы напали на орду». С.Е. Малов здесь под *ордой* понимает становище.

Среди исследователей вообще наблюдается разницей в понимании этого термина. Дин Цянь (период маньчжурской династии Цин) под *оуто* понимал «бесплодную землю, непригодную для жизни человека». Японский ученый Сиратори Куракити обратил внимание на связь этого термина со словами в современных языках: турецкое *oda* – «комната, жилище, дом»; чагатайское *отак* – «шалаш, жилище»; бурят-монгольское *оток* – «стоянка»; тунгусское *оток* – «палатка»; чувашское *odar* – «загон для овец». Де Грот видел в *оуто* тюркское слово *ordu* («ставка, лагерь, дворец»). В.А. Панов предполагает, что речь идет о вестовых маяках или огневых вышках, связывает термин *оуто* с древнетюркским *от* («огонь»). В.С. Таскин, вслед за Де Гротом, видит в *оуто* тюркское слово *ordu* – «ставка, лагерь, дворец, орда».

Позднее в европейской исторической литературе в связи с созданием негативного образа степных народов это слово приобретает даже негативное значение - как многочисленное и неорганизованное скопище людей (например, русское, украинское и белорусское орда как «беспорядок, шум»). В лучшем случае так именовалась столица правителей государств (например, Золотая Орда, Ногайская Орда). Слово стало и своеобразным синонимом «первобытного человеческого стада».

Более или менее полное описание *ордо* дается именно в «Ляо ши».

По ней, основатель киданьского государства Апоки (кит. Абаоцзи) создал *ордо* после разделения племени Ила в 922 г. По «Ляо ши», «Тай-цзу, вступив на престол, будучи *илицинем* племени *дела*, разделил собственное племя на пять дворов и шесть дворов, которые управлялись императорским родом. Поскольку у него не стало хватать личной охраны, он установил систему *волудо*, оторвав для себя области и уезды, прирезав дворы и тягловых, чтобы укрепить центральную власть за счет местной. Завещанный им план продолжили потомки, которые из поколения в поколение создавали охрану дворца».

Когда император пребывал во дворце, охрана защищала, а когда выезжал, сопровождала его. После похорон императора она продолжала охранять его могилу. При возникновении военных действий военные управления, имевшиеся в пяти столицах и двух областях, рассылали приказ о наборе воинов, которые [быстро] собирались, так что не было необходимости ждать прибытия войск из областей, уездов и от племен, поскольку сразу же была готова армия из ста тысяч всадников». Ядром этой гвардии явился отряд «живота и сердца» (другое наименование «когти и зубы»), сформированный для защиты своего «дворца», который был ничем иным, как передвижным лагерем. В этот отряд, который по-киданьски назывался *суань*, была набрана «тысяча храбрых и сильных мужчин из всех племен». Когда же племенной вождь превратился в государя обширной империи, ему понадобилась личная постоянная армия. Приморские и приамурские племена охотников и рыболовов, земледельцы Бохая, да и многие кидани не понимали необходимости жертвовать жизнью и свободой ради величия династии. И в самой царской фамилии не было единства. «Поэтому была установлена ордо-система, префектуры и округа были разделены, а хозяйства и отдельные лица были разделены так, чтобы усилить ствол и ослабить ветви». Если у племенных вождей киданей была только немногочисленная «гвардия телохранителей», то у киданьских императоров появляется уже гвардия. Она представляла собой тяжеловооруженную конницу, формировавшуюся из лучших воинов всех киданьских племен, однако со временем в нее стали включать и надежных воинов из числа бохайцев и китайцев и даже пленных. В какой-то мере в подражание ордо-гвардии создавались и другие киданьские спецотряды, например, «армия орлов», «армия тигров», «армия драконов», «армия соколов». «Железными коршунами» назывались отборные киданьские всадники, одетые в железные латы, которые бросались на врага как коршун.

На первых порах число воинов-гвардейцев тоже было незначительно, всего около двух тысяч человек, но это были отборные воины, «собранные из всех [киданьских] племен». Затем количество гвардейцев увеличивалось постоянно, ибо каждый император формировал собственную ордо-гвардию. Некоторые императрицы тоже имели свои ордо. «Ляо ши» приписывает «дворец» Чжан-нин, который находился в префектуре Гао, вдовствующей императрице Ин-тянь, а «дворец» Чжун-дэ, расположенный на востоке от реки Ду (Ляохэ), вдовствующей императрице Чжэн-тянь. Некоторые из принцев императорской семьи также могли формировать свою собственную ордо-гвардию, хотя это, видимо, было в исключительных случаях. Так, Сяо Вэнь, «старший из младших братьев императора», был награжден этим правом за заслуги в нескольких военных кампаниях. К тому же в его руках были сосредоточены некоторые ключевые политические и военные посты. Северный канцлер Елюй Лунъюнь сыграл большую роль в координации сил империи в борьбе против Китая, но не при жизни, а только после смерти у его гробницы был помещен «дворец» «по образцу ордо». В «Ляо ши» упоминаются также некоторые чиновники, получившие в подарок ордоские хозяйства.

Всего в состав всех ордо, по сообщению «Ляо ши», входило 38 областей, 10 уездов, 41 военное управление, 80 тысяч основных дворов, 123 тысячи переселенных инородческих и китайских дворов.

К концу династии Ляо все ордо, по данным летописи, «имели 408 000 взрослых мужчин. Они поставляли 101.000 конных солдат». Эти данные явно завышены, ибо ни одна ордоская армия на самом деле не достигала 100.000 кавалеристов, – от силы 75.000.

Отряды ордо были самыми боеспособными частями и не раз выручали киданей в ложных ситуациях. Однажды, защищая императрицу, они разгромили китайскую армию и «сунское войско пришло в беспорядок и многие при бегстве... были убиты ляосцами».

После смерти императора его ордо продолжало существовать. Так, например, ордо Шэн-цзуна упоминается в 1077 г. и снова в 1087 г. По этой причине численность ордоских войск постоянно увеличивалась. Правда, начиная с Му-цзуна, наметилась тенденция к сдерживанию роста численности гвардии. Эта тенденция стала особенно заметной при Шэн-цзуне. Проявилась она в ограничении источников пополнения ордо. Ранее наиболее важным источником их был господствующий народ империи – кидани. Это могли быть новобранцы из той или иной префектуры, воины ордо предшествующего государя, телохранители и слуги умерших членов императорского дома. Правда, в состав гвардии входили также военнопленные (бохайцы в ордо Тай-цзу, Тай-цзуна и Тянь-цзо, цзубу в ордо Му-цзуна) и семьи переселенных на север китайцев. Киданей, совершивших какое-либо преступление, могли заставить служить в ордо в качестве обслуживающего персонала. Так, например, в ордо был послан политический преступник Елюй Ну. Начиная же с Шэн-цзуна, гвардия стала формироваться преимущественно за счет «различных ордо». В гвардию того же Шэн-цзуна были записаны гвардейцы Тай-цзуна, Ши-цзуна и вдовствующей императрицы Ин-тянь, ордо которых, естественно, были сокращены.

Даже в критические моменты истории часть гвардейцев оставалась охранять мавзолеи умерших императоров, ибо охрана императора при жизни и мавзолея после смерти и была основной функцией ордо-гвардии: «Когда император входил [в свою резиденцию], она устраивалась охранять его, а когда он выходил, она сопровождала его. После его похорон она охраняла его мавзолей», сообщает «Ляо ши».

Охране своей личности киданьские императоры придавали огромное значение. Например, зимнее набо императора охранялось 4 тыс. воинов по одной тысяче на смену, причем в охранении стояли именно кидани, а не бохайцы или китайцы. «Ляо ши» прямо указывает, что кидани считались наиболее преданными в ордоских войсках. Кроме того, к концу династии императоры стали опасаться инородцев (китайцев, бохайцев, цзубу и др.).

Гвардия в целом пользовалась большой экономической свободой. Это была почти независимая экономическая единица. Она обладала особым лагерным состоянием, в «деньгах и шелке», которое было ничем иным, как аккумулятивной военной добычей. В 1013 г. проценты с ордо Сяо Вэня были использованы для помощи «бедным людям». В случае нужды средства из ордо передавались даже в императорскую казну. Однако иногда, в затруднительных случаях, гвардия вынуждена была пользоваться императорскими субсидиями, как, например, это произошло в 1081 г., когда было даже объявлено об ежегодной денежной поддержке ордосцам. В 1067 г. в лагере личной охраны императора вспыхнул пожар. Нанесенный урон император постарался компенсировать членам гвардии в соответствии с их рангом «деньгами, зерном и лошадьми».

Служба в гвардии, помимо того, что она считалась почетной, давала также некоторые экономические преимущества. Социальный статус приписанных к ордо бохайцев и китайцев был явно выше статуса их сородичей. Так, декретом 989 г. их родственникам, захваченным в плен во время южной экспедиции и отправленным после этого в различные лагеря было разрешено присоединиться к ним. По

декрету 1043 г. ордосцы имели право на частную собственность, а также могли быть освобождены от налогов.

Отряды ордо-гвардии были сосредоточены преимущественно в районах Верховной (Шан-цзин) и Восточной (Дун-цзин) столиц. Именно в окрестностях Верховной столицы, т. е. на старых киданьских пастбищных землях, между верхним течением р. Шира-мурэнь и хинганскими горами, находились и мавзолеи всех умерших ляоских императоров Тай-цзу, Тай-цзуна, Му-цзуна, Шэн-цзуна, Син-цзуна, Дао-цзуна. В округе Восточной столицы помещались мавзолеи Ши-цзуна, Цзин-цзуна и Тянь-цзо. Даже те ордо-гарнизоны, которые, как, например, ордо вдовствующей императрицы Ин-тянь, были сосредоточены в горных районах р. Ляохэ, южного притока Шира-мурэни, т. е. в окрестностях Центральной столицы (Цзун-цзин), после смерти своих хозяев возвращались на киданьскую территорию.

Каждое ордо контролировало определенное число префектур, округов и различные племенные объединения (ши-ли, ва-ли, шо-ли, де-ли, ча-са). На этих территориях выбирались важные в стратегическом отношении места и устанавливались Центры контроля. Каждое ордо имело как правило по четыре таких центра. Все они обычно располагались в окрестностях Южной (Наньцзин) и Западной (Сицзин) столиц, то есть на старых китайских территориях, завоеванных киданями. Только два из них находились на внутренних территориях империи, в окрестностях Верховной и Центральной столиц. Такое расположение этих важных в военном отношении пунктов, вероятно, не случайно, ибо политическая история империи Ляо проходит под знаком почти непрерывных войн с южными соседями. В случае военной необходимости правительство через Центры контроля пяти столиц отдавало ордоским войскам приказ о мобилизации и подвижные ордоские отряды были готовы вступить в бой еще до того, как будут отобилизованы остальные войска. В этом случае сильные воины принимали участие в военных действиях, а слабые и старые оставались для охраны. Ордо-императорская гвардия входила в состав войск как своего рода особо подготовленная в военном отношении, мобильная и мощная сила и в бой она вступала почти всегда на заключительном этапе сражения. Усмирять западные границы империи в 994 г. были посланы «солдаты Вугу и других племен Северо-западного Маршрута, а также армии дворца Ун-син», т. е. воины Тайцзуна. А в 1015 г. «Верховной столице, Центральной столице и различным ордо было приказано отобрать 55.000 хорошо тренированных солдат для того, чтобы подготовиться к восточной экспедиции», т. е. к карательной кампании против Кореи. Ордо-императорская гвардия входила в состав прочих войск как своего рода особо воинственная, мобильная и неотразимая по силе часть, которая была призвана поднять боевой дух. В бой она вступала почти всегда после того, как врага атакывали армии отдельных племен, вспомогательные отряды покоренных народов, специальные подразделения и личные армии принцев и высших сановников империи.

Библиографический список:

1. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 607 с.
2. История Железной империи. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2007. – 356 с.
3. Ларичев В.Е., Тюрюмина Л. В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в Средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – Т. 3. – С. 99-113.
4. Ляо ши (История Ляо), сост. То Кэ То и др. // Сыбу бэйяо (Собрание основных произведений по четырем разделам). – Шанхай, 1936. – Т. 33. – 434 с.
5. Gabelentz, Hans C. von der. Geschichte der Crossen Liao, aus dem mandschu ubersetzt. St.-Petersburg, 1877. – 194 s.
6. Stein R. Leao-tche. Traduit et annote par // T'oung Pao. Vol.XXXV, Leiden, 1939. – 185 p.
7. Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907-1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. – 752 p.

В.А. Стрельников

*Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации
г. Москва*

vv8288@yandex.ru

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.**

Статья посвящена роли гуманитарного образования как важнейшего средства духовно-нравственного воспитания в системе военного образования.

Ключевые слова: гуманитарное образование, духовно-нравственное воспитание, военное образование.

Важное место в профессиональной подготовке офицеров русской армии во второй половине XIX – начале XX в. занимало гуманитарное образование как важнейшее средство формирования их мировоззрения и духовно-нравственного воспитания. Особенно характерным это являлось для военно-учебных заведений: военных гимназий (военных прогимназий), кадетских корпусов, военных и юнкерских училищ. Так, в начале 1860-х гг. на изучение гуманитарных предметов отводилось: в юнкерских училищах 35 %, в военных училищах 30 %, в военных гимназиях 60% от всех учебных дисциплин.

В соответствии с требованиями «Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений», утвержденном в 1848 г. в кадетских корпусах изучались следующие гуманитарные предметы: закон Божий, русский, французский и немецкий языки, естественная история, география, история, статистика, рисование и законоведение. На изучение этих предметов отводилось значительное количество учебного времени. Так, например, на русский язык выделялось еженедельно 2–4 часа, на иностранные языки 6–8 часов, на историю–3–4 часа в зависимости от класса [1].

Исключительно важную роль в гуманитарной подготовке будущих офицеров играли русский язык и словесность. «Из предметов учения,– отмечается в Наставлении,– родной язык есть для русского юноши предмет самый важный. Если другие науки он должен знать удовлетворительно, то язык русский он должен знать в совершенстве; это язык, которым он думает; этим языком думали его отцы; им же должны думать и его дети» [2]. На занятиях по русскому языку и словесности большое внимание уделялось изучению русской и иностранной литературы. Знакомство со многими классическими произведениями отечественных и зарубежных писателей расширяло культурный кругозор воспитанников, воспитывало у них лучшие человеческие качества, прививало любовь к Отечеству и его народу.

После преобразований кадетских корпусов в военные гимназии и военные училища в ходе Милютинской военной реформы гуманитарная направленность обучения их воспитанников и юнкеров сохранилась.

В военных гимназиях, как и в военных училищах, в основу воспитания был положен принцип уважения личности воспитанника, его человеческого достоинства. Принцип этот, следует подчеркнуть, был новым в то время и требовал от воспитателей и преподавателей существенного изменения своего отношения к воспитанникам. Он не допускал ни брани, ни грубости в обращении, требовал большей продуманности в выборе наказаний, недопущения унижения личности, учитывать самолюбие детей. При анализе проступка воспитанника рекомендовалось подходить «не с суровой строгостью, не с запальчивостью, как в былые времена», а сдержанно, логично и вежливо. Только такими методами можно было добиться авторитета и нравственного влияния воспитателей на воспитанников.

Важным воспитательным средством воспитанников кадетских корпусов и военных гимназий являлось чтение художественной литературы, которая тщательно подбиралась для них по рекомендации преподавателей и воспитателей. Кроме будничных дней воспитатели организовывали чтение литературы в воскресенье и в праздники.

Каждый воспитатель вел список прочитанных воспитанниками книг, а те заносили в свои дневники краткие сведения о прочитанном. Периодически вопросы чтения художественной литературы

воспитанниками обсуждались на заседаниях педагогического комитета учебного заведения, где давались рекомендации по совершенствованию этой работы, обменивались опытом. В кадетских корпусах и военных гимназиях регулярно проводились литературные вечера с участием преподавателей, воспитателей и приглашенных гостей.

После переименования в 1882 г. военных гимназий в кадетские корпуса и совершенствования в них учебно-воспитательного процесса гуманитарному образованию воспитанников по-прежнему уделялось большое внимание. В последующем, с принятием Положения о кадетских корпусах и особенно «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов» (1886 г.), эти документы стали основополагающими законодательными актами в проведении воспитательной работы.

В частности, в Положении наряду с определением общих требований по организации учебного процесса и функциональных обязанностей должностных лиц указаны цель, средства и пути воспитания кадет. Воспитание в кадетских корпусах, отмечается в этом документе, имеет главной целью подготовку воспитывающихся юношей «к будущей службе Государю и Отечеству – посредством постепенной, с детского возраста, выработки тех верных понятий и стремлений, кои служат прочною основой искренней преданности престолу, сознательного повиновения власти и закону, и чувств чести, добра и правды» [3].

В соответствии с указанной целью воспитание в корпусе должно было всесторонне развивать у кадет физические и душевные способности, правильно формировать характер, глубоко укоренять благочестие и верноподданнический долг, твердо укреплять задатки тех нравственных качеств, которые имели первостепенное значение в воспитании будущего офицера.

Самый большой раздел в Инструкции отводился раскрытию основных правил нравственного воспитания [4]. Инструкция довольно подробно определяла формы, средства и методы нравственного воспитания.

Руководство военно-учебных заведений нацеливало воспитателей на формирование у кадет, прежде всего, общегражданских качеств. «Необходимо, – отмечается в Инструкции, – укоренять в воспитанниках справедливое чувство признательности за заботливость об их благе, за деятельное участие, помощь и услуги, оказываемые им со стороны кого бы то ни было из окружающих. ...Каждому воспитаннику должно быть своевременно внушено, что первоначальную и весьма сильную поддержку доброй нравственности непременно оказывают и внешние достоинства: точная исполнительность, привычка к порядку, бережливость и опрятность, внимание к приличиям, приветливость, вежливость и т. п.» [5].

Особая роль в воспитании кадет отводилась религии [6]. Для формирования религиозного сознания использовались следующие средства: преподавание закона Божия, богослужения, хоровое пение ежедневных молитв перед приемом пищи и после, чтение утренних и вечерних молитв, а также перед началом и по окончании ежедневных занятий, изучение религиозной литературы, соблюдение православных обрядов, обычаев, традиций и другие.

Большое значение в духовно-нравственном воспитании кадет придавалось процессу обучения, прежде всего изучению предметов гуманитарного цикла. «Классное преподавание, – предписывала Инструкция, – должно постоянно иметь в виду то воспитательное его воздействие на учеников, которое достигается общими, согласованными усилиями всех преподавателей заведения; точными и постоянными требованиями каждого из учителей, как для поддержания классного порядка, так и в отношении исправности всех учебных работ, задаваемых кадетам...» [7].

Наряду с учебными занятиями большое место в нравственном воспитании кадет отводилось внеклассному чтению, которое имело «первенствующее, после учебной работы, значение». Поэтому в кадетских корпусах довольно строго подходили к отбору книг для чтения воспитанниками. В этих целях периодически издавался «Каталог книг для чтения воспитанников кадетских корпусов», состоящий из семи отделов, в каждом из которых все указанные книги делились на три группы: а) для кадет двух старших классов, б) для кадет трех средних классов и в) для кадет двух младших классов.

В часы досуга в кадетских корпусах практиковалось проведение увеселительных вечеров, программа которых предварительно обсуждалась в Педагогических комитетах учебных заведений и включала: чтение поэтических произведений, исполнение музыкальных пьес на различных музыкальных инструментах, танцы, спектакли и т. п.

В начале XX века руководство военного ведомства и Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ), используя накопленный опыт воспитательной работы на предыдущих этапах развития, предприняли новые меры по усилению ее и достижению более весомых результатов.

Основы духовно-нравственного воспитания, полученные воспитанниками в военных гимназиях (прогимназиях) и кадетских корпусах, получали дальнейшее развитие в военных и юнкерских училищах, где этим вопросам уделялось значительное внимание, в том числе и на занятиях по гуманитарным

предметам. Здесь воспитательная работа строилась с учетом приобретенного воспитанниками опыта и требований, предъявляемых к будущим офицерам. Поэтому в военных и юнкерских училищах первостепенное значение придавалось формированию качеств, свойственных защитнику Отечества. Положение о военных училищах 1894 г. определяло следующие цели военного воспитания юнкеров: глубокое укоренение чувства долга верноподданнического и воинского; образование честного, строго исполнительного и мужественного характера; развитие и упрочение сознания о высоком значении воина, призванного к защите престола и Отечества; прочное усвоение воинской дисциплины и чинопочитания; поддержание между юнкерами духа доброго товарищества; целенаправленная практическая подготовка юнкеров к успешному выполнению всех предстоящих им служебных обязанностей строевых офицеров. Надо отметить, что военно-учебные заведения с задачей по подготовке выпускников с высокими морально-боевыми качествами в основном справлялись, хотя имелись и некоторые недостатки.

В сентябре 1906 г. Главный начальник военно-учебных заведений Великий князь Константин Константинович обратился по этому поводу с письмом, в котором дал оценку поведения личного состава военно-учебных заведений в период революционных событий в России и определил задачи по активизации воспитательной работы преподавателей и офицерского состава.

«Благодаря сознательному отношению к долгу лиц учебно-воспитательного состава, – отмечалось в письме, – заведения наши с успехом выдержали тяжкое испытание, выпавшее на долю отечественной школы в минувшем году. Работа в военно-учебных заведениях не прекращалась, и заблуждению, приведшему гражданскую школу к забастовкам, был дан у нас дружный отпор» [8]. В то же время Главный начальник военно-учебных заведений довольно критично оценил нравственную подготовку их выпускников, указал на конкретные недостатки. «Воспитанники наших заведений, – подчеркивалось в письме, – нередко выходят без основательного знания своей родины, без достаточного уважения к ее великому прошлому. Готовясь к военной службе, они нередко не знают славных проявлений военного могущества родного народа, его богатырского напряжения в тяжкие годы, не знают даже имен бессмертных представителей нашей народной славы» [9]. Далее Главный начальник военно-учебных заведений призвал еще активнее проводить работу по патриотическому воспитанию кадет и юнкеров и дал некоторые самые общие рекомендации преподавателям гуманитарных предметов по патриотическому воспитанию юношей. «Наибольший простор для воздействия в сказанном направлении, – отмечал Великий князь Константин Константинович, – предоставляют все учебные предметы гуманитарного характера. В них патриотический образ мыслей прямо обязателен. При преподавании родного языка, отечественной словесности, истории, географии и законоведения надлежит в особенности останавливаться на таких явлениях, в которых выражается могущество нашего Отечества, свойственные русскому человеку богатые духовные и нравственные качества, преданность его заветам старины, его твердая и непоколебимая вера в Промысел Божий, как в счастливые, так и в бедственные дни. Вместе с тем в воспитанниках должно деятельно развиваться сознание, что они тоже русские люди, будущие защитники родной земли и воспитатели русских людей, призываемых на царскую службу» [10]. В конце обращения выражалась уверенность, что преподаватели и офицерский состав приложат все усилия, чтобы настоящие указания были воплощены в жизнь.

Актуальность работы по воспитанию у выпускников военных училищ высоких морально-боевых качеств, естественно, значительно возросла с началом Первой мировой войны. Это вызывалось не только боевой обстановкой, но и тем, что военные училища перешли на сокращенный срок подготовки прапорщиков, чего добиться без усиления воспитательной работы было довольно сложно.

Библиографический список:

1. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений. – М., 1849. – С. 17.
2. Там же. – С. 25.
3. Положение о кадетских корпусах. Высочайше утвержденное 14 февраля 1886 г. – СПб., 1886. – С. 23.
4. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов // Педагогический сборник. – 1887. – № 1. – С.1.
5. Там же. – С. 4.
6. Там же. – С. 6.
7. Там же. – С. 9.
8. РГВИА. Ф. 725. Оп.45. Д. 858. Л.37.
9. Там же. – Л. 37об.
10. Там же.

Е.Н. Туманик

*Институт истории СО РАН
г. Новосибирск*

kattum@mail.ru

ДОМАШНЕЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РУССКОЙ ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙСТВА Н.Н. МУРАВЬЕВА)

Доклад посвящен детско-юношеской системе домашнего воспитания и образования, созданной генерал-майором Н.Н. Муравьевым и направленной на подготовку профессиональных офицеров для русской армии в начале XIX в. В рамках данной системы рассматриваются ее компоненты: идеологическая база, научно-образовательная часть и физическое воспитание.

Ключевые слова: военное образование, подготовка командных кадров для русской армии начала XIX в., дворянское воспитание.

При преимущественном выборе военной службы как более престижной по сравнению со штатской подавляющим большинством молодых дворян в Российской империи начала XIX в. огромное значение имело домашнее профильное образование и воспитание. Иными словами, молодой дворянин должен был воспитываться как будущий офицер и защитник Отечества. В некоторых передовых дворянских семьях эта проблема решалась очень успешно – военно-патриотическое и сословно-дворянское воспитание подкреплялось занятиями по военно-теоретическим дисциплинам, приглашением преподавателей для обучения детей наукам, необходимым будущему офицеру. На этом фоне выгодно выделялась фигура генерал-майора Н.Н. Муравьева (1768 – 1840), создавшего в своем доме настоящий воспитательный центр, позже выросший в Школу колонновожатых, направленную на подготовку офицеров для Генерального штаба. Но еще до открытия Школы ее основатель выпустил в военную службу троих сыновей, имена которых составляют славу и гордость России. Именно благодаря им сложилась воспитательно-образовательная система Муравьева-отца, они же стали и первыми выросшими в ее рамках питомцами, на которых впервые были опробованы ее принципы и механизмы. Речь идет об Александре, Николае и Михаиле Муравьевых, начавших военную карьеру в Свите Е.И.В. по квартирмейстерской части в 1810 – 1812 гг., а также на полях сражений Отечественной войны 1812 г. Они были лучшими молодыми офицерами-квартирмейстерами Свиты, прекрасно подготовленными ко всем трудностям военной карьеры. Война 1812 г. стала основой их будущего жизненного пути и первым серьезным испытанием, в том числе и проверкой той закалки, которую они вынесли из-под отцовского крова: А.Н. Муравьев (1792 – 1863) – генерал-лейтенант, сенатор, декабрист, переводчик Библии на русский язык, участник Крымской войны и Нижегородский военный губернатор, один из активных инициаторов отмены крепостного права в России; Н.Н. Муравьев-Карский (1794 – 1866) – генерал от инфантерии, военачальник и военный дипломат, наместник Кавказа и покоритель Карса; гр. М.Н. Муравьев-Виленский (1796 – 1866) – генерал от инфантерии, министр государственных имуществ, Виленский генерал-губернатор в 1863 – 1865 гг. Нет нужды говорить, что все трое братьев полностью реализовали свои военные и военно-управленческие способности, помимо этого всех их до конца дней отличало обширное и глубокое образование, поражавшее современников.

В воспитательной системе Н.Н. Муравьева-отца можно выделить три главных направления, каждое из которых мы рассмотрим в отдельности. Это идеологическая база, научно-образовательная составляющая и физическая подготовка.

В первую очередь остановимся на *идеологической основе*. Ее компонентами являлись православно-патриотическое воспитание, воспитание в духе рыцарских традиций и формирование дворянско-корпоративного сознания.

Воспитание в семье Н.Н. Муравьева базировалось на строго патриархальной основе, сопряженной с христианскими ценностями. Одним из приоритетов был идеал высоконравственной христианской жизни, связанный с воинским долгом служения Отечеству, строгими правилами чести и подвигом самопожертвования. С ранних лет детьми усваивалось глубокое внутреннее значение и содержание обрядов и догматов Православной Церкви. В семье Муравьевых соблюдался древний обычай, когда к Святому Причастию родители являлись вместе со своими детьми [1]. Патриархальный уклад

способствовал воспитанию детей в правилах христианских традиций, когда жизнь каждого человека неотделима от жизни Церкви. В духовной атмосфере родственного круга сложилась важнейшая категория философского мировосприятия детей – понятие об Отечестве [2]. Отечество земное воспринималось ими как начальная ступень в Отечество небесное, его отпечаток или прообраз. С выходом детей из-под родного крова понятие о земном Отечестве расширилось и стало стержнем становления в их душах высоких чувств любви к Родине, неизменно сопряженных с любовью к Богу (измена Родине в шкале этих ценностей приравнивалась к измене вере). Проникновением в детское сознание категории Отечества достигалась цель осознания своих сословных обязанностей, заключавшихся в защите и приумножении славы Отечества земного и, соответственно, небесного. Таким образом, будущая военная служба неизбежно приобретала для детей оттенок священного долга. Вера была для них источником мужества, силы боевого духа и силы воли [3].

Н.Н. Муравьевым была предпринята практическая попытка создания особой когорты «русских рыцарей», определяющим принципом жизни которых стало бы преданное служение Отечеству – России. Важнейшим моментом в воспитательном процессе было постоянное апеллирование к идеалам дворянско-рыцарской культуры. Здесь мы подходим к классической формуле средневекового рыцарского воспитания, когда религиозная основа становилась основополагающим фактором воинского героизма [4]. Другим значимым постулатом было выстраивание иерархии дворянской доблести и чести, следования традициям воинской славы, в том числе и собственного рода в сочетании с незыблемым *point d'honneur* (делом чести), понимаемым как мужество, храбрость, честность, бескорыстие, равнодушие к роскоши, твердость духа, умение защищать свои убеждения. Стержень *point d'honneur* в воспитательной системе Муравьевых составляли представления, привитые христианским воспитанием, служившие впоследствии прочной опорой как на поле брани, так и в общественной и частной жизни. От детей требовалось быть правдивыми в любых обстоятельствах, что воспитывало в них смелость и пресекало малодушие (необходимые качества для будущих военных). Еще один принцип фамильной чести выразил М.Н. Муравьев: «...Муравьев не может сидеть на месте и должен приносить пользу» [5]. В муравьевской системе воспитания на первый план ставились принципы трудолюбия, любви к наукам и знанию, стремления к самоусовершенствованию.

С ранних лет братья Муравьевы воспитывались в строгости, умеренности и жестких правилах. Дети были приучены к скромной, даже бедной обстановке, умели с самого нежного возраста с достоинством переносить нужду, не считая ее за порок, «умерять себя во всем», довольствоваться самой простой пищей. Молодые Муравьевы презирали барство и роскошь. Попав в 1812 г. вместе с братьями в свиту вел. кн. Константина Павловича, Николай Муравьев писал: «...Обычная праздная жизнь их не соответствовала нашим понятиям об обязанности и трудолюбии, в коем были воспитаны...» [6]. Именно такое воспитание помогало переносить жизненные лишения, будни воинской службы, а особенно тяжелейшие испытания войны. Но это не значит, что мальчики росли суровыми и грубыми – дети получили все необходимые навыки светских манер, их прекрасно обучили правилам хорошего тона, обязательными были серьезные занятия музыкой и танцами.

Point d'honneur Муравьевых включало в себя обязательное условие неукоснительного следования правилам товарищества, искренней дружбы и взаимовыручки. Так формировалось дворянско-корпоративное сознание, основу которого составляла приверженность принципу коллективизма, которому Н.Н. Муравьев отдавал ведущее значение. В детской господствовал дух товарищества, взаимопомощи, искренности, братства. Отец считал, что только таким образом воспитывая мальчиков можно добиться успеха как в образовательном, так и нравственном плане. Позже эти принципы, опробованные на собственных детях, были привнесены Н.Н. Муравьевым в Школу колонновожатых и приобрели в ее стенах характер идеологической основы учебного заведения [7].

В доме Н.Н. Муравьева господствовал культ просвещения, дети получали самое передовое образование, основу которого составляли математические науки и военные дисциплины в сочетании с глубоким изучением многих областей естественнонаучного и гуманитарного знания. Обязательным был строжайший распорядок дня. Учебный процесс был построен таким образом, что наибольшая часть времени отводилась преподаванию военно-математических предметов. Сам отец обучал сыновей алгебре, геодезии, фортификации, тактике, картографии, баллистике, другим военным дисциплинам, а также истории. Военные науки преподносились детям с основательностью, достойной лучшего высшего военно-учебного заведения. Гувернер-француз Гато преподавал латынь, арифметику, геометрию и географию. Специально приглашенные учителя вели занятия по астрономии, физике, химии, экономике, статистике, правоведению. Штудирование профильных для военного инженера дисциплин сопровождалось глубоким изучением языков. Гувернер-англичанин Э. Лоост учил английскому, с отдельными учителями дети совершенствовались в родном языке, а также во французском и немецком [8]. Программа была построена

так, что учеба воспринималась как захватывающий творческий процесс, и впоследствии братья Муравьевы сохранили стремление к самообразованию на протяжении всей жизни. В воспитании этого качества основную роль, конечно же, сыграло влияние и педагогический подход отца, умевшего сделать увлекательной самую сухую и схоластическую науку, показать ее практическую значимость [9]. Также особенный упор делался на то, чтобы привить детям привычку к полезному чтению, чему способствовало наличие в доме богатейшей библиотеки. В основном это была научная, военная и военно-историческая литература, служившая разносторонним справочным материалом для будущих офицеров. Также в собрании находились труды по всеобщей и российской истории, сочинения по истории церкви [10].

Лучше всего о перечне изученных предметов и качестве полученных знаний говорит сохранившийся аттестат о сдаче экзаменов, выданный Н.Н. Муравьеву-Карскому в Московском университете 7 февраля 1810 г. для поступления на военную службу. Итак, Николай Муравьев был «испытан»: «1-е. В науках словесных, как-то: в русском языке и в сочинении на оном, также во французском, немецком и английском, и в преложении с оных языков; 2-е. В правождении, как-то: в праве естественном, римском и частном гражданском, в экономии государственной и законах уголовных; 3-е. В науках исторических, как-то: в российской истории и всеобщей древней и новейшей, в географии и хронологии, в статистике Российского государства, и сверх того в статистике Европы; 4-е. В науках математических и физических, как-то: в арифметике и геометрии, и сверх того в тригонометрии, алгебре и в физике, и оказал редкие способности и во всех сих частях отличные успехи, свидетельствующие об его отличных способностях и особенном прилежании, достойном всякого одобрения и похвалы» [11].

В плане *физического воспитания* отец готовил сыновей ко всем возможным трудностям военной карьеры, не делая скидок на возраст и здоровье. Физические занятия закаляли силу воли; с особой интенсивностью детей обучали фехтованию и верховой езде, а также элементам строевой подготовки и плаванию. Этими навыками братья Муравьевы отлично владели уже к 13-ти годам. Их воинственного оттенка игры и баталии под руководством отца напрямую были связаны с будущей военной профессией. Для детских маневров был предоставлен парк «Еловая роща» подмосковного имения Осташево, где в виде зеленых комнат-боскетов были устроены импровизированные «столицы государств», каждое из которых «принадлежало» кому-либо из мальчиков. На овальном острове усадебного пруда для тех же целей была сооружена потешная крепость. По достижении детьми юношеских лет воинственные летние игры в Осташеве постепенно сменились сезонными занятиями практической фортификацией, тактикой и инженерной съемкой планов [12].

Таким образом, мы можем представить, каким был уровень подготовки молодых офицеров для службы по квартирмейстерской части в доме Н.Н. Муравьева. В 1811 г. Муравьев на общественных началах организовал преподавание курсов военно-математических дисциплин для молодых людей, готовившихся к воинской службе. В 1816 г. он создал юношеское военно-учебное заведение и распространил свой педагогический опыт на массовую подготовку офицеров для Генерального штаба, укомплектовав его за короткий срок высококлассными специалистами. Изучение системы генерал-майора Н.Н. Муравьева имеет не только культурно-историческое, но и прикладное значение – адаптированная к современным воспитательным практикам она может быть вполне востребованной в учебном процессе кадетских корпусов и других детско-юношеских военных учебных заведений России, а также молодежных военно-патриотических организаций.

Библиографический список:

1. Кропотков Д.А. Жизнь Графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. – СПб., 1874. – С. 45.
2. Туманик Е.Н. Александр Николаевич Муравьев: начало политической биографии и основание первых декабристских организаций. – Новосибирск, 2006. – С. 72-73.
3. Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. – 1886. – № 2. – С. 126-127.
4. Руа Ж.Ж. История рыцарства. – М., 1996. – С. 39, 41-42, 49-59; Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. – 1885. – № 9. – С. 30.
5. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма декабристов к Н.Н. Муравьеву-Карскому. – М., 1975. – Т. 1. – С. 101.
6. Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. – 1885. – № 9. – С. 54.
7. Нечкина М.В. Движение декабристов. – М., 1955. – Т. 1. – С. 102; Басаргин Н.В. Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве // Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. – Иркутск, 1988. – С. 309, 313.

8. Кропотков Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева... – С. 44; Муравьев А.Н. Сочинения и письма. – Иркутск, 1986. – С. 162.
9. Басаргин Н.В. Воспоминания об учебном заведении для колонновожатых... – С. 306-308, 310-312, 314-316.
10. Муравьев Андрей. Мои воспоминания // Русское обозрение. – 1895. – № 12. – С. 590.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1468. Оп. 1. Д. 3616. Л. 1.
12. Туманик Е.Н. Александр Николаевич Муравьев... – С. 78-79.

УДК 004.75+930+316.32

П.В. Улизко

*Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации
г. Москва*

vv8288@yandex.ru

ОБРАЗ ВРАГА В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 гг.)

В статье проводится анализ основных тенденций и характерных черт, присущих изображению врага в советском плакате в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: пропаганда, образ врага, Окна ТАСС, плакат, Великая Отечественная война.

В период Второй мировой войны использование всеми воюющими странами пропагандистского воздействия на свое население вышло на качественно новый уровень. Пропаганда не только превратилась в «орудие» войны, но и стала одним из ключевых факторов достижения преобладания над противником.

Опыт военной пропаганды свидетельствует, что броские лозунги и призывы, равно как апелляция к рациональным аргументам являются недостаточно эффективным средством воздействия на большие группы людей. Более важную роль в период войны играла активизация подсознательных, ментальных основ человеческого поведения.

В связи с этим универсальным приемом пропагандистов всех стран было резкое размежевание мира добра, под которым подразумевался мир субъекта, и мира зла объекта. Уничтожение последнего происходило за счет сравнений с животными, «силами ада», «недочеловеками» – в зависимости от мировоззрения [1].

В советской военной пропаганде важное значение имеют такие феномены, как «образ врага» и «советский патриотизм». В данном случае, «образ врага» служит идеологическим выражением общественного антагонизма, динамическим символом враждебных государству и гражданину сил и одновременно инструментом политики правящей группы общества. Образу врага противопоставлен «советский патриотизм».

Обобщенный образ врага, формировавшийся в ходе самой войны, включал в себя официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой образы. Официально-пропагандистский элемент преобладал до приобретения человеком личностного опыта общения, контакта с врагом; служебно-аналитический, как правило, преобладал у командного состава и разного рода спецслужб, которым требовался адекватный образ врага на основе объективной и большой по объему информации для принятия оперативных и стратегически важных решений; наконец, личностно-бытовой тип образа оказывался самым распространенным и присутствовал как доминирующий на всех армейских уровнях, непосредственно вовлеченных в боевые действия [2].

Уже на бытовом уровне на начальном этапе войны у советских людей неумолимо складывался образ обезличенной военной машины, хорошо отлаженного военного механизма (особенно учитывая техническую оснащенность и организованность немецкой армии), сохранившийся до конца войны. Однако он очень быстро был дополнен образом врага-зверя. Причем этот образ формировался как «сверху», на уровне пропаганды, так и «снизу», на бытовом уровне, исходя из личного опыта людей, оказавшихся на оккупированной территории, в плену, в действующей армии, наблюдавших или испытавших в прямом смысле зверства фашистских захватчиков [3].

По мнению историка Л. Гудкова, риторика врага превратилась в значимый социальный факт

конструирования и функционирования тоталитарного режима еще с начала 1930-х гг. С появлением реального врага в годы Великой Отечественной войны можно говорить об окончательной легитимации власти, которая в противовес чужому «врагу» стала «своей», «отечественной» [4].

В советской пропаганде важнейшим элементом стал плакат. Советский плакат отличался лаконичностью и выразительностью. На листе плаката обычно помещались одна-две фигуры, их действие подчеркивалось характерным движением. Лучшие плакаты отличались четкостью силуэта центральной группы; применяемые цвета были яркие и в своем сочетании усиливали выразительность изображения.

Плакат – мощное и незаменимое средство воздействия во время информационно-психологической войны за счет того, что содержит знаки двух различных систем, образуя пары «слово-изображение». Это позволяет зрителю быстрее и эффективнее воспринимать и интерпретировать плакат, а автору убедить адресата в необходимости совершения (несовершения) определенного действия и склонить его к осуществлению (неосуществлению) данного действия. Пристальное внимание к особенностям восприятия листа позволило определить ту важную роль, которую играет плакат в процессе конструирования реальности и воздействия на массовое сознание зрителя. Плакат, выпущенный в военное время, способствует порождению, тиражированию и поддерживанию мифов в сознании людей.

Плакаты вообще играли особую роль в системе советской пропаганды, способствуя визуализации образа противника, давая возможность представить «воочию» захватчика. Специфический плакатный стиль придавал облику врага стилизованный, деперсонифицированный характер, усиливая чувство ненависти. В то же время нередко подчеркивалось жалкое и трусливое поведение противника, прославлялись мощь и мужество противостоявших ему советских войск, что должно было воспитывать веру в победу у населения.

За время Великой Отечественной войны художники создали тысячи плакатов, которые выпускались миллионными тиражами. В этом отношении знаковыми являются «Окна ТАСС». Это был специальный вид малотиражного плаката, создаваемого не печатью, а вручную, нанесением клеевых красок на бумагу через трафарет. По этой причине по сравнению с печатным плакатом плакат ТАСС обладал большей красочной свободой. Другое важное свойство – мобильность, возможность мгновенной реакции на то или иное событие [5]. Впервые «Окна ТАСС» появились 27 июня 1941 года, на пятый день с начала Великой Отечественной войны. Агитационные плакаты, по замыслу, должны были поднимать боевой дух советских солдат и мирных жителей.

Над проектом работали известные карикатуристы того времени: Михаил Черемных, Борис Ефимов, Николай Радлов, Кукрыниксы (Михаил Куприянов, Порфирий Крылов и Николай Соколов), а также поэты Демьян Бедный, Самуил Маршак, Ольга Берггольц и многие другие. Всего в проекте приняли участие 125 художников и 83 литератора. «Работали в три смены, круглосуточно, – вспоминал художник Николай Денисовский. – Обычно на выпуск срочного плаката уходили сутки, иногда и меньше, но ни один плакат не был в производстве более трех дней». За первый месяц войны сотрудники «Окон ТАСС» выпустили в свет 119 плакатов в количестве 7200 экземпляров [6].

Часто в плакатах использовались тексты, уже опубликованные в периодической печати. Так, через 18 часов после выхода в свет стихотворения К. Симонова «Убей его!» был создан плакат Кукрыниксов, на котором фашист в виде гориллообразного чудовища с автоматом в руках шагал по трупам женщин и детей.

Согласно отчетам, «Окна ТАСС» выпускали до 5000 плакатов в месяц. Согласно установкам ТАСС приоритетное освещение в этот период получили не только такие темы, как наступательные операции Красной армии, героические деяния на фронте и работа в тылу, но также сообщения о моральном разложении в вермахте.

Художники внимательно изучали немецкую кинохронику, фотографии, подмечая характерные жесты, походку, внешность своих будущих «героев»: Гитлера, Геббельса, Геринга, Гимmlера и других. Выдающийся карикатурист Борис Ефимов вспоминал: «Я где-то вычитал, что в интимном кругу гитлеровской верхушки Геббельс носил кличку «Микки Маус»... Такое уподобление мне понравилось, и я стал изображать «мастера большой лжи» в соответствующем облике». [7]

Всего за пять лет войны московской редакцией было создано около 1500 плакатов общим тиражом свыше 2 млн экземпляров.

Ожесточенная борьба с фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны сняла все ограничения в применении средств и методов идеологического противоборства. Установка на воспитание ненависти к фашизму, отождествлявшемуся с жестокостью и злом, с насилием и цинизмом, угрозой всей человеческой цивилизации, была оправдана и необходима, т.к. выступала как норма поведения, важнейшее нравственное требование, метод борьбы и способ укрепления уверенности и оптимизма. Была создана мощная индустрия политической пропаганды, в которой слово «немец» стало равнозначным слову «враг».

Термин «фашист» стал синонимом «нелюдя», человека-оборотня, порожденного темными силами капитализма, и идеологией фашистской Германии. Вольно или невольно пропагандисты задействовали архаические, языческие пласты сознания советских людей. [8].

Германская армия сопоставлялась и с другими завоевателями: кочевниками, досаждавшими еще Киевской Руси, монголо-татарами (вермахт – «проклятая орда», установившая «немецкое иго»), французами (Гитлера нередко изображали в костюме и шляпе Наполеона, подчеркивая ожидавший его бесславный конец).

Среди всего многообразия плакатов выделяются две основные жанровые разновидности по типу целевой аудитории: действующая армия и труженики тыла. В первой группе, ориентированной на фронт, по методу воздействия выделяются героическая и сатирическая разновидности. В их коммуникативные функции входило оказание направленного воздействия на армейские части, ведущие активные боевые действия против противника. Героическая разновидность таких плакатов популяризировала общечеловеческие идеи, примеры индивидуального героизма. Образы на таких плакатах призывали к принятию срочных адекватных мер против врага-монстра, разрушающего то, что дорого для сердца каждого человека. Сатирическая разновидность была призвана очернить врага в глазах солдат, показать его смешным, ничтожным и, следовательно, уязвимым для сильного, смелого и решительного героя. [9]

Исследователем образа врага, историком Клаусом Вашиком выделены основные типы изображения врага в советском плакате в годы Великой Отечественной войны. Ими являются символический тип (тип животного), карикатурный тип, (псевдо)реалистический тип, а также другие анималистические типы.

Центральным мотивом образа врага «фашизм», по мнению К. Вашика, является змея, считающаяся в русской иконографической традиции символом несчастья и Зла [10].

Карикатурный тип (образ «бессильного» врага), особенно распространенный в окнах ТАСС, основывался на стилистике карикатуры: изображение личностей Гитлера, Геббельса и Геринга, как правило, не несет эмоционального компонента «угрозы», но скорее наоборот, фигура врага выставляется на посмешище. Известными примерами служат плакаты Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (1941), «Удар в сердце» (1945) и «Немецкие щипцы» (1941). В своих карикатурах Кукрыниксы изображали и простого немецкого солдата, иногда даже жертвой военной агрессии, как на известном плакате Кукрыниксов «Превращение фрицев» (1943). Гитлер, однако, не изображается исчадием ада, как Сталин на аналогичных немецких плакатах. Скорее, Гитлер имеет черты глупого, смехотворного Наполеона, а Геббельс изображается в виде собаки с пеной у рта (при этом его угрожающий потенциал сводится до минимума) или уродливой ручной обезьяны «фюрера». Немецкому солдату в основном не приписывается природная агрессивность, а скорее тупость, как следствие навязывания ему определенных политических доктрин.

Псевдореалистический тип отличается тем, что немецкий солдат здесь не изображается в виде символа или карикатуры, он становится реальным человеком, несущим реальную угрозу. На плакате В. Корецкого «Воин Красной Армии – спаси!» изображение врага сведено до единственного признака (острие штыка), его воздействие строится только на психологическом ситуативном контексте, в котором впечатляющим образом показаны только те, кому предназначена угроза – женщина и ребенок.

Не случайно, что на плакатах объектом посягательства врага обычно выступали женщина-мать и беззащитные дети. Отсутствие мужских фигур было призвано вызвать у зрителя чувство личной ответственности, сопричастности к происходившим событиям. В то же время в советских плакатах практически не использовался образ молодой девушки или женщины, подвергавшейся насилию со стороны оккупантов в отличие от нацистской пропаганды, подчеркивавшей сексуальную похотливость большевиков.

Также к данному типу относятся графические решения, где противник прямо показывается побежденным в боевой сцене; при этом его характеризуют черты «физически безобразного».

Другие варианты анималистического изображения врага, в которых использовались прежде всего образы хищников (плакат В. Климашина и Н. Жукова «Бей немецких зверей! Уничтожить гитлеровскую армию можно и должно» (1943) в отечественной плакатной пропаганде оставались редкими; преобладали анимализации, восходящие к мотиву пресмыкающегося. Враг предстал чаще «подлым» и «коварным», нежели «грозным» или «страшным».

Кроме того, следует отметить, что на советском плакате, в отличие от основной тенденции немецких плакатов, враг изображается не в момент, когда он сильнее всего угрожает, но в положении уже побежденного или такого, который будет побежден или уничтожен в ближайший момент. Собственная сторона изображается не сатирически (подражая реальности), в то время как противник подвергается сатирическому снижению.

Образная структура советского плаката по сравнению с национал-социалистическим несла противоположное послание и представление о будущем: транслировать хотели неизбежность своей победы, а не грозящие последствия поражения.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что формирование образа врага в советском плакате в годы Великой Отечественной войны имело огромное значение для укрепления морального духа не только действующей армии, но и всего населения СССР, являясь важнейшим элементом в системе советской пропаганды.

Библиографический список:

1. Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. Монография / Отв. ред. Петрова Н.К. – Ин-т рос. истории РАН, 1999.
2. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006.
3. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке. Исторический опыт России. – М., 1999.
4. Гудков Л. Идеологема «врага», 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/lib/gudkov4.htm>
5. История русского и советского искусства / Под ред. Д.В. Сарабьянова. – М., Высшая школа, 1979.
6. Как «Окна ТАСС» приближали победу. ИТАР-ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <http://itar-tass.com/politika/1398391>
7. Колесникова Л. «Окна ТАСС» – секретное оружие Красной Армии. – «Братишка», – 2002. – № 46.
8. Эренбург И. Ближизит час! – М., 1942.
9. Спешилова А.Ю. Плакат времен мировой войны: жанровые разновидности, композиция, язык. // Дис... канд. фил. наук. – ТвГУ, 2008.
10. Вашик К. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30-50-х годов // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 2005.

УДК 94(47).083

М.В. Шиловский

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
г. Новосибирск*

istorik.novosib@gmail.com

ОФИЦЕРЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ЗАПАСНЫХ ЧАСТЯХ СИБИРСКИХ ВОЕННЫХ ОКРУГОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914-1918 гг.

В статье анализируется подготовка и служба офицеров военного времени в запасных формированиях Омского и Иркутского военных округов в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона (полка), дислоцировавшегося в Новониколаевске, а с октября 1915 г. в Томске. Устанавливается, что катастрофическая нехватка офицеров восполнялась за счет ускоренной подготовки (4 месяца) в военных училищах и специальных школах прапорщиков военного времени из числа призванных в армию студентов, семинаристов, окончивших учебные заведения, и фронтовиков.

Ключевые слова: запасной батальон (полк), маршевая рота, офицер военного времени.

Подготовкой новобранцев в годы Первой мировой войны в запасных частях руководили офицеры. В кампаниях 1914-1915 гг. была уничтожена большая часть их кадрового состава и дефицит восполнялся за счет ускоренной подготовки офицеров военного времени, прежде всего из числа отличившихся в боевых действиях солдат и унтер-офицеров. Обучение их осуществлялось в военных училищах и специально открытых школах прапорщиков с 4-х месячным сроком обучения. К концу 1915 г. в Российской империи открылось 32 таких военно-учебных заведения, в том числе 1-я и 2-я школы прапорщиков в Омске и три в Иркутске (одна на базе местного военного училища). 6 марта 1915 г. вводятся в действие правила призыва студентов гражданских вузов для обучения в военно-учебных заведениях. В первую очередь вакансии в них закрывались за счет призыва первокурсников 20-летнего возраста, затем второкурсников и третькурсников. Студенты старших курсов, медики, ветеринары, женатые не призывались. Со временем в школы начали принимать детей, воевавших в действующей армии «без различия национальностей или вероисповедания вне конкурса и не считаясь с существующими иными ограничениями». В сентябре 1915 г.

разрешили задействовать выпускников частных средних учебных заведений, учительских институтов, семинарий, а также городских училищ. Тем не менее, основной контингент их составляли фронтовики (рядовые и унтер-офицеры), хотя бы с элементарным образованием, положительно зарекомендовавшие себя в армии и отличившиеся в боях.

Что из себя представляло такое учебное заведение можно судить по 1-й Иркутской школе подготовки прапорщиков пехоты (данные на июль 1917 г.). По спискам в ней состояло: начальник (полковник), 2 командира роты (капитаны), 8 курсовых офицеров (4 штабс-капитана, 4 поручика), 18 помощников курсовых офицеров (прапорщики), один заведующий хозяйством (прапорщик), один врач (не имел чина), по одному – казначей и делопроизводитель, 374 юнкера (1 зауряд-прапорщик, 8 подпрапорщиков, 7 фельдфебелей, 24 старших унтер-офицера, 333 младших унтер-офицеров, 1 рядовой), 88 солдат команды обслуживания, в том числе 10 писарей и 51 нестроевой, 3 фельдшера [1].

Сословный состав Иркутского военного училища на 1 января 1915 г. выглядел следующим образом: из 316 обучавшихся, детей дворян насчитывалось 31 (9 %), чиновников и офицеров – 59 (18,8 %), почетных граждан – 14 (4,5 %), духовенства – 48 (15,1 %), купцов – 5, мещан – 75 (23,7 %), крестьян – 84 (26,5 %). На 1 декабря 1916 г. эти показатели на общее количество юнкеров в 279 чел составили: дворяне – 17 (6,4 %), дети офицеров и чиновников – 31 (11,1 %), почетных граждан – 22 (8 %), духовенства – 39 (14 %), купцов – 3, мещан – 48 (17,2 %), крестьян – 112 (40 %), прочих – 7 чел. На середину января 1917 г. в 1-й Омской школе прапорщиков из 196 обучающихся выходцы из крестьян составили 104 (53 %), мещан – 68 (34,7 %) [2].

Как установил В.Л. Кожевин, «школьное начальство пыталось привить своим воспитанникам комплекс традиционных моральных и этических норм офицеров, включая представление об офицерской чести и долге офицера перед отечеством и подчиненными. Кроме того, учитывая особенности контингента школ, приходилось просто обучать юнкеров правильно говорить, здороваться, соблюдать элементарные нормы гигиены. Для некоторых из них все эти вещи действительно представляли серьезную проблему». Например, в духе знаменитой «Юности честное зерцало» в Омске в 1917 г. составили «Инструкцию распорядка жизни юнкеров в школах подготовки прапорщиков пехоты», в которой содержался раздел «Соблюдение чистоты и опрятности» с перечислением процедур, естественных для культурного человека: «а) менять белье еженедельно, не менее одного раза; б) ноги содержать в чистоте и по возможности обмывать холодной водой, особенно в жаркую погоду, ногти своевременно стричь; в) на руках ногти должны быть острижены и чисты; г) иметь годные для употребления носовые платки; д) плевать на пол где бы то ни было воспрещается, утром и вечером чистить зубы или полоскать рот водой» [3].

Еще одним каналом приобщения к офицерской корпорации являлось производство в прапорщики отличившихся в боях рядовых и унтер-офицеров, а также предоставление добровольцам права сдачи экзамена на звание прапорщика. Поэтому в дневнике иркутянина И. И. Серебренникова 12 января 1915 г. помечено: «В городе начинают встречаться отпускные из армии: больные и раненые. Много добровольцев из армии прислано для подготовки к экзаменам на прапорщика запаса» [4]. Как вспоминал Ушаков, накануне 1917 г. в 25-м Сибирском стрелковом запасном полку в Томске «офицерами в то время были большинство из бывших солдат» [5].

Наглядно ситуацию с разными типами офицеров военного времени на сибирском материале можно проиллюстрировать на примере героев гражданской войны П.Е. Щетинкина и Р.П. Эйдемана. Первый – выходец из крестьян-переселенцев, плотник, умевший читать и писать, отслуживший срочную службу и уволенный в запас в 1909 г. старшим унтер-офицером. В 1912 г. он становится сверхсрочником, во время войны продвигается до командира роты и штабс-капитана. В январе 1917 г. его назначают начальником учебной команды в 59-й Сибирский стрелковый запасной полк в Ачинске. Второй – сын учителя из Литвы, будучи студентом в Петербурге, в апреле 1916 г. был мобилизован и после окончания ускоренного курса пехотного училища выпущен прапорщиком с направлением в г. Канск, где в 16-м Сибирском стрелковом запасном полку встретил 1917 год.

Еще один пример приводит И.И. Серебренников, встретивший летом 1915 г. в поезде по пути в Москву прапорщика К-ва, уроженца пригородного села Усть-Куда: «Он пошел на войну младшим унтер-офицером, с двумя георгиевскими крестами, полученными за японскую войну. А вот теперь, произведенный без экзамена в прапорщики, награжденный еще двумя георгиевскими крестами, а также орденами Св. Станислава и Анны, побывавший уже за Карпатами, в третий раз направляется в действующую армию. «Вот это наш сибиряк!» – думал я, глядя на него; такие-то сибиряки и создали славу нашим полкам» [6].

Офицеры военного времени доминировали не только на фронте, но и в запасных батальонах (полках) в тылу. Так, в 38-м Сибирском стрелковом запасном батальоне (Новониколаевск) на 1 сентября

1915 г. насчитывалось 38 офицеров и военных чиновников, в том числе 31 прапорщик, т. е. примерно по 2-3 на роту [7]. Регулярно в приказах по части фиксировалось: 3 октября 1915 г. «Прибывшего на службу прапорщика 2-й Иркутской школы прапорщиков Масдовского зачислить в состав батальона. Назначить его офицером 10-й роты»; 5 октября того же года. «Прибывшего на службу прапорщика 2-й Иркутской школы прапорщиков Плотникова зачислить в батальон и назначить младшим офицером в 4-ю роту» [8]. Основным источником пополнения офицерских кадров для упомянутой части стали военно-учебные заведения Иркутска. В свою очередь И.И. Серебренников 9 декабря 1915 г. записал в дневнике: «На днях здесь был произведен выпуск учеников из школы (вернее курсов) для прапорщиков запаса. Выпущено свыше 200 офицеров. Все – самая зеленая молодежь» [9].

Как они служили можно узнать из тех же приказов. Так, 3 октября 1915 г. комбат, подполковник Доброхотов, «посетив около 9 часов утра 9-ю роту я не нашел на занятиях ни командира прапорщика Микулина, ни младшего офицера прапорщика Лебедева, которые пришли уже в 10 часу. Занятия в 9-й роте велись вяло..., выправка не только ратников 2-го разряда, но и молодых солдат находящихся второй месяц в строю – слабая... Принимая во внимание, что прапорщик Микулин уже неоднократно замечался в опаздывании и в последний раз даже был арестован домашним арестом на одни сутки, за последнее опоздание, а также беспорядки в роте, арестовываю его на одни сутки на гауптвахте и предупреждаю, что если его деятельность и в будущем будет также плодотворна как теперь, принужден буду принять против него меры, указываемые законом. Прапорщику Лебедеву объявляю в первый раз выговор» [10].

Недовольство в адрес офицеров военного времени выразил и сам командующий Омским военным округом генерал-лейтенант Н. А. Сухомлин, разразившийся 15 августа 1915 г. в воспитательных целях приказом по войскам объединения: «13-го августа вечером я встретил в городе [Омске] двух обер-офицеров, которые не отдали мне установленной чести, в виду вечернего времени этот случай не особенно удивил бы меня, если бы далее я не встретил целую группу офицеров, которые по явной невнимательности, тоже не отдали мне надлежащей чести. При дальнейшем моем следовании по городу я встретил прапорщика 26-го Сибирского стрелкового запасного батальона Баранова, который тоже не отдал мне чести, а на мое замечание о необходимости быть более внимательным, позволил себе вступить со мной в неуместный разговор, приводя в свое оправдание различные доводы, чем высказал явное непонимание своего положения и неумение держать себя в разговоре со старшим начальником». Далее нижестоящим командирам предписывалось усилить воспитательную работу с младшими офицерами, обратить самое строгое внимание на их дисциплину и т. д. и т. п. [11]

Но были и положительные моменты. «Высочайшим приказом от 26 августа сего года, – говорилось в приказе по 38-му Сибирскому стрелковому запасному батальону от 18 сентября 1915 г., - за отлично ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны с 1 января сего года прапорщику вверенного мне батальона Грищенкову пожалован орден Св. Станислава 3-й степени. Приказываю означенную награду занести в послужной список прапорщика Грищенкова» [12]. К тому же нужно иметь в виду, что после 9 месяцев службы в запасных частях прапорщика с очередной маршевой ротой отправляли на фронт. Поэтому их пребывание в тылу можно рассматривать как своеобразную форму введения в строй, повышения квалификации и приобретения профессиональных навыков после окончания военно-учебного заведения.

Минимальные сроки подготовки людей, которые в принципе не собирались и не должны были служить в армии, пестрота социального состава, сложный процесс адаптации к военной повседневности формировали нелицеприятный имидж офицера военного времени. На бытовом уровне популярностью пользовался куплет:

«Раньше я был кучер, звать меня Володя,
А теперь я прапор, Ваше благородие».

С другой стороны, на этих офицеров военного времени из числа студентов, учителей, инженеров, отличившихся в боях нижних чинов и т. д., легла тяжелая задача подготовки солдат из неграмотных и малограмотных сибирских крестьян, руководство ими на фронте, подвергаясь опасности быть убитыми или ранеными, как это произошло с бывшим землеустроителем, прапорщиком запаса из Томска С.К. Майковским. Призванный в августе 1914 г. в 31-й Сибирский стрелковый полк, в начале 1915 г. он был тяжело ранен, перенес несколько операций, признан инвалидом, но вернулся на фронт нестроевым офицером с назначением интендантом полка [13]. Что касается ругани и мордобоя, то арестованный уже после Февральской революции за эти пороки анонимный поручик признавался: «Я никогда не готовился и не думал о военной карьере, я студент, надевший военный мундир семнадцать месяцев тому назад. Я так воспитан, что никогда, даже будучи только что выпущенным офицером не допускал мысли о рукоприкладстве. Я смотрел на это, как на нечто дикое, недостойное человека. И вот, как это произошло, я

даже не могу объяснить. Я, надевши золотые погоны, впитал в себя традиции «умения обращаться с людьми». Даже в самое последнее время перед арестом у меня было разьедающее сознание чувство, что я делаю не так, как думал, что я иду против себя самого, против своей совести. Но я уже не мог себя побороть» [14].

О качестве усилий офицеров военного времени по подготовке пополнения для фронта можно судить хотя бы по краткому отчету об осмотре 72-й маршевой роты 38-го Сибирского стрелкового запасного полка, прибывшей на укомплектование 244-го Красноставского пехотного полка от 8 декабря 1916 г., в котором фиксируется, что в ней «нижних чинов действительной службы 166 чел., ратников 1 разряда – 23, ратников 2 разряда – 28 и запасных – 3 чел. Сроков службы 1916, 1917 и 1918 гг. и ратники 1903, 1904 и 1905 гг., уроженцы Томской губернии. Срок обучения 9 недель. Стрельб произведено: одиночный подготовительный 3 упражнения и одиночный боевой 2 упражнения. Боевая подготовка: обязанности стрелка в рассыпном строю знают удовлетворительно, наводка со станка и установка прицела правильная. Штыковому бою обучены удовлетворительно, рассыпание в цепь, перебежки и применение к местности удовлетворительны. Сторожевая и дозорная служба удовлетворительны. С действием лопаты в бою ознакомлены. Строевая подготовка: стойка, ружейные приемы и повороты усвоены удовлетворительно. Шаг вялый, колка чучела удовлетворительная... Жалоб заявлено не было. Общее заключение: строевая и боевая подготовка роты комиссией найдена удовлетворительной» [15].

Как видим, пополнение, подготовленное в сибирских запасных частях за 6-9 недель обучения, относилось, по непритязательным оценкам фронтовиков к категории «твердых троечников», но их последующая военная судьба во многом зависела от тех первоначальных азов солдатского ремесла, которые они получили в Сибири.

И последний штрих к портрету офицера военного времени эпохи Первой мировой войны 1914-1918 гг. В конце 1916 г. командир фронтового 52-го запасного пехотного полка сообщал в Томск о том, что «командиры 73, 74, 75 и 76-й очередных рот пополнения прапорщики Сафонов, Грудачев, Расторгуев и Донской во время пути следования эшелона проводили нижних чинов через оцепление и отпускали их домой, отчего было в пути 22 самовольно отлучившихся нижних чина, из которых нагнали эшелон 14 человек» [16].

Положение и позиции офицеров военного времени определялись еще целым рядом факторов. Если квалифицированные специалисты и студенты призыв в армию воспринимали как временное явление с последующим возвращением к мирной деятельности после демобилизации, то для офицеров из крестьян и мещан армия представляла возможность для вертикальной мобилизации. Но реально их карьера в вооруженных силах после окончания войны стояла под вопросом. Дело в том, что офицеры военного времени не обладали в полной мере правами и льготами кадровых военных. Их запрещалось производить в штаб-офицерские чины, их не причисляли к сословию дворян, присваивая статус почетных граждан и, самое главное, они подлежали увольнению в запас после завершения боевых действий. Данные обстоятельства предопределили высокую политическую активность именно этой части офицерской корпорации, ее активное участие в событиях 1917 г.

Вообще социальный катаклизм 1917 года можно назвать революцией прапорщиков. Так, из 54 офицеров – активных борцов за установление в регионе советской власти в 1917 – начале 1918 гг., персоналии которых приводятся в монографии А.Н. Баталова, 37 (68,5 %) являлись прапорщиками [17]. Руководящий орган новой власти – Президиум Центросибири состоял из 5 чел., в том числе двух солдат и двух прапорщиков (Р.П. Эйдеман и К.С. Кошкин).

Библиографический список:

1. Рашупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. – Иркутск, 2003. – С. 163-164.
2. Волков С.В. Русский офицерский корпус. – М., 2003. – С. 395.
3. Кожевин В.Л. К истокам гражданской войны в Сибири: политические позиции юнкеров омских школ прапорщиков в 1917 году // Гражданские войны. Политические кризисы. Внутренние конфликты. История и современность. – Омск, 1988. – С. 73-74.
4. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914-1918 гг. – Иркутск, 2008. – С. 83.
5. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 76. Л. 2.
6. Серебренников И.И. Указ.соч. С. 133.
7. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 1. Л. 193-193об.
8. Там же. Д. 2. Л. 17об, 23.
9. Серебренников И.И. Указ.соч. С. 70-71.

10. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.
11. Там же. Д. 1. Л. 127об.
12. Там же. Л. 274.
13. Данилов С. Потерянный сад // Сиб. старина (Томск). – 1993. – № 5. – С. 35-38.
14. Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. – Омск, 2011. – С. 105.
15. ГАНО. Ф. Д-132. Оп. 1. Д. 35. Л. 86.
16. Там же. Л. 44.
17. Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири. 1916 – февраль 1918 г. – Новосибирск, 1978.

УДК 355.233.11

А.Л. Юрчик

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

Alex.yurchik@mail.ru

СИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЁЖИ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Автор рассматривает функционирование и развитие общегосударственной системы подготовки молодёжи к военной службе в СССР (50-60-е гг. прошлого века) исходя из необходимости осмысления накопленного исторического опыта и его творческого применения в современных условиях.

Ключевые слова: военная служба, военно-патриотическое воспитание молодежи, обороноспособность, общегосударственная система подготовки молодёжи к военной службе.

Подготовка граждан к военной службе является одной из предпосылок сохранения национального суверенитета любого государства, а готовность молодёжи служить в Вооружённых Силах является первостепенным показателем её гражданской позиции и патриотизма. Современной России нужны мощные Вооружённые Силы, способные стать надёжной опорой в системе обеспечения национальной безопасности. Однако периодичность обновления кадрового состава армии и флота, сокращение сроков службы по призыву, усложнение вооружения и техники, правовой нигилизм, тенденции криминализации и девиантного поведения, пацифистские настроения молодёжи требуют проведения военной подготовки призывного контингента, формирования у будущих воинов мотивации к военной службе, нравственно-правовых установок на выполнение конституционного воинского долга, необходимых морально-физических качеств. Подготовка молодёжи, способной встать на защиту Отечества, является одной из важнейших задач в области оборонной политики государства.

Достижения сегодняшнего дня неотделимы от исторического наследия, каким бы оно не было. История нашего Отечества, имеющего протяженные границы и особое геополитическое положение, была всегда сопряжена с решением многосложных задач по защите своих рубежей и отстаиванию национальных интересов средствами и методами вооруженной борьбы. Поэтому укрепление обороноспособности страны всегда было важнейшим направлением деятельности государства, приоритетной задачей российского общества, для которого непреходящее значение имело формирование у поколений граждан готовности исполнить свой воинский долг перед Родиной.

Исторический опыт, накопленный в стране, показал не только значимость военно-патриотической подготовки молодёжи, но и зависимость форм и методов этой работы от конкретных исторических условий. Так работа, проводимая в этой области государственно-политическими структурами и общественными организациями СССР, обеспечивала повышение оборонной мощи страны, поддержание военного паритета с вероятным противником. Анализ подготовки допризывной и призывной молодежи в 50-60 гг. поможет осмыслению накопленного исторического опыта и творческому его применению в современных условиях.

Рассматривая комплекс мер, проводимых в СССР по подготовке будущих воинов, условия их осуществления, привлекаемые к работе государственные и политические структуры, общественные организации и опираясь на принцип системного анализа в исследовании, мы можем говорить обо всех выше указанных слагаемых как о «системном образовании» в государственно-политической структуре.

Признаками общегосударственной системы подготовки молодёжи к военной службе (далее по тексту – Система), объективно выделяющимися её из общей политико-государственной организации

советского общества, являются:

- множество составляющих ее элементов;
- единство главной цели для всех элементов;
- наличие связей между ними, целостность и единство элементов;
- наличие структуры и иерархичности, относительная самостоятельность элементов;
- наличие управления этими элементами [1].

Главной целью Системы являлось достижение необходимого для обеспечения обороноспособности государства уровня морально-психологического, физического и военно-образовательного состояния призывной молодежи, а вторичной целью – обеспечение функционирования и организационной самостоятельности.

Организация Системы определялась тем, что подготовку молодежи к службе в армии осуществляли не только органы Министерства обороны, но и многие другие ведомства и общественные организации [2]. Систему, как элементы, составляли государственные структуры СССР, органы политических и общественных организаций, для которых подготовка молодежи к защите Советской Родины во всех её аспектах становилась связывающей целью. Данная цель формировала организационное взаимодействие элементов друг с другом и др. структурами советского общества и регламентировалась Конституцией СССР, Программой КПСС, Уставами ВЛКСМ, ДОСААФ и др. общественных организаций, государственными нормативно-правовыми документами.

Система подготовки молодежи к защите Родины представляла собой многоуровневую и многогранную совокупность государственных, политических и общественных органов, действовавших в едином идеологическом, организационном, образовательном и воспитательном компоненте.

Вопросы подготовки молодежи затрагивали деятельность большинства основных структур советской государственно-политической организации:

- 1) КПСС;
- 2) высшие органы государственной власти: Верховный Совет СССР, Центральный исполнительный комитет (ЦИК);
- 3) высшие органы государственного управления: Совет Министров;
- 4) центральные органы государственного управления: Министерство обороны СССР, Министерство высшего образования СССР (до 1959 г.), Министерство высшего и среднего специального образования СССР (с 1959 г.), Министерство просвещения (с 1966 г.), Министерство здравоохранения СССР, Министерство печати и информации СССР, Государственный комитет по печати, 1963 г. Комитет по физической культуре и спорту (ФКиС) СССР;
- 5) общественные и общественно-политические организации: ВЛКСМ, добровольно-спортивные и оборонно-спортивные объединения (ССО, ДСО, ДОСААФ) [3].

Их составные части, непосредственно занимавшиеся подготовкой к военной службе, образовывали структуру элементов Системы.

Наличие в Системе разнородных элементов с многоуровневым и разнонаправленным взаимодействием между ними изначально определяло и делало неизбежным неравномерность, перегруппировку и перераспределение векторов взаимодействия. Данное обстоятельство в свою очередь приводило к формированию как подсистем различного уровня, так и к созданию на их основе самостоятельных функциональных структур. Примером может служить подсистема военно-спортивной работы или структурирование элементов на основе привлечения молодежи к техническим видам спорта, в развитии которых принимали участие и ДОСААФ, и ДСО, и спортивные клубы ВС.

Особенностью Системы являлось наличие в качестве отдельных функциональных структур первичных органов КПСС и ВЛКСМ, входящих во все элементы и непосредственно участвовавших во всех проводимых мероприятиях.

Иерархия Системы объективно определяла вопросы вертикальной направленности управления и функциональные связи на всех её уровнях.

Задача функционирования системы подготовки будущих защитников Родины заключалась в осуществлении комплекса мероприятий, проводимых государственными структурами, политическими и общественными организациями по формированию у молодежи качеств патриотов страны, защитников Отечества в соответствии с советской идеологией. Выполнение данной задачи в ходе практических мероприятий по подготовке молодежи к военной службе определяли сущность Системы, реализуемую в трёх компонентах: деятельностном, содержательном и результативном.

Способами решения задачи по деятельностному (или организационно-управленческому) компоненту функционирования Системы были: внешнее и внутрисистемное взаимодействие, организация и

управление процессом подготовки молодежи. По содержательному компоненту: патриотическое воспитание, идеологическая и морально-психологическая подготовка молодежи к военной службе; укрепление здоровья и физической развитости молодежи; повышение общеобразовательного уровня; начальная военная и специальная военно-техническая подготовка допризывной и призывной молодежи. Результативный компонент, отражающий эффективность функционирования Системы, достигался анализом и оценкой достигнутых результатов.

Целевое единство компонентов определяло два взаимозависимых (опорных) направления функционально-дифференцированной деятельности по подготовке молодежи к военной службе – организационно-политическая (управленческая) и учебно-воспитательная работа с молодежью.

Все компоненты функционирования Системы регламентировались советской законодательной базой. На начало 50-х годов определяющими нормативно-правовыми документами была Конституция (Основной закон) СССР (утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза СССР 5 декабря 1936 года) и Закон о всеобщей воинской обязанности (принят 1 сентября 1939 года), по которому впервые в СССР устанавливалась действительно всеобщая воинская обязанность граждан [4]. Учитывая военные угрозы, Закон понижал призывной возраст с 21 до 19 лет, а для окончивших полную среднюю школу – до 18 лет. Это позволяло призвать в Вооруженные Силы в самое короткое время достаточное количество пополнения сразу трех возрастов – юношей, достигших 19, 20 и 21 года [5].

Классифицируя Систему подготовки молодежи к военной службе в качестве социальной, мы определяем её как:

сложную, имеющую несколько взаимосвязанных целей;

искусственную, созданную для реализации целей и программ военно-патриотического воспитания и военно-специальной подготовки молодежи;

открытую, характеризующуюся широким набором связей с внешней средой, сильной зависимостью от политико-экономических и социальных условий;

пассивную, не оказывающую значительного и прямого влияния на процессы, проходящие в СССР и в мире;

предсказуемую, т. е. детерминированную, функционирующую по заранее заданным планам и с заранее определенным результатом;

мягкую, характеризующуюся высокой чувствительностью к внешним воздействиям, к политическому курсу государства и его лидеров.

Характеризуя Систему, необходимо отметить ряд аспектов её существования:

будучи открытой, Система получала материальные и человеческие ресурсы от государственно-политических структур, зависела от решений ЦК КПСС;

в процессе функционирования Системы присутствовали тенденции нарастания усложненности и дифференциации, стремление к большей специализации элементов и к усложнению структуры по мере роста;

в основе ее построения лежали предпосылки политического, военного, экономического, научно-технического, социального характера.

Таким образом, исходя из приоритетов поставленных задач и собственных целей систему подготовки молодежи к военной службе в СССР по виду можно классифицировать как социально-образовательную, которая играла существенную роль в советском обществе и обеспечивала необходимое качественное состояние призывного контингента молодежи.

Библиографический список:

1. Розанов Ф.И. Экспликация базовых методологических принципов системного подхода через определение феномена «система». – В мире научных открытий. – 2011. – № 11.2 (23) – Серия: Гуманитарные и общественные науки. – С.739-748.
2. Штеменко С.М. Новый закон и воинская служба. – М.: Воениздат, 1968. – С. 40.
3. Конституция общенародного государства. – М.: Изд. Полит. лит-ры, 1978.
4. Там же.
5. Штеменко С.М. Новый закон и воинская служба. – С. 15-16.

УДК 355/359

М.Н. Анисимова

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

mn.anissimova@mail.ru

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ В ВОЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Автором обосновывается необходимость разработки гуманистической стратегии в военном образовании на современном этапе, развития высшей военной школы.

Ключевые слова: гуманистическая стратегия военного образования, национальная безопасность, этические стандарты военного специалиста, ценностно-компетентностный подход.

Проведенная реформа военного образования ставит вопрос: необходима ли гуманитарная составляющая в военном образовании? Сокращение учебных дисциплин гуманитарного и социального цикла, нужно признать, отражает прагматический подход к высшему образованию военных кадров. Гуманитарные науки представляются неким «довеском» к профессиональному образованию. Вызывает опасение и увеличение доли экономических наук в гуманитарном и общенаучном цикле дисциплин.

Военно-техническое образование, безусловно, должно иметь профессиональную направленность, но профессиональные навыки формируются в том числе и общенаучными дисциплинами. Выделим направления развития знаний и навыков обучающихся в системе военно-технического образования с точки зрения *ценностно-компетентностного подхода*:

- 1) осознание гуманистической стратегии военной реформы, роли армии в обществе будущими офицерами;
- 2) понимание сущности войны как социально-политического явления, характеристика современного периода с точки зрения мировой политики и международных отношений, отношений в структуре российского общества;
- 3) разработка и освоение этических стандартов военного специалиста;
- 4) осознание роли техники в современный период (период информационного постиндустриального общества);
- 5) развитие инструментальных, межличностных и системных компетенций;
- 6) развитие методологического инструментария научных исследований и др.

Суть реформы военного строительства, и, в частности, военного образования, определяется *гуманистической стратегией*. Данная стратегия обуславливается реалиями современной геополитической и социально-политической обстановки (осознание идеологического плюрализма как основы демократического менталитета, необходимость сдерживания и минимизации ядерного потенциала противоборствующих сторон, наличие взаимосвязанности международных сил, активизация международного терроризма и др.) и задана культурным и цивилизационным развитием человечества. Осмыслить культурную доминанту развития человечества помогут философские учения.

В утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года № 537 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» *национальная безопасность* определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойное качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1]. Таким образом, закреплена принципиально новая для нашей страны качественная скачок в подходе к проблеме безопасности, что проявилось в приоритете прежде всего интересов общества и личности.

Вдумчивый анализ содержания документов по стратегии развития Российской Федерации на занятиях социально-гуманитарной подготовки помогает будущему офицеру осмыслить военную

безопасность как один из элементов структуры национальной безопасности наряду с безопасностью социальной, политической, экономической, духовной, экологической и информационной.

Изучение войны необходимо с философской, политической, исторической позиций. Размышления о сущности войны и мира основывается на знании природы человека и личности, законов развития общества, познании «сплава» случайного и необходимого, рационального и иррационального, служения и свободы.

Так как война – порождение политики и имеет политические последствия, то, естественно, требует знаний современного периода, осознания места России в мировом сообществе, ее перспектив в условиях глобализма и задач внутреннего развития. Будущие офицеры смогут познакомиться с различными идеологиями, получить представление о демократии как взаимодействии (борьбе) идеологий, выражающих интересы отдельных социальных слоев, о различии государства и гражданского общества, что даст основу для формирования позиции о роли армии как силы, не участвующей во внутригосударственной борьбе.

Гуманистическая стратегия в кадровой и воспитательной работе выражается в значимости личности как офицера, так и рядового. Уважительное отношение к личности вырабатывается не в процессе назиданий или «разносов», но в формировании мировоззренческой системы, где человек является высшей ценностью. Борьба с «дедовщиной» ведется не в судах, а в умах! Этические проблемы, категории и стандарты поведения еще нуждаются в теоретическом осмыслении в рамках этики военнослужащего.

Глубокая теоретическая подготовленность и развитие профессиональных навыков способствует стремлению к личностному росту и заинтересованности в знании, что формирует военнослужащего армии XXI века.

В процессе изучения учебных дисциплин гуманитарного цикла осваиваются следующие компетенции:

- инструментальные (формирование навыков решения задачи, работа с понятиями, навыки анализа документов, развитие профессиональной речи);
- межличностные компетенции (развитие способности формулировать свою позицию, способности работать в команде, навыки общения в условиях чрезвычайных ситуаций);
- системные компетенции (научиться применять навыки владения приемами аргументации, навыки исследовательской деятельности) [2].

Сегодня необходимо задуматься о «безопасности» военного образования в России, поскольку, утратив «приоритеты» – гуманитарную составляющую образования, мы разрушим основы взаимодействия армии и общества.

Библиографический список:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. – 2009. – 12 мая – №537.
2. Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / под ред. А.В. Хуторского. – М.: Научно-внедренческое предприятие «ИНЭК», 2007.

УДК 355.13

В.Ю. Балабушевич, А.И. Гурский

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

vbalab@yandex.ru
angur@ngs.ru

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРА

Авторы рассматривают религиоведческую подготовку офицера как условие повышения эффективности его профессиональной деятельности, выявляют возможные модели ее организации в войсках.

Ключевые слова: идеология, религиоведение, религиоведческая подготовка офицерского состава, религиозное объединение, религиозный фактор, религия, свобода совести.

Начиная со второй половины XX века, исследователи стали говорить о возрастании роли религиозного фактора в жизни многих стран и народов. Нарушая и блокируя свободную игру

экономических и политических сил, религия вновь заявляет о себе как о весомом, самостоятельном и, что немаловажно, активном компоненте общественной жизни.

Достаточно ощутимо названные обстоятельства проявляются в современном российском обществе. Как никогда актуален для современной России вывод Г.В. Плеханова, сформулированный еще в 1909 г. в его знаменитой статье «О так называемых религиозных исканиях в России»: «...теперь наступила такая пора, когда невнимательное отношение к религиозным вопросам может повести за собой весьма печальные последствия. О религии нужно теперь думать и говорить очень серьезно» [1].

Новейшая история России тесно связана с десятилетиями функционирования системы «официального атеизма». В условиях, когда формальные идеологические запреты «на религию» рухнули, отношение к ней в нашем обществе не стало более взвешенным и «цивилизованным». Развенчание старых мифов и заблуждений сопровождается быстрым формированием новой социальной мифологии и новых стереотипов в отношении религии, церкви, верующих. И если в недавнем прошлом люди вынуждены были скрывать свою веру в Бога, то сегодня многие наши соотечественники предпочитают умалчивать о своем критическом, даже индифферентном отношении к ней, ибо обывателю навязывается отождествление безрелигиозности с аморализмом и бездуховностью.

Возрастание интереса к религии, к сожалению, не привело к сколько-нибудь значительному изменению социального статуса религиоведческого знания, которое и в современном российском обществе остается, фактически, невостребованным (по крайней мере широкими массами).

В советский период доминировал явно идеологизированный подход к изучению религии; главным источником знаний о ней выступал исследователь, выполняющий определенный социальный заказ или штатный, иногда не совсем грамотный в религиоведческом плане, партийный пропагандист и агитатор.

В постсоветскую эпоху все громче и настойчивее звучат голоса служителей культа, теологов, «домашних» и зарубежных миссионеров, то есть лиц все так же «заангажированных» в идеологическом плане, а в унисон с ними – голоса многих российских политиков с азартом разыгрывающих «религиозную карту».

Обретенная «свобода» не принесла сколько-нибудь серьезных, сущностных подвижек в отношении к религии на уровне массового сознания и значительного приращения знания о религии на уровне теоретическом, а политики и госчиновники постсоветской России, к сожалению, нередко демонстрируют элементарную безграмотность в религиоведческих вопросах при принятии и реализации ответственных политических решений.

Не лучшим образом выглядит ситуация и в «силовых структурах» Российской Федерации. Опыт участия частей и подразделений Министерства обороны в локальных войнах и конфликтах последних десятилетий, в выполнении миротворческих функций, а также их пребывания в «горячих точках» на территории бывшего СССР свидетельствует, что командиры, штабы, личный состав во многих случаях не принимали в расчет религиозный фактор при планировании своих действий, а если это и делалось, то весьма неумело. Все это снижало эффективность ведения боевых действий, приводило к неадекватным оценкам намерений и сил противника, затрудняло ведение специальных операций, препятствовало установлению нормальных отношений с местным населением в силу незнания его обычаев, традиций, поведенческих норм. Пробелы в изучении этноконфессиональных особенностей противника часто приводили к оценке его действий как иррациональных и, следовательно, не поддающихся прогнозированию. Хотя в действительности речь идет лишь об ином, отличном от нашего, типе рациональности, опирающемся на иные социокультурные стандарты, иной менталитет.

Проблема, таким образом, заключается в том, что *в современных условиях военный руководитель обязан обладать определенной суммой религиоведческих знаний*. Заметим, что чем выше должность, занимаемая офицером, тем больше политических, правовых и социокультурных аспектов присутствует в его деятельности и, следовательно, тем более глубокие знания о религии как социальном явлении и о конкретных конфессиях от него требуются. *Религиоведческая подготовка офицера выступает в качестве неотъемлемой составляющей его профессиональной подготовки*.

Особое значение для деятельности командира-единоначальника имеет знание и точное соблюдение требований законодательства о свободе совести. Заметим, что действующая нормативно-правовая база государственно-конфессиональных отношений (в т. ч. и военно-религиозных) существенно отстает от реальных потребностей сегодняшнего дня и часто не выдерживает критики.

Конституционные принципы светскости государства, равенства религиозных объединений перед законом, недопустимости дискриминации по признаку отношения к религии, гарантированности свободы совести и свободы вероисповедания для каждого на практике подвергаются серьезным испытаниям на прочность.

Права верующих (а в равной степени и неверующих) военнослужащих в российской армии зависят прежде всего от воли и доброго расположения командира, его мировоззренческих предпочтений, религиозных симпатий или антипатий. Да и сам командир чаще всего не имеет четкого представления о своих правах и обязанностях в такой специфической сфере как реализация права на свободу совести в специфических условиях воинской деятельности.

Еще вчера в войсках не единичными были факты нарушения прав верующих воинов, а сегодня имеют место попытки навязчивого «приобщения» военнослужащих к религиозным (чаще православным) ценностям, факты противопоставления православия как единственно истинного и «патриотического» вероучения другим религиям, традиционно исповедуемым населением нашей страны. Отсутствие должного внимания со стороны военного руководства к религиозным чувствам сторонников католицизма, протестантизма, ислама, буддизма, иудаизма вызывает со стороны последних весьма болезненную реакцию, вплоть до обвинений в расколе армии по национальному и религиозному признакам.

Подлинная гуманизация общественных отношений требует создания условий для реализации свободы совести каждым гражданином России. Вся предшествующая отечественная история свидетельствует о пагубности противостояния верующих и неверующих, противоборства последователей различных религий, внутриконфессиональной нетерпимости, а также пренебрежения к духовным ценностям любого народа. *Свобода совести, трактуемая как право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, превращается, таким образом, в одну из фундаментальных основ национальной безопасности.*

Свобода совести – это одна из «базовых» («неотчуждаемых») свобод человека и гражданина, закрепленная в ст. 28 Конституции Российской Федерации, которая распространяется и на военнослужащих, что недвусмысленно зафиксировано в ст. 8 Федерального закона «О статусе военнослужащих». Свобода имеет две стороны: объективную – обстоятельства должны разрешать человеку выбор и субъективную – он должен уметь выбирать. Обстоятельства, обеспечивающие реализацию принципа свободы совести в условиях военной службы, во многом зависят от правовой культуры и религиозоведческой подготовки военных руководителей различного ранга. Умение выбирать «со знанием дела» между различными мировоззренческими системами («верить или не верить, а если верить – то во что?») предполагает в свою очередь наличие и у субъекта, осуществляющего выбор, определенного комплекса религиозоведческих знаний. В противном случае будет иметь место не осознанный выбор, а слепое подчинение обстоятельствам, иногда лишь имеющее форму «выбора». *Религиоведческая «неграмотность» и начальников, и подчиненных может поставить под вопрос саму возможность реализации принципа свободы совести в условиях военной службы.*

Опыт взаимодействия воинских коллективов с религиозными объединениями показывает, что авторитет последних может быть использован для повышения эффективности патриотического, воинского и нравственного воспитания военнослужащих и членов их семей, предупреждения антисоциальных проявлений в воинских коллективах (наркомания, пьянство, национальное высокомерие), профилактики суицида и так называемых «неуставных взаимоотношений», противодействия негативному воздействию «масскультуры». Для некоторых военных руководителей весьма привлекательной кажется идея апелляции к религиозным идеям в качестве средства выхода из духовного вакуума, образовавшегося в постсоветскую эпоху. Однако нельзя представлять религию в качестве «палочки-выручалочки», при помощи которой можно разрешить все без исключения армейские проблемы. «Инструменталистский» подход к религии чреват негативными последствиями, прежде всего для самой религии.

Не лишним будет напомнить, что всё, касающееся веры, – дело глубоко личностное, связанное с внутренним миром человека, его индивидуальными ценностными ориентациями. Однако для многих военных руководителей на первом месте – внешняя, формальная сторона этого процесса. Для того чтобы объективно оценить возможности духовно-религиозной традиции, органично вписать ее в существующие структуры воспитания военнослужащих, не нарушая их прав и свобод, необходимо серьезное научно-религиоведческое обоснование и участие в этой работе квалифицированных специалистов.

Знание специфики функционирования религиозного сознания, особенностей конфессиональной религиозной идеологии и психологии облегчает командиру контакты с военнослужащими. Пристального внимания требуют и военнослужащие, находившиеся до призыва под влиянием экстремистских разновидностей нетрадиционных религий (деструктивных культов).

Уровень религиоведческой подготовки офицерского состава во многом предопределяет эффективность как минимум двух составляющих морально-психологического обеспечения войск (информационной работы и защиты войск от информационно-психологического воздействия противника). Так, оценка социально-политической обстановки в районе боевых действий предполагает, в числе прочего,

учет вероисповедания населения и связанных с ним особенностей национальной психологии, обычаев и нравов. При анализе морально-психологического состояния войск противника нельзя не принять во внимание отношение личного состава к религии, его конфессиональные предпочтения, наличие или отсутствие межконфессиональных противоречий. Аналогично без учета уровня и характера религиозности трудно адекватно оценить морально-психологическое состояние своих частей и подразделений.

Все отмеченное выше диктует необходимость введения в высшей военной школе преподавания полноценного курса религиоведения или включение достаточно обширного религиоведческого раздела в программу курса философии. Большим религиоведческим потенциалом обладают учебные курсы политологии, культурологии и отечественной истории.

Сама жизнь выдвигает требование: *офицер должен иметь адекватные современному этапу развития социума представления о религии, религиозном сознании и религиозной культуре.*

Введение курса религиоведения предполагает дистанцирование от двух крайностей: во-первых, этот курс не должен носить характера тотальной апологии религии, он не может быть тождественным богословию и обосновывать истинность какой-то одной религиозной системы, противопоставляя ей все другие религиозные учения; во-вторых, данный курс не должен нести на себе черт вульгарного атеизма, утверждающего элементарную безграмотность по отношению к религии и верующим. Следует исходить из того, что научное знание о религии само по себе не является ни религиозным, ни антирелигиозным.

В процессе освоения цикла гуманитарных дисциплин у выпускника военного вуза должны сложиться научные представления о религии как сложнейшем социокультурном феномене, ее месте и роли в жизни общества, способах воздействия на духовный мир личности. Принципиальное значение для военного руководителя имеет овладение навыками самостоятельной работы с религиоведческой литературой. Офицер обязан уметь вести поиск духовных ценностей, на основе которых можно объединить усилия всех военнослужащих, независимо от отношения к религии и конфессиональной принадлежности, для решения поставленных перед Вооруженными Силами задач. В дальнейшем, при прохождении переподготовки и продолжении учебы в военных академиях, компетенции офицера в религиоведческой сфере должны пополняться и углубляться.

Наличие в войсках офицеров с высоким уровнем религиоведческой подготовки позволит проводить на качественно новом уровне и соответствующую работу со всеми категориями личного состава. При этом нет необходимости создавать какие-то новые структуры и формы, задачи «религиоведческого ликбеза» можно вполне успешно решать в рамках традиционных форм работы с военнослужащими.

Религиоведческая подготовка личного состава должна быть самым тесным образом увязана с задачами, решаемыми войсками. В связи с этим целесообразно ориентироваться на три возможные модели её организации.

Первая модель реализуется в условиях нахождения войск в местах постоянной дислокации, когда в частях и подразделениях идет плановая боевая подготовка, при этом преследуются цели наращивания общего объема религиоведческих знаний личного состава, недопущения неуставных отношений на религиозной почве и предупреждения возможных негативных моментов во взаимоотношениях с местным населением.

Вторая модель реализуется в условиях подготовки личного состава к выполнению боевых, миротворческих и специальных задач. Основное внимание при этом уделяется информированию личного состава о религиозно-политической обстановке в районе предполагаемого выполнения боевых или специальных задач, об этноконфессиональных особенностях местного населения.

Третья модель реализуется в период непосредственного выполнения личным составом задач служебно-боевой деятельности и заключается в оперативном доведении до всех категорий военнослужащих информации религиоведческого характера в объеме, достаточном для эффективной служебной деятельности, и корректировке, при необходимости, принимаемых решений и поведения.

Для придания религиоведческой работе в войсках соответствующего статуса и обеспечения ее высокой эффективности недостаточно усилий отдельных энтузиастов, ее нельзя «отдать на откуп» представителям отдельных конфессий. Необходимо постоянное и серьезное внимание к этой проблеме со стороны руководства Министерства обороны, а также руководителей других силовых структур. В стороне не должны оставаться и коллективы военных вузов, на кафедрах которых сосредоточен значительный научный потенциал.

Библиографический список:

1. Плеханов, Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. – М. : Госполитиздат, 1957. – С. 329-330.

УДК 355.13

В.И. Ворощенко

Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)

г. Новосибирск

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Автор рассматривает организацию, функционирование и пути совершенствования системы правового обучения и воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая работа в воинской части (подразделении), правовое воспитание, правовое обучение, правосознание, система организации правового обучения и воспитания военнослужащих.

Основными задачами правового обучения являются:

- повышение уровня правовой культуры и правового воспитания военнослужащих и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации;
- изучение законодательства Российской Федерации, нормативных правовых актов Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации, норм международного гуманитарного права, обязательных для Российской Федерации, необходимых для осуществления служебной деятельности, реализации прав и свобод военнослужащих, лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения ими своих обязанностей [1].

Правовое воспитание личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации – это целенаправленное и систематическое влияние на сознание, чувства и психологию людей в целях формирования у них глубоких и устойчивых правовых представлений, убеждений и чувств, привития им высокой правовой культуры, навыков и привычек активного правомерного поведения [2].

Главной целью правового воспитания является воздействие на сознание военнослужащих с целью обеспечения соблюдения ими Конституции Российской Федерации и федеральных законов, Военной присяги, уставов, требований других нормативных-правовых актов и активного участия в их реализации [3].

К задачам правового воспитания можно отнести:

- обучение личного состава правовым знаниям;
- превращение полученных правовых знаний в личные убеждения, в практические навыки и привычки правомерного поведения;
- привитие личному составу чувства нетерпимости к любым отступлениям от требований правовых норм;
- формирование готовности и умения личного состава активно отстаивать и защищать свои права;
- укрепление законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации.

В качестве основных принципов правового воспитания в Вооруженных Силах Российской Федерации можно выделить:

- гуманизацию;
- научную обоснованность;
- индивидуальный подход;
- воспитание в коллективе и через коллектив;
- воспитание в процессе воинской деятельности;
- комплексность в воспитании личного состава;
- целеустремленность и конкретность;
- гибкость и динамизм в содержании, формах и методах;
- систематичность и непрерывность [4].

Организация и непосредственное руководство правовым воспитанием и правовой подготовкой личного состава и ответственность за их действенность возлагается на командиров (начальников), штабы, органы по работе с личным составом при непосредственном участии подразделений юридической службы. В этой работе командиры (начальники), штабы, органы по работе с личным составом взаимодействуют с органами военной прокуратуры, военными судами, территориальными правоохранительными органами, юридическими научными и учебными заведениями.

В органах военного управления, объединениях, воинских частях, на предприятиях, в учреждениях, организациях Министерства обороны Российской Федерации в обязательном порядке и установленной форме проводится правовое обучение:

- с офицерами, прапорщиками – в системе командирской подготовки;
- с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на должностях солдат, матросов, сержантов, и старшин, – в системе общественно-государственной подготовки;
- с военнослужащими, проходящими службу по призыву, – в системе общественно-государственной подготовки и в часы воспитательной работы [5].

В военно-учебных заведениях Министерства обороны Российской Федерации правовое обучение проводится с курсантами и слушателями военно-учебных заведений при изучении правовых дисциплин «Правоведение», «Правовое обеспечение профессиональной деятельности».

Организация правового воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации включает:

- изучение и анализ исходного уровня правовых знаний, убеждений и привычек правомерного поведения личного состава;
- прогнозирование работы по правовому воспитанию, определение и формулирование целей и задач воспитательного воздействия;
- определение того, какие воздействия на объект правового воспитания могут привести к положительным, а какие к отрицательным результатам;
- планирование правового воспитания как составной части общей системы воспитания, определение приемов и способов, содержания правового воспитания и последовательности проведения мероприятий;
- непосредственную организацию правового воспитания, представляющую собой подбор исполнителей, доведение до них целей и задач правового воспитания личного состава, согласование и координацию их воспитательного воздействия на воинские коллективы и отдельных лиц;
- контроль и корректировку воспитательных воздействий в ходе осуществления мероприятий правового воспитания;
- анализ и обобщение хода и результатов правового воспитания, формирование и реализацию предложений по его совершенствованию.

Правовое воспитание организуется и проводится непрерывно, согласованно и систематически в процессе боевой учебы, повседневной жизнедеятельности частей и подразделений.

Боевая готовность, воинская дисциплина, законность и правопорядок во многом зависят от знания и умения командиров (начальников) применять на практике действующее законодательство.

На правомерное поведение военнослужащих в значительной степени влияет то, как соблюдают правовые нормы в повседневной жизни офицеры, что лишним раз подтверждает необходимость высокой правовой культуры командиров, воспитателей, преподавателей. К воспитательным факторам военной службы относятся: строгий уставной порядок, законная требовательность, служебная компетентность, учеба, воздействие личности командиров.

Представляется, что к личным качествам командира, вызывающим к нему доверие, стремление подражать, внутреннее согласие с его позицией руководителя, стремление лучше выполнять его требования и тем самым усиливающим индивидуальное влияние на подчиненных военнослужащих, относятся: понимание людей, общительность, оптимизм, уважение к людям, самостоятельность, уравновешенность в общении, выдержка, культура общения и поведения, профессиональная, правовая компетентность.

Важнейшим условием качественной работы командира является единство слова и дела. Поведение, поступки командира, общие результаты организуемой им службы и итоги каждого дня воспитывающе влияют на подчиненных. Содержание и результативность этого влияния зависят также от профессиональной, в том числе правовой, подготовленности командира и от его соответствия занимаемой должности.

Постоянное совершенствование правового воспитания, предупреждение и пресечение правонарушений является необходимым условием дальнейшего укрепления воинской дисциплины и правопорядка, повышения боевой готовности воинских частей и подразделений.

С этой целью 27 января 2003 г. директивой Министра обороны Российской Федерации № Д-6 утверждена система организации правового воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации. Она представляет собой систему принятых в Вооруженных Силах Российской Федерации взглядов на сущность, содержание, задачи правового воспитания личного состава и организацию работы органов военного управления, должностных лиц по ее осуществлению.

Основными задачами системы правового воспитания являются:

- определение объектов и субъектов правового воспитания личного состава, задач субъектов правового воспитания при формировании правовой культуры различных категорий военнослужащих;
- определение задач правового воспитания, основных путей его осуществления, форм и методов;
- установление основ управления правовым воспитанием личного состава [6].

Содержание системы может изменяться и дополняться с учетом хода реформирования Вооруженных Сил, изменения качественных характеристик личного состава, социально-экономических и иных условий деятельности Вооруженных Сил.

Реализация системы призвана дать всему личному составу необходимый объем правовых знаний для успешного выполнения своих должностных обязанностей и реализации предоставленных им прав. Формирование высокоэффективной, динамичной, системной правовой подготовки личного состава должно стать одним из важнейших средств укрепления законности и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Приказ Министра обороны «О правовом обучении в Вооружённых Силах Российской Федерации» 2013г. № 878.
2. Справочник офицера-воспитателя. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2003. – Вып. 35. – С. 46.
3. Наставление по правовой работе в Вооруженных Силах Российской Федерации (утверждено приказом Министра обороны Российской Федерации 2001 г. № 10). – С. 83.
4. Справочник офицера-воспитателя. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2003. – Вып. 35. – С. 40.
5. Директива Министра обороны Российской Федерации «О мерах по повышению эффективности правового воспитания личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации» 2003 г. № Д-6. - С. 5.
6. Воспитательная работа в Вооружённых Силах Российской Федерации. Учебное пособие. – М.: ГУВР ВС РФ, 2005. – С. 37.

УДК 159.9.072

Б.Г. Герш

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

arimoja@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

На основе социально-психологического анализа аддиктивного поведения выясняются основные мотивации приобретения черт аддиктивной личности и отслеживается последовательность аддиктивного цикла.

Ключевые слова: аддикция, зависимость, патология характера, девиантность.

Реализация задач по поддержанию высокой боевой готовности Вооруженных Сил России в значительной степени обусловлена работой по профилактике и предотвращению отклоняющегося поведения военнослужащих. Значительная часть правонарушений, совершаемых военнослужащими, вызвана каким-либо проявлением девиантного поведения. В этой связи возникает настоятельная

необходимость разработки научно обоснованных рекомендаций по профилактике девиаций среди военнослужащих.

Исследования проблем девиаций, проведенные в Вооруженных Силах после снятия ограничений с этой темы, показали, что профилактика девиантного поведения носит комплексный характер и может быть решена только путем объединения усилий врачей, психологов, командиров всех степеней и офицеров воспитательных структур.

Проводимые в вооруженных силах исследования свидетельствуют, что деятельность офицеров по предупреждению девиаций относится к одному из самых сложных видов их педагогического взаимодействия с подчиненными. Это обуславливает востребованность и актуальность изучения проблемы девиантного поведения военнослужащих, разработку и совершенствование методов его профилактики и преодоления. В ряду различных проявлений девиантного поведения наиболее актуально изучение аддикций – разного рода зависимостей, которые становятся основным источником разрушения личности и причиной нарушений общественного порядка. Изучение социально-психологических аспектов аддиктивного поведения даёт возможность компетентной разработки мер по его профилактике и преодолению в Вооружённых силах.

Аддиктивное поведение – это поведение личности, характеризующееся болезненным пристрастием и влечением к вызывающим измененное состояние психики внешним или внутренним, химическим или психологическим возбудителям.

Аддиктивное поведение есть частное проявление общего социально-патологического явления – девиантного, отклоняющегося поведения.

Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам [1]. Иначе говоря, это действия, не соответствующие существующим законам, правилам, традициям и социальным установкам.

Девиантное поведение и личность, его проявляющая, вызывают негативную оценку со стороны других людей. Негативная оценка может иметь форму общественного осуждения или социальных санкций, в том числе уголовного наказания. Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно наносит реальный ущерб самой личности или окружающим людям. Это может быть разрушение существующего порядка жизни, причинение себе и (или) окружающим морального и материального ущерба, физической боли, ухудшение здоровья. В крайних своих проявлениях девиантное поведение представляет непосредственную угрозу для жизни, например, суицидальное поведение, насильственные преступления, употребление «тяжелых» наркотиков. Психологическим знаком ущерба является страдание, переживаемое самим человеком или окружающими людьми.

Особенностью отклоняющегося поведения является то, что оно сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации и деградации. Данное поведение совсем не обязательно приводит к болезни или смерти, но закономерно приводит к потере социального статуса (семейное и профессиональное положение, уважение друзей). Девиант не способен качественно выполнять социальные обязанности в силу неадекватности своего поведения.

Аддиктивное (отклоняющееся) поведение имеет следующие клинические формы: *злоупотребление веществами, вызывающими состояние измененной психической деятельности (алкоголизация, наркотизация, табакокурение и др.); нарушения пищевого поведения (переедание, голодание); аномалии сексуального поведения; сверхценные психологические увлечения (трудоголизм, игровая зависимость, коллекционирование, религиозный, спортивный, музыкальный и другой фанатизм); разновидности маний – клептомания, пиромания и др.*

В реальной жизни наиболее распространены такие объекты зависимости, как психоактивные вещества (легальные и нелегальные наркотики), алкоголь (в большинстве классификаций относится к первой подгруппе), игры; секс.

В соответствии с перечисленными объектами выделяют следующие формы зависимого поведения:

- химическая зависимость (токсикомания, наркотизм, алкогольная зависимость);
- гэмблинг – игровая зависимость (компьютерная зависимость, азартные игры);
- сексуальные аддикции, выраженные в отклонениях в полоролевом поведении.

По мере изменения жизни людей появляются новые формы зависимого поведения, например, сегодня чрезвычайно быстро распространяется компьютерная зависимость.

У каждого человека присутствует аддиктивная склонность, пристрастие к тому или иному объекту. Однако желания и страсти контролируются большинством людей в соответствии с социальными требованиями. Условием перехода контролируемого пристрастия в неконтролируемое, а значит, разрушительное, является то или иное личностное расстройство, нарушение внутреннего благополучия

человека. Личности, злоупотребляющие наркотиками, в целом более личностно нарушены, изолированы и менее удовлетворены своей жизнью. Дж. Ханзян в качестве ведущих проблем химически зависимых людей называет трудности в четырех основных сферах их внутренней жизни, таких, как чувства (эмоции), самооценка, взаимоотношения с близкими, забота о себе [2]. Если нарушена сфера эмоций, самооценки, взаимоотношений, человек стремится снизить чувство тревоги, разочарования, боли и неуверенности посредством приема психоактивных веществ. Химические вещества служат мощным средством против внутреннего чувства пустоты, дисгармонии и боли.

По мнению Э. Берна, у человека существует шесть видов голода: голод по сенсорной стимуляции, голод по контакту и физическому поглаживанию, сексуальный голод, структурный голод или голод по структурированию времени и голод по инцидентам. В рамках аддиктивного типа поведения каждый из перечисленных типов голода обостряется. Человек не находит удовлетворения в реальной жизни и стремится снять дискомфорт и неудовлетворение искусственной стимуляцией тех видов деятельности, которые имитируют реальное насыщение (утоляют голод). Он пытается достичь повышенного уровня сенсорной стимуляции (отдает приоритет интенсивным воздействиям, громкому звуку, резким запахам, ярким изображениям), признания неординарности поступков (в том числе сексуальных), заполненности времени событиями.

Степень тяжести аддиктивного поведения может быть различной – от практически нормального поведения (спортивный фанатизм) до тяжелых форм биологической зависимости, сопровождающихся выраженной соматической и психической патологией (наркомания). В связи с этим некоторые авторы различают аддиктивное поведение и просто вредные привычки, которые не достигают степени зависимости и не представляют фатальной угрозы, например, переедание или курение.

Выбор личностью конкретного объекта зависимости отчасти определяется его специфическим действием на организм человека. Как правило люди отличаются по индивидуальной предрасположенности к тем или иным объектам аддикции. Есть индивиды, питающие особенное пристрастие к игре, но не склонные к приему алкоголя, есть сексуальные аддикты, не имеющие других ярко выраженных пристрастий. Но в целом общая закономерность состоит в том, что различные формы зависимого поведения имеют тенденцию сочетаться или переходить друг в друга, что доказывает общность механизмов их функционирования. Например, курильщик с многолетним стажем, отказавшись от сигарет, может испытывать постоянное желание – есть. Человек, зависимый от героина, часто пытается поддерживать ремиссию с помощью употребления более легких наркотиков или алкоголя. Следовательно, несмотря на кажущиеся внешние различия, рассматриваемые формы поведения имеют принципиально схожие психологические механизмы. В связи с этим выделяют общие *признаки аддиктивного поведения*.

Прежде всего зависимое поведение личности проявляется в ее *устойчивом стремлении к изменению психического и физического состояния*. Данное влечение переживается человеком как постоянно давящее или (чаще) как импульсивно-категоричное, непреодолимое, не насыщаемое. Внешне это может выглядеть как борьба с самим собой, а чаще – как утрата самоконтроля.

Аддиктивное поведение появляется не вдруг, оно представляет собой *непрерывный процесс формирования и развития аддикции (зависимости)*. Аддикция имеет начало (нередко безобидное), индивидуальное течение (с усилением зависимости) и исход. Мотивация поведения различна на различных стадиях зависимости.

Длительность и характер протекания стадий зависят от особенностей объекта (например, вида наркотического вещества) и индивидуальных особенностей аддикта (например, возраста, социальных связей, интеллекта, способности к сублимации).

Еще одной характерной особенностью зависимого поведения является его *цикличность*. Перечислим фазы одного цикла:

- *наличие внутренней готовности к аддиктивному поведению;*
- *усиление желания и напряжения;*
- *ожидание и активный поиск объекта аддикции;*
- *получение объекта и достижение специфических переживаний;*
- *расслабление;*
- *фаза ремиссии (относительного покоя).*

Далее цикл повторяется с индивидуальной частотой и выраженностью. Например, для одного аддикта цикл может продолжаться месяц, для другого – один день.

Зависимое поведение не обязательно приводит к заболеванию или смерти (как, например, в случаях алкоголизма или наркомании), но закономерно вызывает личностные изменения и социальную дезадаптацию.

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских указывают на типичные социально-психологические изменения, сопровождающие формирование аддикции. Первостепенное значение имеет формирование *аддиктивной установки* [3].

Аддиктивная установка выражается в появлении сверхценного эмоционального отношения к объекту аддикции (например, в беспокойстве о том, чтобы был постоянный запас сигарет, наркотика). Мысли и разговоры об объекте начинают преобладать. Усиливается механизм рационализации – интеллектуального оправдания аддикции («все курят», «без алкоголя нельзя снять стресс», «кто пьет, того болезни не берут»). При этом формируется так называемое магическое мышление (в виде фантазий о собственном могуществе или всемогуществе наркотика) и «мышление по желанию», вследствие чего снижается критичность к негативным последствиям аддиктивного поведения и аддиктивному окружению («все нормально»; «я могу себя контролировать»; «все наркоманы – хорошие люди»). Параллельно развивается недоверие ко всем «другим», в том числе специалистам, пытающимся оказать аддикту медико-социальную помощь («они не могут меня понять, потому что сами не знают, что это такое»).

Аддиктивная установка неизбежно приводит к тому, что объект зависимости становится целью существования, а употребление – образом жизни. Жизненное пространство сужается до ситуации получения объекта. Все остальное – прежние моральные ценности, интересы, отношения – перестает быть значимым. Желание «слиться» с объектом настолько доминирует, что человек способен преодолеть любые преграды на пути к нему, проявляя незаурядную изобретательность и упорство. Неудивительно, что ложь зачастую становится неизменным спутником зависимого поведения. Критичность к себе и своему поведению существенно снижается, усиливается защитно-агрессивное поведение, нарастают признаки социальной дезадаптации [4].

Пожалуй, одним из самых негативных проявлений аддиктивной установки является анозогнозия – отрицание болезни или ее тяжести. Нежелание аддикта признавать свою зависимость («я – не алкоголик»; «если захочу, брошу пить») осложняет его взаимоотношения с окружающими и существенно затрудняет оказание помощи, а в ряде случаев делает зависимость непреодолимой.

Субъективно зависимое поведение переживается, как невозможность жить без объекта аддикции, как непреодолимое влечение к нему. Это поведение носит выраженный аутодеструктивный характер, поскольку неизбежно разрушает организм и личность.

Ц. П. Короленко (1991, 2000) определял аддиктивное поведение, как одну из форм деструктивного поведения, которая отражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности, что сопровождается развитием интенсивных эмоций [5].

Особенностью аддиктивного поведения является то, что оно, по существу, не является физическим (телесным) заболеванием. Это в первую очередь заболевание волевой и нравственной сферы, физические страдания и болезни становятся отдаленным результатом нарушения волевого и нравственного поведения в отношении к объекту аддикции. Медикаментозное лечение в этих случаях может быть направлено на детоксикацию, если в этом есть необходимость, а психотерапевтические приемы используются с целью психопрофилактики.

Можно говорить о том, что у индивида с аддиктивной нацеленностью поведения значительно снижена активность в обыденной жизни, наполненной требованиями и ожиданиями.

Выделяются следующие психологические особенности лиц с аддиктивными формами поведения [6]:

- 1) сниженная переносимость трудностей повседневной жизни;
- 2) скрытый комплекс неполноценности;
- 3) страх перед жизненными испытаниями;
- 4) стремление говорить неправду;
- 5) стремление уходить от ответственности в принятии решений;
- 6) стереотипность, повторяемость поведения;
- 7) тревожность.

Подводя общий итог, отметим, что основным в поведении аддиктивной личности является стремление к уходу от реальности, страх перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к поиску эмоциональных запредельных переживаний даже ценой серьезного риска и неспособность быть ответственным за что-либо.

Библиографический список:

1. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). – М.: «Академия», 2003. – 112 с.
2. Егоров А.Ю. Нейропсихология девиантного поведения. – СПб.: Речь, 2006. – 224 с.
3. Психология наркотической зависимости и созависимости / С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Е.А. Назаров. – М., 2001. – 190 с.
4. Боев И.В. Пограничная аномальная личность. – Ставрополь, 1999. – 87 с.
5. Тюриков А.Г. Отклонения в социальном поведении молодых офицеров ВС РФ и их преодоление в современных условиях: Дис... канд. социол. наук. – М.: ГА ВС РФ, 1994.
6. Петровский В.А. Психология неадаптивной личности. – М., 1992. – 178 с.

УДК 37.088.2

Л.И. Грошева

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (военный институт)
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
г. Тюмень*

malivia@rambler.ru

**СОПРОТИВЛЯЕМОСТЬ ИННОВАЦИОННЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ В ВОЕННОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ**

В последние годы развития Российское общество переживает период активного и массового преобразования, которое также затронуло подготовку военных кадров. По мнению автора, все инновации, которые внедряются в современных военных структурах, должны также находить своё концептуальное отражение в образовательном процессе. В данной статье осуществлена попытка сформировать методологическую базу решения поставленной перед военными сложной задачи: когда они вынуждены, опираясь на незыблемую систему военных ценностей, сочетать устоявшиеся нормы с новыми веяниями общественного прогресса.

Ключевые слова: военное образование, сопротивляемость персонала, подготовка кадров, рестриктивное поведение, инновации.

Современное военное образовательное учреждение в России с недавних пор сталкивается с задачами, которые ранее были прерогативой гражданских сфер образовательных программ. Инновационные технологии преподавания, воспитания постепенно становятся рядовыми в стенах высших учебных заведений военного профиля, что способствует повышению качества выпускаемых кадров.

Таким образом, неспецифический сектор макрозадач военного учебного заведения представлен в рамках следующих сфер:

– образовательный процесс учебного заведения; уделяется внимание инновационным и/или оптимизирующим технологиям непосредственного процесса передачи знаний курсантам, оптимизирующим технологиям сопутствующих процессов (проживание, военная подготовка);

– маркетинговая стратегия; охватывает круг задач, сопряжённых с инновационными методами позиционирования себя в конкурентном поле образовательных учреждений, с новыми способами исследования рыночной конъюнктуры, выявлением инструментов обратной связи с потребителями услуг, контрагентами, мониторингом эффективности рекламной и стратегической кампаний;

– кадровая политика; особое внимание отводится использованию новых методик подбора персонала, определению эффективного кандидата, обучению и адаптации персонала, формированию военной этики учебного заведения и приверженности сотрудников её правилам.

В процессе внедрения инноваций в военной образовательной структуре возможно возникновение трёх групп противоречий:

– между нововведениями и традиционным укладом деятельности; если это качественно новая образовательная технология на этапе становления, то инновации вступают в конфликт с общепринятыми формами деятельности;

– противоречия, связанные с глубиной преобразований (происходит ли радикальное изменение, т. е. имеет место инновация-модернизация, или совершенствуются традиционные методы, формы и

принципы работы, т.е. имеет место инновация-трансформация); начальные этапы развития имеют более глубокую проблему, заключающуюся в том, насколько персонал знаком с новыми методами работы;

– противоречия, связанные с перестройкой сознания работников, поскольку инновации изменяют их интересы и ценностные ориентации, прежде всего перестройка касается руководителя образовательной структуры как стимулятора модернизационного процесса [1].

К данной системе необходимо добавить особую группу противоречий, которая заключается в системе рационального распределения функциональных обязанностей и нормативного времени выполнения при сложившейся и модернизирующейся системе [2]. Эта группа, хотя и связана с последним фактором, оказывает специфическое воздействие на происходящие изменения, не сводимое лишь к третьей группе противоречий. При этом монофункциональный руководитель в большинстве ситуаций будет направлен на поддержание стандартных характеристик и показателей, нежели на её постоянное совершенствование, попытки запуска инновационного образовательного продукта будут сведены к минимуму.

Особой фундаментальной проблемой для руководителя образовательной структуры являются противоречия и проблемы, связанные с восприятием нововведений людьми. Низкий уровень склонности к риску и высокий уровень адаптивности создают высокую склонность к конформизму, который востребован лишь до определённой степени. К примеру, глубинное интервьюирование 70 курсантов Тюменского военного института, проведённое автором в 2014 году, показало, что лишь 40 % опрошенных морально готовы затратить дополнительные усилия на изучение качественно новых технологий работы; 23 % опрошенных готовы к внедрению инноваций в рабочем процессе при условии незначительных временных и трудовых затрат, 9 % – критически высказались об эффективности нововведений. Данные показывают, что несмотря на преимущественно позитивное отношение к нововведениям у курсантов сформированы основы рестриктивного типа поведения. Ввиду выявленного факта инновационный потенциал курсантов, как и их социальная активность, должен быть усилен посредством воспитания готовности к постоянно изменяющейся обстановке. Ввиду этого руководитель военной образовательной структуры вынужден бороться не только с собственной моральной сопротивляемостью в отношении внедряемых инноваций, но и с сопротивляемостью его будущих либо настоящих сотрудников, а также обучающихся.

Рассматривая специфические проблемы внедрения новых идей и концепций, рационально охарактеризовать происходящие процессы и аспект сопротивляемости в рамках классификации основных составляющих деятельности учебного заведения, на совершенствование которых может быть направлена инновация:

1. Техничко-технологические (новые средства производства и новые технологии).

При нерациональном внедрении новых технологий (средства мультимедиа, система преподавания/воспитания) могут происходить значительные потери эффективности внедряемых технологий, относительно персонала возможно обструктивное поведение. Вновь пришедшие офицеры обладают наибольшей склонностью к инновациям, в то время как сотрудники со стажем от полугода в большой степени склонны к рестриктивному трудовому поведению [3]. В данном случае у офицеров должна быть сформирована информационная культура.

Информационная культура является продуктом разнообразных способностей человека. Относительно курсантов, как будущих офицеров, необходимо уделить внимание развитию:

- конкретных навыков по использованию технических устройств;
- способностей использовать в своей деятельности новые технологии, базовой составляющей которых являются многочисленные программные продукты;
- умения извлекать информацию из различных источников, представлять ее в понятном виде и уметь ее эффективно использовать;
- владения основами аналитической переработки информации;
- умения работать с неструктурированной информацией;
- знания особенностей информационных потоков в своей области деятельности.

2. Организационно-управленческие (новые структуры и методы управления коллективом, выработка управленческих решений и контроля за их выполнением). В образовательной структуре введение новых организационных структур должно происходить только ввиду объективных факторов (рост потока обучаемых, вызванный увеличением государственного «заказа», повышение сложности технологии обучения). Методы управления коллективом должны характеризоваться конкретностью, целевой определённостью, однозначностью формулировок и прозрачностью постановки задач. При соблюдении данных критериев значительно сокращается сопротивляемость в сфере контроля и мониторинга результатов.

3. Социально-экономические (новые материальные и нематериальные стимулы) [4]. Стимулирование персонала при отсутствии чётких и органичных (соответствующих поставленным задачам) критериев, а также при чрезмерной концентрации на системе «повышения планок достигаемых целей» может стимулировать рестриктивное отношение сотрудников к выполняемым задачам. При отсутствии гибкости внедряемой системы мотивации и стимулирования возможно нарушение организационной культуры и в некоторых случаях снижение результативности труда.

4. Педагогические (новые методы, модели и формы обучения и воспитания, адаптации кадров). Технологии обучения и адаптации персонала должны быть либо специфично организованными для каждой группы персонала, либо иметь прозрачный характер построения. Более того, без отработанной системы мотивации персонала к обучению новые способы и методики не будут усвоены, либо не найдут желаемого применения.

5. Организационно-информационные (изменение систем информационного обеспечения деятельности: внедрение новых методик сбора, обработки, доведения и использования результатов). Информационная составляющая процесса служит как совершенствованию организации военной образовательной структуры, так и предоставляет материал для мониторинга и корректировки осуществляемых нововведений. При отсутствии должного информирования персонала о применяемых методах сбора информации данные действия могут восприниматься сотрудниками негативно ввиду опасений излишнего недоверия и контроля со стороны руководства. Программы по обучению курсантов, а также курсы повышения квалификации должны также охватывать сферу правильной трансляции и фильтрации информации. Так, молодые люди ввиду возрастных особенностей не всегда склонны к тщательному анализу предоставленного материала.

Говоря о сопротивляемости сотрудников без учёта специфики ролей и типа инновации, следует остановиться на причинах сопротивления нововведениям. К. Девис полагает, что причины сопротивления персонала нововведениям представлены тремя видами: экономические, личностные и социальные [5].

С учётом специфики российской военной организации для каждой категории возможно определение совокупности конкретизированных причин.

В ряду экономических причин следует рассматривать боязнь понижения в звании/должности, сокращения заработка ввиду уменьшения функциональной важности должности, опасение повышения интенсификации при неизменном уровне заработной платы, боязнь увеличения количества поводов (снижение прозрачности оснований, ввиду неконкретной схемы постановки задачи) для лишения премиальных выплат.

Социальные причины обусловлены проблемами иерархии общества и ментальности сотрудников и обучающихся, так люди стремятся сохранить привычный стиль и темп коммуникаций и статус, боятся снижения удовлетворённости работой, не всегда могут оценить значимость личного участия в процессе. Также они зачастую негативно воспринимают инновации как «пользу для образовательного процесса» в случае отсутствия должного отождествления личности сотрудника с военной образовательной структурой.

К личным причинам сопротивления следует отнести: ориентацию на избегание трудностей и «лишней» ответственности, избегание инициативности, боязнь риска, низкий уровень притязаний, низкая мотивация к саморазвитию и самореализации, низкий уровень эмпатии, подверженность стереотипам, отсутствие навыков такта и делового общения, отсутствие навыков комплексной и многоуровневой рефлексии, негативное отношение к труду как виду деятельности в целом.

Данные перечни не являются исчерпывающими, однако, показательными для военной системы образования. Первичный контрольный анализ персонала и обучающихся методом анкетирования либо фокус-групп позволяет выявить данные тенденции без дорогостоящих методик и программ. Поэтому наличие сопротивляемости возможно и необходимо диагностировать на ранних стадиях формирования функционирования инновационного типа для своевременного принятия соответствующих решений. От эффективности принимаемых решений и используемых методик по борьбе с сопротивляемостью нововведениям в образовательном процессе зависит будущее качественное и количественное содержание кадрового потенциала военной сферы.

Библиографический список:

1. Татаркин А.И. Построение инновационной системы как условие обеспечения технологической модернизации экономики // Инновации. – 2005. – № 3. – С.32-33.
2. Кленова М.А. Социально-психологическая адаптация молодежи и склонность к риску // Известия Саратовского университета 2010. Т.10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – № 3. – С.79–82.

3. Шуванов В.И. Социальная психология менеджмента. – М.: «Интел-Синтез», 2004. – 185 с.
4. Социально-психологические проблемы внедрения инноваций. Глава 1. / URL: <http://www2.asu.ru/cppkp/index.files/ucheb.files/innov/.../chapter1.doc>.
5. Андрусов А., Ряпосов А. Построение системы управления инновациями на предприятии. / URL: <http://www.branan.ru/godies/pubs/238/>.

УДК 378.02

Е.В. Дорошенко

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

kapitanjak@mail.ru

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОМ ИНСТИТУТЕ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье рассматриваются основные направления работы по насыщению гуманитарным содержанием военно-профессиональной подготовки курсантов в процессе обучения в военном институте внутренних войск МВД России; описываются направления развития гуманитарной культуры будущих офицеров в период военно-профессиональной подготовки в процессе обучения в военном институте; раскрываются специфические особенности, влияющие на деятельность субъектов образовательного процесса военного института внутренних войск МВД России.

Ключевые слова: военно-профессиональная подготовка, гуманитарная подготовка, гуманитарная культура курсантов.

Новые требования к военно-профессиональному образованию достаточно жестко сформулировали задачу подготовки офицерских кадров внутренних войск МВД России: современный офицер внутренних войск должен обладать не только достаточной компетентностью для решения задач служебно-боевой деятельности в мирное и военное время. Характер служебно-боевых задач, выполняемых внутренними войсками МВД России, требует от офицера внутренних войск умения быстро адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям, обязывает его обеспечивать эффективное управление деятельностью подчиненных с учетом психологических особенностей личного состава, социальных и демографических реалий. Правоохранительный характер служебно-боевой деятельности внутренних войск, её направленность на защиту интересов общества и государства определяют высокую степень социальной ответственности офицера внутренних войск и требуют наличия у него определенной системы ценностных ориентаций, активного положительного отношения к своей профессиональной деятельности, уверенности в её необходимости для общества.

Чтобы успешно и качественно решать различные по своему характеру профессиональные задачи, современный офицер внутренних войск должен обладать целостным представлением о различных аспектах осуществляемой им военно-профессиональной деятельности, способностью находить и реализовывать эффективные решения профессиональных задач как стандартных, так и нетипичных, требующих творческого подхода [1].

Военно-профессиональная подготовка офицерских кадров для внутренних войск МВД России должна обеспечивать развитие профессиональных и личностных качеств офицера внутренних войск с учетом того, что их военно-профессиональная деятельность может осуществляться как в обычных условиях, так и в условиях чрезвычайных обстоятельств, чрезвычайного положения, контртеррористической операции, а также в других условиях, определяемых характером служебно-боевых задач, стоящих перед внутренними войсками МВД России.

Главная цель образовательного процесса в военном институте внутренних войск МВД России – обеспечение всесторонней подготовленности выпускника к будущей военно-профессиональной деятельности. Вместе с тем структурные и содержательные элементы военно-профессиональной деятельности офицера внутренних войск имеют свою специфику и определенное значение. Чем глубже и полнее учитывается эта специфика, чем надежнее внутренние связи между образовательным процессом в

военном институте внутренних войск МВД России, практикой в войсках, различными видами деятельности курсантов, тем эффективнее решаются задачи подготовки офицерских кадров для внутренних войск МВД России [2].

В современных условиях реформирования внутренних войск МВД России ведется поиск новых способов для оптимального соотношения военно-профессиональной и гуманитарной составляющих в подготовке будущих офицеров. Всегда считалось, что офицер, «обогащенный знанием и пониманием общечеловеческих ценностей, глубоко усвоивший отечественные культурные традиции, может стать подлинным воспитателем, авторитетным, заботливым наставником своих подчиненных и добиться наибольших результатов в своей профессиональной деятельности» [3].

Актуальность изучения гуманитарных аспектов военно-профессиональной подготовки курсантов военного института внутренних войск МВД России обусловлена развитием гуманистической концепции современного образования, тенденцией перехода военной школы от традиционной «знаниевой» парадигмы к личностно-развивающей. В этом контексте важное значение приобретает проблема гуманитаризации военного образования.

Ключевое место гуманитаризации военного образования обусловлено тем, что гуманитарная деятельность офицерских кадров в войсках по обучению, воспитанию (перевоспитанию), психологической подготовке личного состава, гуманистическому руководству другими воспитателями и социокультурному самосовершенствованию является на современном этапе основным звеном их военно-профессионального труда.

Курсантам военных институтов как будущим офицерам, постоянная работа с людьми для которых является частью профессии, требует глубокого понимания человеческих особенностей, мотивации, поведения, что обусловлено во многом их гуманитарной подготовкой.

На основе анализа литературы мы пришли к выводу, что гуманитарная подготовка выступает как важный фактор успешности военно-профессиональной подготовки будущего офицера.

В научной литературе гуманитарная подготовка рассматривается с психолого-педагогических, философских, социологических позиций. Изучением различных проблем теории и практики гуманитарной подготовки, вопросами совершенствования этого процесса занимается большой круг исследователей. Отдельные авторы рассматривают гуманитарную подготовку как средство (Э.В. Бурмакин, П.Н. Городов, В.Б. Миронов, В.И. Снесар) или метод (В.П. Баранников, А.В. Барабанщиков, В.М. Симонов) гуманизации образования.

Гуманитарная подготовка в узком смысле представляет собой совокупность знаний в области гуманитарных и социально-экономических наук и связанных с ними навыками и умениями практической деятельности.

Гуманитарная подготовка в широком смысле представляет расширение возможностей разностороннего развития личности военного специалиста, его самопознания и саморазвития для формирования у него гуманитарного (общечеловеческого) подхода к военно-профессиональной деятельности на широком познавательном материале, то есть на основе всех изучаемых в военном институте наук. Ее основное звено – помочь курсантам в формировании у себя гуманитарного военно-профессионального мышления, которое предполагает стремление и умение будущего офицера при решении самых разнообразных задач в центре своего внимания ставить человека, его потребности и интересы, возможности и состояния [4].

Таким образом, гуманитарная подготовка представляет собой систему педагогических мер по гармоничному формированию профессиональных и нравственных качеств личности, привитию гуманистического стиля мышления, выработке общечеловеческого подхода к профессиональной деятельности военного специалиста и подразумевает увеличение гуманитарной составляющей всего учебно-воспитательного процесса, повышение гуманитарной культуры постоянного состава военного института, активизацию гуманитарной (учебной, внеучебной) деятельности курсантов, выражающейся в отборе, усвоении научно-обоснованных гуманитарных (человековедческих) знаний и превращении этих знаний в убеждения посредством общественно-полезной социальной практики.

Военная сфера является особой областью, в которой осуществляется практическая и духовная жизнедеятельность офицера внутренних войск. Анализ современного состояния, а также формирования и развития культуры личности офицера внутренних войск становится для государства и общества весьма актуальной задачей. Военно-профессиональная деятельность офицера немыслима без опоры на его общую культуру. Сегодня можно говорить о своеобразной интегральной модели культуры офицера внутренних войск, которая включает как общесоциальную (общегражданскую), так и военно-профессиональную составляющую [5].

В силу своей специфики служба во внутренних войсках МВД России всегда предъявляла свои особые требования к личности офицера в связи с тем, что она имеет высокую общественную значимость для общества и государства.

Офицер внутренних войск МВД России не может быть настоящим профессионалом, если он не личность, и в первую очередь потому, что его деятельность связана с людьми, с подчиненными, которые хотели бы видеть в нем своего истинного лидера, пример для подражания. То есть военные институты должны готовить в одном и том же лице курсанта как военного профессионала, так и разностороннюю духовно богатую личность.

В связи с этим возникает объективная необходимость в многоплановой, гармоничной подготовке курсантов военных институтов внутренних войск МВД России, которая будет отвечать новой структуре и современным задачам внутренних войск МВД России.

Мы представляем развитие гуманитарной культуры курсантов как систему педагогических мер по гармоничному формированию у них нравственных и профессиональных качеств личности, привитию им человекоориентированного стиля мышления, выработке гуманистического подхода к военно-профессиональной подготовке будущего офицера, подразумевающую увеличение в учебно-воспитательном процессе гуманитарной составляющей, повышение уровня гуманитарной культуры офицеров и преподавателей военного института [6].

Гуманитарная культура способствует становлению человека как субъекта духовной культуры общества, обладающего способностями, на основе принятых личностью высших человеческих ценностей, выстраивать продуктивное взаимодействие с окружающим миром. Важное и основное направление развития гуманитарной культуры будущих офицеров в период военно-профессиональной подготовки в процессе обучения в военном институте – системно-содержательная переработка высших человеческих ценностей в содержание обучения гуманитарным дисциплинам, которые имеют своим предметом исторически определённые формы общественного бытия, духовной и материальной культуры [7].

Таким образом, представленная нами в статье точка зрения на гуманитарный аспект военно-профессиональной подготовки курсантов в процессе обучения в военном институте внутренних войск МВД России позволяет повысить качество подготовки будущих офицеров, привести уровень их профессиональной подготовленности в соответствие с требованиями военно-профессиональной деятельности и нормативно-правовыми актами Российской Федерации в области высшего профессионального образования.

Библиографический список:

1. Беловолов, В.А. Готовность будущего офицера к профессиональной деятельности как психолого-педагогическое явление [Текст] / В.А. Беловолов, Е.М. Левин // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 41-50.
2. Беловолов, В.А. Профессиональная деятельность офицера ВВ МВД России как психолого-педагогическое явление [Текст] / В.А. Беловолов, С.В. Бунин, Е.М. Левин // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 10. – С. 21-31.
3. Бунин, С.В. Совершенствование профессиональной подготовки будущих офицеров к выполнению служебно-боевых задач (на материале военного института внутренних войск МВД России) [Текст]: дисс... канд. пед. наук: 13.00.08 / Бунин Сергей Владимирович. – Новосибирск, 2005. – 222 с.
4. Гожиков, В.Я. Гуманитарная подготовка будущих офицеров в контексте модернизационных преобразований высшей военной школы [Текст] / В.Я. Гожиков // Армия и общество. – 2011. – № 3. – С. 65.
5. Барабанщиков, А.В. Педагогическая культура офицера [Текст]: (В помощь молодому офицеру) / А.В. Барабанщиков, С.С. Муцынов. – М.: Воениздат, 1985. – 159 с.
6. Чижик, П.И. Методологические основы исследования процесса формирования гуманитарной культуры в ВУЗе [Текст]. / П.И. Чижик, Б.И. Каверин // Вестник военного университета – М., 2012 – № 2. – С. 44.
7. Мартыненко, О.А. Гуманитарная культура личности: осмысление понятия [Текст] / О.А. Мартыненко // Инновации в образовании. – 2010. – № 3. – С. 37.

В.В. Изонов

*Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил
Российской Федерации
г. Москва*

vv8288@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЯХ КАК СРЕДСТВЕ ГУМАНИЗАЦИИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Статья посвящена уточнению социального предназначения и функций военно-исторических знаний в процессе реализации их гуманитарной составляющей в системе военного образования.

Ключевые слова: функции военно-исторических знаний: методологическая, мировоззренческая, образовательная, воспитательная и прогностическая.

Приближение 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. пробудило интерес к историческому прошлому страны, усилило тягу широкой общественности, военнослужащих армии и флота Российской Федерации к военно-историческим знаниям.

Военная история как отрасль научных знаний занимает пограничное положение в системе современного военного образования. С одной стороны, это отрасль военной науки, имеющая вполне определенные задачи по исследованию закономерностей, важнейших тенденций, характерных черт и особенностей военного искусства на различных этапах его развития, познания принципов применения сил и средств в вооруженной борьбе в их взаимосвязи с различными условиями и факторами и т. д. Указанная грань военной истории позволяет рассмотреть вопросы подготовки и ведения наступательных и оборонительных операций (боев), в определенной степени расширить оперативно-тактический кругозор обучаемых, развить их военное мышление, в том числе на основе опыта минувших войн, а также локальных войн и военных конфликтов современности.

Но, с другой стороны, есть и иная грань военно-исторических знаний, позволяющая рассматривать военную историю как отрасль гуманитарных наук. Вполне очевидно то, что прикосновение к отечественной военной истории всегда высветляло в человеке лучшие черты нравственности и гуманизма – патриотизм, верность воинскому долгу, честь и достоинство ратного мужа, готовность стать на защиту Отечества. Значение этой стороны отечественной военно-исторической науки в последние пятнадцать лет существенно возросло.

Почему в современных условиях у нас в стране, да и в мире усиливается внимание к гуманитарному аспекту подготовки военных кадров?

Во-первых, это связано с появлением в мире новых военно-политических реалий. В ряде регионов и «горячих точках» не прекращаются вооруженные конфликты, льется кровь, нарушаются права человека. В этих условиях, как никогда прежде, необходимы совместные усилия государств по предотвращению войн и конфликтов, укреплению стабильности и безопасности в мире, строгому соблюдению норм международного права.

Во-вторых, необходимость гуманитаризации подготовки военных кадров обусловлена потребностями реформирования и строительства Вооруженных Сил Российской Федерации.

В-третьих, гуманитаризация подготовки военных кадров важна и с точки зрения личностного подхода. Она предполагает «очеловечивание» процесса военного образования, индивидуализацию обучения, привнесение в него личностного, творческого начала.

Необходимость реализации гуманитарной составляющей военно-исторических знаний в системе современного военного образования заставляет поставить вопрос об уточнении социального предназначения и функций военно-исторических знаний.

Прежде всего следует выделить *методологическую* функцию военной истории. Нередко бытует предубеждение против методологии, понимаемой весьма упрощенно – как некоторой абстрактной области философии, не имеющей прямого отношения ни к конкретным научным исследованиям, ни к потребностям практики. В настоящее же время методологическая функция находит достаточно прочное отражение в

военно-исторических трудах и научно-исследовательской работе. Такой подход в значительной мере усиливает роль и положение военной истории в системе научных знаний.

При этом методологическая функция военной истории проявляется в том, что эта наука не только исследует историю войн, военного прошлого как единый закономерный процесс, но и формирует и определяет основные закономерности развития военного искусства, создавая тем самым основу для развития современной военной теории и практики.

Другой важнейшей функцией военной истории является *мировоззренческая* функция. Она выражается в осмыслении места войны в историческом процессе, выработке отношения к войне и роли в ней человека, а также к войне и военным действиям (искусству их ведения) как к средству изменения действительности в своих интересах. Известно, что победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. обошлась дорогой ценой. Цена войны – категория и историческая, и нравственная, политическая, мировоззренческая. Но есть и цена победы. Это часть цены войны. Для ее определения принципиальное значение имеет учет: во-первых, конечного результата борьбы – срыв политических и военных планов и целей агрессора, уничтожение военной машины Германии и ее сателлитов, ликвидация в них самых антигуманных, самых реакционных политических режимов, стоящих на пути социального прогресса. Во-вторых, исторического факта сохранения социалистической альтернативы развития цивилизации в нашей стране, обеспечение безопасности и достойного существования для страны. В-третьих, появления новых благоприятных возможностей для развития национального и социального освобождения народов многих стран мира, демократии и утверждения идеалов гуманизма.

Иными словами, военная история как наука есть активный и равноправный участник формирования научной картины развития общества в целом (и в этом выражается ее мировоззренческая сторона). Например, огромный потенциал для формирования у курсантов военно-учебных заведений чувства патриотической гордости заключен в осознании того исторического факта, что именно наша страна приняла на себя основной удар агрессора, вынесла основную тяжесть борьбы с Германией и ее сателлитами. Советский народ, Красная армия сыграли решающую роль в разгроме германской военной машины, в спасении своей свободы и независимости, в победе ради мира и жизни на Земле.

Важной функцией военной истории является *образовательная* функция, которая выражается в передаче военнослужащим профессиональных знаний, умений и навыков, повышении уровня их воинского мастерства, расширении кругозора, развитии творческого мышления. Но для того, чтобы побудить курсанта, слушателя к заинтересованной и серьезной учебе, необходимо создать устойчивую систему мотивации личности и соответствующие условия. Только в этом случае могут полностью раскрыться творческие возможности военного человека, проявиться его позитивные ценностные ориентации как военного специалиста и высококультурного человека. Кроме того, начиная с 2008 г. система военного образования и военная наука, гуманизация условий военной службы прошли путь радикальных преобразований. Принято множество важных нормативно-правовых актов, способствовавших повышению эффективности системы военного образования и военной науки. В ряде вузов была введена подготовка военнослужащих по программам среднего профессионального образования для замещения сержантских должностей. Реализованы меры материального стимулирования учебы всех категорий обучавшихся и труда преподавательского состава. Процесс обучения в военных образовательных учреждениях наполнился новым смыслом, военная служба стала привлекательной, престижной, что весьма важно для выбора молодым человеком благородной профессии защиты Отечества.

Военная история также выполняет и *воспитательную* функцию. Ее учет и реализация особенно необходимы в практической деятельности офицера-психолога, социолога, культуролога, заместителя командира по работе с личным составом.

Воспитывающее значение военной истории проявляется в нескольких аспектах:

а) в показе приоритета военно-технической мысли в России, передового характера русского военного искусства и отечественной военной науки;

б) в воспитании у военнослужащих на примере Русской императорской армии, Советской армии духа героизма, мужества, инициативы, стойкости в бою;

в) в восстановлении правды военной истории, переосмыслении этапов истории развития Вооруженных сил с учетом и опорой на объективные документальные данные, новые архивные материалы и источники;

г) в критическом анализе опыта работы командиров и штабов всех инстанций в боевой обстановке, выявлении наиболее поучительных его сторон;

д) в критике как зарубежной, так и отечественной фальсификаций военной истории.

Военная история как важнейшая составная часть отечественного культурного наследия дает возможность моделировать сложнейшие противоречивые процессы современности, облегчать поиск путей выхода из кризисных состояний общества. В настоящее время проблемы, связанные с реформированием Вооруженных Сил Российской Федерации, вызывают немало дискуссий, являются предметом активного обсуждения в средствах массовой информации. Вместе с тем многое в решении этих вопросов зависит от отношения военнослужащих к происходящим переменам, событиям, участниками которых они являются. И в этом отношении вполне правомерно ставится вопрос о *прогностической* функции военно-исторической науки, которая определяется возрастающей потребностью иметь исторический «капитал» для прогнозирования характера военного строительства, будущих войн и военных конфликтов, анализа как подготовки к ним, так и опыта их предотвращения. Так, формированию общечеловеческих ценностей призвано послужить осознание того факта, что победу над нацистской Германией одержала антигитлеровская коалиция. В трагических обстоятельствах государства с различным общественным строем сумели возвыситься до осознания общечеловеческих ценностей. Не без трудностей и противоречий, но антигитлеровской коалицией были разработаны и реализованы политический и военный курс на разгром врага и стратегия победы.

Таким образом, можно утверждать, что военно-историческая отрасль знаний выполняет в процессе гуманитаризации военного образования важные методологические и мировоззренческие задачи. Она призвана обогащать обучаемых знаниями военной истории и истории военного искусства, формировать у них умение анализировать современные положения военного искусства.

Военная история это великая школа жизни, обучения, нравственного воспитания, совершенствования общей и военной культуры, профессионализма. Широкое приобщение курсантов и слушателей военно-учебных заведений к героическому прошлому, сохранение и развитие преемственности лучших общеисторических, национально-исторических и боевых традиций – один из принципов строительства Вооруженных Сил Российской Федерации, основа обучения и воспитания их личного состава.

УДК 355.13

Ю.Ю. Иншин, А.П. Перистый

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

inshin@list.ru

ИННОВАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВОЕННОМ ВУЗЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Авторами предпринята попытка рассмотреть и уточнить сущность, значение и трактовку основных категорий и терминов, связанных с проблемой инновационной деятельности в современном образовательном учреждении.

Ключевые слова: высшая военная школа, инновационная активность, инновационная деятельность в вузе, инновационная инфраструктура вуза, инновационная образовательная среда, инновационное образование, инновация, педагогическая инновация.

Неоднородность, комплексность, системность рассматриваемых процессов, явлений и объектов требует обязательного выполнения методологического принципа понятийно-терминологического единообразия и точности. Б.С. Гершунский, раскрывая суть этого принципа, показывает, что речь идет «... не только об упорядочении используемого словаря терминов, но и об обязательном предварительном выявлении сущности и особенностей функционирования рассматриваемых объектов» [3]. В соответствии с этим требованием рассмотрим и уточним сущность, значение и трактовку основных категорий и терминов, связанных с проблемой инновационной деятельности в современном образовательном учреждении.

В настоящее время не существует единого определения инновации вообще и в образовании конкретно. Известные попытки выработки дефиниции инновации в образовании многозначны и неточны [1]. Инновационная деятельность в образовании сводится к внедрению новшеств и изобретений с последующей оценкой экономической или социальной эффективности такого внедрения [4].

Очевидно, что для высшей военной школы оценка экономической эффективности в определении значимости того или иного нововведения не вполне корректна. Во-первых, потому что инновации в

образовании могут явным образом обнаружить себя лишь в самой образовательной практике и (или) в тех последствиях, которые они порождают при своей реализации. Во-вторых, военное образование, по своей сути, затратное и должно окупаться только в военное время за счет подготовленных высококлассных военных кадров. Попытки полного перевода военного образования на коммерческую основу не только противоречат традициям некогда элитарной высшей военной школы, но и идут в разрез с основной целью военного профессионального образования – подготовкой для государства и его Вооруженных Сил профессионально грамотных, преданных Отечеству, способных выполнить свой воинский долг, в наибольшей степени обладающих высокими нравственными качествами военных специалистов соответствующей квалификации согласно перечню военных специальностей, а также удовлетворением потребностей обучающихся в интеллектуальном и культурном развитии, в приобретении профессионального образования определенного уровня и направленности в соответствии с Государственными образовательными стандартами.

В этих условиях невозможна и прямая оценка успешности инновационной деятельности военных вузов на основе анализа востребованности выпускников на рынке труда, что объясняется отсутствием конкуренции вследствие целевого распределения. Отсюда возникает необходимость уточнения сущности понятия инновации в военном образовании.

На основе проведенного нами источниковедческого анализа определимся с терминологией рассматриваемой проблемы. Так, например, под *инновационной деятельностью в вузе* будем понимать деятельность по капитализации интеллектуального потенциала вуза в рамках инновационной образовательной программы, заключающейся в проведении комплекса согласованных мероприятий по количественному и качественному расширению научно-образовательного потенциала вуза с целью его реализации в экономике, сферах науки и образования, социума и получения новых практически значимых результатов и эффектов в оптимально короткие сроки. Причем важнейшим результатом инновационной деятельности надо считать не экономическую отдачу, а обратный положительный эффект инновационного развития: от результата к человеку творцу, т. е. саморазвитие человека [7].

Под *инновацией* понимается законченный конечный результат инновационной деятельности в виде нового или усовершенствованного продукта, нового или усовершенствованного процесса, реализуемого или усовершенствованного процесса, реализуемого или используемого в практической деятельности. *Инновационная активность* представляет действия, направленные на обладание как инновациями, нововведениями, так и новшествами, в том числе обладание знаниями или системой знаний.

Под *инновационной инфраструктурой вуза* понимается совокупность ресурсов и средств, обеспечивающих организационно-методическое, информационное, консультативное и иное обслуживание инновационной деятельности. Инновационная инфраструктура вуза состоит из: инновационных структур (бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационно-технологические центры, учебно-деловые центры и др.); структурных подразделений вуза (управлений, отделов), управляющих разработкой и внедрением инновационных проектов на уровне вуза и на уровне отдельных образовательных программ; центров коллективного пользования.

Инновационная образовательная среда представляет собой условия, созданные в вузе, которые должны: обеспечить выпускнику конкурентные преимущества на основе предоставления опережающих знаний и дальнейшего сопровождения его в течение всей жизни; изменить роли преподавателя и обучающегося. Преподаватель в инновационном образовании выступает как консультант, наставник, главная задача которого научить алгоритмическому мышлению, самостоятельной постановке целей и задач, выбору эффективных инструментов их решения, оценке качества собственной работы, умению работать с информацией, потребности и навыкам самообразования, умению работать в команде. В этих условиях *инновационное образование* выступает как адекватное использование потенциальных возможностей элементов системы учебного процесса, которое предполагает создание знаний, управление ими, их распространение, доступ к ним и контроль над ними [7].

Инновационная образовательная деятельность в военном вузе предполагает реализацию инновационной программы на основе внедрения в образовательный процесс *педагогических инноваций*, которые представляют нововведения в педагогическую деятельность, изменение в содержании и технологии обучения и воспитания, имеющие целью повышение ее эффективности.

В заключение отметим, что инновационная образовательная деятельность в вузе не должна происходить стихийно, вне какой-либо организованной системы. Такой может быть система педагогического сопровождения, которая представляет сложный динамический, развивающийся процесс сопровождения инновационной образовательной деятельности, заключающейся в обеспечении и

поддержании инновационной образовательной деятельности на всех этапах жизненного цикла инноваций от зарождения до реализации в традицию [6,7].

Библиографический список:

1. Азгальдов Г.Г., Костин А.В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // Экономические стратегии. – 2008. – № 2 (60).
2. Бабаскин С.А. Инновационный проект: методы отбора и инструменты рисков: учеб. пособие. – М.: Дело АНХ, 2009.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). – М.: Совершенство, 1998.
4. Инновации в общественной сфере / Под ред. Б.В. Сазонова. – М.: ЛКИ, 2008.
5. Мухина С.А., Соловьева А.А. Современные инновационные технологии обучения. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2008.
6. Социально-педагогическое сопровождение лиц с нарушением слуха: учеб. пособие. – М.: РГСУ, 2010.
7. Холодкова Л.А. Формирование инновационной культуры субъектов военного профессионального образования: теория и практика. Диссертация доктора пед. наук. – СПб.: ВАС, 2005.

УДК 378.02:37.035.4

В.Г. Кокоулин, В.А. Михалин

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

*kwladislaw@yandex.ru
mikhwa@mail.ru*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ И ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА

В статье рассматриваются основные проблемы патриотического воспитания молодёжи в настоящее время, предлагаются возможные пути их решения, показывается воспитательное значение изучения отечественной истории и пути совершенствования её преподавания.

Ключевые слова: патриотизм, отечественная история, патриотическое воспитание.

На разных этапах становления тех или иных государств методы воспитания патриотизма менялись в соответствии с признанными обществом философскими представлениями и педагогическими методиками. Ещё в античные времена Сократ, Платон, Аристотель и Демокрит считали, что патриотизм – это основа для нравственного воспитания настоящего гражданина и процветания в целом всего общества. В новое время задача воспитания человека-гражданина была неразрывно связана с воспитанием в нём патриота. Например, Джон Локк рассматривал патриотизм как проявление гражданином чувства гордости за свою страну.

В российской армии тема воспитания патриотизма отразилась в различных уставах, наставлениях и инструкциях, в таких как «Уложение о службе» 1556 г., «Боярском приговоре о станичной и сторожевой службе» 1571 г., «Военной книге» 1607 г., «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной службы» 1621 г., «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей» 1674 г., и т. п. От воина требовалось, помимо знания места в строю и в бою, готовности к самопожертвованию за государя и своих боевых соратников, ещё и «честно служить государю». А.В. Суворов, продолжая петровскую традицию, разработал и практически воплотил военно-педагогическую систему, в которой результаты боевой деятельности напрямую зависели не только от обученности, но и от морального духа воина. Основу обучения составляли не только военно-профессиональная деятельность, но и воспитание нравственности, т. е. того, что мы сегодня называем патриотизмом. В Красной армии основу патриотизма составляла не только любовь к социалистическому отечеству, но и ненависть к классовым врагам, к империализму как системе. И в нашей современной армии проблема воспитания патриотизма остаётся актуальной. Так, начальник генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации генерал армии В.В. Герасимов в обзоре задач развития армии в настоящее время отметил, что, помимо обеспечения армии современным

вооружением, необходимо воспитывать патриотизм у современной молодёжи. В числе мер он предлагает проводить военно-музыкальные фестивали, военно-спортивные мероприятия и ряд других [1].

Таким образом, воспитание патриотизма оставалось актуальной задачей, но само понятие патриотизма изменялось. Рассмотрим содержание этого понятия в наши дни. Как отмечает исследователь В.Е. Уткин, современное понятие патриотизма включает не только любовь к Российскому государству, стремление служить его интересам и защищать его всеми силами, готовность самопожертвования, но и толерантность к другим национальностям и конфессиям, уважение к воинским традициям своей армии. На личностном уровне патриотизм проявляется в мировоззрении, нравственных идеалах и нормах поведения человека [2].

Кроме того, следует отметить, что патриотизм является составной частью общественного сознания, которое проявляется в коллективных оценках, чувствах и настроениях своего прошлого, образа жизни своего народа, его культуры и основных ценностей. Воспитание патриотизма – очень сложная задача и, к сожалению, нельзя сформулировать определённый алгоритм, действуя в соответствии с которым можно его воспитать. Однако мы можем сформировать такую общественную среду, которая сама будет способствовать формированию патриотических настроений.

Характерно, что опыт создания подобной среды был предпринят в советское время, когда история служила источником для формирования тех или иных общественных настроений. Достаточно вспомнить, что фигура Александра Невского в годы Великой Отечественной войны была настолько мифологизирована, что от реального Александра Невского в ней мало что осталось, зато было показано, что «немца мы бить умеем». Точно так же тема Куликовской битвы была мифологизирована настолько, что воспринималась советскими людьми чуть ли не как борьба всемирного добра в лице русского воина со всемирным злом [3]. В настоящее время мы с трудом изживаем эти мифы, то, что можно назвать иначе «предписанным прошлым». Но сам опыт использования исторических персонажей для воспитания патриота Отечества заслуживает всяческого внимания. В качестве примера можно привести опыт формирования одного из выдающихся полководцев, хотя и воспринимаемого у нас с отрицательными ассоциациями, шведского короля и противника Петра I – Карла XII. Он изучал историю не по монографиям и учебникам, содержащим обзоры, анализы и сложные построения, а постигал историю отдельных выдающихся личностей и основные вехи развития общества, которые стали своеобразными опорными точками для получения цельного исторического мировоззрения. Конечно, систематическим и полным такое изучение истории считать нельзя, и у Карла были определённые пробелы в знаниях, зато воспитательное значение от того, что он получил, было огромным. История пробудила у Карла интерес к военному делу и во многом стимулировала и предопределила его развитие как личности. Напомним, что он обладал такими качествами, как храбрость, самоотречение, непретенциозность, скромность, верность данному слову, справедливость, почитание бога [4]. Можно вспомнить также и хрестоматийное высказывание А.С. Пушкина «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости. Гордиться славою своих предков не только можно, но и нужно». Таким образом, изучение истории является своеобразной фабрикой формирования патриотизма у подрастающего поколения.

Главными проблемами патриотического воспитания в наше время являются следующие: 1) вовлечение Российской Федерации в процесс глобализации, что привело к вытеснению национальной культуры массовой, замене личного общения между людьми общением посредством электронных средств коммуникации; 2) реакцией на глобализацию стал рост националистических настроений, которые порой переходят грань национальной идентичности и превращаются в национальный шовинизм, что требует последовательной борьбы с фашистскими идеями; 3) идеологизация патриотического воспитания, которая сохранилась с советских времён, но только поменяла полярность.

Для того, чтобы понять, как история может воздействовать на подрастающее поколение, необходимо выявить основные черты современного подрастающего поколения. Прежде всего, это поколение выросло в условиях изменившихся социально-экономических и политических отношений и ценностная ориентация у них иная, чем была у молодёжи в советское время. Отсюда вытекает разрыв поколений. Вторым по значимости фактором является склонность молодёжи к радикализму, который в наше время зачастую проявляется в разного рода экстремистских идеях и течениях. Третьим фактором надо выделить минимизацию в образовании воспитательной работы.

Что касается первого фактора, то следует формировать уважение не только к древней истории, но и к советской, которая устойчиво стала ассоциироваться с «репрессиями» и прочими негативными явлениями, точно так же, как недооценивалась история Российской империи в советское время. Более взвешенный подход к советской истории, в которой было место и героизму, и труду, и энтузиазму, и подвигу, и радости жизни, необходим для преодоления разрыва поколений. Для этого в учебниках и

научно-популярной исторической литературе надо полностью отказаться от «навешивания ярлыков», но в то же время можно и нужно давать оценки событиям и историческим персонажам. Так, если мы будем повторять, что сталинский режим является тоталитаризмом, то мы получим только отрицательный эффект. Если же мы скажем, что сталинский режим был искажением того идеала социализма, за который боролась и гибли целая когорта революционеров, то мы получим определённое воспитательное воздействие на подрастающее поколение, показав им, что у людей бывают идеалы и они готовы иногда погибнуть за них.

«Радикальную» и «экстремистски настроенную» молодёжь мы уже имели в историческом прошлом – это было пореформенное время в истории Российской империи и рубеж XIX и XX вв. Преподавание не только событий политической или экономической истории, но и социальной психологии, истории общественно-политической мысли может помочь молодёжи разобраться в природе и последствиях подобного рода настроений и, в конечном счёте, преодолеть их. Воспитательный потенциал истории, безусловно, огромен. Нужно только, чтобы он оказался востребован молодёжью. Если постоянно внушать молодёжи, что в истории у нас было только хорошее, то такая история не будет восприниматься всерьёз. Если же внушать, что было только плохое, то сначала в сознании, а затем и в реальности может произойти разложение национально-государственной воли к поиску места в мировой истории, и наша страна станет материалом для чужой, скорее всего, враждебной нам, экономики, безопасности, истории и т.д. Поэтому история должна быть объективной, не подстроенной под конъюнктуру сегодняшнего дня, сегодняшней политики. Иначе она будет восприниматься как некая в лучшем случае умственная игра, что неизбежно приводит к серьёзным деформациям передачи исторической памяти.

Необходимо отметить ещё одну специфическую черту воспитания патриотизма в России. В отличие от моноэтнических стран Российская Федерация является страной полиэтничной и, как отмечалось выше, патриотизм у нас включает в себя толерантность к другим национальностям. И отечественная история должна преподаваться таким образом, чтобы подрастающее поколение видело и осознавало, что не один русский народ создавал Российское государство, а в этом процессе участвовали и представители других народов. Например, в преподавании истории должно быть место не только завоеванию Казанского или Крымского ханств, но и истории самих этих ханств как составной части исторического процесса.

Таким образом, патриотизм невозможно навязать человеку, его можно только пробудить. Духовное обретение родины у каждого человека своё, оно захватывает разные слои психики человека – как сознательную, так и бессознательно-инстинктивную. Патриотизм может исходить не только от осознания величия своего народа в истории или религии, но и от семейного или родового чувства, от любви к малой родине и т. д.

Поэтому очевидно, что одного для всех пути к патриотизму нет. На уроках истории необходимо не просто понять, но и прочувствовать географическое пространство нашей страны, осознать как оно формировалось, воспринимать его как национально-государственное достояние. Это пространство было не просто завоёвано или заселено, но и освоено духовно. Другим важным моментом является экономический фактор: Русь, Княжество всея Руси, Российское царство, Россия, Российская империя, СССР рождались в героическом труде простых людей, зачастую незаметном, но не менее важном, чем деятельность князей, царей, президентов или генеральных секретарей. Таким же важным моментом является восприятие армии как организации, стоящей на страже Родины, её внешних границ и внутреннего порядка. Необходимо понять, что если Родина остаётся без обороны, то государство распадается, а народ умирает.

Таким образом, изучение истории своей страны со всеми положительными и отрицательными моментами, истории формирования и изменения культуры и образа жизни населяющих её народов – это важнейшая составляющая патриотического воспитания.

Библиографический список:

1. Независимая газета. – 2014. – 12 сентября.
2. Уткин В.Е. Военно-патриотическое воспитание в системе подготовки будущих офицеров в высших военно-учебных заведениях: на опыте частей и подразделений при выполнении служебно-боевых задач. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2000.
3. См. подробнее: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.): Курс лекций. – М., 1998.
4. Григорьев Б. Карл XII, или пять пуль для короля. – М., 2006. – С. 21, 22.

В.Ю. Колесников

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

olegk0101@gmail.com

РОЛЬ ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ СОСТОЯНИЯ ГОТОВНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ К ДЕЙСТВИЯМ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются основные проблемы совершенствования физического воспитания и развития психических качеств военнослужащих для успешных действий в экстремальных условиях.

Ключевые слова: экстремальные факторы, психофизическая подготовка, военнослужащие.

Бурное развитие событий в мире за последние десятилетия существенно изменили взгляды военного руководства ряда ведущих государств на принципы подготовки вооруженных сил и их применение в вооруженных конфликтах. Происходит постоянное совершенствование средств ведения войны, являющихся продуктом научно-технического прогресса и требующих от личного состава высокой военно-профессиональной подготовки, основанной на комплексе военных и научных знаний. Довольно широк и диапазон географических, климатических, национальных и других условий возникающих конфликтов, что, естественно, оказывает влияние на соответствующие требования к подготовке военнослужащих. Особенно велики требования к подготовке военнослужащих разведывательных подразделений специального назначения.

Опыт локальных конфликтов, а также практика боевой подготовки войск в мирное время убедительно свидетельствуют о значении физической подготовки в выполнении боевых задач и повышении боевого мастерства личного состава. Успех в выполнении разведывательных и специальных задач нередко находится в прямой зависимости от быстроты передвижений подразделений, от умения воинов вести рукопашные схватки и преодолевать препятствия, действовать на лыжах, переправляться через водные преграды, а также от способности военнослужащих переносить предельные физические нагрузки и психические напряжения.

Боевая деятельность военнослужащих разведывательных подразделений специального назначения характеризуется: частым совершением длительных пеших переходов в сочетании со скоростными марш-бросками; полным нарушением суточной периодики сна, отдыха, питания; действиями преимущественно ночью, в любую погоду и на самой труднодоступной местности; необходимостью транспортировки на себе оружия, снаряжения, боеприпасов, радиостанций и запасов продовольствия; постоянным накоплением нервного и физического утомления; неясностью обстановки и чувством оторванности от своих войск (пунктов постоянной дислокации); большой вероятностью непосредственного контакта со специально подготовленным противником в рукопашных схватках и боестолкновениях. Все это требует способности быстро и скрытно передвигаться по пересеченной местности как зимой, так и летом, умения метать гранаты, ножи и другое метательное оружие, плавать в обмундировании с оружием, преодолевать водные преграды, владеть системой ведения боя с оружием и без оружия.

При этом на практике часто создаются ситуации, когда привычный режим деятельности меняется на экстремальный. В этом случае происходит значительное усложнение поставленных задач за счет ограничения деятельности, появления опасности, большой цены ошибки или сильно ощутимого ухудшения условий деятельности, а также сочетания всех этих признаков экстремальности.

В экстремальном режиме человек без высокой внутренней мобилизации и широкого использования внутренних резервов уже не может удовлетворительно выполнять возложенные на него задачи.

Под экстремальными факторами понимают такие, которые значимо выходят за пределы, сложившиеся в процессе эволюции. Из наиболее значимых экстремальных факторов отметим следующие:

- постоянная опасность для жизни и здоровья военнослужащих, нахождение под угрозой применения противником различных видов оружия;
- лишения, трудности и воздействие больших физических нагрузок, связанных с профессиональной деятельностью, которые нарушают установившийся жизненный режим;

- работа в условиях нервно-психического напряжения в связи с интенсивной деятельностью в течение длительного периода времени;
- эмоциональное напряжение при выполнении ответственной работы в условиях дефицита времени, ночью или в условиях ограниченной видимости;
- выполнение задач при неблагоприятных условиях внешней среды, климата, высокогорья;
- воздействие перегрузок, укачивания и др.

Таким образом, есть основание утверждать, что экстремальные условия служебной деятельности обуславливаются экстремальными факторами, которые имеют место в процессе выполнения поставленных задач перед военнослужащими подразделений специального назначения.

В экстремальном режиме деятельности воин без произвольно высокой внутренней мобилизации и широкого использования внутренних функциональных резервов уже не может удовлетворительно выполнять возложенные на него функции. Для эффективной работы в экстремальном режиме он должен обладать высоким уровнем развития физических и психических качеств, обуславливающим его стремление максимально использовать все физические возможности, а также особенностями личности, вытекающими из её направленности, эмоционально-волевых качеств, чувства долга, ответственности. Все эти элементы должны развиваться в процессе целенаправленной психофизической подготовки.

Психофизическая подготовка военнослужащих осуществляется в учебно-тренировочном процессе путем разностороннего влияния на психические функции, обеспечивая их активность, коррекцию и устойчивость. Например, совершенствуются такие психические качества, как смелость, решительность, настойчивость в достижении цели, способность адаптироваться к резко меняющимся условиям окружающей природы и социальной среды. В прямой зависимости от уровня физической и функциональной подготовленности находятся также устойчивость внимания, восприятия, памяти, способность к логическому мышлению и анализу [1].

Большое значение в учебно-боевой деятельности военнослужащих разведывательных подразделений должно придаваться физической тренировке с использованием специально подобранных физических упражнений при высокой эмоционально-волевой напряженности личности воина.

Разнообразие действия физических упражнений обусловлено их общебиологической значимостью и универсальностью воздействия на организм, ведь двигательная активность человека непосредственно связана с функционированием центральной и вегетативной нервной систем, эндокринного аппарата, системой кислородного обеспечения, а также с трофотропным и эрготропным влиянием на обменные процессы.

С помощью физических упражнений, дозированных с учетом функционального состояния организма, пола, возраста, конституционального типа преодолеваются изменения и функциональные нарушения в организме в процессе воздействия экстремальных факторов. Физические упражнения нормализуют нейроэндокринную регуляцию, повышают мышечный тонус, снижают застойные явления, стимулируют моторику желудочно-кишечного тракта, оптимизируют обменные процессы и др. Каждое физическое упражнение несет в себе черты как общего, так и частного влияния на организм с соответствующим патогенетическим началом тренирующего воздействия [3].

При решении задач психофизической подготовки рекомендуется:

- на основе сформированных идейных мотивов поведения и накопленного волевого опыта в процессе отработки учебных вопросов создавать возможности для проявления психических качеств в условиях воздействия эмоциогенных факторов (имитация боевой обстановки, работа при дефиците времени, при недостатке или избытке информации, под повышенным давлением или в гипоксическом режиме и т. д.);
- систематически использовать методические приемы, направленные на побуждение воинов к выполнению сложных, а подчас рискованных заданий с применением средств внешней стимуляции (приказ, одобрение, поощрение, порицание, наказание) и саморегуляции занимающихся (самоприказ, самоубеждение, самопоощрение и т. д.);
- постепенно усложнять обстановку и повышать степень трудности выполняемого приема, задания, повторять действия в разнообразных условиях [2].

Наши исследования показывают, что, используя средства физической подготовки в ходе учебно-боевой деятельности, можно достичь успешного формирования психологической устойчивости, позволяющей преодолевать отрицательные состояния и уверенно действовать в экстремальной обстановке [4]. С этой целью мы предлагаем использовать следующие приемы и действия:

- предварительные физические и психологические нагрузки, предшествующие занятию;

– включение в структуру занятия элементов внезапности, напряженности, разумного риска, сокращения временных рамок и др.;

– имитацию психотравмирующих факторов через усилительные установки (звуки боя), радиосредства (включение помех), применение муляжей трупов, разрушенных зданий, пораженной техники, имитационных средств (разрывы, очаги пожаров, задымление отдельных участков препятствий и местности).

В целях воспитания психологической устойчивости и прежде всего стойкости, смелости, решительности, настойчивости и уверенности в своих силах, в процессе физической подготовки военнослужащих подразделений специального назначения нами предложены приемы и действия, применяемые на занятиях, которые способствуют развитию этих качеств:

1) на занятиях по преодолению препятствий применять прыжки через ров шириной 2,5-3 м, наполненный водой, хождение по отвесной стене, передвижение по канату или балке на протяжении 30-50 метров на высоте 5-10 метров, передвижение по качающемуся бревну;

2) на занятиях по ускоренному передвижению и лыжной подготовке преодолевать маршрут на протяжении 20-30 км по труднопроходимой местности, при полной боевой экипировке днем и ночью, в неблагоприятных погодных условиях;

3) на занятиях по военно-прикладному плаванию применять прыжки в воду с разбега и преодоление водной преграды шириной 30-50 м вплавь в полном снаряжении;

4) на занятиях по гимнастике применять прыжки и кувырки вперед в ограниченном пространстве, лазание по канату различными способами на высоту более 4 м, прыжки с раскачивающегося каната, ходьбу и бег с грузом, передвижение на руках по горизонтальной лестнице и сбегание с высоты на высоте 2 м и выше;

5) на занятиях по рукопашному бою приемы защиты и нападения отрабатывать в единоборстве с различными партнерами на разнообразной местности и при различных ситуациях, учить военнослужащих вести рукопашный бой с численно превосходящим противником.

Отмечено устойчивое формирование моральной и физической выносливости воинов-разведчиков в ходе занятий на специальной полосе препятствий – «Тропе разведчика».

Многообразие и важность задач физической и психологической подготовки военнослужащих порождает ряд проблем, которые необходимо решать. Это пересмотр учебных планов и оборудование объектов учебно-материальной базы, заинтересованность всех должностных лиц и их ознакомление с содержанием и логикой системы поэтапной подготовки военнослужащих разведывательных подразделений специального назначения, взаимосвязью физической подготовки с тактико-специальными предметами. Понимание и решение этих проблем позволит поднять процесс подготовки военнослужащих на более высокий уровень.

Библиографический список:

1. Меерсон Ф.З. Адаптация к стрессорным ситуациям и физическим нагрузкам. – М: Медицина, 1988. – 253 с.

2. Шлахтер В.В. Человек – оружие. Курс профессиональной психофизической подготовки бойца. – М: Терция, 2008. – 160 с.

3. Ендропов О.В. Двигательная активность и здоровье человека. – Новосибирск: НИППКРО, 2013. – 164 с.

4. Колесников В.Ю., Жолоб С.С. Влияние двигательного режима на психофизическое состояние военнослужащих. // Сборник научных статей № 22. – Новосибирск: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» (филиал, г. Новосибирск), 2013.

А.К. Конопацкий

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

В докладе излагается точка зрения автора на некоторые тенденции, проявляющиеся в жизни современной высшей военной школы.

Ключевые слова: высшая военная школа, общая культура курсантов, самостоятельная работа, учебный процесс, чтение.

Любой человек, связанный с преподавательской деятельностью отдаёт себе отчёт в том, что между идеалом и реальностью, желаемым и действительным лежат «дистанции огромного размера» (как «говаривал» ещё грибоедовский полковник Скалозуб).

Длительное общение с курсантами первого курса военного вуза, наблюдения за их поведением, отношением к учёбе наводят на размышления и подталкивают порой к весьма неутешительным выводам.

Общая ситуация

Прежде всего бросается в глаза резкое, можно сказать, катастрофическое, нарастающее падение уровня и качества школьного образования в последние десятилетия (не только гуманитарного, но и образования в целом). Незнакомые в прежние времена понятия «албанский язык», «клиповое мышление», «клиповое сознание», «СМСочное общение» – уже не отдельные и частные явления, а едва ли не массовая норма.

Общаясь с вчерашними школьниками, ставшими курсантами, преподаватель гуманитарных дисциплин сталкивается в первую очередь с широко распространённым неумением высказывать, выражать свои и пересказывать чужие мысли. То же касается и пересказа содержания фрагментов прочтённого текста. О целом тексте речь вообще не идёт. Складывается впечатление, что обучаемые в школе никогда не писали изложений, сочинений, не запоминали и не пересказывали отрывки текстов или целые сюжеты, не учили стихов, как это было распространено в советской школе. В лучшем случае несколько разрозненных слов, не связанных по смыслу. К концу первого года обучения положение несколько улучшается. Ответ может состоять из одного или нескольких, правда, не всегда осмысленных и логически связанных предложений.

Навыки ведения конспектов имеются только у тех, кто до поступления в военный вуз обучался в профессионально-техническом училище, колледже, лицее или в гражданском вузе.

Наследием современной школы является общая расслабленная, ленивая установка на пассивное восприятие материала по принципу: «и так что-нибудь запомню», или «авось не спросят». У курсантов это выражается афоризмом: «Работа! Ты меня не бойся! Я тебя не трону!». При этом совершенно не берётся во внимание главное свойство памяти: способность забывать основную часть полученной информации. А дополнительные механизмы запоминания, работающие при фиксации материала в конспекте, повторном чтении записанного, не включаются.

Кроме того, можно отметить как неоспоримый факт падение качества ведения конспектов к концу учебного года даже у тех, кто вёл их прилежно и аккуратно с первого дня занятий.

Желание и стремление преподавателя как можно ярче подать изучаемый материал, чтобы он лучше запомнился, сталкивается с несколькими труднопреодолимыми препятствиями, сводящими почти на нет все его усилия:

- неспособность курсантов воспринимать внезапно обрушившийся на них, по сравнению со школьным курсом, объём информации и одновременно фиксировать его;
- физическая и психологическая неготовность к работе в условиях высшей школы: «атрофия ума и восприятия»; быстрая утомляемость; неспособность и нежелание переносить физические и психологические нагрузки, неизбежные в условиях воинской деятельности; «возрастные комплексы и озабоченности»;
- нежелание воспринимать уже готовый, «разжёванный» материал по принципу «ленивого американского мальчика».

Работа с литературой

Отсутствие этих навыков приводит к тому, что большинство учебников, пособий, дополнительной литературы, методических рекомендаций остаются неразобранными и невостребованными как во время самостоятельной работы, так и на семинарах и индивидуальных контрольных собеседованиях. Преподаватели стремятся привить курсантам навыки самостоятельной работы, донести до их сознания возможные и наиболее оптимальные варианты ведения и оформления конспектов, работы с ними, с основной, дополнительной, мемуарной, художественной литературой. Для этого регулярно издаются наглядные пособия и методические рекомендации, где всё, что называется, разложено по полочкам. Но ко всему этому добротному, качественно отработанному материалу, дидактическому и методическому нет никакого интереса со стороны тех, кому он предназначен. «Разрегулировать» сложившуюся ситуацию возможно только на уровне серьёзных изменений в мотивационной сфере обучаемых.

Интерес к чтению

Масштабное развитие электронных СМИ, средств коммуникаций привели к тому, что книга практически уходит из оборота как явление. Курсанты более ориентируются на ресурсы интернета, Википедии и другие, достижимые с помощью сотового телефона, смартфона или планшета, источники.

Автору уже приходилось писать, что учебник обладает абсолютным снотворным действием на курсантов, независимо от того, на какой странице он раскрыт [1]. Наиболее курьёзным из наблюдавшихся был случай, когда курсант уснул на первых строках оглавления и так и не двинулся дальше за все 6 часов индивидуального контрольного собеседования. У большинства первокурсников отсутствуют элементарные навыки чтения. Многие блуждают в оглавлении, как в дремучем лесу, просят назвать страницы, так как не знают римских цифр, обозначающих века. Когда же обнаруживается, что курсант, «заблудившись» в тексте, читает не то, он пытается свалить вину на преподавателя: «Так Вы же сказали!». Катастрофически низка скорость чтения, так, зачастую, за значительное время прочитываются всего лишь от половины до полутора страниц. В то время, как экспериментальным путём было установлено, что при внимательном чтении главу учебника (20-30 страниц текста) можно одолеть за 25-40 минут.

Часто встречается и такой факт: вместо чтения курсанты заняты тем, что в богато иллюстрированном учебнике просто рассматривают картинки.

Косноязычие

У многих курсантов чётко фиксируется бедность словарного запаса, неумение формулировать свои мысли, назвать вещи соответствующими именами, что во многом проистекает из катастрофического неумения читать.

Если раньше курсанту было трудно прочесть слово, состоящее более чем из двух слогов, а дальше шли фантазии на «заданную тему», сплошной экспромт, то теперь он уже часто ошибается на первом слоге или сразу же после него, ужасно коверкая имена, названия, термины (почти в полном соответствии со старой школьной поговоркой «глядит в книгу, видит фигу»).

Ниже для наглядности приводятся примеры того, что говорили курсанты на групповых занятиях и экзаменах по истории (левая колонка) и того, что имелось в виду, или они хотели сказать (правая колонка).

Сказано	Имелось в виду
Черобей	Челубей
Крепостные – бояре и дворяне, жившие в крепости	Крепостные – крестьяне, прикреплённые к земле
Тулский мирный договор	Тильзитский мир
Плацкарт	Плацдарм
Соломоновы острова	Соловецкие острова
Япония искала выход к морю	Япония стремилась к захватам в Азии
Канорейская лодка	Канонерская лодка
Они бушевали	Они бастовали
Они шли к главному дому	Они шли к Зимнему дворцу
Возле Земского Собора	Возле Зимнего дворца
Советское правительство финансировало советско-японский пакт и т. д.	Советское правительство денонсировало советско-японский пакт

Эти и другие примеры курсантского косноязычия, охватывающие практически весь курс истории (год от года они варьируют в абсурдности и нелепости и практически не повторяются), несмотря на их кажущуюся немногочисленность, наглядно свидетельствуют о нарастающем историческом,

географическом и общекультурном невежестве вчерашних выпускников школы. Впору ставить вопрос если не о ликвидации полной безграмотности, то об элементарном повышении грамотности молодёжи.

Всё это можно было бы списать на проблемы роста, специфику первого курса, изживаемые со временем. Но автор был свидетелем ситуации, когда далеко не самый худший курсант 4-го курса, выступая по готовому, напечатанному тексту на студенческой межвузовской конференции, несколько раз назвал гренадерские дивизии гренадскими. Но ни он сам, ни слушатели, ни циничный заведующий секции, профессор одного из ведущих вузов, не заметили (или не сочли необходимым заметить) этой ошибки.

Самоподготовка

Крайне негативно на качество учёбы влияет такой фактор, как проведение самоподготовки в одном корпусе при размещении библиотеки с литературой в другом. Да и курсанты чаще всего откладывают подготовку на самый последний день. В силу объективных и субъективных обстоятельств обучаемые не жалуют своим вниманием не только учебную библиотеку, но и учебный кабинет кафедры, и фонд художественной литературы.

Парко-хозяйственный день

Главным бичом прошедшего учебного года, особенно его начального этапа – первого семестра, было превращение жизни коллектива училища в сплошной ПХД (парко-хозяйственный день), включавший постоянный ремонт казармы, совершенствование её интерьера, подготовку к зимнему отопительному сезону, строевому смотру, приезду бесчисленных комиссий и т. д. Всё это было связано в первую очередь с проводившимися несколько лет назад компаниями по сокращению и полному прекращению приёма курсантов в военные вузы, переводу части обучаемого контингента в другие вузы, «оптимизации» преподавательского состава. Соответственно пустел и ветшал без присмотра казарменный фонд и учебно-материальная база. И, естественно, учебное и свободное время возобновлённого, пусть и в урезанном виде, набора, приносилось в жертву этим сиюминутным интересам и амбициозным задачам. Хозяйственная суэта подменяла самоподготовку. Ключевая фраза того времени, объяснявшая неготовность личного состава к занятиям со стороны младших командиров звучала следующим образом: «нам в рот поставили задачи», «заниматься некогда», «готовились к приезду комиссии» и т. п.

Естественно, отсутствие времени на учёбу толкало курсантов к тому, чтобы вставать и заниматься в ночное время. А отсюда низкая работоспособность, сонливость во время занятий, низкое качество знаний.

Тяжёлым ударом по учебному процессу в начале второго семестра явилось полное уничтожение фонда учебных карт в свете пришедшей свыше авральная борьбы со старыми завалами и обновлением материальной базы. Карты эти отличались не только высокой наглядностью и информационной насыщенностью, но и помогали формировать необходимые военно-профессиональные навыки, развивали пространственное мышление, расширяли исторический и географический кругозор. А вооружить каждого обучающегося портативным компьютером или планшетником мы ещё не в состоянии.

Настрой курсантов

К большому сожалению, если и не у всех, то у многих курсантов в свете повседневной реальности формируется настрой на пассивное «ничего неделание», надежда «на авось», «на халяву». Культ учёбы, столь характерный для высшей военной школы в прежние времена, сегодня отсутствует. Воспроизведу циничное заявление одного из курсантов: «В приоритетах у нас три «с»: сон, сладкое и секс». Можно воспринимать это заявление как его личную позицию, но, возможно, это есть выражение широко бытующего мнения, поветрия, настроения.

Заключение

В свете всего изложенного выше можно сделать вывод, что исходящие сверху указания и требования относительно немедленного внедрения суперсовременных образовательных технологий, введения разного рода модульных кредитно-рейтинговых систем обучения носят явно утопический, несбыточный, идеалистический характер. Они не только надуманы и формальны до изощрённости по сути, но и абсолютно оторваны от реальности и никак не связаны с ней. В них не учитываются ни уровень образования, ни уровень начальной подготовки обучаемого контингента, ни условия существования, ни специфика армейского образа жизни и решаемых задач. Утопично-идеалистические требования возможно и подходят для каких-то высокопрестижных и технологичных гражданских вузов мегаполисов, но в наших конкретных условиях они сталкиваются с суровой реальностью армейской жизни и спецификой местных условий и разбиваются, как о скалу.

В сложившейся ситуации главная задача преподавателей не только гуманитарных, но и других дисциплин, судя по общению с коллегами, сводится в основном к тому, чтобы заставить курсантов запомнить хоть что-то из положенного по программе материала. То есть умудриться если и не вырвать

полностью из плена, то хотя бы уменьшить телефонно-смс-интернет зависимость обучающихся, отвлекая их при этом от нависающих «дамокловым мечом» вопросов постоянной необходимости напряжённого слежения за подзарядкой и сохранностью телефонов, смартфонов и планшетов и наличием или отсутствием денег на счету операторов мобильных сетей. Увы, но задача далеко не из самых лёгких.

Библиографический список:

1. Конопацкий А.К. Разработка технологий самостоятельной работы курсантов, направленных на преодоление феномена «халявы» и на освоение нового учебного материала. // Направления интенсификации образовательного процесса в военном вузе с использованием новых информационных технологий и активных методов обучения. Материалы научно-практической конференции 25 ноября 2011 г. – Новосибирск: ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» (филиал, г. Новосибирск), 2011.

УДК 378.635.5:009

А.А. Копылов

*Сибирский государственный университет путей сообщения (СГУПС)
г. Новосибирск*

upd@stu.ru

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МВД РФ

Статья посвящена диалектике взаимосвязи и взаимозависимости гуманизации и гуманитаризации образовательного процесса в военно-учебных заведениях МВД РФ. Данная диалектика рассматривается в аксиологическом, гносеологическом, деятельностно-практическом и когнитивном аспектах.

Ключевые слова: гуманизация, гуманитаризация, внутренние войска МВД РФ, диалектика.

В современных условиях постперестроечного развития выпускники военно-учебных заведений ВВ МВД решают сложные задачи постоянного поддержания высокой степени боевой готовности частей и подразделений в непростой экономической, общественно-политической и духовно-нравственной обстановке в стране. Кроме этого сложность современной ситуации усугубляется рядом других факторов, непосредственно связанных со служебно-боевой деятельностью внутренних войск:

- высокий уровень террористической опасности и криминогенности некоторых районов РФ, прежде всего на Северном Кавказе;
- существенные преобразования в ряде силовых структур – Министерство обороны, МВД РФ, что прямо или опосредованно влияет на функционирование внутренних войск;
- не совсем удачный, а может быть совсем неудачный переход на новые принципы комплектования (увеличение количества контрактников, уменьшение сроков службы призывного контингента);
- усиление международной напряженности в связи с событиями в Украине и Крыму;
- в стране обостряется демографическая ситуация, что не позволяет в полной мере качественно решать вопросы комплектования личным составом Вооруженные силы.

В этой связи объективные трудности в решении военно-профессиональных задач предполагают их преодоление в первую очередь за счёт повышения человеческого фактора, качественной подготовки офицерских кадров. Данные обстоятельства предполагают разностороннюю, гармоничную подготовленность офицеров, достаточного уровня общеобразовательной и социокультурной подготовки, гуманистических умений и навыков по воспитанию подчинённых.

Необходимость гуманизации как основной тенденции в модернизации образования точно сформулирована академиком Д. Лихачёвым: «Двадцать первый век должен стать веком гуманитарного мышления или его не будет совсем».

Опыт военного образования в развитых странах свидетельствует, что процесс гуманизации и гуманитаризации в них неуклонно развивается.

Так, в военно-учебных заведениях США и Западной Европы объёмы гуманитарных дисциплин значительны. В американских военных училищах им отводится до 50% учебного времени на 1 курсе, до

30% – на 2-м, до 60% – на 3-м и до 70% – на 4-м. По мнению Минобороны США, военные дисциплины не должны превышать 15% общего объёма учебного времени. Директива № 5/94 сухопутных войск США требует: «Кандидат в офицеры должен быть способен и готов с полной ответственностью выполнять функции командира, воспитателя и учителя по отношению к солдатам, верно служить своей родине и образцово выполнять свой долг».

Исторический опыт России также свидетельствует о том, что гуманитаризации образовательного процесса в системе военной школы уделялось должное внимание. В юнкерских училищах России в 1901 году гуманитарные предметы составляли 44%, военные предметы 56%. В учебные планы входили такие предметы как русский, французский языки, география, закон божий, история и некоторые другие. Русский офицер отличался высоким уровнем гуманитарной культуры: знал несколько иностранных языков (минимум два языка на высоком уровне).

Вместе с тем современное состояние высшей военной школы, гуманитаризация и гуманизация образовательного процесса сталкиваются с рядом противоречий, которые необходимо учитывать. Наиболее значимые из этих противоречий:

- между увеличением объёма информации (предметностью) и ограничением сроков обучения;
- между увеличением гуманитаризации образования за счёт получения гражданской специальности и необходимостью качественной подготовки по собственно военным дисциплинам;
- между современными требованиями гуманизации (основы гуманитаризации) всей системы общественных отношений и необходимостью применения мер принуждения вплоть до применения оружия в ходе выполнения служебно-боевых задач;
- объективной потребностью современного общества в офицерах, ориентированных на реализацию гуманистических ценностных аспектов в процессе профессиональных отношений, и недостаточной разработанностью проблемы в педагогической науке;
- между высокими требованиями к знаниям, навыкам, умениям молодых выпускников высшей военной школы и низким уровнем образования в средней общеобразовательной школе и т. д.

На практике указанные противоречия проявляются в виде трудностей в организации и планировании образовательного процесса, в его субъектно-объектных отношениях, в теоретико-методологическом осмыслении некоторых научно-педагогических категорий, в том числе в понимании соотношения гуманитаризации и гуманизации образовательного процесса.

В научной литературе гуманитаризация образования рассматривается с различных позиций: социально-философских, психолого-педагогических, культурологических, политологических, социологических. Отдельные авторы рассматривают гуманитаризацию как метод [1] или как средство [2], или как основную цель гуманизации. Другие – по сути дела, отождествляют гуманитаризацию (гуманитарность) с гуманизацией, не видя принципиальных различий. Некоторые исследователи пытаются внести различия в гуманизации и гуманитаризации образования. «...Гуманизация образования понимается... как осуществляемое на протяжении всего образовательного процесса единство аксиологически-смыслового, культурологического, социально-исторического, личностного воздействия всего педагогического пространства на студентов. Цель гуманизации образовательного процесса – становление полноценной личности, носителя культурных ценностей, источника развития будущей культуры (традиции русской философии), гармонично сочетающей в себе нравственные, духовные и гносеологические аспекты» [3].

Гуманитаризация образования как часть общей тенденции гуманизации российского общества определяет культуросцентрическую парадигму образования, взаимодействующую с социоцентрической и человеко-центрической. Гуманитаризация образования заключается в освоении тех аспектов культуры, которые обеспечивают способность личности к самосознанию и пониманию других людей, что актуализирует роль педагога в процессе гуманизации общественного сознания и социальных отношений»[4]. Приведенные точки зрения свидетельствуют о неоднозначности и дискуссионности в понимании соотношения гуманитаризации и гуманизации образовательного процесса. На наш взгляд, рассматриваемые категории находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости, т. е. в диалектическом единстве, что подчас затрудняет их разграничение. Более того, соотношение гуманитаризации и гуманизации образовательного процесса зависят от многих факторов: научных, социокультурных и образовательных парадигм, особенностей образовательного профиля подготовки специалиста, методологической дисциплины мысли, условий реализации. Однако, несмотря на историческую неопределенность и зависимость соотношения гуманитаризации и гуманизации образовательного процесса от многих факторов попытаемся сформулировать своё видение рассматриваемой проблемы.

Во-первых, в аксиологическом аспекте гуманизация составляет основу (сердцевину) образовательного процесса, которая определяет основополагающие общечеловеческие ценности и идеалы, и в последующем трансформируется во всех сферах, прежде всего в гуманитаризации образовательного процесса, но ею не исчерпывается.

Во-вторых, в гносеологическом аспекте гуманизация и гуманитаризация образовательного процесса взаимодополняют, взаимооплодотворяют друг друга, но их поля деятельности имеют свою специфику. Например, в процессе преподавания гуманитарных дисциплин в зависимости от специфики предмета дают конкретные знания о социальной картине мира, объективно-исторической реальности и т. д.

В-третьих, в деятельностно-практическом аспекте гуманизация образовательного процесса проявляется в гуманном отношении во всех сферах жизнедеятельности (политической, экономической, военно-профессиональной и т. д.). Гуманитаризация проявляется прежде всего в специфических видах деятельности человека, называемых гуманитарными. Хотя, при этом оговоримся, в объективной реальности данные процессы взаимосвязаны и взаимозависимы.

В-четвертых, когнитивный аспект предполагает усвоение в процессе гуманитарного образования знаний о мире человека, смысле человеческого бытия, о свойственных человеку формах жизнедеятельности.

Гуманизация образовательного процесса реализует признание ценности человека как личности, его право на свободу, счастье, справедливость, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов и желаемой нормой отношений между людьми.

Такова, на наш взгляд, диалектика взаимосвязи и взаимозависимости гуманитаризации и гуманизации образовательного процесса.

Библиографический список:

1. Барабашиков А.В. Гуманитаризация и гуманизация учебно-воспитательного процесса академии // Гуманитаризация подготовки кадров: пути, опыт, проблемы. – М.: ВПА, 1991.
2. Бурмакин Э.В. Необходимые условия гуманитаризации / Сборник: Вопросы обучения и воспитания в ВУЗе. – Томск, 1992. – С. 21-28.
3. См.: Савин М.В. Развитие гуманитарной нравственности содержание гимназического образования в России второй половины XIX – нач. XX в.в. Автореф. дис. канд. пед. наук – Волгоград, 1998. – С. 7.
4. Абрамова М.А. Гуманитарная подготовка студентов педагогических специальностей. Автореф. дис... докт. пед. наук. – Якутск, 2003. – С. 3.

УДК 374.1

А.М. Котов, В.Г. Климов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

rampire777@bk.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Авторами проанализированы основные направления процесса правового воспитания курсантов вузов внутренних войск МВД России как элемента педагогической системы.

Ключевые слова: правовое воспитание, правовая подготовка, правосознание курсантов, образовательный процесс.

Одним из важнейших направлений воспитательной работы во внутренних войсках МВД России, успешная реализация целей которой во многом обуславливает состояние воинской дисциплины, организованности и порядка, является правовое воспитание.

В научной литературе раскрытие сущности процесса правового воспитания курсантов сводится к одностороннему показу его различных сторон, перечню свойств и характеристик воспитания и обучения, а

не к выявлению педагогической сущности. Рассмотрение различных сторон правового воспитания военнослужащих, в том числе офицеров и курсантов, предпринималось в научных исследованиях [1].

В работах по теории права практически не встречается категория «педагогика» и ее производные, вскользь упоминается лишь категория «воспитание», но без ее надлежащего педагогического раскрытия, нет понимания и учета стоящей за ними педагогической реальности.

Как отмечают Н.В. Даничев, А.Н. Кононов, И.А. Нестеренко, правовое воспитание военнослужащих – это целенаправленное, систематическое воздействие на личность военнослужащего в интересах формирования прочных правовых знаний, осознанных правовых убеждений и устойчивых навыков законопослушного поведения. Целью такого воздействия является формирование у военнослужащих высокого правосознания и правовой культуры [2].

Правовое воспитание призвано формировать у курсантов высокую гражданственность, глубокое уважение к законам и установленному в войсках правопорядку, чувство личной ответственности за боеготовность и боеспособность вверенного офицеру подразделения, готовность и привычку в служебной деятельности и личной жизни руководствоваться нормами права, требованиями военной присяги и воинских уставов, быть непримиримым к любым нарушениям законности, готовность активно участвовать в охране правопорядка.

Правовое воспитание является необходимым условием становления правовой активности выпускников учебных заведений системы ВВ МВД РФ. Только при соблюдении данного условия могут быть обеспечены высокий уровень воинской дисциплины, законности во внутренних войсках РФ, их боевая готовность.

Правовое воспитание выполняет две основные функции. Первая состоит в передаче воспитуемым определенной суммы правовых знаний, навыков и умений, вторая – в формировании правовых идей, чувств, убеждений в правосознании указанных субъектов.

Несомненно, правовое образование из способа просвещения индивида должно быть претворено в механизм развития правовой культуры, формирования образа мира, законности, правопорядка в нем, а проводимая в России реформа высшего профессионального образования в системе ВВ МВД РФ во все большей мере учитывает эти выводы.

Под правовым воспитанием курсантов внутренних войск мы понимаем целенаправленный, организованный, управляемый и преднамеренный педагогический процесс воздействия на правосознание индивидов, осуществляемый с помощью системы специально созданных правовоспитательных форм и средств в целях формирования высокого уровня правовой культуры и правосознания.

Правовое воспитание – сложный, непрерывный процесс, направленный на решение многих задач. Среди них мы выделяем:

- формирование и развитие высокого уровня правосознания военнослужащих как основной части общественного сознания;
- научное знание и понимание права;
- формирование правовой культуры как производной правосознания;
- воспитание чувства ответственности у курсантов за неукоснительное выполнение предписаний правовых норм, осознание ими социальной значимости права и правопорядка;
- воспитание убежденности в правильности и справедливости правовых предписаний и привычки к правомерному поведению.

Входящие в эту совокупность компоненты правосознания и правовой культуры образуют необходимую психологическую и идеологическую установку личности военнослужащего – быть в постоянной готовности к активному применению правовых знаний в жизни.

Следовательно, правовое воспитание – планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию военнослужащих всей совокупностью многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в арсенале современной педагогической и правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения.

Правовое обучение и воспитание является составной частью боевой подготовки, одним из важнейших средств укрепления законности и правопорядка во внутренних войсках МВД РФ, совершенствования правовых знаний курсантов, его необходимо строить так, чтобы передаваемые правовые знания становились объектом ценностной ориентации для курсантов, привычкой правомерного поведения.

Говоря о правовом воспитании как составной части единого процесса формирования личности

защитника Родины, следует иметь в виду, что основные пути, средства и формы его являются в целом общими для всего воспитательного процесса. Вместе с тем они имеют свои особенности, обусловленные спецификой его осуществления в условиях воинской деятельности.

При этом мастерство воспитателя состоит в том, чтобы в конкретных условиях правовоспитательной работы выбрать наиболее подходящие методы, средства и приемы воздействия на воспитуемых.

Владение средствами и приемами правового воспитания позволяет командирам, офицерам-воспитателям выбрать наиболее эффективные в данной ситуации методы и применять их в необходимом сочетании.

Все средства, приемы и методы правового воспитания в единстве оказывают значительное воспитательное воздействие на курсантов внутренних войск МВД России; способствуют воспитанию сознательной воинской дисциплины, высокой организованности, исполнительности, формированию необходимых боевых, правовых и нравственных качеств у воспитуемых; регулируют разнообразные стороны жизнедеятельности военнослужащих, воспитывают их в духе строгого соблюдения законов, прививают уважение к воинскому правопорядку и военной службе, формируют высокий уровень правовой культуры.

Наличие высокой правовой культуры связано с необходимостью расширения профессиональных навыков выпускников высшей военной школы, которые являются основой их социальной и профессиональной мобильности, связанной с обеспечением внутренней безопасности общества, охраной правопорядка, поддержанием законности.

Гибкая педагогическая подсистема дополнительной правовой подготовки курсантов, функционирующая в военно-учебном заведении внутренних войск параллельно с базовым военным образованием нацелена на овладение курсантами объемом правовых профессиональных знаний, умений и качеств, расширяющих рамки основной специальности. В системе психолого-педагогического воспитания грамотно организованное правовое воспитание обеспечивает формирование профессионально-необходимых личностных качеств, высокий уровень правосознания и, как следствие, высокий уровень правовой культуры военнослужащих.

В своей профессиональной деятельности курсантам придется соприкасаться с фактами, ситуациями, имеющими теоретический характер, нуждающимися в четкой правовой регламентации. Вот почему курсанту как правило приходится не только разъяснять нормативно-правовые акты, но и самому соблюдать требования законов, твердо знать, уметь использовать и добросовестно выполнять требования присяги, уставов, приказов, инструкций.

Правовое воспитание – одно из важных направлений в профессиональной подготовке курсантов государственных военных образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. Твердые знания законодательства – неременное условие четкой организации деятельности будущих офицеров.

Существенным условием формирования правосознания у курсантов является дифференцированный подход, при котором учитываются знания, возрастные особенности, профессиональный опыт.

Воспитание и уважение к праву, закону должно основываться на примере более опытных офицеров, неукоснительном соблюдении ими законов, приказов, служебных инструкций. Единство слова и дела приобретает первостепенное значение.

Важное значение имеют не только субъективные возможности (наличие кадров, квалификация, педагогические способности, опыт работы), но и материальные (юридические издания, периодические издания правового характера, технические средства и т. п.).

Важным фактором правовоспитательного воздействия на курсантов является связь с общественностью, религиозными и другими объединениями. В данном направлении накоплен богатый опыт в Новосибирском военном институте внутренних войск МВД России на общественном факультете «Русь Державная», на котором педагогические работники взаимодействуют с представителями русской православной церкви.

В отечественной науке достаточно много внимания уделяется общетеоретическим вопросам правосознания. Довольно глубоко изучены общие вопросы теории правосознания как формы общественного сознания, его понятия, структуры, сущности, функций и т. п. Значительный вклад в разработку этих проблем внесли: П.П. Баранов, В.И. Бегинин, К.Г. Бельский, Р.С. Байниязов, Н.А. Бура, Н.Л. Гранат, И.А. Ильин, В.И. Каминская, А.Р. Ратинов, И.Ф. Покровский и др. Значительно меньше исследованы отраслевые проблемы правосознания. В этом ряду находится и проблема правового воспитания курсантов внутренних войск МВД России как одна из отраслевых форм правового сознания [3].

Важно отметить, что правосознание курсантов, получающих квалификацию «офицер внутренних войск с высшим военно-специальным образованием, «юрист», можно определить как профессиональное.

Правовое воспитание курсантов государственных военных образовательных учреждений высшего профессионального образования ВВ МВД России включает следующие направления:

- диагностика уровня правовой культуры и поведения курсантов;
- выработка показателей, критериев эффективности правового воспитания личности курсанта;
- координация воспитательного воздействия преподавательского состава, командиров и аппарата по работе с личным составом;
- правовое самовоспитание как фактор развития личности курсанта.

Приоритетность данного направления работы обусловлена спецификой предстоящей деятельности курсантов как «воинов правопорядка».

Специфично и то, что в условиях военно-учебного заведения весь комплекс мероприятий по правовому воспитанию курсантов осуществляется большим коллективом военных педагогов – командиров, офицеров-воспитателей, преподавателей. Это обстоятельство требует единства и согласованности действий всех военных педагогов. В то же время успех процесса правового воспитания зависит от мастерства каждого педагога, его умения согласовывать свои действия с действиями других и тем самым внести свой вклад в решение общей задачи.

Библиографический список:

1. Суховецкая Е.Ю. Педагогические условия совершенствования правового воспитания курсантов вузов внутренних войск МВД России / Е.Ю. Суховецкая. – Новосибирск: Изд-во НВИ МВД ВВ РФ, 2008. – 112 с.
2. Петрунин О.В. Правовое воспитание курсантов в образовательном процессе военно-физкультурного вуза: автореферат канд. пед. наук. – СПб., 1999. – 20 с.
3. Правовое воспитание военнослужащих внутренних войск министерства внутренних дел Российской Федерации. Сборник документов. / составители Н.В. Даничев, А.Н. Кононов, И.А. Нестеренко – Новосибирск: НВИ ВВ МВД России, 2005. – С.3.

УДК 159.9

В.В. Лагошина, М.В. Шпехт

*Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск*

m.shpeht@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

В докладе рассматриваются вопросы военно-педагогического процесса по воспитанию военнослужащих. Авторы акцентируют внимание на проблеме девиантного поведения, а также причинах его возникновения, факторах риска, профилактики девиантного поведения и его коррекции на примере военнослужащих по призыву. Приводятся данные эмпирического исследования психологических факторов риска девиантного поведения военнослужащих.

Ключевые слова: военно-профессиональная деятельность, военно-педагогический процесс, девиантное поведение, психологические факторы риска девиантного поведения.

В настоящее время в Вооруженных Силах Российской Федерации существует множество проблем. Одни проблемы необходимо разрешать на уровне всего государства в целом, отдельные проблемы на уровне Министерства обороны, а некоторые из них должны решать непосредственно командиры и начальники частей и подразделений. Принимать решение по урегулированию проблемы девиантного поведения военнослужащих необходимо на всех уровнях.

В последнее время одной из важных проблем современных Вооруженных Сил является проблема призыва в армию молодых людей, которые имеют различные отклонения в поведении. В воинские части все больше прибывает молодых людей, имеющих негативную мотивацию к прохождению службы по призыву и исполнению своего воинского долга. Ввиду реформирования и модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации произошли изменения, которые сопровождаются нарастанием неопределенности и отсутствием четкого понимания, какую армию строить. Это приводит к утрате профессиональной

идентичности и повышению количества девиантов среди военнослужащих всех категорий, что повышает значение психологических и педагогических исследований проблемы девиантного поведения военнослужащих. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения личности военнослужащего, межличностных отношений в коллективах, ранней диагностики отклоняющихся форм поведения военнослужащих, а затем профилактики и предупреждения деструктивных конфликтов, которые приводят к отклонениям в поведении военнослужащих.

Военно-педагогический процесс представляет собой «организованное и целенаправленное взаимодействие командиров, офицеров органов воспитательной работы, штабов и служб, общественных и государственных институтов направленное на воспитание, обучение, развитие и психологическую подготовку военнослужащих к военно-профессиональной деятельности в мирное и военное время» [1].

Комплексом важных педагогических задач сегодня является проблема выявления и определения условий повышения эффективности подготовки офицерского состава, прогнозирование ее эффективности и совершенствование военно-педагогического процесса в воинских частях и подразделениях. Координированная педагогическая деятельность начальников и подчиненных составляет военно-педагогический процесс, что является систематической и целенаправленной учебно-воспитательной деятельностью командиров и офицеров органов воспитательной работы по обучению, воспитанию, развитию и психологической подготовке военнослужащих. Так же это есть деятельность самих военнослужащих и воинских коллективов по овладению военными знаниями, умениями и навыками, по формированию у себя высоких морально-боевых качеств, развитию военно-профессионального мастерства и психологической готовности к успешному ведению боевых действий [2].

Военно-профессиональная деятельность ориентирована на то, что военнослужащий действует в рамках своей компетентности, знает свои возможности и функции, которые им должны выполняться. Военно-профессиональная деятельность в целом требует от любого военнослужащего соответствия общечеловеческой морали, законам, профессиональным нормам, этическому кодексу. Требования к военному профессионалу находят свое отражение в общевоинских уставах и приказах (командиров и начальников), которые должен усвоить каждый военнослужащий. Обесценивание моральных ценностей в обществе приводит к росту преступного и безнравственного поведения, выражающегося в агрессивности, воровстве, неуставных взаимоотношениях, самовольном оставлении части и других деструктивных формах. Все это негативно влияет как на воинский коллектив в целом, его сплоченность и эффективность действий, так и на отдельного военнослужащего, это в свою очередь наносит ущерб престижу армии и сказывается на общей боеготовности и морально-психологическом состоянии войск [3].

Важно исследовать проблему девиантного поведения военнослужащих в военной педагогике: агрессия как вербальная, так и физическая отражается на нервно-психологической устойчивости, конфликтное поведение может являться причиной совершения конкретной формы девиантного поведения. Часто такое может происходить при конфликтном взаимодействии личности и коллектива.

В деятельности командиров и органов воспитательной работы по профилактике девиантного поведения необходимо учитывать факторы, которые способствуют проявлению этого негативного феномена. К таким факторам относятся: сложная социально-экономическая ситуация в стране, социальная напряженность всех категорий военнослужащих, деформация системы ценностей, снижение престижа армии, расслоение общества и соответственно личного состава, особенности воинского коллектива (должностные, национальные, региональные, возрастные и т. д.), особенности воспитания допризывного контингента в социальных институтах, которые создают условия проявления эгоистических черт, проникновение традиций криминального мира, рост алкоголизма и наркомании, неудовлетворенность воинской службой. Наряду с этим необходимо учитывать специфику условий военной службы, что также может выступать фактором риска девиантного поведения. В новых жестко регламентированных условиях жизнедеятельности воинских коллективов особое значение приобретают личностные особенности военнослужащих по призыву: эмоциональная устойчивость, коммуникативный потенциал, моральная нормативность, способность к регуляции своего поведения и прочее [4]. Недостаточно сформированные коммуникативные умения могут приводить к возникновению у военнослужащих коммуникативных деформаций и деструкций, что повышает риск возникновения у них различного рода девиаций.

Профилактика и коррекция девиантного поведения военнослужащих, на наш взгляд, может осуществляться эффективно только в том случае, когда имеет место понимание процессов, способствующих развитию девиантного поведения, а для этого необходимо выявить психологические факторы риска девиантного поведения у военнослужащих по призыву.

Следовательно, решение научной проблемы девиантного поведения военнослужащих по призыву лежит в выявлении форм, закономерностей, проявлений и детерминант девиантного поведения в жестко

регламентированных условиях, позволяющих обосновать принципы, разработать основные направления по снижению изучаемого явления.

В соответствии с поставленной целью и обозначенной проблемой, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 65 военнослужащих по призыву в возрасте от 18 до 22 лет и сроком службы более шести месяцев.

Для исследования психологических факторов риска девиантного поведения военнослужащих по призыву были использованы следующие методики: 1) методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орла; 2) Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность-200»; 3) опросник «Решение трудных ситуаций» (РТС); 4) методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок А. Элписа; 5) методика «Волевые качества личности» (ВКЛ) М.В. Чумакова.

Результаты эмпирического исследования показали, что для военнослужащих с риском девиантного поведения характерно отсутствие адекватной оценки своего поведения, склонность к агрессии и насилию, самоповреждающему поведению, склонность к аддиктивному, делинквентному, суицидальному поведению, отмечается низкий потенциал социально-психологической адаптации. Наряду с этим девиантному поведению военнослужащих предшествуют определенные личностные изменения, затрагивающие структуру самосознания личности, ее ценностные ориентации и способствующие упрощению когнитивной структуры личности.

Таким образом, подтвердилось наше предположение, что своеобразное сочетание психологических особенностей личности определяет склонность военнослужащего к девиантным формам поведения: низкий адаптивный потенциал, склонность к саморазрушающему, аддиктивному и делинквентному поведению, наличие иррациональных личностных установок. Военнослужащие с риском девиантного поведения имеют более низкий уровень субъективного благополучия.

Также выявлены психологические факторы риска девиантного поведения у военнослужащих по призыву: 1) фактор поведенческой регуляции (поведенческая регуляция, общая волевая регуляция, фрустрационная толерантность, отсутствие суицидального риска); 2) нравственный фактор (склонность к агрессии, саморазрушающему поведению, склонность к преодолению норм и правил, к аддиктивному и делинквентному поведению, низкий волевой контроль; потенциал социально-психологической адаптации, отсутствие склонности к девиантным формам поведения); 3) фактор саморазвития (иррациональные установки личности).

С нашей точки зрения данные факторы относятся к внутренним психологическим факторам, так как они отражают установки, состояния и другие характеристики личности. Учитывая специфику воинской службы (внешний фактор) и выявленные нами внутренние факторы, мы можем говорить об их тесной взаимосвязи и влиянии друг на друга.

При недостаточной поведенческой регуляции, недостаточном развитии нравственного компонента и компонента саморазвития данные характеристики могут являться факторами риска девиантного поведения военнослужащих по призыву в современных условиях реформирования ВС РФ. При более высоком уровне поведенческой регуляции, нравственности, осознанного саморазвития у военнослужащих снижен риск развития девиантного поведения. Поэтому необходимо формирование данных психологических факторов у военнослужащих по призыву для предупреждения возникновения отклонений в поведении и дальнейшего развития у них девиантного поведения. Эта работа может проводиться на разных этапах военной службы по призыву, а также в допризывной период.

Библиографический список:

1. Психология и педагогика. Военная психология. / Под ред. А.Г. Маклакова. – СПб.: Питер, 2007. – С. 264.
2. Военная педагогика: Учебник для вузов. / Под ред. О.Ю. Ефремова. – СПб.: Питер, 2008.
3. Бархаев Б.П. Психология и педагогика профессиональной деятельности офицера / Б.П. Бархаев, А.Г. Караяни, В.Ф. Перевалов, И.В. Сыромятников. – М.: Воениздат, 2011.
4. Савин, А.Д. Сущность отклоняющегося поведения военнослужащих / А.Д. Савин // Научный журнал «Теория и практика общественного развития». – 2012. – № 9. – С. 124-127.

А.Д. Лопуха, А.А. Холодных

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

lopoukha@yandex.ru

ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Авторами статьи предпринята попытка с системных позиций рассмотреть феномен воспитания применительно к современной российской действительности.

Ключевые слова: воспитание, идеология, информационное общество, образование, система воспитания, системный кризис, социальный институт.

Современное российское общество переживает глубокий системный кризис. Упадку подвержены, прежде всего, институты и системы. Об этом неоспоримо свидетельствуют факты, объективно отражающие состояние различных сфер общественной жизни. В стране в упадке наука, образование, жалкое существование влачит национальная культура. Большинство населения России живет сегодня небогато. Плачевно сегодняшнее состояние Вооруженных Сил, не соответствующее уровню существующих угроз.

Причин вышесказанного много. Но, как правило, в ходе их анализа выскальзывает одна из главных – в стране разрушено воспитание как социальный институт и, ввиду явного небрежения им, не созданы системы воспитания на федеральном уровне. Если в советский период много говорилось о воспитании (правда, в отрыве от его этнических корней), то в постсоветский период говорить о нем и тем более им заниматься стало признаком дурного тона. С начала 90-х годов XX века, по мнению Н.В. Наливайко, «современная система образования практически не занимается воспитанием детей. Считается, что воспитание входит в образование» [1, с. 62]. В последующем указанный факт неоднократно обсуждался педагогической общественностью, но дело с мертвой точки не сдвинулось, очевидно таков внешний заказ, делающий это положение незыблемым.

Государство – субъект воспитания населения и его основные институты, ответственные за организацию этого процесса, утратились от его организации. Многие процессы социализации населения приобрели хаотический, энтропийный характер, произошел естественный сбой в жизнеорганизации общества. Великое дело воспитания молодежи делегировано Министерству туризма, спорта и молодежной политики!

Что же такое воспитание? Отчего так велика его роль в любом обществе?

Воспитание в широком смысле есть функция общества, обеспечивающая его развитие посредством передачи новым поколениям людей социально-исторического опыта предшествующих поколений в соответствии с интересами тех или иных классов, социальных групп. Приведенное определение показывает, что воспитание имеет этническую «привязку», во-первых, и является многоуровневым феноменом, во-вторых.

Воспитание как социальный институт – это организация жизнедеятельности людей, их взаимодействия, воплощающая в себе ценности и нормы экономической, политической, правовой, нравственной и других сторон жизни общества. Воспитание выполняет функции регулятора поведения людей в различных сферах социальных отношений, их социализации.

Можно выделить в порядке убывания следующие уровни воспитания: общегосударственное; национальное; социально-групповое (включая религиозное); групповое (включая воспитание в семье); самовоспитание.

В данном виде воспитание – это явление более широкое, нежели образование. Будучи объективно-закономерным процессом подготовки людей к трудовой или иной социально-полезной деятельности в обществе и выполнению многообразных социальных ролей оно сопутствует человеку на протяжении всей его жизни и осуществляется в той или иной форме большинством общественных институтов. Воспитание многофункционально и осуществляется в большинстве сфер общественной жизни, выстраивая социально-целесообразные отношения и минимизируя негативные трансформации поведения человека.

В любом обществе воспитание идеологизировано и призвано служить генерации существующих социальных отношений и социализации населения в интересах их поддержания. Неизбежно воспитание в любом обществе носит классовый характер. Этой цели служит существование «образования для всех» и целой системы элитарных, фактически закрытых образовательных учреждений.

Исторический опыт свидетельствует, выживают, сохраняя свои жизненные силы, государства, имеющие развитую государственную идеологию, веру (светскую и духовную), приоритетно развивающие обществоведческие (социально-философские) учения и теории. В современной истории известен опыт сохранения жизненных сил населения в Китае, Индии, Японии, еврейского этноса в течение тысячелетий. Иные, более мощные государственные образования (Римская, Византийская, Османская, Австро-венгерская, Российская империи, Золотая орда) под воздействием внешних и внутренних факторов распались, будучи не в состоянии выработать интеллектуальную линию защиты, осуществить адекватные ответы на исторические вызовы, обеспечить консолидацию населения. Во многом это было вызвано бессистемностью государственного воспитания.

Наряду с технической, кибернетической, экологической системами, элементарным составом которых являются люди и отношения между ними, система воспитания относится к социальным системам.

Система воспитания, по нашему мнению, включает следующие компоненты: идеология и общественные ценности; теоретические основы; организационные компоненты; методика воспитания; практическая воспитательная деятельность; средства коммуникации; механизм защиты от непрограммируемых влияний среды; социальные нормы; самовоспитание.

Первый компонент отражает классовую направленность воспитания (этническую, профессиональную и т.д.). На основании общественной идеологии разрабатываются теоретические основы системы воспитания и ее подсистем (патриотического, трудового, правового, физического, этнического, нравственного воспитания). К ним относятся философские, религиозные, социально-политические, психологические и педагогические учения, соответствующие идеологии данного общества. Они составляют второй компонент системы воспитания. Третий компонент составляют организационные структуры органов воспитания, их материальная база и система подготовки кадров. Четвертым компонентом являются конкретные методики воспитательной деятельности различных общественных институтов, пятым – их практическая воспитательная деятельность. В качестве шестого компонента выступают средства и способы коммуникации, обеспечивающие передачу воспитательных воздействий. К ним относятся технические, электронные и иные средства. Механизм защиты от непрограммируемых влияний среды включает, по нашему мнению, комплекс мер по законодательному ограничению подрывной пропаганды, ведение контрпропаганды и наступательных информационно-идеологических операций и другие меры противодействия информационно-идеологическим операциям геополитических оппонентов [2, с. 50-56]. Социальные нормы упорядочивают воспитательную среду. Их многократное соблюдение вырабатывает привычку социально-целесообразного поведения.

Важным компонентом системы воспитания является самовоспитание. Личность осознанно и самостоятельно выбирает линию социального поведения из множества социальных ролей, предложенных обществом.

Наличие данных компонентов отчетливо прослеживается сегодня во всех возрождаемых сегодня воспитательных системах этнических сообществ российского общества, кроме русского этноса, ослабленного жестокими социальными катаклизмами XX века и утратившего свою этническую организацию и национальную элиту-руководство.

Данная социальная система имеет ряд подсистем, к которым относятся подсистемы этнического, религиозного, профессионального, социально-группового, семейного, партийного воспитания. Благодаря государственно-управленческим воздействиям в устоявшихся обществах общий вектор воспитания сохраняет их устойчивость. Несбалансированность общегосударственной и этнических систем воспитания порождает национальный нигилизм, шовинизм, сепаратизм. Бесконтрольность партийного и социально-группового воспитания порождает возможность выработки альтернативных теорий общественного развития и создание организационных ядер движений по смене социального строя (царская Россия, СССР) или правящего режима.

Находящиеся вне поля конструктивного диалога с государственной системой воспитания системы религиозного воспитания способны генерировать религиозную вражду (ваххабизм). Возможны серьезные расхождения в линии государственного воспитания, объективно нацеленной на решение общегосударственных задач и складывающейся в российском бизнес-сообществе линии воспитания, объективно прививающей своим членам индивидуализм и небрежение к общегосударственным нуждам. Еще С. Френе отмечал значение социального воспитания [3].

Уход современного государства из сферы регулирования воспитания в семье породил миллионы беспризорников, детскую наркоманию, проституцию и бурный рост преступности.

Таким образом, система воспитания на государственном уровне объективно имеет консолидирующую роль.

Опосредуя все сферы общественной жизни и социальные институты, включая образование, общегосударственное воспитание, система включает широкий круг проблем: проблемы развития личности; контроль информационно-идеологического поля; создание на государственном уровне объективных условий активизации субъективного фактора; сохранение и развитие воспитательных функций основных социальных институтов; создание эффективных мотиваций к социально-целесообразному поведению личности и социальных групп; защиту от непрограммированных негативных влияний среды; создание благоприятных социальных условий для самовоспитания личности.

Социальный механизм осуществления воспитания нами понимается двояко: а) как взаимодействие компонентов системы воспитания; б) как совокупность структур и институтов, осуществляющих воспитание.

Советский период в области национальной политики, включая воспитательную деятельность, характерен линией на «стирание национальных различий», что заложило блок противоречий, ставший одной из главных причин распада СССР, и поставило коренные народы России в сложное положение. Нивелировка основ воспитания привела к тому, что будущего оленевода или охотника отрывали от социализирующей среды, разрывали узы внутрисемейных связей, готовили к индустриальной, а не традиционной жизнедеятельности.

Конвенция МОТ № 169 предполагает необходимость «ликвидации ориентации на ассимиляцию, содержащейся в ранее действующих нормах». В ней декларируется право коренных народов осуществлять контроль над собственными институтами и экономическим развитием, сохранять свои обычаи, традиции, язык и религию [4].

Данный международно-правовой подход обязывает Россию, которая многонациональна, несмотря на моноэтнический состав населения (до 85% русских) признавать этнические подсистемы воспитания и встраивать их в общенациональную систему на демократических началах, при которых общее направление воспитания определяется большинством. При отсутствии такого вектора национальные меньшинства, в основном некоренного происхождения, могут ставить государствообразующие этносы в сложное положение.

Следовательно, государство должно определить незыблемость главных идеологических целей, к которым относится общественный строй, социальная справедливость (включая пропорциональный доступ всех наций к власти, собственности, информации), единство национальной территории, надежность национальной обороны, приоритеты общенациональной культуры и т.д. Вопросы внутреннего этнокультурного развития должны быть делегированы национальным сообществам. Этим будет обеспечена действенность этнических систем воспитания.

Общественный порядок и нравственность в Российской империи регулировались обычаем. Сегодня к этому возвращаются коренные народы России. Государственная система воспитания должна учитывать эти уже существующие этнические системы воспитания, минимизируя их возможные негативные трансформации.

Все эффективные государственно-этнические системы воспитания имели в прошлом и имеют в настоящем выраженную этническую окраску (Китай, Япония, Германия, Англия, международное еврейство). На них необходимо равняться.

На эффективность системы государственного воспитания влияют современные социально-политические, экономические и культурно-информационные факторы. Среди указанных факторов наиболее значим политический.

К социально-политическим факторам, предопределившим кризис, относятся: а) снижение морально-политического потенциала российского общества, вызванное поражением в Холодной войне [5]; б) отсутствие общенациональной идеологии и ценностей; в) социальная разобщенность Российского общества.

К негативным экономическим факторам современной российской действительности относятся: а) экономическая зависимость от Запада, включая продовольственную, особо опасную; б) неэффективная государственная экономическая политика, строящаяся на иллюзорных представлениях о возможности успешной конкуренции российской продукции с западной; в) свободный вывоз капитала за рубеж; г) передача государством наиболее доходных отраслей экономики в частную собственность (нефтегазовый комплекс, производство и продажа табака и вино-водочных изделий); д) форсирование создания слоя

крупных собственников – «олигархов», которые, как свидетельствуют события на Украине, опасны для государства и общества.

К негативным культурно-информационным факторам, приводящим к негативным трансформациям общественного сознания и нейтрализации воспитательных усилий государства можно отнести: а) открытость российского информационного пространства информационно-культурной агрессии Запада, формирующей тотальное либерально-агрессивное информационное поле; б) отсутствие систем защиты общественного сознания от непрограммируемых влияний среды; в) ложное представление о том, что свобода слова – это свобода средств массовой информации, не ограничиваемая государством; г) негативное содержание информационных ресурсов (пошлость, некритический характер, отсутствие уважения к политическим оппонентам и др.); д) неразработанность законодательства о СМИ по вопросам защиты общественной морали и нравственности; е) несформулированность государственно-ориентированной информационной политики и отсутствие эффективных органов контроля за ее соблюдением.

Действие данных факторов ведет к прогрессирующей материальной, биологической и духовной деградации российского общества и разобщению его воспитательных систем и усилий.

В условиях, когда ведущие страны Запада прилагают усилия к строительству глобального общества, используя превосходство в экономических, военных и информационных ресурсах, Россия, при пассивной позиции руководства, может быть встроена в него в качестве экономической периферии. Сейчас собственно это и происходит. При этом провоцируемая сегодня «война цивилизаций» может объективно закончиться «концом истории» человечества, правда не в переносном смысле, приданом ему Ф. Фукуямой, а в буквальном. Попытки защиты В.В. Путиным суверенитета России уже сегодня вызвали на Западе прямое озлобление.

Этому способствует современная пропаганда в СМИ «превосходства» Запада, его идеологии и ценностей, хорошо оплачиваемый труд в сырьевых отраслях, сфере обслуживания правящего класса, преступном бизнесе. Обществом сегодня востребована модель бессловесного холопа со знанием английского, обрекающая страну на ведомую роль в мировом сообществе. Эту задачу решает активно идущий «болонский процесс» в образовании.

В 2010 году Постановлением Правительства РФ была утверждена очередная Государственная программа патриотического воспитания граждан РФ на 2011-2015 годы. Пока она не вызвала перемен в отношении к воспитанию властных структур федерального, регионального уровня и общественных институтов. Вполне очевидно, что для возрождения института воспитания в России необходимо создать соответствующие условия.

Каковы условия, способные обеспечить реанимацию воспитания как социального института и формирование эффективной системы воспитания? Их, по нашему мнению, существует несколько групп.

К социально-политическим условиям обеспечения эффективности института воспитания и создания государственной системы воспитания относятся:

- а) отмена запрета на введение любой идеологии в виде общегосударственной [6];
- б) государственное оформление национальной идеи и публичное декларирование общенациональных ценностей;
- в) юридическое ограничение иностранной культурно-информационной экспансии в СМИ, культуре, образовании;
- г) создание эффективных мотиваций к поощрению патриотически направленного поведения населения;
- д) признание приоритета национального законодательства над нормами международного права;
- е) законодательный запрет на обладание гражданами РФ вторым гражданством;
- ж) ответственность всех институтов государства за ведение воспитания населения в специфически присущей им форме;
- з) возрождение культуры государствообразующего народа – русского.

Экономическими условиями возрождения института воспитания в России являются:

- а) бюджетное обеспечение воспитательной деятельности в РФ на достаточном уровне;
- б) введение платы за использование иностранных символов и языка в СМИ и внешней рекламе;
- в) ограничение доли иностранной кино- и видеопродукции;
- г) введение платы в фонд государственного воспитания населения РФ за вывоз капитала и другие меры.

Организационными условиями повышения эффективности воспитания, по нашему мнению, являются:

- а) создание организационных компонентов системы воспитания на государственном уровне;

б) возрождение системы подготовки кадров для воспитательных структур и государственных программ воспитания;

в) создание государственных и общественных медиа-холдингов государственно-патриотической направленности;

г) организация информационно-аналитических структур, сопряженных с медиа-холдингами для оценки информационных угроз и оперативной разработки мер противодействия им;

д) предоставление льгот и преимуществ организациям и СМИ государственно-патриотической направленности и введение ограничений структур, имеющих зарубежные источники финансирования;

е) проведение к руководству наукой, культурой, СМИ, образованием патриотов-государственников.

Образование – это завтрашний день нации. Итогом создания указанных условий станет оптимизация информационного поля и минимизация негативных воздействий на общественное сознание и духовную жизнь общества.

Управление процессами воспитания осуществляется через руководство его системами. Современное информационное общество предоставляет современной системе воспитания новые возможности по нескольким направлениям:

1. Существует возможность с учетом новых средств коммуникации от структурного, затратного процесса воспитания и управления им перейти к бесструктурному, осуществляемому преимущественно через СМИ и другие институты управления общественным сознанием.

2. Массовость аппарата воспитания может быть сегодня заменена массивностью воспитательно-информационных воздействий, имеющих методологической основой национальные интересы и общегосударственные ценности.

3. Рутинная воспитательная деятельность прежнего типа, основанная на непосредственном общении с каждым человеком, может быть сменена творческой деятельностью специалистов в составе государственных медиа-холдингов, аналитических и политтехнологических центров, психофизиологических лабораторий и реабилитационных учреждений, имеющих высокую престижность.

4. С обретением идеологии и разделяемых населением ценностей резко возрастут возможности для самовоспитания населения в духе общественной морали.

Трансформация системы воспитания по указанным направлениям оптимизирует ее и делает более управляемой. Реальность современной социальной действительности – массовый человек, массовое общество. В формировании его личности и общественного мнения масс наиболее применимы приемы массовой культуры.

По нашему мнению, основное содержание государственного управления в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых параметров социальных отношений и процессов.

В воспитательном процессе воплощено единство социального, психологического и педагогического факторов. По сути, он является комплексным и поэтому требует использования в воспитании и руководстве им всех способов управления. В целом методы управления институтом, процессом и системой воспитания, по нашему мнению, можно подразделить на четыре основных типа: экономические; организационно-распорядительные; правовые; социально-психологические.

Их сбалансированное использование способно обеспечить гибкость руководства и управляемость системы воспитания. При этом в управлении образованием, с учетом возможностей бесструктурного управления, возможно кардинальное сокращение промежуточных структур и снижение чудовищного вала отчетности.

Библиографический список:

1. Наливайко Н.В. Философия образования: некоторые проблемы формирования концепции. – Новосибирск, 2000. – С. 62.
2. Лопуха А.Д., Сметанников В.В. Современная война (сущность, способы и средства ведения в III тысячелетии). – Новосибирск, 2000. – С. 50-56.
3. Френе С. Избранные педагогические сочинения: Пер. с фр. / сост. Б.Л. Вульфенсон. – М.: Прогресс, 1990.
4. Конвенция МОТ № 169 «О коренных и ведущих племенной образ жизни народов в независимых странах» // Права и свободы народов в современных источниках международного права. – Казань, 1995. – С. 73-77
5. Лопуха А.Д., Сметанников В.В. Современная война (сущность, способы и средства ведения в III тысячелетии). – Новосибирск, 2000.
6. Конституция Российской Федерации. – М., 1997.

УДК 355.13

Л.В. Мардахаев

*Российский государственный социальный университет
г. Москва*

mantissa_m@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА

В докладе рассматриваются теоретические проблемы формирования гуманитарной культуры будущих офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, формулируются рекомендации методологического характера, направленные на гуманитаризацию образовательного процесса в высшей военной школе.

Ключевые слова: государственная концепция высшего образования в России, государственная политика в сфере образования, гуманистические характеристики учебного процесса, гуманитарная культура, личность офицера.

Система военного образования формирует личность будущего офицера, в основе которой нравственная, гуманитарная составляющая. Качественной характеристикой ее выступает гуманитарная культура личности. Она выступает базовым личностным образованием военного человека, которое способствует интериоризации ценностей общечеловеческой культуры и их реализации в жизнедеятельности офицера, выполнении им своих профессиональных задач по защите безопасности своего Отечества.

В общественных науках термин «культура» нашел свое место лишь в XX веке и преимущественно указывает на процессы улучшения, преобразования, «возделывания». Культура всегда соотносится с человеком, является продуктом его труда и в то же время – фактором развития личности, реализуя тем самым свою важнейшую человекотворческую функцию.

Термин «гуманитарный» (от лат. *humanitas* – человечность) связан с отношением к человеку. Истоки его уходят в эпоху Возрождения. В этот период было положено начало гуманитарной составляющей отношения к человеку. Понятие же «гуманитарная культура» относится к 80-м годам XX века. Как отмечал французский социолог и теоретик культуры А. Моль, термин «гуманитарный» использовался, когда речь шла о человеке, обладающем обширными познаниями в человеческой деятельности и которому «ничто человеческое не чуждо» [1].

Начиная с эпохи Возрождения гуманитарное образование представлялось значительным в развитии личности. Разделение на гуманитарное и естественно-техническое знание, наметившееся еще в античности, позволяло образованию и культуре еще в течение длительного времени сохранять гуманитарность.

В XX веке обозначилось два направления в развитии знания (гуманитарное и негуманитарное) и две культуры. Наукам о культуре и духе соответствовали носители гуманитарной культуры, наукам о природе – негуманитарной. Развитие общества, технический прогресс диктует необходимость сближения гуманитарной и негуманитарной культур, формирование целостной гуманитарно-технической культуры личности. Об этом свидетельствуют техногенные процессы, происходящие в различных регионах планеты. Сегодня вполне очевидно, что человечество может уничтожить себя через технический прогресс, если забудет о гуманитарной составляющей своего назначения в жизни. Особое значение имеет гуманитарная составляющая для военного человека. Он призван защищать жизнь в своем Отечестве и призван во имя этого быть готовым уничтожить любого противника, который с оружием в руках напал на его Отечество, вплоть до самопожертвования.

В.А. Сластиenin представлял гуманитарную культуру как «упорядоченную совокупность общечеловеческих идей, ценностных ориентаций и качеств личности, универсальных способов познания и гуманистических технологий профессиональной деятельности» [2]. Е.Н. Шиянов – в «гармонии знания, чувств, общения, творческого действия. Она характеризуется, во-первых, внутренним богатством личности, уровнем развития ее духовных потребностей, а во-вторых, – уровнем их интенсивности в созидательной творческой деятельности. Наконец, по самой глубокой своей сущности гуманитарная культура выражает гуманистические ориентации личности» [3].

Гуманитарная культура не является некой статичной данностью в личности, а выступает системой взаимосвязанных компонентов, в зависимости от ее места и роли в обществе. В зависимости от уровня ее развития, она способствует дальнейшей гуманитаризации человека. В ныне действующем законе

Российской Федерации «Об образовании» установлено, что государственная политика в образовательной сфере основывается на принципах, одним из которых является гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, прав и свобод личности, свободного развития личности, воспитание взаимоуважения, трудолюбия, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования.

По своей сущности, государственная концепция высшего образования в России связывает интересы подготовки кадров, в том числе и военных, с интересами личности обучающегося и общества. Она акцентирует внимание на формирование у специалиста (в процессе его подготовки) гуманитарной составляющей – определенной социально-значимой роли в обществе и готовности ее реализовать в последующей профессиональной деятельности.

В зависимости от того, какова государственная политика в сфере образования и специфика ее реализации, можно ответить на многие вопросы, в том числе и в какой степени в ней проявляются реальные гуманитарные потребности общества и государства. Многие цивилизованные страны понимают важность высшего профессионального образования для формирования социальной зрелости, в основе которой гуманитарная культура подрастающего поколения. Упущения в этом направлении жестоко наказываются природой. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры техногенных катастроф, обусловленных человеческим фактором.

Гуманистическая образовательная действительность рассматривается с позиции обучаемого, обучающего (педагога), непосредственного воспитателя (офицера-командира) и выпускника.

С позиции обучаемого: положительный персонифицированный образ военной образовательной организации (военного вуза), в котором происходит его обучение; положительная оценка возможностей образовательной среды и эффективности учебно-воспитательной деятельности вуза; позитивные планы и ожидания в сфере военного образования; успешность в овладении учебными дисциплинами, выполнении задач военной службы; постоянная рефлексия, отслеживание собственных познавательных действий, становления как офицера, желаний и отношений, обусловленных потребностями военного образования; совершенствование умений и навыков самовоспитания и самообразования.

С позиции педагога: положительный персонифицированный образ военной образовательной организации (военного вуза) – места работы; личная сопричастность с происходящим в образовательном учреждении процессом подготовки военных кадров, когда положение дел напрямую связано с собственным выбором педагога, его профессиональной зрелостью и индивидуальной ответственностью; положительная оценка возможностей образовательной среды и эффективности собственной профессиональной деятельности; позитивные планы и ожидания в военно-педагогической сфере; оптимальное использование возможностей самообразования.

С позиции непосредственного командира (офицера): положительный персонифицированный образ военной образовательной организации (военного института) – места службы; личная ответственность, гордость и сопричастность в обеспечении становления каждого курсанта, вверенного подразделения как офицера; личная культура военного человека как образец – норма для воспитанников; положительная оценка своих возможностей по воспитанию подчиненных на воинских традициях и традициях вуза; мотивированность и активность в управлении воинским подразделением и воспитательной деятельностью; позитивные планы и ожидания в воспитательной деятельности; высокая требовательность к себе, своей деятельности, выполнению задач военной службы, оптимальное использование возможностей самовоспитания и самообразования.

С позиции выпускника: сформировавшаяся позиция офицера по отношению к своей профессиональной деятельности; личная культура, чувство гордости и чести, характерные для офицера России; положительная оценка своих возможностей по выполнению служебных обязанностей в соответствии с профессиональным назначением; мотивированность проявить себя в процессе адаптации и самореализации по профессиональному назначению; позитивные планы и ожидания в воинской службе; высокая требовательность к себе, своей деятельности, выполнению задач военной службы; ориентированность на самовоспитание и самообразование в соответствии с потребностями военной службы.

В процессе гуманитарной подготовки офицера формируются и развиваются гуманистические основы его личности. При этом следует выделять гуманистические составляющие (характеристики) учебного процесса и гуманистического обучения.

Гуманистические характеристики учебного процесса:

- 1) высшая ценность учебного процесса – уникальность личности каждого обучаемого как индивидуальности, отличающейся своеобразием, которое необходимо учитывать в процессе обучения и воспитания;
- 2) учет ценности обучаемого и его переживаний, проявляемых в процессе обучения, воспитания и выполнения задач воинской службы;
- 3) обучение личностно (субъективно) и интерактивно (социально);
- 4) основа обучения – самоактуализация, саморазвитие и самореализация обучаемого в различных видах самопроявления в учебное и внеучебное время, а также в период выполнения задач воинской службы в социокультурной образовательной среде военного вуза;
- 5) усиление обучения личным общением;
- 6) ключевые мотивации в обучении строятся на личных ценностях;
- 7) обратная связь с обучаемыми носит личностный характер и сосредоточивается на их устремлениях.

Составляющие гуманистического обучения – это тот потенциал, который заложен прежде всего в гуманитарных дисциплинах, а также в дисциплинах специальной военной подготовки, определяющей формирование мировоззрения обучаемого, нравственную основу его личности как военного человека, его гуманистическую культуру.

Формирование гуманитарной культуры выпускника военного вуза, включает два направления, в каждом из которых имеют место свои поднаправления:

Первое направление – гуманитарная составляющая в подготовке специалиста, независимо от его будущей должности. Оно включает подготовку инженерно-технических специалистов, специалистов силовых ведомств и специалистов гуманитарной направленности.

Второе направление – подготовка специалистов гуманитарной направленности, работающих в системе «человек – человек». Оно включает: подготовку педагогических кадров, медицинских работников, военных специалистов и др.

Социальный (гуманитарный) аспект образования (подготовки) военного специалиста включает совокупность знаний, социального опыта, гражданской позиции и проявляется в гуманитарной культуре выпускника. Осмысление ее существа позволяет выделить в ней важнейшие структурные компоненты – когнитивно-мотивационный и активно-деятельностный. *Когнитивно-мотивационный* отражает комплекс ценностных ориентаций, убеждений военного человека, систему мотивов его отношения к выполнению воинского долга. *Активно-деятельностный* во многом определяет своеобразие проявления гуманитарно ориентированной составляющей выпускника в процессе самореализации в выполнении своего воинского долга по защите Отечества.

В процессе подготовки военного специалиста гуманитарный аспект образования решается преимущественно за счет общеобразовательного блока учебных дисциплин, а также профессионального воспитания. Общеобразовательный блок учебных дисциплин представлен в первом разделе Государственных образовательных стандартов – социально-экономическим циклом учебных дисциплин. По своей сути, это общий компонент подготовки специалистов с высшим образованием.

Важное место в этом цикле при подготовке военного специалиста принадлежит военной педагогике и психологии. По существу, это учебные дисциплины, которые направлены на подготовку будущего офицера к обучению и воспитанию личного состава, который будет находиться в его подчинении, управлять ими, вести за собой, приказывать им.

В то же время следует отметить, что в современных учебных планах наблюдается *снижение гуманитарной составляющей подготовки специалистов*. Это связано с тем, что блок социально-экономических дисциплин сокращен до минимума. Согласно современной концепции образовательного стандарта этот блок минимизирован. Высшее учебное заведение само определяет его наполнение. Это привело к тому, что практически содержание учебного плана определяется субъективным подходом того, кому принадлежит прерогатива его формирования. В таких планах нет той системности, которая была в прошлом. Характерно, что гуманитарная составляющая в профессиональной подготовке зарубежных вузов достаточно велика. Снижение гуманитарной составляющей в отечественных вузах качественно сказывается на формирующейся личности.

Гуманитарный компонент подготовки специалиста для работы в системе «человек – человек» имеет важное значение в плане создания предпосылок овладения военной профессией. В этом компоненте важное место принадлежит социокультурному (поликультурному) и психолого-педагогическому знанию, необходимому для понимания поликультурного своеобразия среды, социокультурного своеобразия человека, группы, культуры взаимодействия в ней в процессе общения и профессиональной деятельности и

реализации себя в процессе обучения и воспитания личного состава. Усваиваемое знание включает понимание реально существующей социокультурной социально-педагогической ситуации военно-профессиональной деятельности; по внешним признакам изменения психического состояния подчиненных, с которыми осуществляется выполнение задач военной службы, понимание и объяснение особенностей их поведения в конкретных жизненных ситуациях в том числе в критических, ситуациях риска; видение проявлений социально-психологических установок и мотивов поведения подчиненных, а также необходимости социально-педагогического влияния, сопровождения (поддержки) в процессе обеспечения выполнения ими задач воинской службы.

Важное место в формировании гуманитарной культуры военного специалиста принадлежит профессиональному воспитанию, традиционно называемому воинским воспитанием. Оно имеет свое содержание, традиции и опыт в каждой воинской части и в каждой образовательной организации (военном вузе). Не случайно в программе военно-профессиональной подготовки определенное место занимает социально-педагогический аспект. Он имеет место во всех блоках (общекультурной, общепрофессиональной, и военно-прикладной) подготовки и обеспечивает овладение будущим офицером умениями: совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный и военно-профессиональный уровень; самостоятельно выбирать, обосновывать цель и проводить изучение складывающейся социокультурной ситуации в воинской среде; выбирать, обосновывать и осваивать новые методы обучения, воспитания и управления личным составом, адекватные целям воинской службы; получать необходимую информацию о решаемых задачах, индивидуальных особенностях личного состава, его способностях, обрабатывать, систематизировать и обобщать получаемую информацию; комплексно использовать знания в области обучения, воспитания и управления личным составом; принимать управленческие решения по обеспечению выполнения задач воинской службы; разрабатывать стратегии и технологии реализации в долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных программах, направленных на решение проблем воспитания и обучения каждого подчиненного, сплочение воинского коллектива, мобилизацию его на выполнение задач воинской службы; прогнозировать результаты принимаемых организационно-управленческих решений, в том числе и в ситуациях риска и готовность брать ответственность за их последствия и др.

Изложенное выше свидетельствует о важности повышения внимания к гуманитарной составляющей в подготовке военных кадров. Она способствует формированию у будущего военного специалиста его способности оценивать реально существующие или складывающиеся ситуации в социокультурной среде профессиональной деятельности; определять ближние и дальние цели обучения и воспитания подчиненных, деятельности по мобилизации их на выполнение задач военной службы, обеспечивать профилактику и разрешение конфликтов, возникающих в процессе воспитательной деятельности; готовность к толерантному отношению к каждому подчиненному, представителю различных конфессий, взглядов, культуры; использовать социально-педагогические знания в профессиональной и общественной деятельности; соблюдать права и обязанности подчиненных; свободно и ответственно проявлять себя в процессе решения задач военно-профессиональной деятельности.

Библиографический список:

1. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 37.
2. Слостенин В.А. Гуманитарная культура специалиста // Магистр. – 1991. – № 1. – С. 16.
3. Шиянов Е.Н. Гуманизация педагогического образования: состояние и перспективы. – М.- Ставрополь.: СГПУ, 1991. – С. 105.

А.М. Марков

*Войсковая часть 5530
Внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Южно-Сахалинск.*

ivannavi2312@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Автором представлены результаты исследования проблемы процесса управления эмоционально-волевым обеспечением военнослужащих внутренних войск МВД России.

Ключевые слова: морально-психологическое обеспечение, структура управления, управление, эмоционально-волевое обеспечение, эмоционально-волевые качества, этапы процесса управления.

Эффективность формирования эмоционально-волевых качеств военнослужащих внутренних войск МВД России напрямую зависит от умелого руководства командирами всех степеней этой деятельностью. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть структуру и содержание процесса управления эмоционально-волевым обеспечением.

Первый этап процесса управления необходимо начинать с изучения боевого приказа и распоряжения по эмоционально-волевому обеспечению вышестоящего органа управления и сопутствующих или предшествующих документов военно-политического характера. Этот этап является некоторой привилегией творческого мышления заместителя командира части (подразделения) по работе с личным составом. Он перерабатывает полученную информацию и осмысливает основные её положения. В результате мыслительной деятельности вырабатывается новая информация; задача, поставленная старшим начальником, как бы заново моделируется заместителем командира части (подразделения) по работе с личным составом.

Проблемы целеполагания и целеисполнения приобретают необходимую конкретизацию с учётом личного опыта, знаний, характера, темперамента руководителя. Процесс уяснения полученной задачи связан не только с осмыслением полученной информации, но и с необходимыми обобщениями, постановкой новых проблем.

Как показывает опыт, качество принятого решения во многом зависит от результатов деятельности заместителя командира части (подразделения) по работе с личным составом в ходе *второго этапа*, во время которого он должен проводить анализ имеющейся и поступившей информации.

Под сбором, систематизацией и анализом эмоционально-волевой и информационной обстановки, эмоционально-волевого состояния личного состава понимается деятельность, основанная на совокупности методов, средств и процедур, позволяющая получать систематизированные данные о событиях, которые впоследствии подвергаются различным видам обработки.

Прогнозирование эмоционально-волевой и информационной обстановки, эмоционально-волевого состояния личного состава – это специально организованный комплекс исследований, направленный на получение достоверной опережающей информации об обстановке.

Практика управления эмоционально-волевым обеспечением в ходе мероприятий боевой подготовки показывает, что наиболее часто встречается такая ошибка в деятельности органов управления эмоционально-волевым обеспечением, как отсутствие пролонгирования возможности выполнения поставленных задач по его организации имеющимися силами и средствами. В результате запланированные мероприятия остаются нереализованными, поставленные цели выполняются не полностью.

Третьим этапом является принятие решения на эмоционально-волевое обеспечение, которое рождается в ходе творческого познавательного процесса умственной деятельности заместителя командира части (подразделения) по работе с личным составом и является основой всего процесса управления эмоционально-волевым обеспечением. Если цель не может быть достигнута с помощью какого-то одного акта, то для проведения этого действия требуются новые решения. Решения заместителя командира части (подразделения) по работе с личным составом часто также могут быть связаны с определёнными предпосылками.

Принятие решения в большинстве случаев заключается в оценке возможных альтернатив и выборе оптимальной. Наибольшей эффективности, как показывает опыт подготовки войск, управление эмоционально-волевым обеспечением достигает в том случае, если в своём решении заместитель командира части (подразделения) по работе с личным составом определяет: первоочередность действий исходя из выводов и анализа эмоционально-волевой и информационно-аналитической обстановки, морально-психологического состояния противоборствующих сторон; направление сосредоточения основных усилий; основные направления информационно-воспитательной, социально-психологической, военно-социальной, культурно-досуговой работы, защиты войск от негативного информационно-психологического воздействия противника; порядок обеспечения войск техническими средствами воспитания и проведения социологических исследований; организацию взаимодействия в интересах морально-психологического обеспечения; расстановку сил и средств морально-психологического обеспечения, порядок восполнения их потерь; организацию управления морально-психологическим обеспечением, порядок оказания помощи войскам, контроль и проверку исполнения отдельных распоряжений по морально-психологическому обеспечению.

После принятия решения начинается *четвертый этап* управления – процесс планирования морально-психологического обеспечения и доведение задач до войск. Планирование должно стать основой организаторской деятельности заместителя командира части (подразделения) по работе с личным составом и своей главной целью иметь определение целесообразного порядка выполнения мероприятий для достижения заданного уровня морально-психологического состояния личного состава.

Практика планирования морально-психологического обеспечения в ходе решения задач показывает, что его сущность и конечная цель состоит в определении заместителем командира части (подразделения) по работе с личным составом: последовательности, сроков и способов выполнения органами по работе с личным составом полученной задачи; в установлении необходимого количества сил и средств эмоционально-волевого обеспечения, характера их маневра и взаимодействия, а также в определении мероприятий управления.

В ходе *пятого этапа* необходимо осуществлять постановку задач по эмоционально-волевому обеспечению войскам, которая должна осуществляться приказами (распоряжениями) командования.

Определив порядок выполнения решения и поставив задачи, заместитель командира по работе с личным составом приступает к непосредственной реализации плана эмоционально-волевого обеспечения.

В ходе *шестого этапа* организуется взаимодействие между силами и средствами эмоционально-волевого обеспечения соседних подразделений (частей). При этом особое внимание необходимо обращать на взаимодействие между органами по работе с личным составом и штабами по проблемам: единого понимания задач эмоционально-волевого обеспечения, способов и сроков их выполнения; определения привлекаемых для их выполнения сил и средств и согласования порядка их действий; установления порядка взаимного информирования о складывающейся обстановке, эмоционально-волевом состоянии личного состава и проводимых мероприятиях по его укреплению.

Важная роль принадлежит систематическому, действенному контролю и проверке исполнения – *седьмому этапу* управления, главный смысл которого состоит в достижении единства принятого решения и его исполнения, предупреждении возможных ошибок и недостатков в эмоционально-волевом обеспечении, создании благоприятных условий для выполнения поставленных задач.

Все мероприятия по управлению эмоционально-волевым обеспечением подготовки и ведения боевых действий осуществляются в комплексе.

Процесс функционирования системы морально-психологического обеспечения прежде всего опирается на военно-политические и военно-доктринальные установки и положения государства и включает в себя целый спектр компонентов. К ним в первую очередь необходимо отнести: политический, духовный, законодательный, организационно-штатный, социальный, информационный, управленческий, психологический и др. Применяя к выделенным компонентам принцип симпликации (упрощения), обобщенно их можно представить в виде подсистем – более сложным составляющим системы морально-психологического обеспечения.

Процесс функционирования системы морально-психологического обеспечения можно интерпретировать с помощью следующих основополагающих положений.

Система морально-психологического обеспечения представляет собой структурную целостность, единство функционирования её трех подсистем: *организационно-управленческой, социально-духовной и психологической*. Эти подсистемы в обобщенном виде включают вышеназванные основные структурные элементы системы морально-психологического обеспечения и являются ее своеобразным фундаментом, базовым основанием.

Подсистемы системы морально-психологического обеспечения определенным образом связаны между собой, структурно организованы. Между ними существуют разнообразные (внутрисистемные) связи и отношения. Они имеют различный характер координации («горизонтальные») и субординации («вертикальные»). Многие связи, к примеру, структурные, функциональные и др., между психологической и социально-духовной подсистемами имеют принципиально скоординированный характер, поскольку и в одной, и в другой доминирующая роль принадлежит индивиду, социально-политическим отношениям. В то же время эти подсистемы находятся в субординационных отношениях с организационно-управленческой подсистемой.

Главный системообразующий признак системы морально-психологического обеспечения – деятельностный. Это соотносится с современной тенденцией постановки вопроса о человеке как главном субъекте всех политических и социальных преобразований, отношений и деятельности. Процесс функционирования системы морально-психологического обеспечения имеет свои разнообразные системные свойства и качества. Они возникают в результате структурного взаимодействия ее подсистем, компонентов и элементов, воздействия на них внешних факторов и условий. Одним из главных системных качеств является оптимальность процесса функционирования системы морально-психологического обеспечения как результат согласования целей, средств и результатов этого процесса, соответствующих социально-политическому назначению внутренних войск, задачам, которые она призвана решать.

Таким образом, подводя итоги, заключаем, что процесс функционирования системы морально-психологического обеспечения обогащает (и формирует) своё содержание на основе исторической преемственности, вбирая в него все положительное из прошлого исторического опыта, «отсекая» всё негативное, постоянно обращаясь к военно-исторической и современной военной практике. В этом плане правомерно отнести процесс функционирования системы морально-психологического обеспечения к открытым, самоорганизующимся системам, которые характеризуются тесной связью с окружающей социально-экономической и политической средой, способностью аккумулировать в своём содержании наиболее значимые для них элементы этой среды.

УДК 355.233.22

Н.Е. Норин

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

SPORT070755@mail.ru

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОХИМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются основные физиологические и биохимические аспекты организма человека, позволяющие сформировать знания об изменениях, возникающих в организме военнослужащих под влиянием занятий физической подготовкой.

Ключевые слова: физическая подготовка, обменные процессы, сердечно-сосудистая система, физическая нагрузка, динамический стереотип.

Физическую подготовку военнослужащих необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с физическим развитием всего организма. Под влиянием занятий физической подготовкой в процессе обучения у военнослужащих наряду с развитием физических качеств и двигательных навыков происходят изменения во всех органах и тканях организма, что непосредственно влияет на общее физическое развитие военнослужащих. [3]

Главными показателями физиологических изменений, протекающих в организме под влиянием физических упражнений являются изменения в сердечно-сосудистой, эндокринной, нервной системах организма, а также функциональные изменения органов дыхания и биохимических процессов пищеварения и обмена веществ.

На занятиях физической подготовкой происходят значительные изменения в сердечной деятельности военнослужащего, так как сердечно-сосудистая система обеспечивает доставку к тканям необходимых питательных веществ и кислорода, дающих энергию организму.

Поэтому во время физических нагрузок, минутный объем крови значительно увеличивается до 30-40 литров в минуту, что способствует тренировке сердечной мышцы ее способности легче переносить физические нагрузки.

Занятия физической подготовкой подразумевают постепенное повышение физических нагрузок, таким образом происходит тренировка сердечно-сосудистой системы.

Важную роль в жизнедеятельности военнослужащих играет эндокринная система. Железы внутренней секреции выделяют в кровь биологически активные вещества (гормоны). Гормоны способствуют увеличению обменных процессов организма, мобилизуя его функции и участвуют в восстановительных процессах. Любой военнослужащий во время проведения контрольных занятий или соревнований испытывает нервное возбуждение, желание показать более высокий результат. В результате этого выделяется гормон адреналин, который способствует поступлению в кровь углеводов, повышает возбудимость тканей, усиливает деятельность сердечной мышцы.

Регулярное занятие физическими упражнениями, спортивная подготовка оказывают существенное влияние на улучшение обменных процессов, способствуют улучшению устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов.

Большое влияние на обменные процессы организма оказывают органы дыхания. Они состоят из легких и воздухоносных путей. Воздух поступает в носо-и ротоглотку, гортань, трахею, которая делится на левый и правый бронхи. Бронхи состоят из бронхиол, на которых находятся альвеолы. Именно в альвеолах и происходит обмен газов между кровью и тканями, тончайшая стенка кровеносного капилляра является «воротами», через которые и происходит этот обмен.

Процесс дыхания организма делится на внешнее дыхание, перенос кислорода кровью и тканевое дыхание. Сущность внешнего дыхания заключается в обмене газов между воздухом, наполняющим альвеолы, и венозной кровью. Перенос газов кровью обеспечивает доставку кислорода из легких в ткани, а углекислоты – из тканей в легкие. Кислород участвует в окислительных реакциях организма при обмене веществ. Образующийся углекислый газ из тканей поступает в кровь, переносится к легким и удаляется из организма в процессе дыхания [2].

На занятиях физической подготовкой происходят значительные изменения в газообмене при дыхании. В покое организм человека поглощает незначительное количество кислорода, переносится кровью и поглощается тканями до 30% кислорода. При физических нагрузках поглощение кислорода значительно увеличивается, обеспечивается лучшее снабжение организма кислородом и удаление углекислоты. Повышается работоспособность всего организма, потребление кислорода увеличивается на 60-80%.

Для измерения функционального состояния организма существует понятие «жизненная емкость легких». Жизненная емкость легких – это объем воздуха, который может выдохнуть человек после максимального вдоха. Существенное влияние на увеличение жизненного объема легких оказывают профессиональные занятия спортом. Так, у мужчин-пловцов высокого класса объем легких может достигнуть 5000-6000 см³, по сравнению с обычными мужчинами 4000-4500 см³.

Одним из важных показателей функций дыхательной системы является легочная вентиляция – способность организма пропускать определенный объем воздуха за одну минуту. Если в покое человек дышит 12-16 раз в минуту, что позволяет пропускать через легкие 6-8 литров воздуха, то у хорошо тренированных военнослужащих обмен легочной вентиляции может достигнуть 80-100 литров в минуту.

Биохимические процессы, протекающие в организме человека, идут непрерывно и взаимосвязаны между собой. Обмен веществ протекает между отдельными частями и клетками организма, между организмом и окружающей средой. Вещества, поступающие в организм, участвуют в построении новых клеток и тканей, дают энергию для всех его функций. В клетках и тканях организма протекают процессы ассимиляции, то есть усвоение веществ, и процессы диссимиляции – распад веществ. В этих процессах участвуют белки, жиры, углеводы, витамины, минеральные соли и вода. Большую роль в жизнедеятельности имеет глюкоза, при ее недостаточном количестве в крови могут наступить спазмы мышц и судороги [1].

Потребление питательных веществ и их выделение принято называть основным обменом, он характеризуется количеством энергии, которую затрачивает организм человека в покое. У взрослого человека основной обмен составляет 1300-1800 ккал в сутки.

При физических нагрузках величина энергетических затрат возрастает и зависит от интенсивности и эффективности работы. Очень затратными считаются циклические виды спорта (бег на средние и длинные дистанции, ходьба на лыжах, велосипедный спорт), поэтому на занятиях физической подготовкой

и спортом следует учитывать то, что калорийность должна повышаться и составлять 60-80 г жиров, около 100-120 г белков, 600-700 г углеводов и достаточное количество витаминов.

Выводятся из организма продукты распада (шлаки), образующиеся в результате энергетического распада через органы выделения: почки, потовые железы, легкие, кишечник. За сутки через почки проходит 800-900 литров крови, они очищают кровь от ненужных веществ. За сутки человек выделяет 1,5-2,0 литров мочи. Однако, при интенсивных физических нагрузках количество мочи уменьшается, так как кровеносные сосуды сужаются и уменьшается кровоснабжение почек, но увеличивается интенсивность потоотделения. Через потовые железы идет удаление продуктов обмена веществ и воды, а также регулируется температура тела.

Важнейшую роль в согласованной деятельности всех органов и систем организма играет нервная система. Она разделяется на центральную нервную систему, в которую входит головной и спинной мозг и периферическую нервную систему, состоящую из нервов. Нервные пути связаны со всеми органами и тканями, они начинаются от чувствительных нервных окончаний – рецепторов, которые возбуждаются при действии различных раздражителей. Организм реагирует на внешние воздействия, его ответная реакция называется рефлексом. Рефлексы делятся на условные и безусловные. Безусловные рефлексы врожденные (реакция на температуру), условные – приобретенные организмом в течение жизни.

На занятиях физической подготовкой у военнослужащих вырабатывается динамический стереотип. Динамический стереотип – это система закрепленных, взаимосвязанных условных рефлексов, каждый из которых является условным раздражителем, подготавливающим организм к следующему рефлекторному компоненту сложного двигательного акта.

Упражнения, разучиваемые на занятиях физической подготовкой, способствуют формированию новых двигательных действий, общему укреплению организма и развитию основных физических качеств.

Таким образом, регуляция функций организма военнослужащих обеспечивается взаимодействием физиологических и биохимических аспектов физической подготовки.

Библиографический список:

1. Дубровский В.И. Лечебная физическая культура (кинезотерапия): учебник. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 624с.
2. Физическая культура: учебник / В.В. Миронов, В.А. Собина, А.С. Яцковец. – М.: Военное издательство, 2005. – 462 с.
3. Теория и методика физического воспитания и спорта: учебник / Ж.К. Холодов, В.С. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 80 с.

УДК 165.12+17.025

В.Л. Разгонов

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

nvvku@list.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ОБОРОННОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена особенностям формирования оборонного сознания в современной России. Обосновывается необходимость формирования основ оборонного сознания в период обучения в школе, подчеркивается значение исторической памяти для формирования оборонного сознания.

Ключевые слова: оборонное сознание, национальные интересы России, историческая память.

Продолжающиеся войны в современном мире наглядно показывают всему нашему обществу, насколько нестабильной является современная геополитическая ситуация. Россия с ее несметными сырьевыми запасами по-прежнему остается объектом экономических притязаний ведущих держав. В этих условиях, как справедливо отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, необходимо защищать свои национальные интересы. Будущее страны можно строить, по мнению главы государства, только на таком прочном фундаменте, как «уважение к своей истории и традициям, к духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на

территории России», формирование ответственности за свою страну и ее будущее. «От того, как мы воспитываем молодежь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить себя саму. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но, в то же время, сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке», – подчеркивает президент [1].

Основная задача в решении этой проблемы ложится на армию. Обеспечить ее современной техникой и подготовить профессионального офицера – это только половина дела. Без формирования воина, наделенного оборонным сознанием, невозможно нормальное функционирование современной российской армии.

Эта проблема не новая. В уставах и наставлениях, которые разрабатывались для российской армии как во времена Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, так и в петровские времена, подчеркивалось значение оборонного сознания для успешного выполнения армией ее боевых задач.

Задача формирования отношения к воинской службе как к долгу не только конституционному, но и нравственному, является в основном задачей средней школы. Именно она, являясь сложным организмом, отражает характер, проблемы и противоречия общества и в значительной степени благодаря своему воспитательному потенциалу определяет ориентацию конкретной личности, отвечает за социализацию личности и является важнейшим инструментом, который способен эволюционным путем обеспечить смену ментальности, воспитать гражданина, обладающего оборонным сознанием. И школьный возраст является наиболее оптимальным периодом для этого. Также следует отметить, что формирование оборонного сознания невозможно только усвоением определенной суммы знаний. Необходим деятельностный компонент: через активное вовлечение в общественную деятельность и сознательное участие в ней можно достигнуть успехов в этом направлении. Воспитание оборонного сознания в современных условиях – это целенаправленный, нравственно обусловленный процесс подготовки подрастающего поколения к функционированию и взаимодействию в условиях демократического общества, к инициативному труду, участию в управлении социально ценными делами, к реализации прав и обязанностей, а также укрепления ответственности за свой политический, нравственный и правовой выбор, за максимальное развитие своих способностей в целях достижения жизненного успеха. Воспитание оборонного сознания способствует становлению и развитию личности, обладающей качествами гражданина и патриота своей страны. И здесь важную роль играют не столько знания, сколько чувства гордости за свою страну, свою малую родину, свой коллектив, свою семью – все это является составным компонентом. Поэтому инициатива президента В.В. Путина о восстановлении комплекса ГТО в современной школе и создание «единого учебника» по истории демонстрируют государственный подход к воспитанию подрастающего поколения и его оборонного сознания. То, что школа вложит в своих воспитанников сегодня, завтра даст соответствующие результаты. Породим безграмотных потребителей, значит погубим Россию и ее будущее. Воспитаем патриотов, деловых и здоровых людей, значит можно быть уверенным в развитии и становлении стабильного общества. Таким образом, если основы оборонного сознания будут заложены в школе, то только в этом случае возможно подготовить в армии не только профессионального солдата, но и патриота, выполняющего свой долг, а не отбывающего службу как некую повинность.

В рамках реализации постановления Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 г. № 122 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 гг.» была подготовлена концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации, одобренная правительственной комиссией по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. В этой концепции отмечается, что коренные преобразования в стране конца XX – начала XXI в., определившие крутой поворот в новейшей истории России, сопровождаются изменениями в социально-экономической, политической и духовной сферах общества и сознании его граждан. Резко снизился воспитательный потенциал российской культуры, искусства, образования, как важнейших факторов формирования патриотизма. Между тем, патриотизм призван дать новый импульс духовному оздоровлению народа, формированию в России единого гражданского общества. Поэтому разработка научно обоснованных концептуальных подходов к организации патриотического воспитания граждан, его теоретических основ по-прежнему остается актуальной задачей. Если мы хотим решить задачи, поставленные России современной эпохой, то мы должны не жалеть сил и средств для развития школьного образования и выведения его на новый уровень, прекращение формирования в худшем случае простого потребителя, и в лучшем – профессионального производителя материальных благ, а поставить перед школой задачу работать так, чтобы получить на выходе молодого человека, который знает, почему ему необходимо идти в армию и готового служить в ней. Составной частью патриотического воспитания является военно-патриотическое воспитание, направленное

на формирование готовности к военной службе как особому виду государственной службы. Военно-патриотическое воспитание характеризуется убежденностью в необходимости формирования у себя необходимых качеств и навыков для выполнения воинского долга в рядах Вооруженных сил, пониманием каждым своей роли и места в службе родине, личной ответственностью за выполнение требований военной службы в армии и т. п.

На современном этапе развития российского общества формирование оборонного сознания осуществляется через решение следующих задач:

1) утверждение в обществе социально значимых патриотических ценностей, взглядов и убеждений, уважения к культурному и историческому прошлому России, традициям ее народов, повышение престижа военной службы;

2) расширение возможностей для граждан активно участвовать в решении социально-экономических проблем и удовлетворение культурных потребностей;

3) создание условий для усиления патриотической направленности телевидения и других средств массовой информации при освещении событий и явлений общественной жизни, активное противодействие антипатриотизму, манипулированию информацией, пропаганде образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, искажению и фальсификации отечественной истории;

4) формирование толерантного отношения к представителям других национальностей и религиозных конфессий.

Таким образом, формирование оборонного сознания в современной школе предполагает духовно-нравственное, культурно-историческое, гражданско-правовое и военно-патриотическое воспитание. Реализация задач военно-патриотического воспитания школьников осуществляется через решение более частных задач с учетом специфики субъектов и объектов воспитания, условий, в которых оно проводится, особенностей их решения в социально-политической и духовной сферах [2].

От чего следует отталкиваться при воспитании оборонного сознания. Исследователь Р.Г. Яновский пишет: «Любовь к Родине – самое емкое понятие, оно включает в себя заботу о благополучии страны, ее защите на полях сражений, чувство восхищения ее достижениями и печали при ее неудачах, стремление что-то сделать для нее полезное, развивая уважение самодостаточности отдельной личности, рассматривая себя в качестве гражданина, представителя страны, нации, семьи, рабочего коллектива» [3]. Поэтому необходимо выбрать такие страницы истории России, которые являются предметом гордости россиян. Особое место среди них занимает массовый героизм и самоотверженный труд на благо родины в годы Великой Отечественной войны. В своей книге «Солдатский долг» Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал: «Победа! Это величайшее счастье для солдата – сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!» [4]. Выдающийся полководец видел в выполнении воинского долга концентрацию оборонного сознания советского человека.

К сожалению, из событий Советской истории лишь эта война является единственным объединяющим наш народ событием, оценки которого совпадают в разных слоях современного российского общества. Кроме того, важное значение для формирования оборонного сознания имеют события, связанные с военным героизмом в ходе многочисленных войн, которые вела Россия. По мнению А.В. Кузнецовой и Е.А. Кублицкой, историческая память играет не последнюю роль не только в формировании патриотических чувств, но и в их поддержании и сохранении. Значение исторической памяти в укреплении патриотических отношений граждан к своему Отечеству особенно актуально в настоящее время, когда в российском обществе происходит трансформация социальных и политических институтов, меняются формы и типы социальных идентичностей, характер взаимоотношений граждан и государства, и, в конечном счете, переосмысление духовных ценностей [5]. Причем следует отметить, что большинство этих войн носили оборонительный характер, и победа в них способствовала формированию оборонного, а не агрессивно-наступательного сознания.

Библиографический список:

1. Выступление В.В. Путина на совещании в Краснодаре, посвященного вопросам нравственного и патриотического воспитания // Российская газета. – 2012. – 12 сентября.
2. Подробнее см.: Агапова И.А. Патриотическое воспитание в школе. – М., 2002.
3. Яновский Р.Г. Патриотизм: О смысле созидательного служения Человеку, Народам России и Отечеству. – М., 2004. – С. 423.
4. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – М.: Воениздат, 1988. – С. 366.

5. Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм – основы формирования новой российской идентичности. – М.:РИЦ ИСПИ РАН, 2005. – С. 58.

УДК 355.13

Л.М. Роппель

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

roppel_luba@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

Автором рассматриваются некоторые вопросы и проблемы профессионально-ориентированного обучения иностранному языку курсантов неязыковых факультетов военных вузов.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, компетенция, подход, содержание, навык, знание.

Происходящие в мире изменения – расширение сотрудничества между государствами в науке, технике, образовании и других сферах – предполагают несколько иной, по сравнению с прошлым, подход к вопросам подготовки дипломированных специалистов во всех областях, и иностранный язык не является исключением. В настоящее время иноязычное общение становится существенным компонентом будущей профессиональной деятельности специалиста, поэтому проблема профессионально-ориентированного подхода в обучении иностранному языку курсантов военных училищ приобретает особую актуальность.

Обучение иностранному языку основывается на требованиях Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования и предполагает сочетание овладения профессионально-ориентированным иностранным языком с развитием личностных качеств обучаемых, знанием культуры страны изучаемого языка и приобретением специальных навыков, основанных на профессиональных и лингвистических знаниях. Под профессионально-ориентированным обучением понимается «обучение, основанное на учете потребностей обучаемых в изучении иностранного языка, диктуемого особенностями будущей профессии или специальности» [1]. Профессионально-ориентированный подход в обучении иностранному языку предусматривает формирование у обучаемых способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления. Таким образом, иностранный язык становится не только объектом усвоения, но и средством развития профессиональных умений.

Проблема профессиональной направленности в обучении иностранному языку раскрывается разными авторами (Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез, П.И. Образцов, А.А. Рыбкина, Р.В. Миньяр-Белоручев, И.Л. Бим, Р.П. Мильруд и др.) и с различных позиций.

Н.Д. Гальскова, например, рассматривает иностранный язык не только как учебный предмет, но и как «образовательную дисциплину», обладающую огромным потенциалом, способным внести определенный вклад в развитие человека как индивидуальности. Подчеркивая значимость иностранного языка как средства формирования профессиональной направленности будущего специалиста, Н.Д. Гальскова отмечает, что при изучении профессионально-ориентированного языкового материала устанавливается двусторонняя связь между стремлением обучаемым приобрести специальные знания и успешностью овладения языком [2]. В свою очередь необходимо отметить, что успех овладения и приобретения специальных знаний, как отмечают большинство авторов, зависит от ряда условий:

- методической рациональной организации занятия, четкой формулировки целей иноязычной речевой деятельности;
- социальной и профессиональной направленности этой деятельности;
- удовлетворенности обучаемых при решении частных задач;
- формирования у обучаемых умения творчески подходить к решению частных задач;
- широкого использования технических средств, органически включаемых в процесс обучения;
- внедрения в практику обучения интенсивных образовательных технологий;

– создания необходимого коммуникативного комфорта и благоприятного психологического климата на занятии.

Некоторые авторы (П.И. Образцов, О.Ю. Иванова) в своих работах особую роль отводят отбору учебного материала, рассматривая его с точки зрения выявления и обоснования принципов его профессиональной направленности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. Учет специфики профилирующих специальностей, с их точки зрения, должен проводиться по направлениям: работа над специальными текстами, изучение специальных тем для развития устной речи, изучение словаря-минимума по специальности, создание преподавателями пособий для активизации грамматического и лексического материала обучающихся. Сюда следует добавить также работу с текстами по социокультурной специфике страны изучаемого языка и с текстами для аудирования.

Необходимо отметить, что в неязыковых военных вузах профессионально ориентированное обучение иностранному языку всегда было приоритетным, однако предусматривало оно обучение курсантов в основном навыкам чтения и перевода текстов по специальности. Формированию коммуникативных навыков, навыков аудирования уделялось недостаточно внимания, ограниченные знания курсанты приобретали и по лингвострановедению. Сегодня выпускнику военного вуза не достаточно уметь только читать и переводить профессиональные тексты, он должен использовать иностранный язык в различных сферах общения с учетом социокультурной специфики страны изучаемого языка. Иностранный язык становится средством повышения профессиональной компетенции курсантов, приобретения дополнительных знаний по специальности, развития их личностных качеств.

Успешное формирование профессиональных иноязычных компетенций, по мнению А.А. Рыбкиной, зависит также от взаимодействия дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими дисциплинами. Перед преподавателем стоит задача научить будущего специалиста на основе межпредметных связей использовать иностранный язык как средство систематического пополнения своих профессиональных знаний, как средство формирования профессиональных умений и навыков [3].

Связь с преподавателями специальных дисциплин в военном вузе необходима и для преподавателей, как для начинающих, которые не владеют определенным регистром профессиональных знаний, так и для опытных преподавателей. Например, при отборе материала по военной тематике, который позволяет курсантам приобрести дополнительные знания по специальности. Наука и техника не стоят на месте, стремительно развиваются. Происходят изменения и в военной сфере – появляются новые образцы оружия, меняется тактика ведения боевых действий, происходят изменения и в структуре армий государств, обновляется и меняется военный профессиональный язык, появляется новая терминология, сокращения. Преподаватели зачастую обучают по старым, хорошо отработанным текстам с некоторыми изменениями информации, взятой в основном из Интернета, который, к сожалению, не всегда является надежным и достоверным источником. Поэтому преподаватель профессионально-ориентированного иностранного языка должен иметь не только лингвистическое и педагогическое образование, ему необходимо владеть специальной профессиональной лексикой, ориентироваться в терминологии, он должен изучить основы специальности, иметь представление о коммуникативных потребностях, присущих данной профессии.

Отсюда возникает необходимость нового подхода и к отбору содержания профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в военном вузе. Оно должно быть ориентировано на последние достижения в военной, научной сфере профессиональных интересов курсантов. Содержание обучения иностранному языку в военном вузе необходимо рассматривать как совокупность того, что курсанты должны усвоить в процессе обучения, чтобы качество и уровень владения иностранным языком соответствовали их запросам и целям, а также целям и задачам данного уровня обучения. Отбор содержания также призван способствовать разностороннему и целостному формированию личности курсанта, подготовке его к будущей профессиональной деятельности.

В связи с этим в содержание обучения иностранному языку включены:

- фонетический, лексический, грамматический языковой материал, правила его оформления и навыки оперирования им;
- темы и ситуации и речевой материал, учитывающие военную профессиональную направленность курсантов;
- комплекс специальных речевых умений, характеризующих уровень практического овладения иностранным языком как средством общения;
- система знаний национально-культурных особенностей и реалий страны изучаемого языка.

Рассмотренные в данной статье некоторые подходы в обучении профессиональному иностранному языку необходимо учитывать для достижения главной конечной цели – обеспечить активное владение

иностранном языке обучаемых как средством формирования и формулирования мыслей в области соответствующей специальности, а также области повседневного общения.

Следует отметить, что достижение этой цели в военном вузе сопряжено с некоторыми трудностями.

Во-первых, курсанты не готовы к усвоению специальной лексики, терминологии, к участию в профессионально-ориентированном общении. Программа по иностранному языку разрабатывается в соответствии с требованиями ФГОС ВПО, с учетом преемственности в системе «школа» – «вуз». Однако, как показывает практика, курсанты-первокурсники имеют слабые либо нулевые базовые знания иностранного языка, что отодвигает процесс обучения профессиональному языку. Отсюда возникает необходимость увеличения количества часов на корректировочный курс и как следствие на дисциплину в целом. Кроме того, низкий уровень мотивации курсантов к изучению иностранного языка, как правило, и обусловлен именно отсутствием преемственности в системе «школа» – «вуз».

Во-вторых, иностранный язык курсанты начинают изучать, как правило, одновременно со специальными дисциплинами, еще не владея достаточной информацией по специальности на русском языке, что затрудняет погружение курсантов в процесс иноязычного профессионального общения. Поэтому уровень компетентности преподавателя, как было уже отмечено выше, предполагает знание не только языка и методики его преподавания, но и определенную подготовленность в военной области. Преподаватель должен постоянно повышать свою квалификацию в профилирующих вузах. В настоящее время преподаватели проходят переподготовку в основном по методике преподавания иностранного языка в гражданских вузах. Единицы имеют возможность повысить свой профессиональный уровень в Московском военном университете, не говоря уже о зарубежных стажировках.

Еще одна проблема, которая давно стоит перед преподавателями военных вузов – это отсутствие единого современного учебника для сухопутных войск. В то время как почти все гражданские вузы имеют свои профессионально-ориентированные учебники. Что касается военных вузов, то для качественного обучения профессиональному языку каждое училище восполняет данный пробел, разрабатывая свои учебно-методические и учебные пособия, используя учебники иностранных изданий.

Совершенно очевидна необходимость разработки аутентичного профессионально-ориентированного учебника для военных вузов, направленного на формирование базовых военно-профессиональных компетенций, на способность применять знания иностранного языка для решения военно-профессиональных задач, осуществлять общение на иностранном языке в конкретных профессиональных (повседневных) ситуациях, способность самостоятельно совершенствовать знания иностранного языка.

Таким образом, обучение специальности через язык, обучение языку через специальность – одна из важных проблем профессиональной подготовки специалиста в условиях неязыкового вуза. В связи с этим актуальным остается поиск путей повышения эффективности обучения профессиональному иностранному языку курсантов военных вузов.

Библиографический список:

1. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие/ Под. ред. П.И. Образцова. – Орел, 2005. – С. 5.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АРКТИ, 2003. – С. 6.
3. Рыбкина А.А. Педагогические условия формирования профессиональных умений курсантов учебных заведений МВД в процессе обучения иностранному языку. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2005. – С. 39.

А.В. Самарец

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

sama_a@mail.ru

СТРУКТУРА КОЛЛЕКТИВА КУРСАНТОВ КАК ФАКТОР ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Автором рассмотрена структура коллектива как характеристика, определяющая его влияние на процессы профессионального развития курсантов военного вуза.

Ключевые слова: военнослужащий, коллектив, структура.

Разрабатывая комплексное представление о личности, современная наука чаще всего рассматривает ее «...как социальное свойство индивида, совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения» [1]. Взаимодействие, в ходе которого человек усваивает необходимый для жизни и деятельности общественный опыт, соединяет свои силы с другими людьми для решения задач, непосильных одному человеку, тем самым признается движущей силой личностного развития.

Однако единичное и случайное взаимодействие не является достаточным условием продуктивной деятельности и развития, для этого требуются стабильные совокупности людей. Наличие определенного круга общих задач и условий жизни приводит к созданию устойчивых социальных общностей различных величин, характера и длительности функционирования.

Проблема общностей, в которые объединяются люди в процессе своей жизнедеятельности, имеет междисциплинарный характер. Так, в исследованиях социологов сам предмет социологии – общественные отношения представлен через отношения социальных групп, выделяемых по какому-либо признаку. Психология рассматривает наличие объединения нескольких лиц как условие для деятельности и развития личности. Ракурс изучения проблемы социальной психологией – группа как самостоятельный субъект социальных отношений, а также специфика воздействия конкретной социальной группы на личность. В контексте определенной продуктивной деятельности, например, профессиональной, общности людей рассматриваются экономистами, которые используют понятие трудовой коллектив, изучая общность как средство производства. В менеджменте трудовой коллектив – это объект управления.

Решая одновременно задачи профессионального и личностного развития людей, профессиональная педагогика рассматривает социальную общность во всех проявлениях ее деятельности: преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной и коммуникативной с помощью комплексного понятия «коллектив».

Одну из разновидностей социальных общностей, образующуюся благодаря общению и взаимодействию людей в ходе совместной военно-профессиональной деятельности представляет из себя воинский коллектив [2].

В силу особого характера профессии воинский коллектив обладает рядом особенностей.

Во-первых, главная задача и причина его существования – вооруженная защита общества от угроз его безопасности. К тому же ее решение достигается насильственными средствами с помощью оружия. А это обуславливает своеобразие норм и правил поведения и взаимоотношений между членами коллектива.

Во-вторых, в воинских коллективах существует строгая централизация управления и разделение людей на служебные категории, что четко регламентирует их обязанности и права.

В-третьих, воинские коллективы формируются извне, при полном отсутствии добровольного начала, что создает разнородность и разрозненность их членов на этапе формирования.

В-четвертых, воинским коллективам присущи относительная стабильность деятельности и длительность совместного пребывания членов коллектива.

Теория функционирования и развития воинских коллективов основывается на трудах военных психологов и педагогов А.В. Барabanщикова, А.Д. Глоточкина, Я.В. Подоляка, Н.Ф. Феденко, В.В. Шеляпа

и др. Они представляли воинский коллектив как общественно-идейную психологическую среду, в которой живет личный состав, формируется духовный облик и мастерство воинов [2, 4].

Современное состояние теории воинских коллективов в военной педагогике, на наш взгляд, характеризуется двумя положениями.

Большинство исследований приходится на 80-е годы прошлого века, сегодня заметен явный спад исследовательского интереса к проблеме. Происходящая смена воспитательных парадигм в полной мере касается и военной педагогики. Ориентируясь на личность, военные исследователи настолько же не заслуженно, как нам кажется, отрицают роль коллективного воспитания, насколько в советской военной педагогике признавали ее приоритет. В результате теории воинского коллектива почти не адаптированы к принципиально новым педагогическим условиям, поэтому отсутствуют основанные на них педагогические инструменты, поддерживающие личностное развитие субъекта военно-профессиональной деятельности.

Воинские группы и коллективы изучаются односторонне – только исходя из потребностей военного управления. Разумеется, без учета психологии воинских коллективов командир не в состоянии решить возникающие перед ним серьезные социально-психологические проблемы, однако не менее важной, на наш взгляд, является обратная связь, характеризующая зависимость процессов личностного (в том числе и военно-профессионального) самоопределения военнослужащего от коллектива.

Вопросы профессионального самоопределения будущих офицеров традиционно привлекают интерес военных педагогов и психологов. Объясняется это, прежде всего, взаимосвязью его результатов и качества выполнения профессиональных задач. В 1907 году генерал-лейтенант А. Апухтин писал: *«Можно избирать какую угодно профессию, по части торговой, промышленной и проч., но профессию офицера нельзя избрать, ей надо себя посвятить. Прежний взгляд на офицера как на специалиста по части владения оружием ныне не применим, ибо в наши дни недостаточно уметь драться, чтобы командовать в рядах вооруженного народа»* [3].

Развитие современного военного образования характеризуется рядом тенденций, прямо или косвенно меняющих роль и значение воинских коллективов как среды, в которой происходит военно-профессиональное самоопределение личности, а также как фактора, влияющего на успешность выполнения военными специалистами профессиональных задач.

Значительно возрастает смысловая нагрузка этапа обучения в военном вузе в общем процессе профессионального самоопределения военного специалиста. Отсутствие четкой государственной системы подготовки допризывников, падение престижа военной службы, ослабление семьи и школы как институтов воспитания юношей – некоторые результаты глубоких социальных изменений последних десятилетий. Главной, а иногда и единственной причиной выбора профессии у большей части абитуриентов является возможность получения бесплатного высшего образования. Военно-профессиональная направленность личности первокурсников зачастую оказывается настолько низкой, что вузы вынуждены переносить акценты в воспитательной работе на формирование мотивационной сферы предпочтения военной профессии и специальности. Курсантские коллективы как профессиональные и одновременно личностные объединения являются средой, которая можеткратно повысить эффективность любых педагогических систем сопровождения военно-профессионального самоопределения курсантов, или же тормозить этот процесс, создавая непреодолимые препятствия в профессиональном самоопределении личности. Тем не менее, формирование структуры коллектива не является приоритетной педагогической задачей и планируемым, организуемым и управляемым педагогическим процессом. Педагогический ресурс военного вуза структурирован таким образом, что он поддерживает только решение отдельных задач, связанных с формированием воинского коллектива: адаптации его членов, профилактики неуставных взаимоотношений между ними, выявления лидеров и т.д. В результате развитие структуры коллектива значительно отстает от актуальных, требующих незамедлительного решения задач воспитания, что подтверждается следующими фактами.

В условиях ограниченного финансирования военного образования и удорожания процесса подготовки военных специалистов перед военными вузами стоит задача максимального исключения неудач в военно-профессиональном самоопределении курсантов. Разочарования в выборе профессии приводят к большому количеству отчислений курсантов (от 20 до 35 % в различных военно-учебных заведениях).

Со своей стороны военно-профессиональная деятельность предъявляет все возрастающие требования к своему субъекту, что значительно усложняет процесс его военно-профессионального самоопределения. Для того чтобы удовлетворить требования военных вузов к абитуриентам, профессионального отбора оказывается недостаточно несмотря на то, что его условия постоянно ужесточаются, а предпрофессиональной подготовкой обладают только воспитанники суворовских военных училищ (кадетских корпусов) и военнослужащие срочной службы. В результате в течение первых двух лет

обучения большинству курсантов необходимо приобрести или развить большую часть профессионально-важных качеств. В таких условиях соответствие личности требованиям профессии достигается значительно быстрее и эффективнее при условии, что в курсантском коллективе налажены коммуникации, присутствует обмен опытом и знаниями, существует само и взаимообучение.

Изменяется характер профессиональных задач, от качества решения которых зависит эмоциональная окраска профессионального опыта. Большинство из них уже в самом начале обучения носит групповой характер, требует действий в составе отделения, экипажа, расчета, взвода и т.д. Естественно, что при решении такой задачи требуется взаимодействие, основанное не только на должностных обязанностях, требованиях командиров и начальников, но и на прочных межличностных отношениях, дружбе, коллективной идентификации и многих других факторах, определяемых структурой курсантского коллектива.

С одной стороны, перечисленные факторы определяют интерес военной педагогики к целенаправленным и специально организуемым процессам формирования структуры воинского коллектива, с другой – большинство работ, посвященных данной тематике, относится к советскому периоду. Современные теории формирования и развития коллективов и микрогрупп, разрабатываемые в военной психологии не достаточно поддержаны конкретными педагогическими инструментами.

Разрабатывая используемое в практикоориентированных педагогических системах понятие «коллектив», необходимо учитывать двусторонний характер самого явления. С позиции воспитательной системы коллектив курсантов военного вуза выступает средством реализации задач воспитания и обеспечения развития будущего офицера как профессионала в начале его военно-профессиональной деятельности, а с позиции курсанта он является своеобразной средой его обитания и освоения профессионального опыта, норм и ценностей профессиональной группы, профессиональных отношений.

По характеру влияния на динамику военно-профессионального самоопределения курсантов коллективы отличаются друг от друга. Следовательно, актуальной задачей является выделение некой интегративной характеристики, по которой можно оценивать данное влияние.

Однако анализ психолого-педагогических исследований в данной области показывает, что универсальной интегративной характеристики нет и не может быть из-за полиструктурности понятия «коллектив», каждый новый аспект его изучения требует собственной центральной характеристики.

Педагогическим системам поддержки военно-профессионального самоопределения курсантов, на наш взгляд, соответствует такая характеристика как «структура коллектива», позволяющая, используя системный подход, учитывать как организацию коллектива, так и его связи.

Рассматривая коллектив с точки зрения его влияния на военно-профессиональное самоопределение, можно определить его структуру как сформированную для выполнения коллективных профессиональных задач, развивающуюся в результате взаимодействия курсантов и влияния со стороны специально организованной педагогической системы форму организации коллектива, включающую в себя его композицию, а также внутренние и внешние связи.

Композиция курсантского коллектива – это материальное основание, «каркас» его структуры, объединяющее штатную и нештатную организации.

Штатная организация курсантских коллективов разделяет личный состав подразделения на служебные категории: офицеры, сержанты и рядовые курсанты. Поскольку у этих категорий есть общие, специфические интересы и проблемы, они объединяются и образуют своеобразные штатные группы.

Нештатная организация в воинских коллективах гораздо сложнее штатной. Ее изучение – одна из самых актуальных задач современной военной психологии и педагогики. В результате объединений людей по потребностям, склонностям, интересам и другим основаниям возникают нештатные (в социальной педагогике – неформальные) группы, которые часто имеют негативную направленность. Вариативность нештатной организации огромна. Объединения по периоду службы, землячества, этнические группы и т.д. – предмет постоянной «заботы» командиров и воспитателей. Сегодня, на наш взгляд, уместно говорить о «социальном расслоении» армии, поднимать вопрос о нештатных группах, возникающих на основе зависимостей (игровой, алкогольной и даже наркотической), на основе «общего бизнеса» не только в войсковых, но и в курсантских подразделениях. Проблема профилактики возникновения нештатных групп негативной направленности и борьбы с ними в курсантских подразделениях, как нам кажется, – предмет отдельного исследования, необходимость которого вне сомнений. С точки зрения обеспечения благоприятных условий для военно-профессионального самоопределения важным является вывод о том, что наличие в нештатной организации действенных групп, сильной негативной направленности означает непригодность всей структуры коллектива для данного процесса.

Кроме наличия или отсутствия негативных нештатных групп влияние структуры коллектива на самоопределение будущего офицера характеризуют следующие признаки:

- сближение штатной и нештатной организации, включающее совпадения или разногласия между ролями «руководителя» и «лидера», включение всего личного состава в товарищества положительной или нейтральной направленности и т. д.;

- коллективная идентичность курсантов, определяющая степень отождествления курсантов с коллективом и опосредующая влияние композиции на процесс военно-профессионального самоопределения в целом.

Композиция образует структуру курсантского коллектива с помощью многообразия внутренних связей, среди которых можно особо выделить личностные и деловые отношения.

Деловые отношения, возникающие на рациональной основе, не могут быть обособлены от отношений личностных, но именно они характеризуют выполнение основной функции курсантского коллектива – решение профессиональных задач. В свою очередь их можно разделить на две составляющие: отношения субординации и коммуникации.

Жестким, установленным извне распределением должностных полномочий, прав и обязанностей для воинского коллектива определяются отношения власти. Однако в процессе совместной военно-профессиональной деятельности параллельно им возникает дополнительная, чисто психологическая система распределения руководства, подчинения и обязанностей. Взаимодействие этих двух систем определяет отношения субординации в курсантском коллективе, влияние которых на военно-профессиональное самоопределение курсантов можно охарактеризовать следующими показателями:

- авторитетность командиров и начальников, т.е. признание большинством курсантов за ними права принимать ответственные решения в интересах группы, причем как при выполнении профессиональных задач, так и вне их;

- наличие у курсантов положительного образа профессионала внутри коллектива;

- наличие или отсутствие психологического дискомфорта в процессе делового общения внутри коллектива.

Коммуникации – это устоявшиеся в коллективе схемы и механизмы передачи информации в процессе делового и межличностного общения. Успех группового и личностного развития зависит в том числе и от того, насколько быстро и четко распространяется в группе информация профессионального, а также личного характера, каким образом налажен обмен ей.

Типы коммуникативных сетей и объективные показатели внутриколлективных коммуникаций подробно разрабатываются социальной психологией. Среди описанных показателей можно выделить те, которые могут характеризовать влияние структуры коллектива на процессы развития коллектива и личности:

- взаимная информированность курсантов друг о друге;

- налаженность процессов самостоятельного получения информации;

- скорость передачи личной и служебной информации.

Возникающие в коллективе на основе эмоциональной сферы межличностные отношения – вопрос подробно изученный военной наукой. В данной статье мы остановимся на тех показателях, которые определяют влияние психологии коллектива на изучаемый нами процесс. К ним, на наш взгляд, можно отнести:

- сплоченность курсантского коллектива – как общая характеристика системы эмоциональных предпочтений курсантов внутри группы;

- соответствие групповых норм, традиций, отношений и ценностей принятым в военно-профессиональной группе;

- влияние межличностных отношений на эффективность выполнения групповых профессиональных задач.

Предложенная нами структура курсантского коллектива, как нам кажется, может быть положена в основу педагогических систем, обеспечивающих благоприятные условия для военно-профессионального самоопределения курсантов военного вуза.

Библиографический список:

1. Капустин И.В. Первичный коллектив курсантов как средство социального воспитания: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Кострома, 2003. – С. 48

2. Барабанщиков А.В., Давыдов В.П., Утлик Э.П., Феденко Н.Ф. Военная педагогика и психология. – М.: ВПА, 1973. – 323 с.

3. Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. / Сост. : А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин, ред. А.Е. Савинкин. – Москва: Военный университет: Русский путь, 2000. – «Российский военный сборник», № 17. – С. 112.

4. Подоляк Я.В. Практические вопросы военной психологии. – М. : Военный университет , 1987. – 151 с.

УДК 37.01

А.Н. Сливкин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

And.rej.kin@ya.ru

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена вопросам патриотического воспитания будущих офицеров внутренних войск МВД России. Автором проанализирован историко-педагогический опыт военно-патриотического воспитания в России.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, национальная безопасность, военное образование, курсанты.

Социально-экономические, политические и духовные преобразования, происходящие в последние годы в России в процессе строительства демократического государства, формирования государственной идеологии, актуализировали проблему патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Президент страны В.В. Путин сказал: «Мы должны строить своё будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм. Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России» [1].

Необходимость включения широкого круга проблем патриотического воспитания в концепцию национальной безопасности России давно назрела.

Национальная безопасность России не может быть надежно обеспечена без участия общества, состоящего из граждан-патриотов, укрепляющих традиционные для нашей страны духовно-нравственные ценности. Возрождение патриотической идеи и воспитание людей, готовых созидать во имя Родины и надежно защитить Отечество от внешних и внутренних угроз, – важнейшая задача государства.

В XXI веке национальная безопасность государства во многом определяется состоянием системы образования, ядром которой, традиционно для нашего Отечества, является патриотическое воспитание его граждан.

Патриотическое воспитание как часть общественной системы должна пронизывать все уровни безопасности: общества, государства, личности. Очевидно, что экономическая и военная безопасность государства без квалифицированных кадров невозможна [2]. Истоки патриотизма – в огромном потенциале российской истории, которая дала миру великие имена.

Условием и результатом системы образования в государстве должен быть культурный, гармонически развитый человек, знающий историю своей страны, обладающий высоким уровнем патриотизма и любви к Родине.

Формирование гармонически развитого человека, ориентированного на проявление ответственности за Отечество, готовности и способности укреплять обороноспособность России становится первостепенной задачей всех общественных институтов, в том числе и системы военного образования.

Современный уровень подготовки офицерских кадров в связи с переходом к современному облику войск определяется многими факторами.

Одним из факторов определяющих современный уровень войск и готовность офицеров к исполнению своего профессионального долга, является духовный потенциал. Отечественный и зарубежный опыт показывает, что основой духовного потенциала общества и его вооруженных сил всегда и особенно сейчас является стройная система патриотического воспитания граждан. В высшей военной школе эта проблема является приоритетной.

Сегодня на государственном уровне осуществляется последовательная и консолидированная единым замыслом работа всех ветвей власти и общественных организаций по патриотическому воспитанию граждан. В основе такой работы лежит федеральная государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы», включающая совместную деятельность государственных структур и общественных организаций в решении широкого спектра проблем патриотического воспитания [3].

В вузах внутренних войск обеспечение воспитательной работы регламентировано Приказами и директивами главнокомандующего внутренними войсками МВД России, однако анализ правовых документов и педагогической практики позволяет выявить противоречие между необходимостью повышения эффективности патриотического воспитания и недостаточной научной и практической разработанностью механизма реализации данного процесса.

Существующая в настоящее время система подготовки офицеров внутренних войск МВД России к воспитательной деятельности военно-патриотической направленности практически не учитывает новых тенденций в социальном заказе, обусловленном современными требованиями к руководителю-воспитателю.

Проблема патриотического воспитания курсантов внутренних войск МВД России предопределена в современных условиях сложностями борьбы с терроризмом и обеспечением национальной безопасности. Развитие внутренних войск всегда было неразрывно связано с социально-политической, экономической и общественной жизнью страны. Бурное развитие науки и техники, становление атомной энергетики, насыщенность важными политическими событиями и преобразованиями в определённой степени определяют место и роль внутренних войск МВД России в системе государства, основные тенденции их применения.

Большие и сложные задачи, стоящие перед внутренними войсками, процессы, происходящие в войсках под влиянием военной реформы, требуют научного подхода к организации воспитательной работы, полного учета ее закономерностей и принципов, а также качественных изменений в личном составе войск.

С 2011 года вузы внутренних войск МВД России осуществляют подготовку офицеров по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», в связи с этим вопросы повышения эффективности патриотического воспитания требуют более пристального внимания в системе военного образования.

В настоящее время объективные условия складываются таким образом, что над многими духовными ценностями, составляющими основу жизнедеятельности войск, нависла реальная угроза их утраты. Во многом это объясняется тем, что, с одной стороны, продолжает снижаться уровень интеллектуального и культурного развития россиян, а с другой – расширился круг нежелательных и опасных воздействий на их духовный мир. Как известно, во все времена ослабление внимания к сохранению духовных ценностей, утрата интереса к духовным проблемам всегда приводили к деградации нации.

Поэтому на передний план выдвинулась общегосударственная задача поиска новых, активизации имеющихся методов и приемов военно-патриотического воспитания. В связи с этим большое значение имеет использование исторического опыта прошлого.

В нашем Отечестве, как, впрочем, и в других странах, всегда отчетливо осознавали: вырастить офицера, отвечающего требованиям времени, очень непросто. Слишком уж эти требования высоки и разнообразны. В их числе любовь к службе, готовность в течение долгих лет неустанно совершенствовать профессиональное мастерство, способность соединить в себе жесткую исполнительность, дисциплину с самостоятельностью в решениях и действиях, инициативой. А еще умение строить отношения со старшими и младшими, беззаветная преданность войсковому товариществу, мужество, храбрость, самоотверженность в большом и малом.

Честь и достоинство всегда считались главными добродетелями офицера. Издавна в русской армии и на флоте существовали кодексы чести офицеров. У моряков это были «Правила учтивости офицера». Многие известные русские генералы и адмиралы придерживались общих военных принципов. Они считали, что офицер должен воздерживаться от всяких увлечений и от всех действий, могущих бросить хотя бы малейшую тень на его личную честь, а тем более на честь корпуса офицеров. Честному офицеру претят хвастовство и показуха. Честь офицера предполагает верность своему слову. Иногда говорят «слово чести», «честное слово», «слово офицера». В последнее время чаще слышится «честь имею». Честь офицера проявляется и в его отношении к дисциплине. Строгость и справедливость создают здоровую атмосферу в коллективе и способствуют укреплению авторитета командира [4].

В наше сложное время как никогда остро стоит задача укрепления чести и достоинства внутренних войск МВД России в системе обеспечения национальной безопасности. Немаловажное значение для достижения этой цели имеет культура поведения курсантов – будущих офицеров.

Традиции русской армии постепенно стали возрождаться. В соответствии с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих во внутренних войсках был утвержден «Кодекс профессиональной этики военнослужащих внутренних войск МВД России» [5].

Проведенный историко-педагогический анализ деятельности по военно-патриотическому воспитанию позволяет сформулировать выводы:

1. История самым убедительным образом свидетельствует, что забвение основополагающих патриотических идей, принижение в обществе чувства гражданственности, стремления и готовности к защите Отечества ведет к кризису самой государственности, его базовых основ.

2. Патриотизм внутренне присущ любой государственной, а в особенности – военной службе. Армия, военная служба в России всегда были действительной школой патриотизма.

3. Составной частью концепции национальной безопасности является оптимизация военного образования, направленная на воспитание патриотизма, профессиональную специализацию, использование современной науки и техники для укрепления боевой готовности внутренних войск МВД России.

Таким образом, какими бы сложными не были сегодняшние проблемы отечественной системы военного образования, государство должно четко определить приоритетный характер патриотического воспитания в системе укрепления национальной безопасности.

Библиографический список:

1. Стенографический отчет о встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://президент.рф/news/16470#sel=>.
2. Уткин В. Е. Проектирование и реализация системы подготовки будущих офицеров к военно-патриотическому воспитанию военнослужащих: дис. ... д-ра пед. наук. / В. Е. Уткин. – Казань, 2010. – 461 с.
3. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы : Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. N 795 "О государственной программе // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 41 (часть II). – Ст. 5250.
4. Коровин В. М. Воспитание чести / В. М. Коровин, В. А. Свиридов // Войсковой вестник. – 2004. – № 3. С.41-46.
5. Об утверждении Кодекса профессиональной этики военнослужащих внутренних войск МВД России : Приказ МВД России от 23 августа 2011 г. № 969. – М. : На боевом посту, 2012.

УДК 631.4 (084)

Н.П. Смирнов

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

nikpetrsm@yandex.ru

РОЛЬ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ» В ФОРМИРОВАНИИ КОМПЕТЕНЦИЙ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Автором раскрывается роль учебной дисциплины «Медицинское обеспечение» в формировании компетенций в области международного гуманитарного права. Воздействие на развитие личности курсанта осуществляется через привитие навыков в оказании первой помощи в условиях, приближенных к боевой обстановке. На первое место ставится высшая человеческая ценность – спасение жизни как комбатантов, так и некомбатантов. В результате использования активных методов преподавания с использованием современных средств симуляционного обучения формируются психологическая устойчивость, ценностные ориентации и уверенность при принятии решений в экстремальных условиях обстановки.

Ключевые слова: военный учебно-научный центр, медицинское обеспечение, симуляционное обучение, первая помощь, оборонное сознание, международное гуманитарное право.

Сегодня гуманитарное знание приобретает все большее значение как интегрирующее звено в системе высшего военного образования. В современных условиях уровень гуманитарной, правовой подготовки выпускников военно-учебных заведений должен способствовать успешному решению поставленных перед ними задач [1].

Практические навыки выпускника военного учебного заведения в организации боя и его всестороннего обеспечения должны способствовать соблюдению норм международного гуманитарного права (далее МГП), особенно при управлении подразделениями. Имея необходимые знания, они должны быть подготовлены к практическим действиям и выполнению задач в зависимости от условий обстановки при соблюдении норм международного гуманитарного права [2].

Необходимо, чтобы основные принципы и нормы МГП в военно-учебных заведениях при подготовке офицерских кадров изучались как в циклах (разделах) гуманитарных, так и специальных (военно-профессиональных) дисциплин и имели прежде всего практическую направленность подготовки [3].

Целью изучения будущими офицерами норм МГП является не формирование большого объема знаний правовых документов в этой области, а практическая подготовка их к руководству подразделением в бою. Главный упор при обучении слушателей и курсантов должен быть сделан на формирование у них творческого мышления при применении норм МГП как в мирное, так и в военное время. В целом такие меры должны способствовать улучшению качества организации, содержания и методики изучения этих вопросов [3].

Покажем практику преподавания норм МГП в филиале военного учебно-научного центра на примере дисциплины «Медицинское обеспечение». Подготовка в области МГП по преподаваемой дисциплине организована на цикле «Управление войсками (подразделениями) в мирное время».

Важно, чтобы в необычайно сложных, а подчас и экстремальных ситуациях боевой обстановки личный состав не утратил в результате психического перенапряжения приобретенные им навыки в спасении раненых и пострадавших. Речь идет о том, чтобы при виде тяжелых травм, обширных ожогов, судорог и других внешних проявлений поражений, приобретенные навыки оказания первой помощи продолжали оставаться привычными, использовались уверенно, автоматически, не требовали бы времени на дополнительные размышления.

Для успешного решения поставленной задачи в процессе обучения необходимо проводить подготовку курсантов максимально приближенно к реальным условиям.

В этой связи должны быть повышены требования к имитации боевых поражений. Курсанты, прошедшие хорошую теоретическую подготовку без сформированных навыков по оказанию первой помощи в полевых условиях с имитацией взрывов, с большой задымленностью воздуха, с выполнением задач в средствах защиты во время оказания помощи условно раненому, действуют скованно, медленно и в ряде случаев совершают ошибки [4].

Нами установлено, что почти вдвое ухудшается выполнение нормативов по военно-медицинской подготовке в тех случаях, когда личный состав, прошедший лишь подготовку в классе, встречается с хорошей имитацией ран, ожогов, кровотечений, переломов и другой патологии при отработке сценариев в различных видах тактических действий. Сказывается отсутствие той психологической подготовленности, которая помогает военнослужащим преодолеть боязнь крови, раны, судорог, криков и стонов раненых [4].

Поэтому выделение на практических занятиях условнораненых должно обязательно быть связано с имитацией боевой патологии. Отсутствие такой имитации порождает почти сплошную условность и лишает занятия важнейшего качества – наглядности. Хорошо продуманная и организационная имитация раненых и пораженных позволяет проводить более качественную подготовку обучающихся [4].

Рассмотрим возможности в развитии навыков по оказанию первой помощи в экстремальных ситуациях с использованием тренажеров и наборов повреждений, а также направления дальнейшего развития и совершенствования военно-медицинской подготовки военнослужащих в высшем военном учебном заведении.

В целях учебно-методического и материального обеспечения обучения курсантов базовым навыкам жизнеподдержания подготовлены: учебно-методические материалы, ситуационные задачи для отработки нормативов по военно-медицинской подготовке в различных условиях обстановки, специализированный класс кафедры с возможностями отработки практических навыков по оказанию первой помощи с использованием симуляционного оборудования в режиме реального времени.

Кроме того, используются возможности учебного полигона учебного заведения при проведении групповых и практических занятий с обучающимися, в том числе при отработке вопросов медицинского обеспечения различных видов тактических действий.

Большое внимание уделено разработке активных методов преподавания. Разработан и внедрен в учебный процесс метод симуляционного обучения для более эффективного формирования навыков в оказании первой помощи. Как известно, в настоящее время симуляторы используются как для обучения, так и для объективной оценки во многих областях деятельности человека, предполагающих высокие риски. Именно симуляторы могут многократно и точно воссоздать необходимые сценарии и возможность адаптации ситуационной задачи под каждого обучающегося. К тому же, наличие датчиков контроля позволяет повысить мотивацию курсанта на правильное выполнение упражнения. Манекен может быть использован в двух вариантах: в гражданской форме одежды и военной форме одежды в зависимости от условия ситуационной задачи, таким образом имитируя оказание помощи комбатантам и некомбатантам [4].

При проведении практического занятия по основам жизнеподдержания курсанты на практике отработывают элементы сердечно-легочной реанимации. В процессе обучения используются учебно-тренировочные карточки на любом учебном месте, помогающие курсанту правильно освоить практический навык. Цель занятия довести до автоматизма действия обучающихся, используя отработку имитационных приемов в оказании первой помощи. При наличии технических средств обучения используется манекен-тренажер для обучения искусственной вентиляции легких и наружному массажу сердца, тренажер для отработки введения обезболивающих средств и антидотов [4].

Увеличено часов на проведение практических занятий с целью более эффективной выработки профессионально необходимых умений и навыков в оказании первой помощи на поле боя с использованием средств индивидуальной и групповой медицинской защиты, в том числе с использованием симуляционного оборудования [4].

На кафедре в учебном процессе запланировано использование специального манекена в форме военнослужащего для обучения первой помощи в полевых условиях. Манекен имеет полный объем движений, прочный для использования в сценариях, имеет модули травмы и концентрат крови, возможность обучения навыкам сердечно-легочной реанимации.

Для достижения максимальной реалистичности при проведении комплексных занятий по тактико-специальной подготовке, полевых выходов, марш-бросков эффективно использование комплектов повреждений (наборов моделей ран), которые совместимы с указанным выше манекеном и могут крепиться на тело условного раненого военнослужащего (курсанта) при обучении способом «друг на друге» с целью отработки нормативов по военно-медицинской подготовке на марше и проведении комплексных занятий. Такие приемы в обучении имеют дополнительную цель сформировать психологическую устойчивость обучающихся при возникновении экстремальных ситуаций.

Учитывая наличие оборудованных компьютерных классов, во время проведения подготовки к занятиям в часы самостоятельной работы курсантов мы предлагаем проводить симуляционное обучение с использованием средств компьютерной имитации. Эти средства должны сочетать в себе программное обеспечение и модели раненых, снабженные датчиками [5].

Благодаря наличию высококвалифицированных специалистов из числа профессорско-преподавательского состава, а также развитой современной учебно-материальной базы создаются оптимальные условия для применения инновационных образовательных подходов в подготовке будущего офицера с учетом соблюдения норм международного гуманитарного права. Преподавание дисциплины «Медицинское обеспечение» обеспечивает формирование оборонного сознания курсантов военных учебно-научных центров на основе привития высших человеческих ценностей в результате моделирования реалистичности экстремальных ситуаций [6]. Процесс обучения становится интересным как для курсантов, так и для преподавателя. В результате мы получаем военного профессионала, осуществляющего выбор оптимальной стратегии в экстремальной ситуации.

Таким образом, в процессе преподавания дисциплины «Медицинское обеспечение» в ходе привития навыков в оказании первой помощи оказывается эффективное влияние на формирование оборонного сознания курсантов с учетом соблюдения гуманистического подхода.

Библиографический список:

1. Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации. – М.: Минобороны РФ, 2002.
2. Методические рекомендации по изучению норм международного гуманитарного права в ходе боевой подготовки. – М.: Минобороны РФ, 2006.

3. Разгонов В.Л. Смирнов Н.П. Актуальность использования симуляционного обучения в подготовке современного офицера к действиям в экстремальных условиях // Направления и перспективы развития образования в военных институтах ВВ МВД России: мат. междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2013 г.). – Новосибирск, 2013. – С.170-176.

4. Разгонов В.Л., Смирнов Н.П. Роль дисциплины «Медицинское обеспечение» в контексте формирования оборонного сознания курсантов военных учебно-научных центров в современных условиях // Фундаментальные исследования. – 2014 – № 6. – С. 1509-1513.

5. Разгонов В.Л. Смирнов Н.П. Подготовка военного специалиста навыкам спасения жизни раненых и пострадавших в ходе боевых действий: инновации в обучении // Военный профессионализм: стратегия и перспективы развития в современном обществе: сб. ст. Всерос. конф. с междунар. уч. (Новосибирск, 26 сент. 2013 г.). Ч. 3. – Новосибирск, 2013. – С.43-47.

6. Смирнов Н.П. Подготовка курсантов военных учебно-научных центров оказанию первой помощи раненым с использованием современных технологий симуляционного обучения // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 1. – С. 116.

УДК 378.1

А.Л. Снигирёв, И.Д. Хомяков

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

*snigir@ngs.ru
ivan-vivv@yandex.ru*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В статье рассмотрены аспекты военно-профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск на основе технологии учебного моделирования военно-профессиональной деятельности. Предложенная авторами технология позволяет оптимизировать формирование военно-профессиональных компетенций выпускников.

Ключевые слова: военно-профессиональная деятельность, учебное моделирование, квалификационные требования, военно-профессиональные компетенции.

Утвержденная Приказом Главнокомандующего ВВ МВД России «Основная образовательная программа» [1] определяет целью подготовки специалиста «развитие у курсантов социально-личностных качеств военнослужащего ВВ МВД, а также формирование общекультурных универсальных и профессиональных компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВПО по специальности и военно-профессиональных компетенций в соответствии с квалификационными требованиями». Квалификационные требования к военно-профессиональной подготовке выпускников сформулированы в приложении № 1 к Приказу Главнокомандующего ВВ МВД России от 16 июня 2011 г. № 220.

Формирование военно-профессиональных компетенций по военно-учетной специальности предусмотрено путем получения обучаемыми комплекса знаний, умений и навыков по руководству подразделениями в современном общевойсковом бою и в мирное время, в условиях вооруженного конфликта, режима чрезвычайного положения и при проведении контртеррористической операции в сочетании с проведением мероприятий морально-психологического обеспечения образовательного процесса в учебное и внеучебное время.

Анализ указанных целей и задач и содержание военно-профессиональных компетенций выпускников показывает, что они носят преимущественно деятельностный характер и сводятся к командной, педагогической, воспитательной, военно-технической административно-хозяйственной деятельности.

Содержание военно-профессиональных компетенций отражает готовность (22 компетенции) к решению и способности (32 компетенции) к решению военно-профессиональных задач.

Требования к уровню военно-профессиональной подготовки заданы как проектируемые результаты освоения разделов ООП в знаниях, умениях и владении навыками различных видов военно-профессиональной деятельности.

Сказанное свидетельствует о том, что формирование военно-профессиональных компетенций предопределяет деятельностный, квазипрофессиональный характер практической подготовки выпускников и моделирование их предстоящей военно-профессиональной деятельности в ходе образовательного процесса. Этому отвечают возможности технологии учебного моделирования.

С точки зрения современной педагогической науки учебное моделирование военно-профессиональной деятельности как и любое сложное педагогическое явление может и должно быть изучено на основе системного подхода, который позволяет выделить учебное моделирование военно-профессиональной деятельности как целостное, единое явление, и его отношение к системам высшего порядка (в нашем случае ко всей системе высшего военного образования модели формирования военно-профессиональных компетенций выпускника вуза ВВ МВД). В системном рассмотрении учебное моделирование военно-профессиональной деятельности воспринимается не как сумма элементов, а как нечто целостное, это позволяет изучить прежде всего взаимоотношения и взаимодействия ее элементов, найти способы упорядочения, иерархии этих отношений, определить преобладающую тенденцию и основные закономерности и механизмы функционирования модели формирования военно-профессиональных компетенций и ее элементов.

Учебное моделирование является составляющей системы обучения вуза. Выделение учебного моделирования военно-профессиональной деятельности как обучающей системы не ограничивается пониманием ее как реального педагогического явления современного образовательного процесса, более важно для нашего исследования – понимание системы учебного моделирования военно-профессиональной деятельности как познавательного инструмента, как способа нашего видения исследуемого явления.

Мы выделяем обучающую систему учебного моделирования военно-профессиональной деятельности как определенную модель деятельности, присущую образовательному процессу вуза. В эту модель включены не все стороны действительности, а лишь некоторые, обязательные с точки зрения целей и задач, которые мы должны решать в ходе нашего исследования. Поэтому рассматриваемая нами система учебного моделирования военно-профессиональной деятельности не тождественна целому явлению, каким является учебное моделирование и не является исчерпывающим средством раскрытия всех возможностей моделирования в образовательном процессе вуза (исследовательских, социального конструирования, практических).

Анализ учебного моделирования военно-профессиональной деятельности как системы обеспечивает относительную последовательность хода педагогического исследования, дает возможность выделить его ведущий элемент и определить условия, на него воздействующие.

При рассмотрении учебного моделирования военно-профессиональной деятельности как обучающей подсистемы модели формирования военно-профессиональной компетенции курсантов вуза в соответствии с подходом В.П. Беспалько мы выделяем два блока – «дидактическую задачу» и «технологию обучения» [2]. Структуру и содержание первого блока – «дидактической задачи» технологии учебного моделирования военно-профессиональной деятельности составляют цели, задачи, функции, предмет и совокупность существенных отношений между ними, а также исходные условия – уровень знаний и личностных качеств курсантов и уровни общей культуры преподавателя, реализующего технологию учебного моделирования.

Второй, собственно «технологический» блок технологии характеризуется определенным уровнем квалификации преподавателя по осуществлению учебного моделирования, специфическими методиками подготовки и проведения занятий, особыми организационными формами и новыми технологиями обучения, а также определенным уровнем технической оснащенности и учебно-материальной обеспеченности образовательного процесса вуза.

Изучение и анализ научной литературы, психолого-педагогических исследований проблем военно-профессионального обучения, знакомство с практикой использования нетрадиционных методов обучения в военных институтах и училищах, а также изучение возможностей моделирования как метода исследования образовательного процесса позволили создать, изучить и опытно-экспериментальным путем проверить технологию формирования военно-профессиональной компетентности на основе учебного моделирования военно-профессиональной деятельности.

Учебное моделирование военно-профессиональной деятельности, как и всякая педагогическая технология, имеет совершенно определенные функции. Они предопределены более общей системой, в данном случае, системой высшего военного образования, их смысл, как было уже отмечено, заключается в ориентировании образовательного процесса конкретного военного вуза на социальный заказ в подготовке офицерских кадров. В нашем случае речь идет о подготовке специалиста сферы правового обеспечения

национальной безопасности, осуществляющих служебно-боевую деятельность в области руководства подразделениями ВВ МВД.

Педагогический анализ сущности учебного моделирования военно-профессиональной деятельности следует начать с выделения основных элементов, которые функционально входят в оба структурных блока системы.

Как и в любой дидактической системе субъектом и объектом учебного моделирования военно-профессиональной деятельности являются преподаватели, использующие в обучающей деятельности учебное моделирование, и курсанты (курсантские коллективы), осуществляющие свою учебно-познавательную деятельность по формированию военно-профессиональных компетенций на основе усвоения содержания имитационных и игровых моделей, которые отражают фрагменты реальной военно-профессиональной деятельности офицера внутренних войск.

Охарактеризуем основные компоненты структурного блока.

Начнем с характеристики предмета учебного моделирования военно-профессиональной деятельности. Предмет системы нашел свое отражение в ее названии, а именно им является, если брать в целом, будущая военно-профессиональная деятельность, включенная в содержание учебных предметов, программ и тематических планов в виде военно-профессиональных компетенций, подлежащих формированию в процессе обучения и воспитания специалиста.

В идеальном варианте предмет учебного моделирования военно-профессиональной деятельности в образовательном процессе должен быть выражен моделью военно-профессиональной подготовки офицера соответствующего профиля, разработанной на основе профессиографической информации, «снятой» с модели военного специалиста.

В настоящее время предполагаемая модель военно-профессиональной подготовки офицера существует в форме основной образовательной программы по специальности 030901 и квалификационных требований к военно-профессиональной подготовке выпускников по военно-учетной специальности 370300 учебной программы и тематического плана того или иного предмета, что предполагает преимущественно только предметную сторону предстоящей деятельности и тем самым ограничивает эффективность образовательного процесса.

В действительности же деятельность может сформироваться при органическом сочетании трех ее сторон: личностной, функциональной и предметной. Такое сочетание обеспечивается функционированием в образовательном процессе обучающей системы учебного моделирования военно-профессиональной деятельности.

По мнению многих исследователей, занимающихся проблемами изучения и моделирования профессиональной подготовки и деятельности специалистов в интересах вузов, основное содержание профессиональной деятельности специалиста состоит из многообразия профессиональных задач, проблем и ситуаций. Данное утверждение особенно характерно для военно-профессиональной деятельности офицера, непосредственно работающего с личным составом. Проведенные в ходе педагогического исследования беседы с различными категориями офицеров, анкетный опрос курсантов во время и после войсковой стажировки подтверждают мнение относительно основного содержания военно-профессиональной деятельности офицера и эффективного способа ее усвоения в вузе при формировании военно-профессиональных компетенций.

Теоретический анализ существующей технологии обучения, опытно-экспериментальная работа в ходе настоящего педагогического исследования свидетельствуют о том, что задачи формирования военно-профессиональных компетенций выпускников в настоящее время не могут быть полностью решены, требуют новых подходов.

Библиографический список:

1. Основная образовательная программа ФГК ВОУ ВВ МВД по военно-учетной специальности 370300 «Служебно-боевое применение соединений, воинских частей и подразделений ВВ». Приложение № 1 к Приказу Главнокомандующего ВВ МВД России от 16 июня 2011 г. № 220.
2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии: монография – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.

В.В. Собольников

*Академия полярной медицины и экстремальной экологии человека
г. Новосибирск*

vsobolnikovis@gmail.com

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ (КОНЦЕПТ, СУЩНОСТЬ) И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЗНАНИЯ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТИБОБОРСТВЕ

В статье рассмотрены концепт и сущность деструкции. Определена роль деструкции в информационно-психологическом противоборстве. Особое внимание уделено механизмам трансформации сознания.

Ключевые слова: деструктивность, механизмы трансформации, информационно-психологическое противоборство, сознание.

Последние десятилетия международное сообщество по причине социально-экономического и политического кризиса, пребывает в сильнейшем когнитивном диссонансе. Значительные изменения структуры ценностей человека явились отражением борьбы конструктивных и разрушительных тенденций в жизни общества. Ситуация, сложившаяся на современном этапе, своеобразно отражает проблему борьбы смыслов и их преобразования. Сложение внешних и внутренних факторов обусловило неустойчивость и ненадежность во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в межгосударственных отношениях. Сопутствующие этому крах высших целей, поляризация различных сил, искажение нравов и обезличивание чувства долга, манипулирование коллективным сознанием являются выражением деструктивности. В результате разрушается сложившаяся система [1, С.14-15], открывая путь для эскалации психологической войны. Последняя как система специальных форм, методов и средств воздействия на социум с целью модификации в заданном направлении их социально-психологических характеристик (мировоззрения, взглядов, мнений, системы ценностей и мотивов, установок и др.) в настоящее время протекает в атмосфере «смысловых» галлюцинаций. Призрачность, таинственность, иррациональность, опора на подсознание и бессознательное [2], а также сценичность порождают специфического рода непроизвольно возникающие мнимые восприятия несуществующего. Складывается система искаженного восприятия реальных событий и процессов окружающей действительности, пропитанной атмосферой деструктивности, что значительно усиливает противодействие сторон. Очевидно, изучение феномена деструкции в контексте информационно-психологического противоборства актуализирует проблему деструктивности и механизмов трансформации сознания.

Дефиниция «деструкция», «деструктивность» отражает негативные, разрушительные явления действительности. В «Словаре-справочнике по психоанализу» деструктивность понимается как «разрушение, исходящее от человека и направленное вовне, на внешние объекты или во внутрь, на самого себя» [3, С.196]. Языковое представление концепта «разрушение» подводит к ряду важных выводов:

а) понятие «разрушение» образовано вокруг определенного концепта и включает информацию, основанную на понятиях «уничтожение», «опустошение», «бедствие», «крушение», «крах», составляющих основу изучаемого концепта;

б) понятие «разрушение» включает в себя вероятно ориентированную информацию, подключенную к тому или иному концепту, что позволяет выделить удаленную от центра часть, включающую в себя понятия «гибель», «смерть», «убийство», «катастрофа», «авария», «вымирание», «низвержение» [4, С.9].

Выделенные доминантные признаки позволяют выстроить репрезентацию концепта «деструкция», сущностной характеристикой которого может стать определенный набор семантических признаков. К их числу следует отнести: целенаправленность, способ совершения, результат и эффективность действия, орудие и средство действия, качественная или количественная характеристики объекта воздействия. Анализ дефиниций в различных источниках разрешает подойти к определению сущности деструкции. В частности, это:

а) любое изменение структуры чего-либо под воздействием различных сил (психических, механических, физических и др.) и невозможность выполнения объектом ранее присущих ему функций;

б) членение, изменение, деформация, разрушение объектов воздействия и как результат любой деструкции – уничтожение;

в) разрушение объекта под воздействием температуры, химических элементов, микробов и воспринимаемое как саморазрушение [5, С.14].

В результате сущностная характеристика деструкции предполагает рассматривать явление в качестве одного из наиболее важных компонентов информационного оружия [6, С.35]. Поэтому рабочим определением деструкции может стать процесс скрытного разрушения смыслов информационно-психологического пространства или нарушение удерживающих связей в информационно-психологическом противостоянии с целью нанесения ущерба.

Существующий мир, проекцию которого строит человек, представляет собой мир идеальной психической реальности, являющейся, по сути, только моделью окружающей действительности. По этой причине существование мира может быть человеком верифицировано только с позиции его психики, т. е. в рамках модели мира. В таком понимании человек является активным творцом действительного мира, где (а) психика имеет смысловое содержание; (б) сознание организовано как множественный текст, состоящий из познавательных контуров; (в) функциональная цель сознания задана необходимостью понимания [7, С.110]. Осознание личности как носителя смыслов раскрывает его семантическую природу (Налимов В.В., 1989) и позволяет воспринимать психический образ не как результат отражения, а «постоянно и в каждое мгновение, рождающее и возрождающее себя новообразование» [8, С.31]. В этом плане, справедливо утверждает Ф.Т. Михайлов, способность воображения и творчества человека реализуется в различных сферах жизнедеятельности, поэтому вырабатывает для себя субъективно – разные формы переживания и осознания. В контексте изложенного объясняется эффективность методов ведения психологической войны. Деструктивность, являясь основой информационно-психологического противоборства, для личности остается компонентом культуры, склоняющей к отказу от сложившихся социальных, поведенческих и иных структур. Процесс развала единой структуры порождает усиление деструктивных действий по отношению к социуму. Восприятие общества как совокупность единиц коммуникации информации (школа Н. Лукмана), в котором деструкция определяется как «сброс, уничтожение информации, ставшей «ненужной», неспособной адаптировать человека к жизни», раскрывает общий механизм социальной деструкции. Последний активно используется в информационно-психологическом пространстве с помощью проведения специальных комплексных мероприятий, направленных на разрушение человека.

В контексте изложенного, важной остается проблема выявления в структуре информационно-психологического пространства механизмов деструкции. Результативность деструктивного воздействия зависит от особенностей механизмов трансформации убеждений, стереотипов поведения и установок объектов влияния. В своем большинстве они реализуются под эгидой «обновления социокультурной парадигмы». Тем самым процесс трансформации гражданского общества направляется в нужном направлении упрочения основ плюрализма, образования деструктивных информационного, психологического, политического и других пространств. При этом двойственность и глубокие разногласия такого периода инициируют формирование и реализацию деструктивных изменений во всех подсистемах. Эти изменения могут вносить в систему взаимодействий хаос и блокировать системы управления и связи. Одновременно формируется впечатление, что деструктивное воздействие носит локальный, вариативный, необязательный, взаимозаменяемый характер. Поэтому скрытность такого влияния нивелируется представлением о глобальных закономерностях его протекания. В то же время системный подход к конкретному информационно-психологическому акту убеждает в наличии общей матрицы информационно-психологического деструктивного воздействия. Последняя включает содержание хода смыслообразования и определенный алгоритм взаимосвязанных действий. Важную роль при передаче смыслов играют механизмы деструктивного характера, регулирующие течение этого процесса, взаимосвязанные с тенденциями его развития и обеспечивающие конечный результат.

Под «психологическим механизмом» понимается «система психических и социальных предпосылок, условий, обеспечивающих направленность поведения человека» [9, С.180]. Данный термин вполне допустим к описанию механизмов деструкции смыслового содержания, в котором замена или видоизменение элементов приводит к трансформации других звеньев акта смыслообразования в процессе коммуникации. Анализ имеющейся литературы по теории и практике ведения психологических войн [10] позволяет выделить ряд механизмов. В частности:

1) *Механизм трансформации убеждений.* Убеждения представляют собой представления, знания, идеи, ставшие мотивами поведения человека и определившие его отношение к действительности. Угроза жизни, другие опасности, забота о своем выживании порождают когнитивный диссонанс. При этом в

рамках возникших противоречий сложившиеся убеждения, идеи и мотивация подвергаются трансформации.

2) *Механизм трансформации стереотипов.* Социальный стереотип представляет схематизированный образ какого-либо явления социальной действительности, фиксирующий в себе некоторые, иногда незначительные его черты. Создание ложных стереотипов является одной из задач ведения психологической войны. Так, например, дискредитация военно-политического руководства приводит к разрушению стереотипа позитивного отношения граждан.

3) *Механизм трансформации установок.* Установка – это развивающаяся на основе опыта предрасположенность человека к определенной форме реагирования в заданном направлении действовать по отношению ко всем объектам и ситуациям, с которыми они связаны. Очевидно, состояние внутренней готовности соответствует потребностям человека. Поэтому при воздействии создаются ситуации, когда потребности человека удовлетворяются, а установка формируется, закрепляется, заменяется или изменяется в сознании человека.

Понять действие механизмов деструкции в структуре информационно-психологического противодействия, найти средства регулирования, позволяющие предотвратить, либо снизить степень негативного воздействия, является одной из важных задач. Эффективность использования деструктивных методов зависит также от широкого применения особых приемов и способов воздействия, к которым следует отнести дезинформирование, манипулирование, распространение слухов и мифов [1, С.80-87] и т. д.

Очевидно, осмысление работы механизмов деструкции в условиях неустойчивости, определение внутренних закономерностей взаимоперехода порядка и хаоса требует изучения проблем, связанных с генерированием новых смыслов в процессе социальной коммуникации. Нелинейность «переходности» разворачивается на основе взаимодействия внутри самой системы. В основе этого находится смысловой диалог между индивидом, группами и обществом в целом. Любые отклонения от стратегии социального развития, заданные нелинейностью, проявляются на взаимопереходе «порядок - хаос», «сбоях», «разрывах», «взрывах» и т. д. Последнее столетие является ярким по своим характеристикам периодом такой «переходности», когда пребывание общества между неустойчивостью и стабильностью не только достигало своего критического уровня, но и превышало его.

Таким образом, в условиях глобализации деструктивные процессы актуализуют проблемы противодействия и обуславливают потребность проработки специальных операций по своевременному обнаружению, срыву и срыву деструктивного воздействия в информационно-психологическом противоборстве, в том числе с использованием психотронных и киберсредств.

Библиографический список:

1. Собольников В.В. Информационное воздействие в современном мире: социально-психологический аспект: монография. – Новосибирск: СибАГС, 1999. – 166 с.
2. Собольников В.В., Собольникова Е.В. Проблемы психологии управления неосознаваемой психической активностью студентов // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – №1. – С.175-179.
3. Словарь-справочник по психоанализу / Валерий Лейбин. – М.: АСТ Москва, 2010. – 623 с.
4. Якименко Е.К. Языковая репрезентация концептосферы «разрушение» в романе J. COE «WHAT A CARVE UP». – Биробиджан: 2010, – 39 с.
5. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук – Уфа, 2002. – 42 с.
6. Шеховцов Н.П., Кулешов Ю.Е. Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве // Вестник Академии военных наук. – 2012. – №1(38). – С.35-40.
7. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 296 с.
8. Михайлов Ф.Т. Избранное. – М.: Индрик, – 475 с.
9. Собольников В.В. Психология развития зрелой личности в особых условиях: монография. – Новосибирск: НГУ, Юнеско, 1998. – С. 278.
10. Крысько В.Г. Секреты психологической войны / Под общ.ред.А.Е. Тараса. – Минск: Харвест,1999; Лайнбарджер П.М.Э. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. – М.:ЗАО Центрполиграф, 2013; Полевой устав армии США (Психологические операции) – М.: «Прогресс»,1988 и др.

М.Н. Сорокин

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА

Автор рассматривает некоторые проблемы функционирования библиотек на фоне процессов, происходящих в образовательной сфере.

Ключевые слова: библиопедагогика, библиотека, образовательная система, социальные функции библиотеки.

Истинный профессионал в любой сфере деятельности не мыслит себя вне процесса самообразования, самовоспитания, самосовершенствования. У офицера этот путь начинается с военного вуза и продолжается всю его сознательную жизнь. Офицерская служба проходит порой в отрыве от культурных и научных центров. Надёжным помощником в самообразовании в этих условиях выступает книга.

В настоящее время в системе высшего военного профессионального образования в России придаётся серьёзное значение организации библиотечного обслуживания учебно-воспитательного процесса. Библиотечное дело в Вооружённых Силах Российской Федерации составляет высшую отрасль информационной, культурно-досуговой и образовательной деятельности. Библиотеки как неотъемлемая часть образовательного, социального и интеллектуального развития личного состава Вооружённых Сил постоянно оказывают влияние на культуру военнослужащих, распространяют духовные ценности, содействуют воспитанию всесторонне и гармонично развитых военных профессионалов.

В процессе выявления основных социальных функций библиотека военного вуза чётко выделяет её направленность на развитие образования, духовного обогащения курсантов. В Федеральном законе от 29.12.1994 N 78-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О библиотечном деле» библиотека определена как информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом тиражированных документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам. На наш взгляд, третья образовательная функция по отношению к двум предыдущим является обобщающей, интеграционной, своеобразно реализующей и закрепляющей их в интеллектуальном, духовном развитии личности любого человека – пользователя библиотеки.

Современные тенденции развития образовательной системы России и ее Вооружённых Сил в полной мере отражаются на содержании библиотечных фондов, содержании деятельности библиотек и их организационных преобразованиях. В деятельности общедоступных библиотек начала преобладать образовательная функция, что способствует практическому сближению библиотек с образовательной сферой. Это в полной мере относится и к Вооружённым Силам Российской Федерации как важнейшему социальному институту современного российского общества. Библиотеки в современных условиях, по сути, выполняют функцию обеспечения процессов образования на разных уровнях: во-первых, потому что информационная и образовательная деятельность являются сущностным назначением любой библиотеки; во-вторых, такая библиотека в большинстве случаев оказывается единственным учреждением, способным осуществлять информационную и образовательную деятельность. Последнее, по известным причинам, относится прежде всего к отдалённым военным гарнизонам.

Каждый научный источник из фонда библиотеки военного вуза несёт определённую информацию. Обучающиеся, погружаясь в информационную сферу, осуществляют поиск неизвестных им (новых для них) данных в соответствии со своей образовательной (учебной) потребностью. Именно эти информационные сведения усваиваются ими, выступают как знания, становятся навыками и умениями. Но знания – это категория образования. Таким образом, информация превращается в средство образования.

Другая особенность работы с научными текстами из библиотечных фондов заключается в том, что знания в любом научном труде (документе) раскрываются в определённой системе, которая позволяет обучающимся наиболее полно и эффективно реализовать поставленные образовательные цели. Системный характер подачи информации реализуется и в библиотечном фонде, в котором формируется система научных изданий в определённом целевом, тематическом и ином направлении. Образование – это всегда передача и воспроизведение определенной системы знаний.

В условиях реформирования армии, насыщения ее современными сложными системами вооружений, увеличения численности личного состава, проходящего службу по контракту проблема дальнейшего развития образовательных функций библиотек становится все более острой. Достаточно четко просматриваются два направления этого развития: а) совершенствуется поиск ресурсов в целях непрерывного обогащения документных фондов библиотек; б) широко внедряются электронные системы для всестороннего раскрытия информационного потенциала библиотек, введения системы дистанционного обеспечения требуемой информацией.

По-прежнему острой остается потребность в научном исследовании всех аспектов библиопедагогики, влияния книги и других документов на личность курсанта, его интеллектуальное, нравственное становление как будущего военного профессионала.

Сохраняет свою актуальность задача ознакомления курсантов с методами эффективного использования книги, особенно научных, технических, специальных источников. Не следует забывать об эвристическом и воспитательном значении мировой и художественной классики (с которой будущего офицера также следует учить «работать»).

Самообразование – это не только и не столько накопление знаний, сколько генерация, формирование в процессе чтения новых самостоятельных решений, открытий, предложений. В процессе самообразования рождается человек-творец, развивается креативное мышление военного профессионала. И едва ли это возможно без библиотеки.

Следует обратить внимание на два аспекта деятельности общевузовских библиотек в качестве образовательных учреждений:

1) непосредственное участие в обеспечении образовательного процесса посредством организации обслуживания обучающихся в самой библиотеке;

2) взаимодействие с другими библиотеками в целях эффективного обеспечения образовательного процесса.

Принципы государственной политики, реализуемые в таких областях, как библиотечное дело и образование, становятся объективным фактором их сближения и тесного взаимодействия. Проводимая в России реформа системы высшего профессионального образования, более высокие требования к образовательным стандартам, рост престижа образования в процессе развития современного российского общества резко увеличивают спрос на образовательные услуги библиотеки.

К сожалению, имеет место определенное отставание уровня библиотечного обслуживания от требований, предъявляемых современной системой образования. Учебные библиотеки не могут стать полноценными информационными центрами в силу ряда объективных и субъективных причин, в том числе и потому, что многие руководители образовательных учреждений недооценивают их информационную функцию. Одной из основных задач научно-образовательных библиотек становится участие в информационной поддержке учебной, учебно-методической и научной деятельности военного вуза. Реформа в системе высшего военного профессионального образования задаёт новые импульсы развитию библиотек как социальных институтов с образовательной функцией.

Широкие возможности участия библиотек в образовательной системе открывает формирующаяся правовая база. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «Об образовании в Российской Федерации» в качестве одного из фактов экономического и социального прогресса современного российского общества определил содержание образования. Оно должно быть ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для её самореализации, развитие общества, укрепление и совершенствование правового государства. Образовательные программы нового поколения позволяют с высоким качеством решать задачи формирования личности будущего военного профессионала, скорейшей адаптации молодого офицера к реалиям военной службы, создания предпосылок для осознанного выбора и освоения профессии офицера каждым обучающимся в военном вузе.

Библиотеки участвуют во всех сложных процессах, происходящих в высшей военной школе, предоставляя доступ обучающимся к информации, получению знаний, независимо от формы получения образования.

Процессы, происходящие в образовательной сфере, требуют восстановления нарушенных механизмов координации и кооперации деятельности библиотек разных систем и типов; создания сети интеллектуального сотрудничества, ориентированной на решение проблем нового качества военного образования.

Т.И. Султанбеков, В.А. Беловолов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

sultanbekovti@bk.ru

v.belovolov@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КУРСАНТОВ

В статье представлены результаты теоретического анализа процесса моделирования в современной педагогике, анализируются основные дефиниции понятия «моделирование». Рассматриваются представления научного сообщества о понятии «модель». Отмечается педагогическое значение, раскрываются особенности и специфика моделирования процесса формирования межэтнической толерантности.

Ключевые слова: моделирование; модель; метод; структурно-функциональная модель.

Процесс формирования межэтнической толерантности курсантов в военном институте выявил необходимость использования метода моделирования, который находит широкое применение в различных направлениях науки и практики (В.П. Беспалько, Ю.К. Бабанский, А.М. Новиков, Ф.Ш. Терегулов, В.Э. Штейнберг, В.А. Штофф и др.).

В научных источниках моделирование рассматривается как важнейший общенаучный метод, как один из основных способов системного исследования педагогических процессов (М.Н. Ахметова, В.И. Загвязинский, В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина, А.М. Новиков, В.Э. Штейнберг, В.А. Штофф и др.).

Для эффективного решения задач исследования по формированию межэтнической толерантности курсантов в военном институте важен теоретико-методологический подход А.М. Новикова, который рассматривает моделирование как метод непосредственного теоретического или практического оперирования объектом, как одну из стадий процесса проектирования исследуемой системы, находящейся в объективном соответствии с изучаемым нами объектом исследования.

Мы исходили также из теоретико-методологического вывода М.Н. Ахметовой. Ученый анализирует вопросы профессиональной подготовки специалистов. В частности, заслуживает научного внимания трактовка ученым моделирования как процесса исследования явлений или систем объектов с помощью изучения и построения их моделей, а также использование моделей для характеристик и подбора способов построения конструированных объектов [3].

Мы учитываем также теоретико-методологическое положение В.Э. Штейнберга, что моделирование есть сложный вид научной деятельности, включающий построение и использование модели для получения новых научных знаний по теме исследования. Ученый особо выделяет логико-смысловое моделирование как своего рода диагностику готовности педагога-исследователя формировать универсальные учебные действия обучающихся [15].

В исследовании нами используется также научный подход Н.В. Кузьминой о методах системного педагогического моделирования. В частности, Н.В. Кузьмина, выделяя особенности метода моделирования, подчеркивает, что данный метод позволяет воспроизводить существенные свойства модели как оригинала, в качестве которого выступают передовой опыт и научно обоснованные положения [9].

Используя метод моделирования при формировании межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института, учитываем также подход В.В. Краевского. Ученый-методолог рассматривает моделирование как способ конструирования совершенно нового, ранее не существующего в практике и не имеющего аналогов [8].

И.И. Логвинов, рассматривая имитационное моделирование в психолого-педагогических исследованиях, выделяет в нем возможность получения информации о явлениях, происходящих в оригинале, путем переноса на него определенных знаний, полученных при исследовании соответствующей модели [11].

Данной точки зрения придерживается В.И. Загвязинский, рассматривающий моделирование как общенаучный метод исследования явлений, направленный на построение и исследование особых объектов (систем) – моделей (вещественных или знаковых) других объектов – оригиналов или прототипов [6].

При моделировании процесса формирования межэтнической толерантности курсантов опираемся на подход В.А. Ясвина, характеризующий следующих участников процесса моделирования: субъект – непосредственный инициатор процесса моделирования или пользователь получаемых результатов; объект – педагогическая система, которую планирует создать и в дальнейшем использовать субъект; модель – образ, воспроизведение объекта; среда – совокупность условий и влияний, в которых находятся и взаимодействуют между собой все участники моделирования [18].

Таким образом, анализ научных источников позволяет нам рассматривать моделирование как общенаучный метод исследования процесса формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института и сделать вывод, что центральным понятием метода моделирования является модель формирования межэтнической толерантности курсантов.

С целью формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института нами использовалась общепринятая трактовка модели В.А. Штоффа. Ученый под моделью понимает мысленно или практически созданную структуру, воспроизводящую ту или иную часть действительности в упрощенной (схематизированной или идеализированной) и наглядной форме [16].

В Российской педагогической энциклопедии модель (франц. *modele*, от лат. *modus* – мера, образец, норма) в общеметодологическом понимании трактуется как уменьшенное воспроизведение или схема какого-либо объекта или явления [14]. А.М. Новиков в логике и методологии науки рассматривает модель как аналог (схему, структуру, знаковую систему) определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождение человеческой культуры, концептуально-теоретического образования – оригинала модели [12].

При разработке модели формирования межэтнической толерантности курсантов мы руководствовались позицией Б.А. Глинского и др., рассматривающих модель как самостоятельный объект, который находится в соответствии с познаваемым объектом и способен выступать последующим звеном в познании и предоставлять во время процесса исследования необходимую информацию, которая экстраполируется по определенным правилам на моделируемый объект [5].

При конструировании авторской модели формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института мы учитывали подход В.В. Краевского, который определяет модель как абстрактный прообраз педагогической деятельности, которую необходимо осуществить в будущем, а также содержит общее представление о действиях, которые необходимы для достижения наилучших результатов [8].

Анализ научной литературы и войсковой практики позволил сделать вывод, что при конструировании модели формирования межэтнической толерантности курсантов целесообразно исходить из того, что модель должна отображать предмет исследования, являться связующим звеном между этнокультурной теорией и войсковой практикой курсантов, действенным механизмом проверки оптимальности и эффективности разработанных нами педагогических условий, технологии формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института.

В контексте формирования межэтнической толерантности курсантов научный интерес для нас представляют исследования Н.В. Кузьминой, позволяющие рассматривать разработанную нами модель как целостную, открытую, динамическую педагогическую систему, обладающую характерными для педагогических систем свойствами: целостности, структурности, содержательности, взаимозависимости системы и поликультурной образовательной среды военного института [10].

Опираясь на методологию системного подхода (И.А. Алехин, В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Н.В. Кузьмина, Э.Г. Юдин и др.), рассматриваем модель формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института в качестве совокупности различных структурных компонентов, единиц, связей и функциональных отношений, которые определяют внутреннюю организацию, целостность и устойчивость объекта исследования [1; 2; 4; 9; 17].

Методология системного подхода (В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Б.А. Глинских, Н.В. Кузьмина, А.М. Новиков, Э.Г. Юдин и др.) представляет нам возможность рассматривать объект исследования как совокупность взаимосвязанных структурных компонентов, функциональных отношений, обуславливающих целостность, стабильность и внутреннюю организацию исследуемого объекта.

В своем исследовании мы исходим из характеристики структурных и функциональных компонентов, данных Н.В. Кузьминой. Автор характеризует структурные компоненты как основные, базовые характеристики педагогических систем, комплекс которых определяет сам факт их наличия, а

также отличает от иных, непедagogических систем. Структурный компонент модели раскрывает внутреннюю организацию элементов рассматриваемого процесса: цель, содержание процесса формирования межэтнической толерантности курсантов военного вуза, организационные формы, методы, средства, реализуемые субъектами образовательного процесса. Структура несет ответственность за постоянное взаимодействие между элементами системы. Функция необходима для осуществления особого способа поведения, способа деятельности системы в целях поддержания взаимодействия компонентов [9].

К функциональным компонентам Н.В. Кузьмина относит устойчивые, базовые связи основных структурных компонентов, которые возникают в процессе деятельности педагогических работников и обучающихся, обуславливая при этом развитие, движение, совершенствование педагогических систем и представляют собой способ организации работы, функции модели [9].

При обосновании выбора структурно-функциональной модели формирования межэтнической толерантности курсантов исходим из представленного Б.А. Глинским соотношения структуры и функции. Ученый определяет, что, взяв за основу подобие структур, мы сможем получить достоверные (либо высокой степени вероятности) функции модели и объекта оригинала (структурно-функциональные), но, взяв за основу подобие функций, высока вероятность, что мы будем получать не достоверные, а правдоподобные выводы и результаты о подобии структур модели и объекта оригинала (функционально-структурные модели) [5].

Таким образом, проанализировав классификацию Б.А. Глинского и др., подходы Н.В. Кузьминой, А.М. Новикова, В.А. Штоффа и др. заключаем, что разработанная нами модель формирования межэтнической толерантности курсантов в образовательной среде военного института по характеру воспроизводимых сторон является структурно-функциональной. Данная модель рассматривается как система, в которой межэтническая толерантность курсантов выступает как личностное качество, его формирование представлено в целостном и взаимосвязанном развитии. Разделяя позиции ученых, в основу констатируемой нами модели включены наиболее сложные свойства и взаимосвязи исследуемого процесса: соответствующее целеполагание, принципы, компоненты, их функции, этапы, связи компонентов, условия [5].

Библиографический список:

1. Алёхин И.А. Теория и практика воспитания военнослужащих / И.А. Алёхин. – М.: ВУ МО РФ, 2007.
2. Афанасьев В.Г. Системность и общество / В.Г. Афанасьев. – М., 1980.
3. Ахметова М.Н. Педагогическое проектирование в профессиональной подготовке / М.Н. Ахметова. – Новосибирск: Наука, 2005.
4. Блауберг И.В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И.В. Блауберг. – М.: Знания, 1969.
5. Глинский Б.А. Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ) / Б.А. Глинский, Б.С. Грязнов, Б.С. Дынин, Е.П. Никитин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1965.
6. Загвязинский В.И. Моделирование в структуре социально-педагогического проектирования // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2004. – № 9. – С. 16-25.
7. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
8. Краевский В.В. Методология педагогики. Новый этап / В.В. Краевский, Е.В. Бережнова. – М.: Академия, 2006.
9. Кузьмина Н.В. Методы системного педагогического исследования / Н.В. Кузьмина. – Л., 1980.
10. Кузьмина Н.В. Понятие «педагогической системы» и критерии ее оценки // *Народное образование*, 2002. – С. 208.
11. Логвинов И.И. Имитационное моделирование в психолого-педагогических исследованиях // *Вопросы психологии*. – 1980. – №6. – С. 60-73.
12. Новиков А.М. Методология образования. – М.: Эгвест, 2002.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Российский фонд культуры; 3-е изд. – М.: АЗЪ, 1996.
14. Российская педагогическая энциклопедия. Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 306.
15. Штейнберг В.Э. От логико-смыслового моделирования – к микронавигации в содержании учебного материала // *Педагогический журнал Башкортостана*. – 2013. – № 2 (45). – С. 108-117.
16. Штофф В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М.: Наука, 1966.
17. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978.
18. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В.А. Ясвин. – М.: Смысл, 2001.

Е.Ю. Суховецкая

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

suhovetskaya74@mail.ru

УЧЕБНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ К ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализированы аспекты подготовки курсантов на основе компетентностного подхода, рассмотрены психолого-педагогические особенности учебного моделирования военно-профессиональной деятельности и его влияние на мотивацию курсантов.

Ключевые слова: военно-профессиональная деятельность, компетентностный подход, мотивация, учебное моделирование.

В настоящее время в условиях традиционного обучения предполагаемая модель военно-профессиональной подготовки офицера существует в форме учебной программы и тематического плана того или иного предмета, что предполагает усвоение только предметной стороны предстоящей деятельности и тем самым ограничивает эффективность образовательного процесса.

В действительности же деятельность может сформироваться при органическом сочетании трех ее сторон: личностной, функциональной и предметной. Такое сочетание обеспечивается в образовательном процессе компетентностным подходом в обучении курсантов.

В качестве основы для построения и проектирования модели военно-профессиональной подготовки офицера используется компетентностный подход, который в последние годы оказался в центре множества как фундаментальных, так и прикладных педагогических исследований. Благодаря работам В.А. Болотова, Н.В. Кузьминой, А.К. Марковой, В.А. Слостенина и других ученых в отечественной науке сложились основы теории компетентностного подхода: определенной компетентности, выявлены условия, разработаны технологические основы ее формирования. Доказано, что для подготовки «человека знающего» достаточно обращения к сфере его опыта (знаний, умений и навыков) и когнитивной сфере (внимание, восприятие, память, мышление), а становление «человека компетентного» предполагает, кроме того, формирование личностно-психологических качеств – профессионального самосознания, потребности в достижениях, внутренних мотивов профессиональной деятельности.

Мотивацию невозможно сформировать извне в обход целей, намерений самого человека. Это позволяет говорить о ее личностной основе. В настоящее время термин «мотивация» встречается во многих педагогических исследованиях.

Рассмотрение такой интегральной характеристики профессионала, как компетентность делает очевидной взаимообусловленность процессов личностного и профессионального развития обучаемых [1]. Ведь становление компетентностного профессионала, способного в различных условиях эффективно решать профессиональные задачи, предполагает не только овладение им знаниевым и деятельностным опытом, но и познание себя, поиск смыслов выполняемой деятельности, самоопределения, разрешение внутренних и индивидуально-групповых противоречий. С этих позиций личностное и профессиональное развитие человека правомерно рассматривать как единый процесс, объединяющим началом которого служит мотивация личности.

Безусловно, одним из составляющих личностно-профессионального развития офицера является накопление им войскового опыта. Однако ядром такого развития является становление личностных качеств: осознание значимых целей формирование представлений о себе как о профессионале, развитие потребности в достижениях в офицерской среде, стремление творчески реализовать свой потенциал в служебно-боевой деятельности.

В связи с этим проектирование и реализация задач личностно-профессионального развития требует разработки модели военно-профессиональной подготовки офицера более полной по сравнению с традиционной и более адекватной реальности. Понимание курсанта как «мыслящей машины», возможно,

позволяет с некоторой эффективностью транслировать знания и умения, но препятствует целенаправленному влиянию на его личностную сферу.

Для решения таких задач курсанта необходимо рассматривать как субъекта саморазвития. С этих позиций подготовка компетентного офицера соотносится не только с новыми методами и иным содержанием обучения, но и с личностным характером педагогического взаимодействия. Поэтому к необходимым условиям реализации модели подготовки будущих офицеров на основе компетентностного подхода следует отнести:

- уважение и принятие курсанта как самоценной личности, обладающей разнообразными потребностями, способностями, интересами, стремящейся к достижению жизненных целей;
- обеспечение личностной включенности курсантов в процесс обучения: направленность на самопознание, развитие субъективного опыта, рефлексивное отношение к будущей служебной деятельности;
- создание атмосферы размышлений, анализа, поиска новых значимых целей, диалога разных позиций.

По мнению многих исследователей, занимающихся проблемами изучения и моделирования профессиональной подготовки и деятельности специалистов в интересах ВУЗов, основное содержание профессиональной деятельности специалиста состоит из многообразия профессиональных задач, проблем и ситуаций. Данное утверждение особенно характерно для военно-профессиональной деятельности офицера, непосредственно работающего с личным составом. Проведенные в ходе педагогического исследования беседы с различными категориями офицеров, анкетный опрос курсантов во время и после войсковой стажировки подтверждают мнение относительно основного содержания военно-профессиональной деятельности офицера и эффективного способа ее усвоения в ВУЗе.

Важным элементом системы, характеризующим ее педагогическую направленность является цель. Она заключается в создании педагогических условий для осуществления такого типа обучения, при котором обеспечивается оптимальное соответствие результатов учебного моделирования требованиям модели военно-профессиональной деятельности офицера.

Достижение этой цели связано с решением ряда конкретных задач:

- 1) психолого-педагогическое моделирование в процессе обучения такой деятельности курсантов, при выполнении которой усвоение абстрактных знаний, знаковых систем как бы наложено на канву будущей военно-профессиональной деятельности, а обучающий имеет дело не с порциями информации, а с ситуациями, в контексте которых заданы и знания, и условия их применения;
- 2) реализация идеи о модельном представлении содержания будущей военно-профессиональной деятельности в содержании учебных предметов;
- 3) включение курсантов в совместную деятельность, организацию коллективных форм познания, предполагающих подчинение действий и поступков каждого не только требованиям предметных действий или чисто профессиональных норм, но и нравственным нормам взаимоотношений в учебном и будущем профессиональном коллективе;
- 4) вовлечение всей личности обучаемого, прежде всего его мышления, в процессы познания и совместного социального действия.

Постановка и решение в процессе обучения такого рода задач обеспечивает в своей совокупности процесс постепенной трансформации «абстрактного» или «традиционного» обучения в некоторый новый тип обучения, задающего мотивацию к будущей военно-профессиональной деятельности. Такой тип обучения воссоздает предметный и социальный контексты будущей военно-профессиональной деятельности, на канву которых как бы накладываются процессы познания.

Библиографический список:

1. Вербицкий А.А. Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. – 2006. – №11. – С. 39-46.

Л.И. Тирон

*Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт)
г. Новосибирск*

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

В статье рассматриваются проблемы гуманитаризации военного образования и становления системы непрерывного военно-профессионального образования.

Ключевые слова: военное образование, гуманитарное образование, непрерывное образование, образование.

В истории общества давно сложился определённый, классический идеал гуманитарного образования. В современной образовательной практике уже существуют и активно конкурируют друг с другом различные парадигмы (типы) образования.

В нашем случае под образованием понимается, прежде всего, «общая культура понимания сути протекающих процессов»; глубокие знания, выходящие за узкопрофильные рамки в сложившихся реалиях времени с учётом мощнейших процессов глобализации [1].

Надо полагать, что в настоящее время в образовании офицеров необходим некий баланс в естественно-научной и гуманитарной области знаний.

На вопросы «чему учить?» и «как учить?» курсантов (слушателей) в вузе военные учёные должны дать адекватный ответ. Военное образование должно соответствовать современному этапу развития Вооружённых Сил Российской Федерации.

В современных условиях высшая школа Российской Федерации активно интегрируется в мировое и европейское образовательное пространство. Стремление функционеров от образования привести наше образование в соответствие с мировыми и европейскими стандартами не должно ликвидировать несомненные достоинства нашего образования и, прежде всего, его фундаментальный характер.

Рассматривая современного офицера с позиций всестороннего развития его личности, можно заключить, что именно гуманитарное образование выполняет ключевую роль в решении этой задачи.

Современные модульные образовательные технологии, реализуемые в высшей военной школе, ориентированы на новую систему знаний и позволяют осуществлять их пополнение и обновление в условиях непрерывного образования в процессе всей службы офицера.

При этом в вузе делается упор на освоение обучающимися форм и методов получения знаний, на овладение ими методологией познавательной деятельности, имеющей ярко выраженную профессиональную направленность.

Следует учитывать, что в условиях новых информационных технологий знания устаревают с огромной скоростью. Это обстоятельство предполагает реализацию идеи непрерывности образования и поиск новых педагогических технологий.

Сегодня вполне явно прослеживается тенденция отставания педагогики от уровня и технических возможностей специальным образом организованного знания. В этих условиях, с нашей точки зрения, для достижения необходимого уровня квалификации и компетенции курсанта (слушателя), офицера необходима постоянная педагогическая поддержка преподавателя (старшего командира или начальника), имеющего в том числе и боевой опыт.

В войсках требуется военный профессионал, который бы смог достигать и поддерживать необходимый уровень квалификации и компетентности в процессе всей своей служебной карьеры через систему непрерывного образования. На наш взгляд, негативные последствия имеют попытки придания образованию «предпринимательского характера», чем бы это не обосновывалось.

Необходимо признать, что главная цель гуманитарного образования курсанта в военном вузе заключается в активизации его познавательной деятельности по форме, содержанию и существу [2].

Формируя взгляд на будущее высшей военной школы, мы не можем не учитывать перспективы развития образования в XXI веке. Директор Управления анализа и прогнозирования ЮНЕСКО считает, что в современных условиях получение образования должно проходить на протяжении всей жизни человека [3].

В нашем случае офицеру необходимо совершенствовать свое образование в течение всей службы в вооружённых силах.

Полученное образование будет находить своё отражение в принципах обучения и воспитания военнослужащих. Основой процесса овладения знаниями военнослужащим является применение знаний на практике, только в результате применения полученных знаний военнослужащий полностью овладеет ими.

Исходя из этого, офицеру необходимы педагогические навыки, чтобы в системе профессионально-должностной подготовки обучать подчиненных применению знаний на практике, формировать у них приёмы сочетания умственных и практических действий. Военнослужащие на каждом занятии должны убеждаться в том, что теоретические знания, которые они усваивают – это основа их практической деятельности, а практическая деятельность даёт им конкретный материал для сознательного усвоения теоретических знаний и является обязательным условием овладения ими [4].

Организация военного образования предполагает, что курсант в военном вузе, офицер в войсках должны быть ориентированы на адаптацию к изменениям образовательной среды, на эффективное самообразование и самовоспитание.

Гуманитарное образование, таким образом, оказывает непосредственное воздействие на военно-профессиональную деятельность. Человек был и остается главной силой на войне. Мировоззрение, система ценностей, образованность, нравственность – все это составляющие духовного потенциала, военной мощи государства.

Библиографический список:

1. Быченкова И.А. Гуманитарное образование в высшей школе и проблемы глобализации // Гуманитарные науки и образование в Сибири.: научно-практический журнал. – 2012. – №10. – С. 71.
2. Быченкова И.А. Гуманитарное образование в высшей школе и проблемы глобализации. – С. 74.
3. Дингилиши У.В. Образование в условиях глобализации и «информатизации» – Екатеринбург, 2010. – С. 74.
4. Тирон Л.И. Основы обучения, организация боевой подготовки и воспитательной работы в разведывательных подразделениях Сухопутных войск: учебное пособие. – Новосибирск, 2009. – С. 8.

УДК 355.233.11

А.Г. Шабанов, Т.И. Шорохова

*Новосибирский филиал Современной гуманитарной академии
г. Новосибирск*

*sga-novosib@ngs.ru
novosib-muh@ngs.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена опыту создания и функционирования воспитательного пространства вуза, применяющего электронное обучение и дистанционные образовательные технологии.

Ключевые слова: воспитательное пространство, электронное обучение, дистанционные образовательные технологии; самовоспитание; воспитательная работа; патриотическое воспитание.

Современная геополитическая ситуация в мире характеризуется обострением межгосударственных и внутригосударственных конфликтов, разрешающихся отнюдь не гуманными способами. Страны и народы вовлекаются в перестройку карты мира и зон интересов государств. Обостряются вопросы взаимодействия во всех областях мирового пространства – экономике, экологии, культуре, образовании и т.д.

Остро стоит вопрос сохранения национальных интересов страны, обеспечение национальной безопасности. Особое место в выполнении этой задачи занимает патриотическое воспитание молодежи всеми институтами российского общества.

Значительная роль в воспитании молодежи возложена на высшую школу, в которой в свою очередь назрели противоречия между высокой технологичностью процесса обучения, обеспечивающего весомый потенциал академических достижений, и низкой степенью использования этих технологий в воспитательных целях.

Вместе с тем имеется опыт создания и успешного функционирования единого воспитательного пространства вуза, применяющего дистанционные образовательные технологии и электронное обучение.

Современная гуманитарная академия (СГА) – крупнейший вуз России, СНГ и Европы, вуз-сеть, учебные центры которого расположены в десяти странах, реализующий в полном объеме дистанционные образовательные технологии и электронное обучение.

Воспитательная работа в СГА представляет собой систему формирования у обучаемого контингента социально-значимых качеств. В соответствии со стратегическими целями государства по обеспечению стабильного и устойчивого социального развития, укрепления обороноспособности страны, повышения профессионализма выпускников, формирования у них чувства гражданственности, патриотизма система воспитательной работы в СГА включает в себя содержание, организацию и методику воспитания студенческой молодежи.

Общая система воспитательной работы рассматривается на основе выявления внешних и внутренних факторов, обуславливающих необходимость повышения ее эффективности в современных условиях. Она носит целенаправленный характер и опирается на консолидацию всех институтов воспитания. В основе воспитательной системы лежат прежде всего межличностные отношения. В воспитаннике воплощается личность воспитателя, поэтому межличностные отношения студентов и преподавателей определяют, сложилась ли воспитательная система в учебном центре. При этом особое значение приобретает институт кураторов, оказывающих помощь студентам в освоении навыков учебного труда, решении психологических проблем, знакомящих их с традициями и нормами вузовской жизни. Значительное место в системе воспитательной работы отводится самому механизму реализации воспитательного воздействия на студенчество. При этом выделяется система руководства воспитательной работой, координируются задачи воспитания, решаемые при изучении гуманитарных, естественнонаучных, общепрофессиональных и специальных дисциплин, а также в ходе информационной, культурно-просветительной и спортивно-массовой работы.

Воспитание в академии рассматривается как целенаправленный процесс формирования у студенчества социально значимых качеств. Оно реализуется посредством:

- создания в вузе культа учебы, специфических условий для самоопределения, саморазвития и самореализации личности, обстановки, способствующей формированию у студентов стремления к углублению знаний, осознанной ответственности за свои действия и поступки, личную судьбу, а также ценностей, соответствующих духу времени и современному обществу;
- осуществления системного воздействия на сознание обучаемого контингента в ходе всех видов занятий;
- целенаправленной информационной, культурно-просветительной и спортивно-массовой работы во внеучебное время.

Воспитательная работа в академии представляет собой согласованную деятельность всех без исключения должностных лиц, осуществляемую в учебное и в неучебное время, ориентированную на развитие личностей обучающихся на основе общечеловеческих и отечественных ценностей и предусматривающую оказание им помощи в жизненном самоопределении, нравственном, гражданском и профессиональном становлении.

Воспитательная работа в академии базируется на принципе единства обучения и воспитания. В силу этого принципа воспитание призвано показывать студентам значение знаний как созидательной и преобразующей силы для развития личности и для формирования демократических, гуманных отношений в обществе.

В качестве важнейших принципов организации воспитания вступают следующие положения:

- принцип приоритета общечеловеческих гуманистических ценностей, идущих от потребностей личности в духовном и физическом развитии, необходимости формирования гражданской позиции, патриотических чувств, способности к труду и жизни в условиях современной цивилизации и демократии, толерантности, творческой направленности, коммуникативных и лидерских черт личности над эгоистическими и корпоративными ценностями;
- принцип демократизма, предполагающий равноправие, партнерство, добровольность участия субъектов воспитательного процесса, гармонию интересов общества и личности;
- принцип системности, предполагающий упорядоченную целостность, последовательность и преемственность воспитательного процесса;
- принцип единства профессионализации и социализации студентов;
- принцип правовой просвещенности;
- принцип осуществления деятельностного подхода к воспитанию, нацеливающий на развитие общественной активности, коммуникативных и лидерских черт студентов;

- принцип творческого характера, динамизма социализирующей деятельности, обеспечивающие развитие и обогащение воспитательного процесса;
- принцип лично-ориентированного воспитания, самовоспитания при широком использовании коллективных форм деятельности;
- принцип связи воспитания с жизнью общества и государства, что предполагает взаимообусловленность воспитательной деятельности и общественной практики;
- принцип вариативности, подразумевающий выбор оптимальных для каждого учебного центра СГА форм и методов воспитательной деятельности.

Эти принципы реализуются путем:

1. Воспитательного воздействия на студентов в социально значимых сферах их жизнедеятельности, которое предполагает вариативность и разнообразие воспитательных систем в филиалах с учетом национально-региональных особенностей.
2. Равноправия, партнерства, добровольности участия студентов в воспитательном процессе, саморазвития и социокультурного самоопределения.
3. Активного участия всех должностных лиц академии, руководящего, профессорско-преподавательского и методического состава, а также студенческой общественности. Ими обеспечиваются целостность, последовательность и преемственность воспитания от курса к курсу, развитие вариативных систем воспитания, его всеохватывающий характер.
4. Формирования у студентов социально необходимых знаний, профессиональных интересов, моральных качеств и активной гражданской позиции.
5. Приобретения современных философских, гуманитарных и других научных знаний.
6. Оказания студентам психолого-педагогической помощи в процессе включения их в активную самостоятельную жизнь. При этом, особая роль отводится физическому воспитанию, формированию у студенческой молодежи, ответственного отношения к сохранению и укреплению своего здоровья как одной из основных предпосылок формирования здорового образа жизни.
7. Разработки содержания и организационных форм воспитания на основе принципа гуманистической направленности, целеустремленности, последовательности и преемственности, концентрации воспитания на развитии социальной и культурной компетенции личности на основе освоения социокультурного опыта и свободном самоопределении в социальном окружении.

Реализация воспитательного процесса в филиалах осуществляется также через Студенческие Советы, которые созданы во всех филиалах СГА.

Главная задача органов студенческого самоуправления – совместно с руководством филиала и сотрудниками создать здоровый морально-психологический климат в студенческих коллективах, способствовать формированию у студентов стремления к получению глубоких и прочных знаний, развитых гражданских качеств, патриотических чувств, умения принимать значимые для себя решения и нести за них ответственность.

Важнейшей составляющей в системе патриотического воспитания является массовая патриотическая работа, организуемая и проводимая на постоянной основе государственными органами при активном участии средств массовой информации, представителей научных и творческих союзов, образовательных учреждений, ветеранских, молодежных и других общественных организаций и объединений.

Совместно систематически проводятся мероприятия гражданско-патриотической направленности: встречи с ветеранами, акции и т. д.

Следует подчеркнуть, что специфика воспитательной работы в вузе с дистанционной технологией обучения заключается в том, что она проводится с использованием инновационных технологий, которые используются и в вопросах патриотического воспитания студентов. Проведение телеконференций, телемарафонов, интерактивных круглых столов дают возможность охватить территорию всей Российской Федерации, СНГ и стран Европы. Эти формы работы позволяют объединять зрительскую аудиторию в сотни тысяч человек. Указанные преимущества дают значительный воспитательный эффект. Совместное решение в ходе этих мероприятий значимых для жизнедеятельности студентов проблем сплачивает их, заряжает энергией созидания, формирует и развивает духовные и нравственные начала. В качестве современных средств патриотического воспитания возможно также использование мультимедийных технологий, электронных учебных материалов, гипертекстов, электронных библиотек, электронной почты.

К особенностям воспитания патриотизма студентов вузов с использованием информационно-телекоммуникационных технологий следует отнести многообразие и гибкость используемых средств, способов и организационных форм, а также дифференциацию процессов по направлению и содержанию

воспитания. Его ведущей идеей является стремление к постоянному саморазвитию и самовоспитанию человека как субъекта деятельности на протяжении всей жизни.

Средства телекоммуникаций Современной гуманитарной академии расширяют возможности для реализации программы гражданско-патриотического воспитания молодежи. Проведение телеконференций из цикла «Связь времен – связь поколений», посвященных Дням воинской Славы России, стало для Современной гуманитарной академии традицией. Участники телеконференций имеют уникальную возможность общаться с ветеранами, проживающими в настоящее время по всей территории нашей необъятной Родины и стран СНГ. Как и ветераны, когда-то защищавшие нашу Родину, так и студенты СГА всегда помнят, что живут и учатся в одном многонациональном доме – Современной гуманитарной академии, где во главу угла ставятся принципы взаимоуважения человека. Систематическое проведение телемостов позволяет объединить вуз, распределенный по огромной территории, в единое воспитательное пространство, в котором успешно претворяются в жизнь важнейшие общечеловеческие принципы.

УДК 378-02

В.А. Шадрин

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

shadrinv.a@mail.ru

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩЕГО ОФИЦЕРА К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В статье рассматривается образовательный процесс военного вуза, его патриотическая направленность. Проанализировано значение патриотического воспитания и подготовка к патриотическому воспитанию военнослужащих будущих офицеров. Выявлена и обоснована необходимость формирования готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих.

Ключевые слова: воспитание, патриотизм, готовность, формирование, военнослужащие, офицеры.

Реформирование процесса патриотического воспитания в армии и в военных вузах является важнейшей задачей строительства современных внутренних войск МВД России. Уже сегодня необходимо повысить патриотическую направленность военного образования для обеспечения максимальной эффективности подготовки кадров, способных выполнять поставленные задачи в любых условиях. Приобретает особый смысл повышение качества подготовки военных специалистов и оптимизация ресурсов.

Особенно сложная задача – подготовить военного специалиста соответствующего современным требованиям. Ценность его как личности представляет собой понимание значимости своего участия в деле исключительной государственной важности – защите Отечества.

Военное образование отражает духовные ценности и формирует профессиональную культуру по своему. При выполнении своего профессионального долга военнослужащий находится на границе, разделяющей жизнь и смерть человека. Это требует формирования личности особенного типа, патриотизма, ответственности, психологической устойчивости и, конечно же, признания обществом роли армии в процветании государства.

Военный педагог воспитывает военнослужащих, формирует необходимые качества, в том числе патриотические. Это достигается благодаря сочетанию личной ответственности, основанной на воле, убежденности и готовности к деятельности в соответствии с нормативно-правовыми документами. Сегодня перед образовательным процессом в военном вузе стоит важнейшая задача формирования готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих.

Патриотическое воспитание подчиненных является главным направлением в воспитательной деятельности будущего офицера и составляет его основу. Патриотическое воспитание как целенаправленную, систематическую и скоординированную деятельность государственных органов, общественных организаций и объединений по формированию у военнослужащего высокого патриотического сознания, готовности к защите своего Отечества характеризует В.Е. Уткин. Он же характеризует патриотическое воспитание военнослужащих как целенаправленную систематическую

деятельность, государства, его институтов, общественных организаций, а также конкретных преподавателей по формированию и развитию у военнослужащих патриотических знаний, чувств, принципов.

Н.Г. Мирошниченко рассматривает патриотическое воспитание как педагогический процесс целенаправленного и систематического воздействия будущего офицера на подчиненных в целях формирования у них патриотических чувств, понимания важности и необходимости вооруженной защиты Отечества.

Цель патриотического воспитания направлена на распространение и закрепление среди военнослужащих конституционных и правовых норм, государственной политики, патриотических идей, утверждение в сознании воинов чувства долга, чести, совести, любви к Родине, гордости за Отечество, готовности к его защите. Патриотическое воспитание предполагает непримиримость к проявлениям расизма, шовинизма, фашизма, сепаратизма.

Готовность будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих является составной частью его готовности к воспитательной деятельности, как совокупности соответствующих профессионально обусловленных требований к будущему офицеру-воспитателю.

Термин «готовность» употребляется как в психологии, так и в педагогике. Наиболее общее толкование «готовности» мы находим в словаре СИ. Ожегова, готовность он понимает как «состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь». Также «готовность» рассматривается как «состояние или свойство готового», а «готовый» (о человеке), значит, «изготовившийся, собравшийся со всем, приспособившийся, могущий и желающий что-то исполнить».

Содержание научно-теоретической и практической подготовки понимается ученым однозначно: первая – это наличие необходимого объема знаний для компетентной педагогической деятельности, вторая – комплекс сформированных на требуемом уровне профессиональных умений и навыков.

Между тем в психолого-педагогической литературе нет четкого разграничения понятий «готовность» и «подготовленность». Одни исследователи рассматривают данное явление на функциональном уровне и называют готовностью, другие на личностном уровне и называют подготовленностью. Готовность рассматривается в связи с непосредственно предстоящей деятельностью, а подготовленность, как длительная или устойчивая готовность личности к будущей профессионально-трудовой деятельности.

Например, У.Б. Агбаева и другие отмечают, что понятия «готовность» и «подготовленность» взаимосвязаны, однако представляют собой характеристику одного и того же явления с двух точек зрения: подготовленность – результат профессионального формирования личности; готовность – результат профессиональной подготовки к деятельности. «Подготовленность» является существенной предпосылкой целенаправленности и эффективности деятельности.

В своих трудах Е.М. Левин содержание и структуру готовности определяет требованиями деятельности, ее видов к психологическим процессам, состояниям, опыту и свойствам личности. При этом готовность может быть длительной или временной. Длительная готовность содержит: положительное отношение к определенному виду деятельности; адекватные требования к деятельности; устойчивые, длительно важные особенности восприятия, мышления, эмоционально-волевых процессов; необходимые в этой области деятельности знания, навыки, умения. Временное состояние готовности отражает особенности и требования к предстоящей ситуации. Возникновение и становление временной готовности обуславливается следующими факторами: понимание задачи, осознание ответственности, желание добиться успеха, выработка плана предстоящей работы [1].

Оба вида готовности существуют и проявляются в целостном единстве: с одной стороны, временная готовность возникает в зависимости от долговременной готовности, с другой – временная готовность определяет продуктивность длительной готовности в данных конкретных обстоятельствах. Несмотря на различие теоретических подходов к проблеме психологической готовности (подготовленности), принципиального противоречия между ними нет. Они дополняют друг друга и позволяют глубже изучать данную проблему.

В.А. Сластенин считает, что готовность есть особое психическое состояние, которое характеризуется наличием у субъекта образа, структуры, определяющей действия, постоянной направленности сознания на его выполнение. Под готовностью он понимает цель, а также результат подготовки.

Исследователи Е.П. Ильин, Б.Ф. Ломов, Н.Д. Левитов, В.Н. Пушкин, Н.Н. Платонов и другие рассматривают готовность в связи с психическими функциями, формирование которых, по их мнению, необходимо для достижения результатов деятельности. При этом готовность определяется как особое

психическое состояние, занимающее промежуточное положение между психическими процессами и свойствами личности, образующее общий функциональный уровень, на фоне которого развиваются процессы, необходимые для обеспечения результативности профессиональной деятельности (А.Г. Ковалев, Н.Д. Левитов, В.Н. Мятищев).

В психолого-педагогической литературе достаточно широко рассматриваются формы и проявления готовности к деятельности: установка (Д.Н. Узнадзе и др.), готовность к трудовой деятельности (Н.Д. Левитов, К.К. Платонов и др.), предстартовое состояние в спорте (А.И. Пуни, Ф. Генон и др.), готовность к выполнению боевой задачи (М.И. Дьяченко, С.Л. Кандыбович и др.).

Обращение к содержательному анализу понятия «готовность к деятельности» отображает многообразие подходов и трактовок. В работах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна и других представлен анализ готовности к деятельности как комплекс способностей, включающих в структуру способности, различные свойства и качества личности.

Понятие готовности к профессиональной деятельности вводится в педагогику в 70-е годы. Понятие «готовность к профессиональной деятельности» исследователи рассматривают как обладание определенными знаниями, умениями, навыками (А.А. Громцева, В.В. Сериков, Е.Э. Смирнова), как сложное свойство личности. Учёные В.А. Крутецкий, С.Л. Рубинштейн и др. утверждают, что готовность к деятельности – система специальных знаний, умений и навыков, направленных на реализацию человеческой деятельности на высоком уровне.

Психологическую готовность субъекта к деятельности Б.Д. Парыгин рассматривает как внутреннюю установку на конкретный вид деятельности и способность к ее осуществлению.

По мнению В.А. Крутецкого, проявлением готовности к деятельности является активное положительное отношение к ней, желание ею заниматься. Одной из составляющих готовности В.А. Крутецкий также считает наличие необходимых знаний, умений и навыков в сфере деятельности.

В системе подготовки будущих офицеров вуза к воспитательно-патриотической работе с военнослужащими большое значение имеет их теоретическая и научно-методическая подготовка, правильное понимание сущности патриотизма.

Мотивация в воспитании в своих подчиненных качеств патриота основана на понимании огромной значимости этой задачи для их полноценного духовно-нравственного развития.

Готовность к работе по патриотическому воспитанию является целостным образованием личности будущего офицера, которое содержит в себе методологическую, научно-методическую, мировоззренческую и практическую готовность к данному виду деятельности.

Готовность будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащих Д.Е. Матвеев рассматривает как интегративно-личностное формирование, объединяющее в себе мотивационно-ценностное отношение к этому процессу и профессионально-личностные качества, которые обеспечивают успешность данного процесса, действенное состояние офицера, позволяющее продуктивно использовать систему знаний, умений, навыков для решения проблем, возникающих в процессе формирования готовности будущих офицеров к патриотическому воспитанию военнослужащих [2].

Таким образом, готовность офицера к патриотическому воспитанию подчиненных является результатом обучения и выражается в способности применять на практике полученные знания, приобретенные умения и навыки и решать военно-профессиональные задачи. Сформировать готовность будущих офицеров к патриотическому воспитанию военнослужащих – комплексная задача специальной дисциплины, блока предметов кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, воспитательного процесса и целенаправленной повседневной работы командного и научно-педагогического состава высших военно-учебных заведений [3].

Одна из важнейших задач воспитания патриотизма, воинского долга, преданности Отечеству и формирование готовности будущего офицера к патриотическому воспитанию военнослужащего обращена к пониманию духовных оснований жизни общества и их единства с традициями армии.

Формирование нового типа личности военного специалиста требует разработки современных технологий воспитания, сочетающих жестко действующие рамки нормативно-правовой организации профессиональной деятельности. Необходимо разработать новые принципы взаимоотношений военнослужащих, вырабатывающих сплоченность воинского коллектива и придающих военно-профессиональной деятельности духовное единение.

Военно-профессиональное образование нуждается в активном внедрении информационных технологий с развитием локальных и глобальных информационно-аналитических систем, обеспечивающих эффективное взаимодействие участников образовательного процесса в военном вузе и создания условий, соответствующих современному характеру применения воинских формирований.

Библиографический список:

1. Лурье Л.И. Подготовка военного специалиста нового типа // Педагогическое образование и наука. – 2010 – № 2.
2. Матвеев Д.Е., Беловолов В.А., Жданок А.И. Особенности профессиональной подготовки курсантов военного вуза // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 1.
3. Беловолов В.А. Готовность будущего офицера к профессиональной деятельности как психолого-педагогическое явление // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 9. – С. 41–50.

УДК 355.233.22

В.Ф. Шитик, С.Н. Ильиных

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

shitik9@yandex.ru

**ФИЗИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ МОРАЛЬНО-ВОЛЕВЫХ
КАЧЕСТВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ**

В статье рассматриваются основные пути реализации общей и специальной физической подготовки военнослужащих, специальные средства и методы совершенствования морально-психологических качеств, особенности в управлении процессом физической подготовки.

Ключевые слова: волевые качества, здоровье, психическая устойчивость, учебно-боевая деятельность, физическая подготовка, физические упражнения.

Военно-профессиональная деятельность военнослужащих внутренних войск МВД России несмотря на успехи научно-технической революции в военном деле продолжает сопровождаться максимальными по объему и интенсивности физическими нагрузками, сложностью и многообразием задач в условиях дефицита времени при проведении специальных операций по выполнению боевых и учебно-боевых задач. Военнослужащие зачастую выполняют свои служебно-боевые задачи в экстремальных условиях при воздействии большого числа неблагоприятных факторов внешней среды и профессиональной деятельности [1].

Экстремальные условия воинской деятельности многообразны, но есть необходимость остановиться на наиболее значимых из них, сопровождающихся высоким нервно-эмоциональным напряжением военнослужащих:

- испытание лишений и трудностей, воздействие больших физических нагрузок, связанных с профессиональной деятельностью, которые нарушают установившийся жизненный режим;
- работа в условиях нервно-психического напряжения в связи с интенсивной умственной деятельностью (иногда достаточно длительный период времени);
- условия эмоционального напряжения в результате выполнения необычной, ответственной, трудоемкой работы в условиях дефицита времени;
- работа в условиях воздействия эмоциональных факторов, связанных с массовыми стихийными бедствиями, паникой;
- непривычные условия действий ночью или в условиях ограниченной видимости;
- выполнение задач при неблагоприятных условиях внешней среды и профессиональной деятельности;
- воздействие перегрузок и физической усталости.

Все это составляет предпосылки стресса. Различные экстремальные условия внешней среды и деятельности ведут обычно к стрессу, к неспособности военнослужащих адаптироваться к данным условиям. Такие военнослужащие во время пребывания в районе боевых действий проявляли склонность к неадекватным поступкам: неуместным шуткам, инфантильным действиям. Они нередко без причины смеялись, говорили невпопад.

Военнослужащие должны также быть готовы к действиям в темноте или при недостаточной видимости, обусловленной необходимостью подготовки воздушного судна в условиях недостаточной освещенности, которая может возникать в ночное время в условиях светомаскировки [2].

Учебно-боевая деятельность при подготовке военнослужащих к выполнению боевых задач без моделирования поведения в условиях угрозы для жизни не создает достаточной внутренней мотивации, необходимой для успешного освоения воинской специальности. Фактор опасности, воздействуя на мотивационную сферу военнослужащих, изменяет внутреннее содержание воинской деятельности, придает иное значение всем действиям, изменяя смысл каждого из них для исполнителя. Кроме того при внезапном включении фактора опасности при учебно-боевой деятельности у военнослужащих вырабатывается модель психической деятельности и поведения в экстремальных, опасных для жизни условиях, происходит, на наш взгляд, переадаптация к реальным условиям, что способствует снижению психической напряженности в процессе профессиональной деятельности и успешному адаптационному процессу.

В Наставлении по физической подготовке внутренних войск МВД России (НФП-2005) содержатся указания по организации физической подготовки военнослужащих в краткие сроки (15-20 дней) к действиям в особых условиях. Указано, что физическая подготовка проводится с учетом характера и особенностей боевой деятельности подразделений в условиях, приближенных к боевой обстановке. В учебные занятия должны включаться физические упражнения и действия, способствующие развитию специальной выносливости и формирующие навыки, необходимые для выполнения боевых приемов и действий [3]. Критерием определения физической готовности являются комплексы специальных упражнений, включающие элементы, имитирующие боевую деятельность, сопряженную с выполнением нормативов, дающих основание для определения степени подготовленности военнослужащих к боевой деятельности.

Кроме того, в методических документах даются указания по организации физической подготовки в частях и подразделениях внутренних войск для действий в особых условиях. При подготовке к тактическим учениям или боевым действиям за 2-3 недели в содержание занятий по физической подготовке включаются: марш-броски на 5-15 км с преодолением полосы препятствий. Марш-броски планируются во всех формах физической подготовки и проводятся через день. За 3-4 дня до начала учений (боевых действий) занятия по физической подготовке с высокими физическими нагрузками прекращаются.

Принимая во внимание эффективность такого раздела физической подготовки как рукопашный бой и положительные тенденции по повышению уровня психологической подготовленности курсантов, после занятия по данному разделу есть необходимость создания обстановки максимально приближенной к боевой на учебных занятиях и в спортивно-массовой работе. Такую обстановку можно создать в специально оборудованном зале с использованием средств имитации факторов современного боя.

Попытка использовать содержательный и методический арсенал приемов рукопашного боя в целях формирования психо-эмоциональной устойчивости неизбежно требует решения ряда вопросов. Во-первых, это увеличение времени на обучение и обоснование методики массового обучения военнослужащих сложным двигательным действиям. В то же время, как показывает проведенный анализ, указанная направленность физической подготовки обучаемых является эффективной составляющей их подготовки в последующем.

В рамках обозначенных проблем можно выделить следующие направления их решения: отбор наиболее рационального содержания для обучения; разработка детализированной программы обучения по разделам физической подготовки; выбор оптимальной базовой техники приемов в разделе рукопашный бой; алгоритма тактических ситуаций, отрабатываемых в схватках; обоснование тактических ситуаций с применением имитационных средств во время боевых схваток; обоснование временных рамок для тренировки с использованием такой формы физической подготовки как спортивно-массовая работа.

Таким образом, решение вопросов формирования психо-эмоциональной устойчивости военнослужащих необходимо рассматривать в контексте комплексирования возможностей учебной деятельности по физической подготовке с возможностями спортивно-массовой работы как одной из основных форм физической подготовки во внутренних войсках МВД России [4].

Рассмотрим более подробно влияние физической подготовки на воспитание психологических качеств военнослужащих внутренних войск.

Говоря о значении физических упражнений для совершенствования психологической подготовки военнослужащих на этапах их профессионального становления, следует четко определить их место во всей системе профессионального обучения.

Задачи, решаемые с помощью физических упражнений на занятиях по физической подготовке, должны быть тесно увязаны с задачами психологической подготовки средствами и методами других

дисциплин учебного плана. Эти задачи, как и их объем и взаимообусловленность должны меняться в зависимости от этапа подготовки, уровня развития физических и психических качеств военнослужащих, от особенностей предстоящего этапа профессиональной подготовки. Без учета этих положений, усилиями только одной физической подготовки необходимого результата психической готовности военнослужащих, соответствующего этапу подготовки, достичь невозможно.

Существенным является и то, что только подбором определенных упражнений эффективно развить психические и морально-волевые качества у военнослужащих на занятиях по физической подготовке сложно. Важно методически правильное оформление занятий, вариативный подход к требованиям выполнения упражнений, последовательность и компоновка их выполнения [5].

Возможностей для применения физических упражнений в психологической подготовке военнослужащих много, значительно больше, чем отводимого на это времени, поэтому важно определить, какие психические качества, каким образом и у кого конкретно необходимо развивать. Поэтому обязательным элементом в планировании физической подготовки военнослужащих является анализ работы военных специалистов в различных ситуациях, чтобы выяснить особенности в их деятельности и подобрать физические упражнения для занятий.

Физические упражнения могут применяться как в целях общей, так и специальной психологической подготовки. Физические упражнения, используемые для общей психологической подготовки, как и приемы и методы других разделов профессиональной подготовки, должны обеспечивать формирование и совершенствование морально-волевых качеств, необходимых для действий военнослужащего в бою независимо от его воинской специальности или этапа профессионального становления [6].

В интересах психологической подготовки может использоваться практически весь набор физических упражнений, которые описаны в НФП – 2005 года и в других учебных пособиях. Но для этого необходимо соблюдение следующих требований при проведении занятий:

- усложнение учебных задач, которые должен решить занимающийся при выполнении уже разученных упражнений;
- приобретение опыта работы в состоянии нервно-психического напряжения с элементами оправданного риска;
- выполнение физических упражнений при воздействии факторов, характерных для учебно-боевой деятельности и экстремальных ситуаций;
- овладение широким кругом навыков действий в экстремальных ситуациях.

Для воспитания и совершенствования волевых качеств может быть также применен ряд специально направленных упражнений и методических приемов. Так, например, можно, после предварительной подготовки места занятия, разрешать обучаемому самому сделать выбор, каким образом преодолеть трудное и опасное препятствие, а также использовать следующие приемы, эффективные в воспитании волевых качеств:

- изменение условий, определяющих степень опасности и трудности упражнений (высота, скорость, пространственное положение, длительность, среда и другие);
- разъяснение задач тренировки при выполнении опасных упражнений;
- рациональная организация повторения упражнений при обязательном условии окончания тренировки только при условии успешного их выполнения.

Необходимые методические приемы должны использоваться в единстве, систематически, в соответствии с поставленными конкретными задачами психологической и физической подготовки.

Основные пути реализации специальной направленности физической подготовки теоретически обоснованы, а многие из них и практически проверены в ходе опытных работ или повседневного воинского обучения и воспитания. Главный вывод, сделанный по результатам научных исследований и практики войск, состоит в том, что специальные задачи должны решаться на основе общих, в тесном единстве с ними на протяжении всего процесса физического совершенствования военнослужащих. Поэтому при обосновании и рассмотрении различных путей решения специальных задач наиболее правомерным является выделение не общей и специальной физической подготовки военнослужащих, а общих и специальных средств и методов их физического совершенствования, особенностей в управлении процессом физической подготовки.

Библиографический список:

1. Наставление по физической подготовке во ВВ МВД России (НФП ВВ). – М.: Магистр-центр, 2005.

Гуманитарные проблемы военного дела

2. Евдокимова О.М. Особенности восприятия интенсивности физической нагрузки у лиц, не занимающихся спортом, и спортсменов: Дис. – СПб., 1994.
3. Наставление по физической подготовке во ВВ МВД России (НФП ВВ).
4. Марищук В.Л. Психолого-педагогические аспекты физической подготовки. – Л.: ВДКИФК, 1985.
5. Матвеев Л.П. Теория и методика физической культуры. – М.: Физкультура и спорт, 1991.
6. Родионов А.В. Психологические основы тактической деятельности в спорте // Теория и практика физической культуры.– 1993. – № 2. – С. 7-9.